

The background of the cover is a soft, ethereal landscape. In the upper center, a castle with several spires and towers is perched atop a mountain peak, partially shrouded in mist. The sky is a pale, hazy blue. Below the castle, the mountain slopes descend, covered in dense, dark green forests. The overall mood is mysterious and romantic.

УБЕЙ МЕНЯ НЕЖНО

ВАКИЛОВА ЮЛИЯ

Annotation

В мире, где идет война между людьми и вампирами, никогда не протягивай руку помощи врагу. Эту нехитрую истину не посчастливилось проверить на себе человеческой девушке, спасшей умирающего вампира. Но едва ли наивная принцесса могла представить тогда, какую цену ей придется заплатить за этот поступок. И насколько безжалостной окажется благодарность врага...

- [Убей меня нежно](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)

- [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)
 - [Эпилог](#)
-

Убей меня нежно

Юлия Вакилова

Дизайнер обложки Лена Павлова

© Юлия Вакилова, 2017

© Лена Павлова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9704-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Девушка бежала по лесу, не разбирая дороги; мелкий дождь оставлял влажные следы на одежде, ветки хлестали по лицу, но она не замечала ничего. В тот момент ей хотелось лишь одного: оказаться как можно дальше от тронного зала, забыть, стереть из памяти сухой и скрипучий голос советника отца, сообщавшего неутешительные вести с поля битвы. Человеческое войско потерпело поражение. Больше половины воинов уже никогда не вернутся домой, а многих так и не смогли отыскать. И одним из пропавших стал обожаемый старший брат Трианы, единственный, кто её по-настоящему любил и опекал, невзирая на запреты и порицания отца...

«Мой славный Дэйк», — я с тоской шептала родное имя, ловя пересохшими губами редкие капли дождя. Обычно даже простое звучание имени брата дарило умиротворение и наполняло сердце теплом, но сейчас от него веяло отчаянием. «Как же мне тебя не хватает! Я знаю, точно знаю, что ты жив, что мы обязательно еще встретимся!» — я твердила себе вновь и вновь, всей душой желая в это поверить.

Война... Насколько безразмерной была сейчас моя ненависть даже к одному этому слову, за которым скрывалась бездна боли и отчаяния! Не было и не могло быть оправдания виновнику, человеку, её развязавшему, — пусть даже он приходится мне родным отцом.

И прежде люди и вампиры редко жили в мире — так уж постаралась природа, создав и наградив человеческие создания тем, что было столь необходимо вампирам, — кровью. Хищники и их жертвы по определению не могли сосуществовать мирно, но только во времена правления Киарана де Леона пропасть между двумя народами разверзлась в настоящую бездну.

Война началась давным-давно, когда я была ребенком, и потому неудивительно, что воспоминаний о том времени у меня не осталось. О причинах её я знала лишь по многочисленным рассказам придворных учителей, и официальная версия гласила, что вампирские войска без предупреждения, нарушив хрупкое перемирие, вторглись на территорию нашей страны, подчистую вырезав сразу несколько приграничных городов. Однако существовала неприглядная изнанка, в которой мой отец играл ключевую роль. Об этом мне удалось узнать, как-то услышав разговор слуг, которые не знали, что их юная госпожа не заснула, как им думалось, а прислонила ухо к дверной щели и жадно слушала. Семья одной

из служанок проживала в одном из тех городов, что были уничтожены при нападении вампиров. Сквозь тихие женские рыдания прорывались торопливые слова, и их ужасающий смысл заставил испуганную меня примерзнуть к месту, забыв даже о страхе быть обнаруженной. Король Киаран, при восхождении на престол обещавший сохранить и приумножить наследие своего отца, положившего жизнь на достижение перемирия с врагами, со временем позабыл про все свои клятвы. И в один из дней, для многих жителей озаменовавший конец спокойной жизни, он повелел собрать всех годных по возрасту и силе мужчин, способных держать оружие в руках, и отправил их на верную смерть.

Это ошеломляющее воспоминание врезалось в детскую память, оставшись невероятно четким даже спустя прошедшие годы.

Что могло заставить отца решиться на подобное безрассудство? На что он надеялся? Неужели поддержка короля соседнего государства — весьма слабого и нерешительного союзника, как показала практика, — заставила его поверить в собственное всемогущество?

Я часто пыталась понять тот роковой для страны ход мыслей короля, задумчиво глядя, как он распекает очередного командующего армией, менявшихся так часто, что я даже не успевала запомнить их лица. Ведь когда-то он казался своим подданным мудрым правителем, достойным наследником своего отца, — что же заставило его так сильно измениться?

Как бы то ни было, вампиры не простили людям вероломства. После этого нападения на страну обрушилась орда врагов, более не ограничивающихся условиями мирного договора. Дети, женщины, старики — враги забирали всех без разбора, кого-то выпивая прямо на месте, в собственных жилищах, а кого-то забирая с собой в качестве живого корма, и неизвестно, какая из частей была милосердней. Приграничные поселения опустели, люди боялись селиться на севере, и через страну хлынул поток беженцев. Удивительно, но вампиры не ставили целью уничтожить всех, точно играясь с людьми и наслаждаясь их ужасом: они нападали то на одну часть страны, то на другую, вырезая целые города, но непременно оставляя кого-то в живых, дабы те могли донести до столицы ужасающие вести, однако до самой сердцевины страны, до главного города никогда не доходили. Поговаривали, что причина такому поведению — постоянные распри между многочисленными вампирскими кланами, изнутри вносящие раскол в стан противника.

С момента начала войны прошло больше десяти лет, и за этот срок страна погрузилась в хаос и нищету. В последнее время все чаще стали

звучать сообщения о появлении врагов в опасной близости к столице, но зная усиленно делала вид, что все в порядке, и лишь спешное переселение семей придворных в окруженный стеной город заставляло подозревать об истинном плачевном состоянии дел. Появлялись те, кто требовал от короля принять меры и положить конец кровопролитию, но их голосов было недостаточно, чтобы заставить правителя к ним прислушаться.

Этой информацией щедро делился мой верный друг, кто единственный сумел увидеть за громким титулом принцессы меня саму. Меллан прислуживал в конюшне, заботясь о лошадях с таким желанием и отдачей, что даже суровый старший конюх благосклонно относился к парню, позволив тому поступить на службу в королевские конюшни. Смуглый, высокий и гибкий, словно тростина, Мел постоянно находился в курсе всех новостей, поражая меня осведомленностью и собственным мнением, зачастую идущим вразрез со всем, что до меня усердно пытались донести учителя.

За этими безрадостными размышлениями я и не заметила, как забрела в самую глухую часть парка, вот уже несколько лет старательно избегаемую всеми королевскими садовниками. Слуги пользовались рассеянностью короля, все свое внимание уделявшего лишь войне и только ей, и потому и сад, и прилегавшие к дворцу территории — и даже сам королевский дворец! — обслуживались с откровенной ленью.

Этот лес совсем не походил на излюбленные мной златолиственные рощи, в которых так приятно было гулять осенней порой. Скорее напротив: деревья здесь тянулись изломанными силуэтами к грязно-серому небу, редкие кусты чахлой травы совсем не скрывали пересохшей и потрескавшейся проплешины земли. Если бы не отчаяние, овладевшее мной из-за подслушанной новости, я бы не забрела так далеко.

Остановившись, я растерянно огляделась, отмечая, что в этом унылом пейзаже сегодня было что-то не так. Сломанные ветки, беспорядочные следы лошадиных копыт красноречиво свидетельствовали, что совсем недавно здесь произошла яростная схватка. И это неподалеку от королевского дворца!

Королевской дочери менее всего пристало находиться здесь, и еще менее — делать то, что сделала я, однако чрезмерное порой любопытство всегда было моей слабостью. И главной бедой, как любил приговаривать король в те редкие минуты, когда замечал меня.

Осторожно обогнув ближайшие деревья, я сделала робкий шаг вперед — и потрясенно замерла от увиденного.

В самом центре поляны на пожухлой осенней листве беспомощно распростерлись тела отцовских воинов, навсегда застывшие в причудливых позах смерти. Покореженные доспехи не смогли уберечь своих хозяев, глубокие раны зияли на останках мужчин, и от вида развороченной плоти к моему горлу вдруг подкатил тошнотворный комок. С какой силой нужно было вонзить меч в человеческое тело, чтобы он сумел пробить плотную пластину металла и выйти насквозь?

С трудом оторвав ошеломленный взгляд от воинов короля, я увидела чуть в стороне, прямо на орошенной людской кровью пожухлой траве несколько других тел. Вот только принадлежащих отнюдь не людям, а их главным врагам — вампирам.

Я несмело шагнула вперед, чтобы приблизиться и как следует рассмотреть тех, кем с детства пугают всех человеческих детей, но внезапно пришедшая мысль заставила остановиться: произошедшее недолго пробудет тайной, и совсем скоро здесь могут появиться люди отца, встречи с которыми мне никак нельзя было допустить. Ни к чему было сейчас давать королю лишний повод обвинить свою нелюбимую дочь в непослушании, а то и в попытке измены — в зависимости от того, насколько дурным окажется настроение владыки. А после увиденного мной здесь оно по определению не сможет быть хорошим.

Впрочем, моя заминка продлилась ненадолго. Разве можно было побороть желание хотя бы одним глазком взглянуть на врага, о котором я слышала столько ужасающих историй, но которого не видела никогда в жизни? Я вот не смогла.

Осторожно обойдя тела королевских воинов, я робко подошла к двум неподвижным фигурам, казалось, навсегда замершим в агрессивных позах, стремясь до последнего защищать своего господина. Богатая тяжелая кольчуга первого была пронзена и порвана копьем, на лице запеклись полосы крови — прежде я слышала, что кровь вампиров синего цвета, потому с любопытством вгляделась, отстраненно подумав, что Меллон будет разочарован, узнав правду.

Интересно, как же людям все-таки удалось победить? Все ли воины короля погибли в этой схватке или же кто-то сумел уцелеть и сейчас находится на пути к своему господину, чтобы доложить о произошедшем нападении? Эта мысль заставила меня заторопиться, дабы успеть вернуться во дворец прежде, чем меня обнаружат.

Я бросила короткий взгляд на второго вампира, уже предчувствуя, что увижу, однако крохотная деталь, прежде ускользнувшая от внимания, вдруг заставила меня отшатнуться. Я в ужасе прижала ладонь ко рту, ловя

потрясенный вскрик, готовый сорваться с губ. Увиденное настолько противоречило всему, что я слышала о поведении врага, что в первый миг даже подумалось, что зрение, наверное, подводит меня. И белые трилистники, слабо мерцавшие на груди вампиров, — всего лишь плод чересчур богатого воображения. Но увы. И второй, и все последующие взгляды подтвердили немыслимое. У каждого из врагов на груди находился знак, символизирующий мирные помыслы и отсутствие захватнических намерений.

Я почувствовала, как меня вновь охватывает чувство бессильной ярости, непонимания и гнева, вызванные коварством отца. Сколько раз я становилась бессильным свидетелем его жестокости, и всякий раз я думала, что поразить сильнее он меня уже не сможет. Но король вновь и вновь доказывал мне, как я ошибалась.

Неужели вампиры прибыли на нашу землю с целью переговоров? Возможно даже для заключения столь необходимого перемирия? Но король Киаран вероломно решил избавиться от них, нарушив тем самым негласное правило, главный военный закон — никогда не нападать на тех, кто пришел с миром. Я могла лишь гадать о причинах, побудивших отца вновь совершить столь низкий поступок, но скорее всего нежелание признавать поражение сыграли с его разумом злую шутку. Меня давно посещали смутные опасения, что за годы непрерывных сражений король давно уже потерял былую хватку и острый ум, которым когда-то славился. И более того — не раз и не два в помутневших от времени глазах короля мне чудились отблески безумия.

Однако отец явно недооценил силы противника — даже целый отряд элитных воинов, специально натасканных на истребление народа тьмы, оказался бессилён против всего трех представителей этой расы.

Я смотрела на застывшие тела воинов и испытывала жалость, сожаление и скорбь. Последнее чувство относилось не столько к поверженным врагам, сколько к своему народу, которому придется дорого заплатить за совершенную их королем подлость.

Внезапно прямо за моей спиной раздался протяжный стон. В первое мгновение я испуганно отшатнулась, не понимая, как такое возможно, а затем, осознав, что кто-то из вампиров еще жив, совершила непростительную, вопиющую глупость, за которую, наверное, король Киаран голыми руками задушил бы безрассудную дочь.

Но в ту минуту мне было безразлично все на свете: мнение отца, узнай он о моем поступке, последствия этого спонтанного порыва, и даже то, что по определению чудом оставшийся в живых вампир — мой заклятый враг.

Единственное, чего мне отчаянно хотелось в эту минуту, — чтобы план короля провалился, и этот иноземец выжил! И я была полна мужества приложить для этого все усилия.

Итак, я бросилась к вампиру, полная намерений сделать все, чтобы ему помочь, но стоило мне взглянуть в бледное лицо воина, как моя воинственная решимость улетучилась, оставив вместо себя искреннее потрясение.

Отчего? Да потому что даже на краю жизни и смерти, в окровавленных доспехах и с зияющей раной на груди он был пугающе красив. И это неожиданное открытие заставило меня растеряться.

«Разве это справедливо — наделить живое существо столь совершенной красотой?» — оторопело размышляла я, разглядывая четкие линии лица, светлую кожу, в эту минуту казавшуюся мертвенно-бледной, широкие скулы, темные взлохмаченные пряди, закрывавшие высокий лоб.

Еще ни один человек не вызывал во мне таких странных чувств. Казалось, я могу стоять здесь целую вечность, просто наблюдая, впитывая в себя каждый изгиб, каждую черту. От вампира за милую опасность, но даже это не могло заставить меня отступить. Будучи не в состоянии совладать с собой, я осторожно протянула руку к его лицу, желая узнать, какова его кожа на ощупь: так ли она гладка и прохладна, как и на вид, — но в этот момент враг резко открыл глаза.

Несмотря на далеко не юный возраст — мне уже исполнилось восемнадцать, — я всегда казалась младше своих лет. Это и неудивительно: хрупкая фигурка, копна темных волос и просто вселенская неуклюжесть! Действительно, не проходило и дня без очередной травмы, все во дворце знали об этом и тихонько посмеивались, а придворный лекарь сколотил неплохое состояние, каждый раз врачую мои синяки и ушибы. Один лишь Дэйкас искренне беспокоился и заботился обо мне, защищая перед отцом, который как-то после очередного неудачного падения грозился запереть меня в башне.

Отец.... Почему же так получилось, что мы с ним совершенно чужие? Может от того, что супруга давно покинула его, и, глядя на ее миниатюрную копию, он каждый раз вспоминал о ее предательстве? Или из-за того, что дочь не оправдала ожиданий и не собиралась становиться безвольной пешкой в его политических играх? В любом случае, наши отношения превратились в открытое противостояние, и обратного пути уже нет. Если бы не навязчивая одержимость войной, король давно бы выдал меня замуж и отправил куда-нибудь с глаз долой, но мне везло: слишком занятый сражениями и битвами, отец едва ли помышлял о браках для своих

отпрысков. Конечно, это везение не могло длиться бесконечно, и я могла лишь надеяться, что когда-нибудь избранный им мужчина окажется добр ко мне.

Но сейчас, заворожено глядя в пронзительно черные глаза незнакомца и практически утопая в их беспросветной мгле, я внезапно подумала, что если бы хоть один из моих так называемых поклонников обладал подобным взглядом... В этот момент, не позволив мне додумать эту странную мысль, на искривленном от боли лице вампира промелькнула слабая презрительная усмешка. Испытываемое потрясение легко читалось в моем взгляде, и, похоже, я была далеко не первой человеческой девушкой, очарованной внешностью врага.

Именно осознание этого факта и помогло мне собрать остатки воли в кулак и сосредоточиться на главном. Нет, я не хотела становиться предательницей своего народа, но и оставить беспомощного раненого — пусть и врага — не могла.

«Это просто чувство вины за вероломство отца», — убеждала саму себя, пытаюсь приподнять далеко не эфемерное тело вампира. «Мне совершенно нет дела, какие у него глаза», — продолжала тихо бубнить себе под нос нелепые оправдания, которые вампир уже не мог слышать: предмет моих размышлений некоторое время назад потерял сознание, по-видимому, не выдержав такого обращения с его драгоценной персоной. Но я действительно не смогла придумать ничего лучше, кроме как спрятать вампира в укромной пещере, где в детстве я часами пряталась от надоедливых нянюшек и кормилиц. Пещера эта располагалась не так далеко отсюда, в южной части парка, однако главной проблемой оставался вопрос, как переместить туда врага. Решила я его незамысловато: ухватив поудобнее мужчину за руки, я тянула его за собой, надеясь, что подобный способ транспортировки не усугубит его ранение.

Спустя час такого передвижения по осеннему лесу я могла лишь мечтать хотя бы о минутной передышке: руки и ноги болели с непривычки, а наряд для прогулок давно потерял былую нетронутость и сейчас представлял собой жалкое зрелище. Однако страх быть обнаруженной королевскими воинами не позволял останавливаться, понуждая с трудом, но снова и снова передвигать ноги. Наконец, неподалеку показались силуэты двух раскидистых деревьев, еще не сбросивших золотистую листву, и это открытие придало мне сил. Они росли у самого входа в пещеру, надежно скрывая его от постороннего взора, и, значит, я была у самой цели.

Пещера ничуть не изменилась за то время, что я не приходила сюда,

лишь только прибавилось паутины по стенам да пыли на холодном каменном полу. Когда-то я, прячась от назойливых нянек, притащила грудку одеял, мечтая провести здесь ночь, но время отнеслось к ним без жалости, превратив когда-то добротную ткань в ворох полуистлевшего тряпья. Однако выбора не оставалось: из последних сил я затащила бесчувственное тело вампира внутрь и с облегчением оставила его прямо в тряпичных останках, сопротивляясь желанию рухнуть прямо на пол.

«Триана, сейчас никак нельзя расслабляться», — подбадривая саму себя, я осторожно спустилась к небольшой низине у дальней стены, где когда-то пробежал небольшой ручеек, проложивший свой путь сквозь камни. Мне повезло, и он все еще оставался здесь, заметно раздавшись вширь за время моего отсутствия.

Жадно прильнув губами к прохладной воде, дарившей столь необходимые сейчас силы, я не останавливалась до тех пор, пока не поняла, что уже утолила жажду. И теперь настала пора позаботиться о раненом вампире, ведь совсем скоро люди отца начнут выяснять, удалось ли им воплотить свой подлый план в жизнь, и, не обнаружив одной из цели, начнут её искать. А уж следов после моего неумелого перемещения вампира осталось предостаточно.

Сделав глубокий вздох, я вернулась к раненому, неподвижно лежащему на том же самом месте, где его оставила. Оглядев мужчину растерянным взглядом, я решила начать с кольчуги. С ней пришлось изрядно повозиться, и когда, наконец, плотные звенья распались, позволив металлической сетке распасться, обнажив широкую грудь, все мои пальцы оказались стерты до крови.

Осторожно опустившись на колени рядом с вампиром, я сдвинула в сторону обрывки когда-то явно богатого камзола и испуганно замерла, боясь прикоснуться к огромной рваной ране на его теле.

«Триана, тебе ведь не впервой видеть раненого — пусть и не совсем человека... Сколько раз за последнее время ты помогала лекарю при операциях, лечила, делала припарки и микстуры?» — я мысленно успокаивала саму себя, пока руки ловко делали свою работу: убирали обрывки ткани из раны, осторожно протирали прохладную бледную кожу повязкой, которая еще час назад являлась частью моей нижней юбки.

А между тем я со страхом замечала, как вампиру становится все хуже: лицо приобрело серый землистый оттенок, дыхание стало совсем редким и прерывистым, мужчина до сих пор не приходил в сознание, что было совсем дурным знаком... Как же в тот момент я жалела, что так мало о них знаю! В памяти мелькали лишь обрывистые упоминания о том, что они

не бессмертны, обладают силой, большей чем человеческая, питаются кровью...

Кровь! Вот ключевое слово!

Я даже вскочила на ноги, радуясь найденному выходу.

Но как только на место возбуждению пришло осознание, как именно мне предстояло поступить, радость от открытия бесследно испарилась. В растерянности остановившись в центре пещеры, я молчаливо смотрела на своего врага, пытаюсь найти причины, почему же не могу просто взять и оставить его здесь? Он — враг, и я не должна была даже пытаться спасти его, но отчего же тогда гляжу на него и понимаю, что уже давно приняла решение и сделаю все, что в моих силах, для того, чтобы он остался жив?..

Точно наблюдая эту картину со стороны, я видела, как бледная, словно полотно, темноволосая девушка робко приблизилась к неподвижному мужскому силуэту и опустилась подле него, трясущимися руками достала из-за пояса мужчины кинжал, украшенный драгоценными камнями, и медленно поднесла к своему лицу.

На меня, отражаясь в серебристом блеске металла, в упор смотрели знакомые темные глаза, в которых читался молчаливый вопрос: сумею ли? Не дав себе времени на раздумья, я резко полоснула по запястью. Кровь — горячая, густая — тяжелыми каплями заструилась по руке, оставляя алые дорожки на коже. Отогнав уже ненужные в этот момент сомнения, я приблизила запястье к губам вампира, надеясь, что не опоздала.

Я чувствовала, как стремительно стучит мое сердце, отсчитывая секунды.

Одна.... Вторая... Третья...

Вампир лежал столь же неподвижно и безучастно, и лишь его хриплое дыхание раздавалось под сводами пещеры. Я сглотнула, чувствуя, как непрошенные слезы комом стоят в горле.

Секунда... Еще одна...

Одинокая слезинка, не сдержавшись, все же скользнула по моей щеке, оставив влажный след, чтобы упасть на плечо мужчины.

Удар сердца... Еще один...

Кажется, прошла целая вечность до того момента, когда вампир слабо пошевелился и, наконец, приоткрыл свои губы, позволяя моей крови струйками бежать по ним.

Я облегченно улыбнулась, наблюдая, как мужчина с видимым трудом распахнул мутные глаза, первые мгновения, по-видимому, не понимая, где находится и что с ним.

Мелькнула мысль заговорить с ним, рассказать, что он в безопасности,

и я хочу лишь помочь ему, но враг, которого я столь усердно спасала, не позволил мне ничего больше сделать. Как только его взгляд обрел осмысленное выражение, означавшее, что раненому становится лучше, вампир принялся действовать самостоятельно, грубо и беспощадно.

Неожиданно резким и сильным движением, которое я никак не могла ожидать, он схватил мою руку и рванул к себе, впиваясь зубами в кровоточащую рану.

Вспышка боли и страха ослепила меня. Ужас, беспомощность и обида — все смешалось в один клубок, сплелось и навалилось с такой силой, что единственное, на что я оказалась способна, — это издать слабый стон. Все попытки пошевелиться, вырвать руку из плена оказались напрасны: против этой железной хватки я была бессильна.

Мне оставалось только молиться, но на этот раз лишь о том, чтобы самой остаться в живых...

Глава вторая

Клыки вампира безжалостно впивались в запястье, вытягивая мою жизнь с каждой новой каплей крови, а я ничего не могла сделать, не могла остановить собственное убийство. Злые слезы скатывались по щекам, но я даже не могла стереть их с лица, и могла лишь чувствовать, как с каждым глотком мужчины силы медленно меня покидают, а на смену горечи приходили безразличие и апатия...

Мелькнула сонная мысль, что моя никчемная жизнь закончится столь же бесславно, как и прошла. Что я сумела сделать за отмеренное мне время? Ничего.

Внезапно вампир оторвался от моей руки. Это оказалось неожиданностью — ведь я все еще была жива! — но мелькнувшая сначала мысль, что и врагу не чужда благодарность к своей спасительнице, без следа испарилась в следующее мгновение, когда мужчина резко вскинул голову и прислушался к чему-то снаружи. Я тоже попыталась последовать его примеру, но бесполезно: что бы он там ни услышал, это было слишком тихо для моего человеческого слуха.

Внезапно вампир резко оказался на ногах, и это стало еще одним потрясением — насколько стремительным было его выздоровление! А ведь еще несколько минут назад он находился на грани жизни и смерти, и мысль о невозможности ему помочь горчила на языке и приносила отчаяние. Неужели любой воин их расы мог столь быстро восстанавливаться за счет человеческой крови? Если это действительно было так, то неудивительно, что в этой войне у людей не было никаких шансов на победу.

Я бессильно распростерлась у ног мужчины, но он даже не бросил на меня и взгляда: лицо его было сосредоточено, словно он решал в уме какую-то сложную задачу, а тело напряжено, точно готовясь к бою.

На то, чтобы осознать беспощадную истинность этого предположения, потребовалось всего несколько ударов сердца, за которые враг уже одним стремительным движением оказался на другом краю пещеры, прямо около выхода.

И только в этот момент я услышала знакомые звуки: приглушенные человеческие голоса, осторожные шаги по ковру из листьев, отдаленный лай собак. Мне хотелось закричать от ужаса, предупредить королевских воинов — а это, судя по всему, были именно они! — об опасности, но не осталось сил даже на малейший звук. Кровь из раны

не останавливалась, уже образовав небольшую лужицу на полу, и я чувствовала, как сознание неумолимо гаснет и тускнеет картинка перед глазами, а все звуки становятся далекими и такими нереальными.

Разум бесстрастно отмечал, как мой враг бесшумно скользнул к выходу, а спустя всего несколько секунд тревожную тишину леса разорвал чей-то громкий крик ужаса, тут же сменившийся булькающим кашлем, словно несчастному разорвали горло. После этого воздух словно взорвался звуками: испуганное ржание лошадей, звон мечей, лай собак, предсмертные стоны умирающих людей. Я предчувствовала неизбежный финал этой схватки, и могла лишь беззвучно оплакивать людей, что сейчас умирали по моей вине там, перед пещерой.

Наконец, наступила тяжелая скорбная тишина.

Я, словно в полусне, смотрела на расплывчатый свет, идущий от входа в пещеру, когда его на секунду загородила чья-то тень. Внезапно картинка стала четкой: я беспомощно наблюдала, как мой убийца медленно приближается, но не могла даже пошевелиться, зачарованная его плавными и смертоносными движениями. Опомившись, лишь когда он уже приблизился вплотную, рассматривая свою жертву, я из последних сил подняла голову — и вновь растворилась во взгляде вампира. В его глазах уже не буйствовала беспощадная мгла, как то было раньше. Сейчас в них переливалось расплавленное золото, лился яркий свет, но он не согревал теплом, а обжигал усмешкой и презрением.

Из последних сил стремясь удержаться на грани сознания, я вернула ему полный презрения взгляд, отказываясь услаждать его взор открытым признанием своего поражения. Да, мой поступок оказался сущей глупостью, и последствия его стали роковыми не только для меня, но и для нескольких ни в чем не повинных людей, чьи тела остались лежать перед пещерой. Но я не стану унижаться и молить о пощаде того, кто по определению не может испытывать снисхождение к кому-либо. Никогда раньше я не ощущала в себе королевскую кровь столь отчетливо как сейчас, но пусть лучше мой враг смотрит на меня с презрением, чем с жалостью.

Неизвестно, что именно вампиру удалось рассмотреть в моем взгляде, но выражение его лица на мгновение переменялось. А, может, мне только это показалось? Увы, угасающее сознание с трудом отличало реальность от зыбких видений приближающегося забвения.

В следующий миг под сводами пещеры раздался бархатистый тягучий голос, и я в очередной раз почувствовала легкий укол разочарования: ну почему все в моем враге было совершенно? И облик, и голос — вампир

вполне мог сойти за идеал какой-нибудь романтично настроенной девицы, воспитанной на любовных романах и рассказках подруг — если бы не количество жертв за его спиной.

— Мне следовало бы поблагодарить тебя за спасение, человеческая девушка. Однако того, что я не стану тебя убивать, будет вполне достаточно.

Я смотрела на него изумленными глазами, не веря своим ушам.

Не дождавшись ответа, враг надменно продолжил:

— Люди... Лживые, жалкие существа, не годные ни на что другое, как в пищу! — он зло усмехнулся, став еще больше похож на опасного хищника, кем, по сути, и являлся. — То, что произошло сегодня, еще раз доказало, что верить вам нельзя. Как и оставлять в живых. Так что если у тебя есть хотя бы капля разума, человечиска, то беги, спасайся, пока я позволяю.

— Почему? — хрипло выдавила из себя, не в силах постигнуть его слов. Почему он оставляет мне жизнь, хотя считает причастной к предательству короля и его воинов?

— У тебя плохо со слухом? Я же сказал, что тем самым выражаю свою признательность, — с уже откровенной издевкой продолжил мужчина. — Или тебя не устраивает подобная благодарность? Нужно что-то другое? Извини, я не силен в этих ваших людских традициях.

Он откровенно наслаждался моим замешательством. Под прицелом его взгляда — безжалостного и цепкого — я ощущала себя жалкой мошкой, попавшей в липкую сеть паука.

— Ах да, кажется, я начинаю понимать, что ты от меня ждешь, — его глаза зло смеялись, но выражение лица была непреклонно. — Вы, человеческие женщины, такие предсказуемые... — с этими словами он медленно наклонялся ко мне, пока его глаза не оказались прямо напротив моего лица.

Разум кричал, что я должна отодвинуться как можно скорее, дабы сохранить жалкие крупинки гордости, а душа... Душа застыла в трепетном восторге и одновременно ужасе от того простого факта, что я могу рассмотреть лицо мужчины в мельчайших подробностях. Черные волосы на алебастровой коже так и просили откинуть их, освободить высокий лоб из невольного плена небрежно упавших прядей, полные губы кривились в недовольной гримасе, выражая истинное отношение врага к сложившейся ситуации.

Вампир подступил еще ближе, откровенно наслаждаясь бешеным биением моего пульса, заполнившего, кажется, все пространство ставшей

такой тесной пещеры. Рот мужчины вплотную приблизился к моим губам, и я даже успела ощутить чужое дыхание на своем лице, прежде чем трусливо прикрыла глаза.

Время остановилось. Быть может, в том были повинны события сегодняшнего дня: новость об исчезновении брата, очередная подлость отца, последовавшая за этим открытием попытка спасения вампира, а затем стремительный переход из спасительницы в жертву, — но я уже не могла отличить явь от бреда.

Сознание смешалось, запреты, мораль, страх, чувство вины — все отступило перед ставшим вдруг непреодолимым желанием ощутить вкус первого в моей жизни поцелуя.

Не в силах больше оттягивать этот момент, я робко потянулась своими губами к его... и ощутила пустоту. На то, чтобы осознать, что я только что натворила, ушла всего лишь секунда. И в этот момент раздался холодный смех, прокатившийся по коже мурашками. Распахнув глаза, я увидела, как мужчина, запрокинув голову, громко и презрительно смеется. Никогда в жизни я не испытывала такого сильного желания провалиться сквозь землю, как сейчас. До крови впившись ногтями в ладони, я сдерживалась из последних сил, чтобы не зарыдать в полный голос от унижения и стыда.

— Надеюсь, это послужит уроком. Разве тебя не учили, что принимать поцелуи от незнакомого мужчины — как минимум неприлично? — отсмеявшись, лениво протянул он, выпрямляясь в полный рост. — Считай, я оказался слишком хорошо воспитан.

По-видимому, посчитав наш разговор законченным, враг неторопливо двинулся к выходу. Когда до него ему оставалось сделать шаг, я произнесла глухим и безжизненным голосом в горделиво выпрямленную спину:

— Я вас ненавижу.

Вампир даже не обернулся, хмыкнув:

— Это меня более чем устраивает.

И это стало последним, что я слышала, перед тем, как провалиться в непроглядную тьму, приветливо распахнувшую для меня свои объятия.

Темнота перестала казаться радушной, и только тогда я начала различать слабые звуки, идущие откуда-то извне. Тихие приглушенные голоса где-то рядом, поспешные шаги, отдающиеся гулким эхом в пустом сознании.

Мысли путались и разбегались, воспоминания обрывками кружили в голове, понемногу выстраиваясь в целостную картину: вот я бегу в слезах по лесу, затем появляется поляна с убитыми, раздается чей-то стон, и тогда

я вижу вампира... Разом вспомнив всё, я резко распахнула глаза и немедленно пожалела об этом, — тусклый утренний свет нещадно резанул по глазам, вызывая невольные слезы. Зато знакомая обстановка подействовала умиротворяюще: я находилась в своей собственной спальне, и можно было легко вообразить, что все произошедшее, — всего лишь сон, если бы не наличие сразу нескольких посторонних людей рядом.

— Моя госпожа! Какое облегчение! Наконец-то вы очнулись! — пожилой лекарь засуетился вокруг, меняя прохладные компрессы на моем лбу, не прекращая назойливой болтовни, из которой едва ли я понимала хотя бы половину: — Вы потеряли так крови, что мы уже начали опасаться самого страшного исхода...

— Сколько я находилась без сознания? — я с трудом выдавила из себя всего одно предложение. Слова оцарапали пересохшее горло, точно огромные булыжники, и понятливая служанка тотчас же подскочила, поднося бокал с прозрачной жидкостью. Не передать, каким божественным нектаром в тот момент мне показалась обыкновенная вода!

— Да без малого три дня прошло с того момента, как вас нашли... — на этих словах лекарь внезапно запнулся и совсем невпопад закончил: — Но сейчас вам необходим покой и только покой! Набирайтесь сил, а я пока пошлю кого-нибудь сообщить Его Величеству, что вы наконец-то пришли в себя! Как он будет рад!

Я молчаливо кивнула на эти слова, однако на деле испытывая весьма серьезные сомнения в услышанном. С трудом напрягая онемевшую шею, я проводила лекаря взглядом, и погрузилась в невеселые размышления, не обращая внимания на застывших у стены служанок, готовых подбежать по первому зову. Сильнее всего сейчас меня должен был волновать предстоящий разговор с отцом, ведь наверняка его люди уже восстановили ход событий, и моя роль в них была совсем неприглядна.

Необходимо было собраться с мыслями и придумать, что следовало рассказать королю, когда он явится проведать пришедшую в сознание дочь, однако все мои мысли постоянно возвращались к произошедшему в пещере.

Я снова и снова сгорала в пламени унижения, стоило лишь воскресить в памяти склонившегося ко мне вампира, насмешку, скользнувшую по его лицу и затаившуюся где-то в уголках полных губ, взгляд, полный презрения и самодовольства.

Ну почему из того великого множества мужчин, что мне доводилось встречать во дворце и за его пределами, именно этому вампиру удалось заставить позабыть обо всех правилах и уроках, что с детства вбивались

в голову? Никогда прежде я не вела себя столь безрассудно и легкомысленно, как тогда, в пещере, и осознание этой ошибки прожигало в сердце настоящую дыру. Я всегда считалась разумной и рассудительной девушкой, и сама привыкла во всем полагаться на свой разум! Однако выяснилось, что он может предать свою хозяйку и сделать это стремительно и неожиданно в самый неподходящий момент.

Мои мысленные самобичевания оказались грубо прерваны: резко распахнулась входная дверь, и в комнату уверенной походкой вошел Его Величество Киаран Первый, правитель нашей небольшой страны, пришедшийся мне родным отцом.

Служанки, так же как и я оказавшиеся застигнутыми врасплох, тихо пискнули от неожиданности, и тут же склонились в низком поклоне, не смея поднять головы.

Небрежный взмах королевской длани заставил их выскользнуть из комнаты, оставляя меня на растерзание чудовищу, наделенному властью и короной. Нахмуренные брови и плотно сжатые губы не оставляли сомнений: отец пребывал в ужасном настроении, и причина тому находилась сейчас прямо перед ним.

— Я желаю знать все подробности. Немедленно, — проигнорировав все правила, предписывающие для начала хотя бы поприветствовать дочь, король сверлил меня взглядом, ожидая ответа.

У меня даже не осталось времени, чтобы сочинить мало-мальски годную легенду, а потому пришлось, прочистив горло, начать неуверенно рассказывать, фантазируя на ходу.

— Я так устала от постоянного шушуканья и смеха за спиной во дворце, все придворные думают, что я не замечаю их насмешек, но это не так. Я пресытилась всеобщим вниманием и назойливостью, и захотела пройтись в парке, в одиночестве. Потому и отправила всех дам обратно во дворец, а сама сбежала от них, намереваясь немного прогуляться и вернуться обратно. Но я задумалась и зашла слишком далеко, куда обычно не доходила, — эта часть не слишком отличалась от правды и потому потребовала совсем немного сил, в отличие от того, что должно было последовать за ней. Немного помолчав, я тихо продолжила: — Поняв, что заблудилась, я принялась искать выход, но вместо этого наткнулась на поляну, где произошла схватка. Я испугалась, хотела побежать обратно, но внезапно на меня напал незнакомец, вампир, один из тех, что лежал там. После этого больше ничего не помню, — эта наспех сочиненная ложь далась мне нелегко. Щеки жег румянец стыда, в груди ворочался ком, на лбу, кажется, горело и переливалось издевательское «лгунья».

— И ты думаешь, я в это поверю? — словно в насмешку над всеми моими молитвами король скептически усмехнулся. — Оставленные тобой следы указывают на несколько иное развитие событий.

— Я действительно ничего не помню, отец — с трудом приподнявшись на локтях, из последних сил воззвала к нему я, в глубине души понимая, что тот уже все для себя решил, и осталось лишь подождать пару мгновений, прежде чем он озвучит окончательный приговор. Но все же я не смогла умолчать о главном: — Понимаю лишь одно: из-за меня погибли люди, пусть невольно, но я явилась причиной их гибели, — спустя долгую паузу я призналась, понимая, что не с тем собеседником делюсь мыслями, но отчаянно желая хоть кому-то излить часть своих переживаний: — И никто на целом свете не сможет наказать меня за это сильнее, чем это сделаю я сама.

Брови Киарана Первого сошлись в одну линию. Как и ожидалось, это откровение не произвело какого-либо впечатления на отца. Поджав губы, король, наконец, недовольно заговорил:

— Глупая девчонка! Если бы ты хоть могла знать, какие грандиозные планы нарушила своей самовольной прогулкой! Ты испортила все, что я с таким трудом готовил на протяжении нескольких месяцев.

Повисла тягостная тишина. Я устало опустилась обратно на подушки, желая лишь поскорее выслушать наказание и остаться в спасительном одиночестве. В этот момент в комнате раздался голос короля, подводивший итог:

— Я устал от твоего непослушания, Триана. Ты словно нарочно делаешь все, чтобы вывести меня из себя. В другой раз я бы, может, снова закрыл глаза на это неподобающее для королевской дочери поведение, но только не сейчас, когда на чаше весов находится благополучие моего народа. Заниматься твоим перевоспитанием поздно, потому я принял решение переложить заботы о тебе на плечи кого-нибудь другого. К счастью, такой человек нашелся быстро, и это настоящее благословение небес в ответ на мои молитвы.

Я подавленно молчала, осмысливая услышанное.

— Как только ты окончательно придешь в себя, я отдам тебя замуж за одного из своих вассалов — помнишь Дрогаса? Он смиренно согласился взвалить на себя это нелегкое бремя. Впрочем, если вспомнить трех его предыдущих жен, ему всегда с легкостью удавалось усмирять буйные дамские характеры.

Все, что могла в этот момент я делать, — это изумленно смотреть на отца, отказываясь поверить в эти безумные слова, срывавшиеся с его

губ. Неужели он так просто сможет отказаться от меня? И самой же себе ответила: «Да, сможет», обреченно вспомнив серое морщинистое лицо сэра Дрогаса — одного из самых жестоких подданных короля, по слухам, всех своих жен до смерти запоровшего кнутом. И вероятность повторения их судьбы своей дочерью не пугала повелителя — эту участь я легко могла прочесть на суровом лице короля.

Но прежде я должна спросить его о том единственном, что имело смысл теперь, когда вся дальнейшая жизнь была окончательно определена. О том, что подсознательно не давало мне покоя все это время.

— Ваше Величество, позвольте задать вам последний вопрос?

Он с нежеланием кивнул, точно ожидая, что я наброшусь на него с мольбами о снисхождении и прощении. Но у меня не было сил для этого, все, что сейчас имело значение в моем крохотном опустошенном мире, — это вопрос, торопливо сорвавшийся с губ:

— Есть ли новости об Дэйкасе?

На мгновение я увидела, как веки короля дрогнули, скрывая вспышку боли, пронзившую его при упоминании имени сына. Он даже не стал уточнять, откуда мне стало известно об исчезновении брата.

— Нет.

И он резко вышел из комнаты, оставляя меня в полном одиночестве.

Потянулись серые дни, как один похожие друг на друга.

Я часами просиживала у окна, бессмысленно разглядывая такую с детства привычную картину: королевские воины неспешно тренировались, перекидываясь шуточками и усмешками; между ними, порой рискуя попасть под чей-нибудь разгоряченный меч, сновали расторопные служаки, спешившие по своим обыденным делам. Вокруг конюшни, что находилась чуть поодаль, но была прекрасна видна с высоты моего окна, резво перебирали копытами королевские скакуны, рядом бегали крестьянские дети, то и дело пытавшиеся подкормить их яблоками, несмотря на строжайший запрет главного королевского конюха.

А мне самой так хотелось выбежать на улицу, вдохнуть грудью свежий осенний воздух, улыбнуться последним теплым лучам солнца, в последний раз оседлать мою любимую Зарю! Однако распоряжение отца оставалось в силе: никаких прогулок без сопровождения даже в стенах дворца. А чтобы я не сбежала, у дверей комнаты теперь всегда дежурили королевские воины, подчиняющиеся прямому приказу повелителя, и на меня обращавшиеся внимания не больше, чем на досадную помеху. Ко мне не допускали никого, кроме пары слуг, которые, впрочем, ни разу не произнесли и двух слов, лишь молча приносили еду, забирали подносы

с посудой и делали уборку. Я словно перестала для всех существовать, лишь из окна несколько раз мне удалось увидеть возле конюшен Меллана, но меня юноша разглядеть, конечно же, не мог. Единственным утешением стали книги, которые и спасали в минуты особенного уныния.

Почему все так сложилось? Я раз за разом раскладывала в голове произошедшее на мелкие детали и события, пытаюсь определить тот самый роковой момент, положивший начало концу моего прежнего существования. Какой из поступков оказался решающим? Желание сбежать ото всех и в одиночестве оплакать исчезновение брата? Стремление взглянуть на загадочных воинов-вампиров? Или же настойчивое стремление спасти умирающего врага, пусть даже ценой своего благополучия? В тот момент я не могла знать, какие именно последствия повлечет за собой этот спонтанный поступок, но не могла не осознавать, что отец не оставит произошедшее без наказания.

Впрочем... если бы речь шла только о моем замужестве! В этом случае мои мысли едва ли были бы пропитаны такой горечью. Но стоило закрыть глаза и прислушаться, как, казалось, сквозь привычный шум дворцовой жизни пробиваются совсем иные звуки, которым не было места здесь. Я вновь слышала испуганное ржание лошадей, человеческие крики и стоны, звуки, с которыми умирали пришедшие по моим следам люди.

И неизвестно, как сильно затянула бы меня пучина тоски, если бы не один вечер, разом оборвавший все нити старой жизни.

Как обычно, я сидела в кресле у камина, молчаливо наблюдая за пламенем, пляшущим в очаге, и думала... Думала о пропавшем брате, о выборе отца, о своей жизни, которая так внезапно покатилась под откос из-за одной единственной встречи... Эти мысли стали постоянными спутниками, они сводили с ума невозможность что-либо изменить, заставляя раз за разом переживать тот роковой день.

Не в силах больше выносить гнетущее чувство одиночества и отчаяния, я настежь распахнула единственное окно, и комната мгновенно наполнилась густым дурманящим запахом роз. Из конюшен доносилось беспокойное ржание лошадей — на секунду я нахмурилась, не понимая тревожного поведения обычно спокойных животных, но рассеянно отогнала от себя эти мысли, вернувшись к привычным думам.

На землю медленно опускались сумерки, и во дворе замка уже никого не осталось: сегодня был объявлен очередной праздник, все усиленно делали вид, что никакой войны и в помине нет, и большинство слуг сейчас сутились на кухне и в тронном зале, прислуживая разряженным в пух и прах придворным дамам и их кавалерам. В некоторой степени, я была

даже рада, что сегодня нет нужды спускаться к ним и весь вечер изображать радушную хозяйку, как приходилось делать обычно. Однако несмотря на привычное течение вечера на душе отчего-то было беспокойно: меня не отпускало гнетущее предчувствие надвигающейся беды, липкий страх просачивался тонкой струйкой, заставляя сердце биться все чаще.

Кроваво-алый закат, тяжелые грозовые тучи, идущие с горизонта, еще больше усиливали мою тревогу. Не зная, чем заняться, я устало прилегла на холодную кровать и неожиданно для себя погрузилась в беспокойный сон...

Я бежала по темному мрачному лесу, сбивая в кровь ноги, падая и вновь поднимаясь, спеша скрыться от высокой темной фигуры, преследующей меня. Мое отрывистое дыхание, хруст веток под ногами и одинокий крик птицы — единственное, что прерывало эту густую и вязкую тишину. Внезапно я поняла, что мой враг стоит прямо передо мной, а я сама не могу сдвинуться ни на шаг, обреченно замерев на месте. Вот он медленно подходит ко мне. Его голову скрывает темный капюшон, но мне даже не нужно видеть лица, чтобы узнать. Лишь один вампир вызывал во мне столь противоречивые чувства: первобытный ужас... и непреодолимую тягу...

Я очнулась с тяжело бьющимся сердцем, в первые мгновения не понимая, что за странный звук меня разбудил.

В этот момент во дворе замка раздался одинокий пронзительный, полный страха и боли крик. Стремительно поднявшись с постели, я подбежала к окну. В темном сумраке двора с трудом можно было различить бесшумно скользящие к замку темные фигуры — прямо как из моего сна! — но в их реальности сомневаться не приходилось.

Сердце сжала хватка ледящего ужаса. С трудом подавив рвущийся стон, я бросилась к двери, всей душой надеясь, что воины, обычно стоящие за ней, не ушли праздновать вместе со всеми. Только бы успеть поднять тревогу! Успеть предупредить кого-нибудь!

Увы, моим чаяниям не суждено было сбыться: коридор был пуст, неровные тени от языков пламени факелов зловеще плясали на каменных стенах, усиливая страх.

Внезапно звуки музыки, до этого доносившиеся с первого этажа, где находился тронный зал, резко оборвались, и на несколько секунд воцарилось затишье. Я замерла на месте от обреченного осознания того, что произойдет дальше. Сердце провалилось куда-то вниз в тот же миг, когда зал взорвался миллионами звуков: испуганно завопили женщины,

с тяжелым грохотом рухнули на пол подносы с угощением, закричали дети, залаяли-заскулили собаки.

Подбирая тяжелые юбки, я стремглав побежала к большой лестнице, что вела вниз. Те секунды, что занял этот путь, показались мне вечностью.

Выбежав на площадку, с которой открывался обзор на весь зал, я застыла от ужаса, шокированная открывшимся видом: внизу царил ад. Те самые фигуры в плащах, двигаясь с немыслимой скоростью, набрасывались на растерянных людей, легко преодолевая их слабое сопротивление. Первыми полегли те, кто находился ближе ко входу; многие пытались бежать, но были настигнуты, а затем убиты с беспощадной жестокостью. Человеческая кровь — алая, сверкающая в ярком свете факелов — лилась повсюду, казалось даже, в воздухе повис тягучий чуть солоноватый её запах.

Король и его свита столпились на другом конце зала, с нескрываемым ужасом наблюдая за происходившим. Лица отца мне было не разглядеть, но от напряженной его фигуры веяло отчаянием: он, в отличие от большинства подданных, четко осознавал, за какой именно его проступок вампиры пошли на этот крайний шаг, как и понимал то, что сегодняшней ночью пощады не стоит ждать никому.

В дверях показалась еще одна высокая фигура в черном, в отличие от предыдущих не ринувшаяся нести смерть всем оказавшимся поблизости людям. Нет, вампир вошел последним, и от него веяло опасностью... властью... кровью. Судя по уверенным движениям и тому, как почтительно расступались перед ним прочие воины, он **и** был предводителем сегодняшнего нападения.

Но отнюдь не по этой причине мое сердце пропустило удар. Не узнать этого вампира, даже не видя его лица, было невозможно. Не в силах пошевелинуться, я могла лишь стоять, судорожно вцепившись в гладкие перила, и смотреть на то, как враг неторопливо подходит к моему отцу, откидывая капюшон. Те отчаянные храбрецы из королевских воинов, что попытались помешать приблизиться к своему повелителю, за считанные мгновения были окружены превосходящими их по количеству вампирами. Но я не могла следить за закипевшей схваткой, мой взгляд, точно приклеенный, следил за действиями главного из вампиров, того самого, кого я еще недавно поила своей кровью.

Вот он медленно склонился к белому как мел королю, негромко произнося что-то — лицо отца посерело, черты заострились — а затем со зловещим оскалом хватает его... В этот миг силы меня покинули: отчаяние затопило душу без остатка, я закрыла глаза с такой силой, что

перед прикрытыми веками заплясали радужные пятна, и принялась молиться всем известным и неизвестным мне богам о чуде.

Но в этот вечер все боги оказались глухи.

Легкое дуновение воздуха рядом заставило меня нерешительно раскрыть глаза, чтобы со свистом выпустить воздух сквозь сжатые зубы: незнакомый вампир с горящими глазами и испачканным кровью ртом стоял на ступенях внизу, насмешливо протягивая руку, предлагая самой сделать шаг к нему. Я в испуге попятилась, на что он резко оскалился и неумовимым движением оказался рядом со мной.

Я лишь успела подумать, что вот он — конец, как вдруг по залу пронесся грозный рык, сравнимый разве что с раскатом грома, от которого на миг замолкли все прочие звуки:

— Не трогать! Она — моя...

Глава третья

Нападавший злобно оскалился, но послушаться приказа повелителя не посмел: в следующую секунду он уже находился в противоположном углу, вытаскивая забившуюся в тень девочку-служанку.

Ледяная волна прокатилась по телу, за мгновение выстудив душу и превратив сердце в обмерзлый кусок камня.

На негнущихся ногах я медленно развернулась и взглянула на того, кто только что во всеуслышание заявил своё право на меня. Зал по-прежнему представлял собой иллюстрацию самых ужасных людских кошмаров, вот только происходящих, увы, наяву: те, кто не были убиты в первые мгновения, наверняка горько жалели об этом сейчас. Умереть, даже толком не успев осознать, что происходит, — легкая смерть. Тех же, кто пребывал в сознании и наблюдал за приближением своих убийц, обуреваемый дикий, животный ужас. Он читался на их перекошенных лицах, скользил в скованных, рваных движениях, с которыми они пытались спастись от смерти, убежать, спрятаться, даже прикрыться телами менее расторопных соплеменников.

Человеческие воины продолжали оказывать сопротивление, но хватило и взгляда, чтобы осознать: им не удастся выстоять. Неизвестно, как врагу удалось собрать столько воинов и незаметно провести их в замок, но нельзя было отрицать, что он прекрасно подготовился: не далее как тремя днями ранее король отправил целый отряд элитных, специально тренированных для борьбы с вампирами воинов куда-то к границе. Судя по тому, что мне удалось услышать от вездесущих слуг, именно там ожидалось нападение врага. Если бы только они были здесь! Возможно, все сложилось бы иначе.

Тот, кто привел сегодня смерть, торжествовал. Рот вампира был перемазан кровью моего отца, губы кривились в торжествующей усмешке, а глаза... Глаза горели возбужденным огнем, обжигая меня своим жаром даже на расстоянии. Он медленно выпустил из рук обмякшее тело короля и двинулся по направлению ко мне.

Не в силах вынести этого зрелища, я повернулась и стремительно побежала к своей комнате, ноги машинально делали свое дело, а разум захватила пустота. Одна часть сознания возражала против побега, шепча, что это лишь жалкая отсрочка гибели, и лучше уж умереть без промедления, чем оттягивать неминуемую смерть. Вторая же часть упрямо заставляла тело двигаться вперед, оставшись равнодушной ко всем

рациональным доводам.

Бежать в тяжелом длинном платье было ужасно неудобно. Добравшись до принадлежащих мне покоев, я стремительно ворвалась внутрь, благодаря providению за открытую настежь дверь, которую в порыве ужаса сама же и забыла захлопнуть, выбегая из комнаты несколькими минутами ранее. Сейчас казалось, между этими двумя моментами разверзлась пропасть длиною в целую жизнь!

Захлопнув за собой тяжелую дверь на засов, я без сил прислонилась лбом к прохладному дереву, в очередной раз отчаянно взывая ко всем богам, чтобы все оказалось только сном. За толстой преградой дерева и железа — словно в ответ на мои молитвы — на удивление стояла мертвенная тишина. Ни торопливых шагов, ни зловещего шипения раздосадованного вампира — ничего.

Но не успела я расслабленно повернуться, радуясь своей расторопности, как в этот момент уже знакомый низкий голос медленно проговорил прямо у меня над ухом:

— Вот мы с тобой и встретились вновь, человеческая женщина.

Балансируя на грани обморока, я медленно обернулась, всей душой желая втиснуться затылком в твердую поверхность, слиться с дверью, лишь бы не встречаться взглядом со своим убийцей. Не помогло. Частью дерева мне стать не удалось, а в холодной усмешке врага явственно читалось, что все мои жалкие мысли он наперед предугадывал. Как ему удалось так стремительно оказаться здесь? Стоило признать, я сама себя загнала в эту комнату, как в ловушку, облегчив противнику и без того несложную задачу.

Я подавленно молчала, но ему и не нужен был мой отклик. Вампир упивался моментом своего триумфа, и наличие слушательницы — пусть и невольной — оказалось ему на руку.

— Признайся. Ты ведь думала обо мне? Вспоминала? — я приготовилась услышать о мести, о вкусе победы, о торжестве расы вампиров, если уж на то пошло. Но никак не тех слов, что срывались сейчас с губ моего мучителя. Вспышка удивления на мгновение сумела даже затмить собой прежний липкий страх. — Уверен, что да. Наша встреча была не той вещью, что можно легко забыть, — он неторопливо осмотрел меня с ног до головы, особо наслаждаясь моим лицом, потрясенное выражение которого мне не удалось скрыть.

Смолчать я уже не могла. Мысль, что это будет последней речью, которую я произнесу в этой жизни, лишь подстегнула гнев и желание высказаться.

— Вы... — даже в этот момент я не сумела обратиться к врагу так, как он того заслуживал. — Вы самое ужасное существо из всех, что я когда-либо встречала! Как я сейчас жалею, что спасла вас тогда в пещере! Забыть о вас? Да даже если бы я захотела, последние несколько минут не стереть из памяти! И вашу роль в них. Ну а то, что произошло сегодня в зале не делает вам чести! Даже наоборот: ни один воин не может гордиться такой победой — нечестной и бесславной, — разгоряченная своей яростной тирадой, я не заметила, как начала понемногу наступать на него. — Хотите убить меня? Ну так чего же вы ждете? Сделайте это хладнокровно и жестоко, так же, как убили у меня на глазах короля и всю его свиту!

Какой-то части моих слов удалось совершить невозможное — задеть вампира. В торжествующем взгляде мужчины мелькнула тень, но он, вопреки ожиданиям, удивительно быстро справился с собой.

— Любопытно. Оказывается, даже у такой тихони и паиньки, как ты, имеются когти. Мне нравится это.

И вновь я получила совершенно неожиданную реакцию! Я надеялась разозлить врага, выдав самую эмоциональную речь в своей жизни, чтобы довести его до такого состояния, когда в порыве злости он убьет меня одним движением, не терзая долгими часами мучений. Однако вампир, кажется, разгадал мой замысел в самом начале его претворения. Удивительно, но осознание этого факта пробудило в моей душе новую вспышку злобы. Наверное, в том было повинно одно его присутствие рядом — никогда прежде я не испытывала столь много чувств за одно мгновение.

— Вы что, совершенно не слышали того, что я вам сейчас сказала? Мне безразлично, что вам нравится или нет! Убейте меня. Я не хочу больше оттягивать этот момент, выслушивая ваши речи.

С этими словами я изо всех сил рванула ворот платья, особо не надеясь на успех, но гнев подарил мне силы, о которых я и не подозревала: с громким треском ткань легко поддалась моим усилиям. Однако в своем желании приблизить момент, когда вампир сбросит с себя маску сдержанности, я перестаралась: пойдя по шву прямо по кружевной вставке, так неудачно разделявшей ворот и корсет, платье начало сползать вниз, обнажая не только шею, но и плечи...

Я вспыхнула так, что даже сама ощутила, как побагровело лицо. Враг же только лишь насмешливо хмыкнул, наблюдая за моим смущением:

— Вероятно, теперь у людей под словом «убить» подразумевается нечто совершенно иное. А я-то гадаю, с чего ты так страстно молишь меня

о смерти.

Торопливо подхватив сползающий ворот и стараясь не растерять последние капли достоинства — хоть это и казалось сейчас почти невыполнимой задачей! — я повернулась к вампиру и, глубоко вдохнув, откинула голову назад, открывая незащищенную шею. Он мог смеяться надо мной, сколько захочет, но я больше не могла продолжать этот немыслимый разговор, делая вид, словно мы с ним всего лишь двое случайных собеседников, а не убийца и его жертва. Эта ситуация, томительно тянущиеся мгновения, его нарочитая пассивность и словно миролюбивый настрой... Все это было до такой степени нелепо и наигранно, что даже моё простодушие не могло поверить в разыгрываемую постановку. Чего мой враг ожидал? Зачем тянул время, вместо того, чтобы скорее расправиться с одной из последних жертв? Я вспомнила лицо отца перед смертью и поняла, что в одном я точно ему завидовала сейчас, — он умер быстро.

Мне же такой возможности, увы, не дали. Я стояла в ожидании, покорно запрокинув голову, проходили секунды, а вампир продолжал хранить молчание — и полное бездействие.

Не выдержав, я открыла глаза: мужчина стоял на прежнем месте, и во взгляде его проглядывала холодная насмешка, но никак не желание крови или моего убийства. Он отчетливо наслаждался каждой минутой, проведенной в этой комнате, и не собирался ничего менять. Как только я осознала это, те жалкие крупицы сил, что поддерживали меня сегодня, растворились под гнетом ярости и бессилия. Все, на что хватило меня, — это взглянуть своему мучителю прямо в глаза, вложив в этот взгляд ненависть и презрение, что кипели сейчас в душе.

— Ну что, человеческая женщина, я вижу, ты закончила этот маленький спектакль. Как ты привыкла звать себя?

Я непонимающе нахмурилась, совершенно не поспевая за логикой этого странного вампира. Зачем ему мое имя? Вероятно, отголосок сомнений мелькнул на моем лице, так как собеседник недовольно изогнул бровь.

— Так что? — он переспросил, и мне подумалось, что терпение явно не входило в число добродетелей моего нежеланного собеседника. — Ты говоришь мне свое имя или я выбираю его на свой вкус?

— Триана, — обреченно ответила ему, отчетливо подозревая какой-то подвох.

Кивнув в ответ каким-то своим мыслям, вампир холодно распорядился:

— Сейчас ты следуешь за мной, не задавая вопросов.

— Но как? Зачем? С вами? Куда? — я растерянно взглянула на него, ничего не понимая.

— Слишком. Много. Вопросов. — Раздельно по слогам проговорил он и скривился.

Я ошеломленно смотрела на него, не в силах осмыслить того, что он не собирался меня убивать, по крайней мере, *пока* не собирался.

Но идти с ним? Нет, и пусть я не знала, что ожидало меня здесь, но следовать за ним не собиралась.

— Я никуда с вами не пойду.

Он, не говоря ни слова, медленно подошел ко мне, а затем...

Внезапно отвесил хлесткую пощечину, больше обидную, нежели болезненную.

Никто никогда прежде не смел поднимать на меня руку! Даже отец не снисходил до физических наказаний, предпочитая запираить меня в покоях, и не позволял выходить наружу, пока он не остынет. Но глядя в равнодушное лицо своего врага я невероятно четко осознала — те времена прошли. Труп моего отца остывал сейчас в нижнем зале, знаменуя конец моей жизни во дворце, и надо было раз и навсегда принять этот факт. Как и то, что у вампира имелись на меня какие-то иные планы, и желания выбранной жертвы интересуют его в последнюю очередь.

В подтверждение моих мыслей, мужчина, глядя прямо в глаза, лениво проговорил, отчеканивая каждое слово:

— Не испытывай мое терпение. Ты будешь делать все, что я тебе скажу. Не думай, что если я оставил тебя в живых, то ты можешь пререкаться со мной. Этим ты лишь усугубляешь свое и без того шаткое положение.

Его пощечина горела на щеке, точно клеймо, а злые слова снова и снова раздавались в голове, пока я ругала саму себя, стараясь поспеть за вампиром по столь знакомому коридору. С каждым шагом, приближавшим к зрелищу, что ждало меня в тронном зале, сердце все убыстряло свой ход. Мучитель же, устав от моей медлительности, что-то прорычал сквозь зубы и грубо ухватил меня за предплечье, заставляя перейти на бег.

И в этот момент мы вышли к лестнице.

Я знала, что увижу, пыталась хоть как-то подготовить смятенный разум, но все равно не смогла сдержать поток слез, хлынувших, как только я взглянула вниз. Весь зал был в крови, искривленные обескровленные тела придворных и слуг расprostерлись на полу. Кто-то был еще жив,

но оставшиеся вампиры безжалостно добивали выживших после их страшного кровавого пира. Здесь были все: мужчины, женщины, дети.

Никого в замке не пощадили этой ночью. Никого, кроме меня. Но разве я просила об этом? Нет! Я должна была быть с ними, разделить их ужасную участь. Я с ненавистью взглянула на замершего рядом мужчину, не раз являвшегося мне в кошмарах, замечая, насколько его пьянит вид поверженных противников: торжество читалось в заостренных чертах лица вампира, глаза сияли хищным огнем, губы кривила недобрая улыбка.

— Так будет с каждым, предавшим меня, — негромко произнес он. Едва ли эти слова предназначались мне.

В этот момент от остальных вампиров отделилась женская фигура, в одно мгновение оказавшаяся прямо перед нами, остановившись на последней ступени лестницы. Первое, что бросалось в глаза, — нечеловеческая красота женщины. Безукоризненные черты лица, струящиеся за спиной светлые волосы, нежная кожа и стройное тело были способны очаровать любого мужчину. Единственное, что заставляло поверить в смертельную опасность этой красавицы, — капли крови на светлой ткани, выглядывавшей сквозь распахнутую накидку. Рядом с ней даже самая привлекательная человеческая женщина показалась бы невзрачной простушкой. Окинув меня презрительным взглядом, она обратилась к моему спутнику, перед этим усмешкой дав понять, что ни одна деталь не ускользнула от ее взора: ни спадающее платье, которое я была вынуждена поддерживать одной рукой, ни красный след на моей щеке.

— Мой повелитель, как было приказано, все уничтожены, — с небольшой паузой она добавила, стрельнув в мою сторону глазами. Отчего-то её странный интерес заставлял нервничать. — Кроме одной.

— Хорошо, Аннора. Передай всем, мы возвращаемся домой. Больше здесь делать нечего.

Кивнув в ответ, светловолосая вампирша, тем не менее, не торопилась уходить.

— У тебя остались вопросы?

Она кивнула, не сводя с меня пристального взгляда. Незнакомому чему ухмыльнувшись, стоявший рядом вампир вдруг небрежно произнес:

— Вижу, ты тоже заметила сходство. Повернись ко мне, — этот приказ уже был адресован мне.

По-прежнему мало что понимая, я обреченно повернулась и подняла лицо к нему, надеясь на пояснения.

Вглядевшись, мужчина удовлетворенно хмыкнул.

— Они точно связаны кровными узами. Скажи мне, Триана, имя «Дэйкас» тебе о чем-нибудь говорит?

Кровь отхлынула от лица, мне срочно потребовалась опора, чтобы не покачнуться от налетевшего порыва слабости. Дэйкас? Но откуда вампиру могло стать известно имя брата?

С трудом шевеля ставшими вдруг непослушными губами, я выдавила ответ.

— Он мой брат.

Теперь уже ослабилась блондинка.

— Да? Надо же, какая она невзрачная в отличие от него... Что ж, думаю, ему будет интересно её увидеть.

Закончив этот странный диалог, вампирша мгновенно переместилась к остальным воинам, в тот же момент они двинулись на выход. А я так и стояла, мысленно раз за разом прокручивая только что услышанную беседу, боясь поверить в её ужасающий смысл.

— Ты можешь задать свой вопрос, — раздалось над ухом, но я не могла отвести взгляд от удалявшейся светловолосой макушки. Мысли разбежались в разные стороны, и мне с трудом удавалось не терять связь с реальностью.

Не дождавшись моей реакции, враг картинно вздохнул, возвышаясь надо мной.

— Твой брат жив. Ну или, по крайней мере, существует, как вы это называете. Моя сестра нашла его забавным.

— Подождите... Что вы имели в виду, говоря «существует»? — на то, чтобы выдавить из себя эту простую фразу, потребовалось целых десять ударов сердца. Я мысленно отсчитывала гулкий стук в висках, ухватившись за этот привычный звук, как за спасительную соломинку. Мне отчаянно была нужна, необходима сейчас хоть какая-то опора, способная удержать мой крошечный мир в шаге от разрушения.

— Вы, люди, считаете, что у вампиров нет души. Поэтому мы якобы не живем, а существуем, — он с секундной усмешкой взглянул на меня, прежде чем сухо закончить: — Мы с твоим братом сошлись в схватке, но он потерпел неудачу. Я должен был убить его, однако моей сестре он чем-то приглянулся, и она решила оставить его в качестве домашней зверушки. Теперь он один из нас.

Я почувствовала, как несмотря на все усилия остатки моего мира разбиваются вдребезги. Что-то умерло в моей душе вместе с равнодушными словами вампира, слезы бессилия чертили влажные дорожки на щеках, а рассудок отказывался принять то, во что превратилась

моя когда-то скучная и размеренная жизнь всего за один вечер.

Поэтому почувствовав, как перед глазами все закружилось-слилось в мутную картинку без образов и звуков, я испытала невыразимое облегчение, мгновением позже провалившись в спасительный обморок.

Глава четвертая

Приходила я в себя медленно, с трудом вспоминая все недавние события. На этот раз робкой надежде, что все произошедшее оказалось просто сном, даже не нашлось места в измученном сердце. Слишком остро впился в память вчерашний вечер, слишком свежи были чувства, с которыми мой прежний мир рассыпался на осколки.

До сих пор я не хотела принимать новую реальность, в которой мой брат, мой заботливый и справедливый Дэйкас, стал одним из тех, кого прежде он так люто ненавидел. Но причин не верить словам врага у меня, увы, не было. Остался лишь последний вопрос, но на него получить ответ будет непросто, — для чего понадобилась ему я. Он по примеру сестры — уж не той ли светловолосой вампирши? — тоже решил обзавестись человеческой игрушкой? И по каким неведомым причинам его выбор пал именно на меня?

Будь моя воля, я никогда не захотела бы просыпаться! Уж лучше вечный сон, нежели короткая жизнь в королевстве вампиров. Однако у моего тела оказались свои желания, о которых оно не стеснялось напомнить нерадивой хозяйке. Вчера я так и не удосужилась позавтракать, занятая невеселыми думами, ну а то, что произошло позже, казалось бы, должно было навсегда отбить у меня аппетит. Должно было — но не сумело. И сейчас желудок громко бурчал, призывая вспомнить о его существовании.

Признав его требования справедливыми, я решилась, наконец, познакомиться с ожидавшей меня новой жизнью, какие бы ужасы это не сулило.

Первое, что предстало перед глазами, едва я их осторожно приоткрыла, — тяжелый балдахин над головой. С трудом приподнявшись на мягкой перине, я осторожно спустила ноги с кровати, придерживаясь одной рукой за мягкий полог, и, наконец, оглядела комнату, в которой находилась.

В большом камине весело плясали языки пламени, ступни утопали в пушистом ковре, бывшем когда-то чьей-то шкурой, старинные гобелены сплошь увешивали стены, не оставив открытым ни кусочка камня. На прикроватном столике обнаружился кувшин с водой и стоявшими рядом бокалами, и это было, пожалуй, единственной деталью, свидетельствовавшей о наличии в комнате жильца. Несмотря на чистоту

и очень даже уютную обстановку, складывалось ощущение, словно до меня эти покои были нежилыми.

Единственное окно было занавешено плотной бордовой тканью. Я нерешительно подошла к нему и, собираясь с духом, резко откинула занавеску. Яркий свет ослепил, заставив прикрыть лицо ладонью, но когда глаза к нему привыкли...

Вид, открывшийся из окна, заставил меня замереть от потрясенного восхищения: замок вампиров располагался прямо на краю отвесной скалы, а дальше простиралась зияющая пропасть, черную прожорливую пасть которой я видела даже отсюда. За пропастью виднелись бескрайние поля, на самом горизонте переходящие в узкую синюю полосу. Я прищурила глаза, но видение не исчезало: там далеко-далеко действительно было... море? Несмотря на то, что я никогда не видела его воочию, оно столько раз представало в моих мечтах — бурное, непокорное, с сильными сбивающими с ног волнами! И вот оно было столь близко, но одновременно столь недостижимо...

В этот момент позади раздался чуть слышный звук открываемой двери. Мне потребовались все остатки былой гордости, чтобы обернуться к вошедшему, чьих шагов даже не было слышно, не показав своего страха. Я так боялась увидеть своего мучителя, однако моим визитером оказалась изящно вылепленная хрупкая брюнетка, темные локоны которой вились до самых пят. Два чувства затопили мою душу: восхищенное любование волосами незнакомки, длиннее которых мне не приходилось видеть прежде, и настороженная тревога, которую отныне вызывал у меня любой вампир.

К чести девушки, она не стала долго томить меня неведением.

— Здравствуй, Триана! Рада приветствовать тебя здесь! Как ты себя чувствуешь?

Я чувствовала идущее от нее гостеприимство и радушие, но неожиданная мысль, что если это хозяйка замка, то, значит, перед собой я вижу жену своего врага, заставила нахмуриться. Что со мной происходит? Раньше такого не случалось, чтобы неуместные эмоции так отчетливо брали верх над разумом. И это в сложившейся ситуации, когда прежняя жизнь оказалась в прошлом, а будущее было так неопределенно и туманно! Неудивительно, что моя растерянность вылилась в сумбурный ответ.

— Добрый день. Если мне не изменяет память, то я здесь, скорее, на положении пленницы, а не почетной гостьи. Вам, как хозяйке замка, не пристало так вежливо обращаться с простой пленницей.

Да, я знала, что провоцирую незнакомому мне вампира, но ничего

не могла с собой поделаться. В последние дни я саму себя не узнавала.

Но девушка лишь улыбнулась, демонстрируя прелестные ямочки на щеках, и с легкой укоризной произнесла:

— Дорогая моя. Твой статус здесь волнует меня в последнюю очередь. Для меня ты — гостья. И сейчас я пришла пригласить тебя на обед. Ведь ты, должно быть, страшно голодна, — на этих словах она повернулась к двери и сделала приглашающий жест рукой — Идем!

Прочтя на моем лице вполне очевидные опасения, вампирша подмигнула:

— Не волнуйся, в качестве блюда ты сегодня не заявлена — я проверяла лично!

Про себя поражаясь, как она так спокойно может шутить о таких вещах, я нерешительно колебалась, не зная, можно ли доверять её словам.

На секунду помедлив, девушка обернулась ко мне и лукаво добавила напоследок:

— Что касается твоих последних слов... В этом замке нет хозяйки. Я — сестра Алариса, но никак не его супруга.

Я почувствовала, как симпатия к этой дружелюбной вампирше внезапно переполнила меня, разгоняя страх. *С чего бы это?*

Мы шли по длинным коридорам, освещаемым неровным светом горящих факелов, вбитых прямо в стену. Я шла, то и дело оглядываясь по сторонам на величественные скульптуры и красочные картины, не переставая удивляться про себя: даже во сне я никогда не могла представить себе замок вампиров таким... уютным и красиво обставленным.

А моя спутница продолжала без умолку рассказывать о своей семье. Её звали Антия, и, несмотря на все мое сопротивление, она настаивала, чтобы я обращалась к ней просто по имени. Как я поняла, семья девушки была очень древней и почитаемой, и сейчас во главе рода стоял ее брат, Аларис... Антия продолжала что-то говорить, но я ее больше не слушала — я произносила имя врага про себя, удивляясь тому каскаду чувств, что оно вызвало. Казалось бы, после всего, что он сделал, во что превратил мою жизнь, я должна была его, по меньшей мере, ненавидеть. Должна была — но не могла. Что-то внутри дико боялось, но вместе с тем замирало в ожидании новой встречи. И это внутреннее противоречие сводило меня с ума все то время, пока мы шли в обеденную зону.

Наконец, мы остановились перед массивными дверями — по рассказу этой миниатюрной вампирши я уже знала, что обычно их семья собиралась здесь на ужин.

Ужин...

Я слегка передернула плечами, не желая даже представлять, какие блюда могли присутствовать здесь в меню. К счастью, узнать об этом на практике сейчас мне не грозило: Антия сразу развеяла мои тревоги, сказав, что мы с ней будем только вдвоем, и присутствия остальных членов семьи сегодня не предвиделось.

Я с опаской вошла в комнату вслед за вампиршей, уже не удивляясь изяществу и роскоши обстановки. Огромное витражное окно во всю стену, прямо за которым простиралась пропасть, заставило меня еще острее ощутить чувство нереальности происходящего. Я с трудом подавила желание всем телом прильнуть к тонкому стеклу и попытаться разглядеть, что же скрывается там, в бездне.

За массивным дубовым столом нам прислуживали две служанки, чью острую неприязнь я почувствовала, еще только войдя в комнату. Они стояли возле двери с обманчиво покорным видом, опустив головы при появлении Антии, но стоило переступить порог мне, как флюиды презрения и гнева наполнили комнату. Зато стол девушки накрывали с такой нечеловеческой ловкостью и изяществом, что я не могла отвести глаз с грациозных движений их проворных рук, менявших блюда и подливавших напитки в бокалы. Что именно пила Антия, я не хотела даже интересоваться, зато в моем бокале находилось обычное вино, вкусное даже по людским меркам. Еда тоже приятно удивила: много овощей и отлично прожаренного конского мяса, вкус которого нельзя было перепутать ни с чем иным. В обычное время я старалась избегать есть конину, но сейчас ее присутствие в меню успокаивало. Несмотря на все заверения сестры Алариса подспудно я опасалась, встретить на столе куда более дикие кулинарные экспромты.

Одна из служанок-вампириш **них (лишнее слово)** едва удостоила меня взглядом, что меня полностью устраивало, зато вторая весь обед не сводила прищуренного взгляда ярко-алых глаз. Лишь к концу трапезы, когда они нас покинули, я почувствовала, как напряжение потихоньку меня отпускает. Удостоверившись, что дверь плотно закрыта, я слегка наклонилась к Антии и задала мучавший меня на протяжении всего обеда вопрос:

— Антия, скажи, почему слуги так ненавидяще на меня смотрят? — я поежилась, вспоминая тяжелый взгляд второй служанки, не суливший ничего хорошего.

Может, люди в этом замке — не слишком частые гости? Но откуда столько неприязни и злобы, словно это я была врагом, пришедшим на их территорию и истребившим большинство жителей?

— Триана, постарайся понять, что присутствие в замке человека, — брюнетка чуть замялась, прежде чем продолжить: — не в качестве жертвы, а как гостя или пленника, запрещено. Этому правилу уже много веков, и мой брат стал первым, кто его нарушил. Естественно это вызвало непонимание, но не волнуйся — никто не посмеет причинить тебе вред.

— Но зачем я ему? Ведь если он хотел меня убить, то мог сделать это еще давно. Антия, я ничего не понимаю, — и это было правдой, я действительно запуталась в намерениях своего врага, и то, что он выделил комнату в своем замке, что позволил сестре опекать меня, вносило еще большую сумятицу в мои мысли. — Что ждать впереди?

Собеседница погрузилась, и её огорчение выглядело вполне искренним. Но прежде всего она являлась сестрой моего врага, представительницей народа, о котором я почти ничего не знала, и потому я все равно не могла довериться ей полностью, не могла раскрыться, хоть и очень этого хотела.

— Триана, я действительно этого не знаю. Аларис очень скрытный, и узнать у него что-либо, пока он сам не посчитает должным рассказать, невозможно. Но я очень надеюсь, что он тебя не станет убивать, — тут она мягко улыбнулась. — Я чувствую, что ты появилась здесь неслучайно. Прости, если временами я слишком прямолинейна, но у нас это в порядке вещей.

— Да, я уже убедилась в этом, — хмыкнула себе под нос, не удивленная её словами. Однако был еще один вопрос, который я не могла не задать, даже зная, что едва ли мне ответят. — Антия, пожалуйста, ответь мне на еще один вопрос — это очень важно для меня! Обещаю, что больше не стану спрашивать тебя ни о чем.

Она слегка кивнула в знак согласия, и я, собравшись с духом, выпалила:

— Где мой брат, Дэйкас? Ты его видела? Он здесь? Что с ним теперь будет? Я могу его увидеть?

Но темноволосая девушка, с сочувствием посмотрев на меня, лишь покачала головой:

— Прости, но я ничего не могу тебе рассказать, Триана. Это прямой приказ брата, и я не могу его нарушить. Еще раз прости...

Я лишь помотала головой, боясь, что если промолвлю хоть слово, непролитый поток слез, комом стоявший в горле, прорвется наружу многочасовой истерикой.

Я не хотела, чтобы Антия жалела меня — почему-то жалость с ее стороны задевала даже сильнее, чем откровенное пренебрежение

и жестокость её брата. В этот момент мне хотелось оказаться в своих покоях и вдоволь нареваться в подушку. По-видимому, эти намерения были настолько явны, что Антия, выждав для приличия пару минут, участливо предложила проводить меня в комнату, на что я с облегчением кивнула. Не знаю, сколько времени я провела, захлебываясь рыданиями, когда, наконец, слезы закончились, и я обессилено провалилась в тяжелый нездоровый сон.

Потянулись мучительные дни ожидания: я с тревогой ждала момента, когда мой враг войдет в мою комнату и, наконец, положит конец этому томительному ожиданию.

Мысли о том, что, возможно, это будут мои последние минуты, не пугали — я отчаянно устала от неизвестности. Каждую ночь мне снились кошмары, в которых я раз за разом видела, как вампиры нападают на мой замок, как гибнут мои люди, как умирает мой отец. Но самым страшным было даже не это: в каждом из нападавших мне чудились глаза брата, кроваво-алые от жажды. Каждый раз, просыпаясь от собственного крика, я желала, чтобы мои мучения прекратились. И если это означало, что придется попрощаться с жизнью, — я была готова заплатить эту цену.

Антия, как могла, старалась утешить и подбодрить меня, но она была бессильна против приказов своего брата. А их было немало: мне запрещалось покидать замок, заходить в большинство из помещений, разговаривать со слугами, спускаться в подвалы. И хотя у меня самой не было ни малейшего желания даже смотреть на слуг или находиться где-либо, кроме своей комнаты или библиотеки, все равно каждый раз сталкиваясь с очередным запретом, я испытывала прилив дикой ярости на того, кто даже не соизволил сказать мне пары слов с момента моего нахождения здесь.

Главу вампиров (даже в мыслях я не могла называть его по имени) я встречала несколько раз, каждый из которых заставлял мое глупое сердечко сжиматься в порыве не то радости, не то ужаса. Как правило, он выходил из зала совещаний, в то время как я в сопровождении Антии направлялась на обед. Увы, но мой враг обращал на меня внимания не больше, чем на бездушную вещь или деталь интерьера. Пару раз его сопровождала незнакомая статная вампирша, равнодушное лицо которой не столько поражало красотой правильных черт, сколько отталкивало надменностью.

В первое время я сама старалась не попадаться на глаза врагу, съеживаясь в комочек от одного только его присутствия. Но осознав, что он меня, кажется, даже не замечает, стала, не скрываясь, проходить мимо него, жадно рассматривая знакомые черты. Каждый раз при виде вампира,

с невозмутимым видом выходящего из комнаты, мое сердце на мгновение замирало, чтобы после пуститься в бешеную скачку. Эти встречи стали единственным, что хоть как-то оживляло мое безрадостное существование в замке вампиров. Но это не могло продолжаться вечно.

Однажды ночью, привычно проснувшись в слезах после своего еженощного кошмара, я долго лежала в постели, уже, скорее по привычке, пытаюсь придумать хоть какой-нибудь выход. Временами мне казалось, что одни и те же повторяющиеся неотступные мысли натерли кровавую мозоль в сознании и продолжали все еще вертеться в голове, причиняя боль и не давая отвлечься. Перемалывая и пережевывая воспоминания о случившемся, я постоянно убеждалась, что не могла поступить иначе. И это понимание причиняло боли не меньше, чем физическая рана, ведь на проверку получалось, что я — конченная идиотка? Коль даже осознавая фатальные последствия своего поступка, все равно в мыслях не допускала иного исхода.

Вконец отчаявшись заснуть, я все-таки решила наведаться в библиотеку, чтобы взять новую книгу — прежнюю как раз дочитала этим вечером. Прежде я никогда не выходила из своих покоев по ночам, но необходимость оставаться в комнате тяготила гораздо сильнее, чем страх нарушить приказ главного вампира.

Осторожно отворив дверь и убедившись, что коридор пуст, я крадучись двинулась по направлению к библиотеке, прислушиваясь ко всем звукам. Порадовавшись в глубине души, что в этот поздний час все обитатели замка, похоже, давно разошлись по своим спальням, я, наконец, достигла цели своего ночного путешествия. С облегчением приоткрыв тяжелые двери библиотеки, я осторожно проскользнула внутрь, так же неслышно их затворив за собой.

Внутри помещения царила полная тишина, лишь только ветер из приоткрытого окна тихонько раздувал легкие занавески. В робком свете луны темная комната выглядела таинственно и совсем незнакомо. Высокие книжные полки, уходящие под потолок казались громадами скал, силуэты массивных кресел, полукругом стоявших перед незажженным камином, вызвали необъяснимую тревогу. Я поспешила быстрее разжечь огонь, чтобы прогнать длинные мрачные тени, отбрасываемые предметами обстановки. Сухие дрова, стопкой лежавшие в очаге, радостно занялись проворными язычками огня. Удостоверившись, что пламя не потухнет, я облегченно повернулась к центру комнаты... и окаменела от неожиданности: в большом мягком кресле, удобно устроившись, полулежал объект моих неустанных размышлений, с ленивой усмешкой

наблюдавший за всеми моими действиями.

Я стояла в оцепенении, не желая первой нарушить тишину, напряженной паутиной протянувшуюся между нами. Видя, что и мужчина не собирается этого делать, продолжая разглядывать меня сквозь полуопущенные веки, я повернулась обратно к камину, делая вид, что наблюдаю за игрой пламени.

Наконец, звенящую тишину комнаты нарушил вибрирующий голос вампира, тут же сотнями мурашек прокатившийся по коже:

— И что же тебе здесь понадобилось в два часа ночи? Какие именно слова в приказании «не ходить по ночам» показались не ясны?

Глава пятая

Закрыв глаза и сосчитав про себя до десяти, я сделала глубокий вдох и медленно повернулась к вампиру. Вот только я никак не могла ожидать, что он окажется стоящим за моей спиной. От неожиданности я отшатнулась, чуть было не шагнув в камин. Схватив меня за руку, мужчина грубо дернул на себя, заставив на мгновение наши тела соприкоснуться. Его тело показалось твердым, словно литым из мышц, и это прикосновение заставило меня отшатнуться с такой спешкой, словно я могла обжечься о вампира.

Тени играли на его непроницаемо равнодушном лице, и мне вдруг отстраненно подумалось, что так, наверное, и должен выглядеть Дьявол. Совершенно красив, жесток и бесчувственен — идеальное сочетание.

— Я получу сегодня ответ на свой вопрос?

Даже звучание низкого голоса было под стать холодному облику.

— Мне необходимо было выбраться, выйти хоть куда-нибудь. Я задыхаюсь в этой комнате, — откровенно призналась, заранее предчувствуя ответное безразличие собеседника. Так и вышло.

— И ты решила, что можешь безнаказанно нарушить мой запрет? Ты хоть понимаешь, что находишься в замке, полном вампиров? И такие прогулки могут закончиться плачевно?

— Но Антия сказала... — набравшись храбрости, я подняла на него глаза. — Что никто не причинит мне здесь вреда.

Показалось, или в темных глазах мелькнула тень?

— Ах, значит Антия сказала, — мрачно передразнив меня, вампир отчего-то распалился еще сильнее. — И ты тотчас же понеслась испытывать судьбу. Знай, человечешка, в этом месте у тебя найдется немало врагов. Которые едва ли удержались бы от соблазна, встретить они тебя ночью в таком виде.

Он перевел взгляд на мое тело, облаченное в одну лишь тонкую сорочку. Отчего-то под этим взглядом мне захотелось прикрыться. Скрестив руки на груди в защитном жесте, я смиренно ожидала окончания речи вампира, чтобы тихо удалиться обратно в комнату.

Но все получилось совсем не так, как мне представлялось.

— Однако главная опасность для тебя исходит вовсе не от них, человеческая женщина.

— А от кого? — я осмелела настолько, что рискнула вступить в диалог.

— Ты все еще не догадалась? — он лениво усмехнулся, но что-то во всем его облике вдруг заставило меня заволноваться. От мужчины исходили волны опасности, даже его поза неуловимо изменилась: он напомнил сейчас хищника, приготовившегося к прыжку. Но единственным претендентом на роль жертвы была я.

Мне бы испугаться, замолчать, слиться со стеной. В этом случае, быть может, еще остался бы шанс уйти отсюда невредимой.

Но незаметно разгоревшееся внутри пламя требовало выхода. И я поддалась его жару, когда произнесла, глядя в освещенное огнем камина лицо вампира.

— Я знаю. Главный мой враг — это вы.

Он лишь усмехнулся, заслышав мои слова.

— Понимание пришло к тебе слишком поздно, да, девочка?

— Да! Если бы я могла знать вас хоть немного, прежде чем спасти, то никогда — слышите, никогда! — не спасла бы!

— Но ты спасла. Почему же ты это сделала? — он всматривался в меня с безразличным видом ученого, ожидая ответа, увы, неизвестного мне самой.

— Сама не знаю! — с горечью воскликнула, выплескивая правду. — Я, наверное, в тот момент сошла с ума, понадеявшись, что вы обладаете хоть крупицей чувств, что свойственны всем живым существам! Но напрасно: оказалось, вам неизвестна ни отзывчивость, ни благодарность, ни, тем более, благородство.

— Моя отзывчивость — сохраненная тебе жизнь. Моя благодарность — то, что ты сейчас живешь здесь, в моем замке. Благородство же... — он помедлил. — То, что твоя честь по-прежнему с тобой.

— Надо было меня оставить вместе со всеми придворными и слугами, там, в королевском замке! — я словно слышала свой голос со стороны, обмирая от собственного безрассудства. — Ведь все, кого я знала, теперь мертвы! Из-за вас моя жизнь превратилась в ад! И самое главное — мой брат, единственное, что удерживает меня в этом мире! Что вы сотворили? Почему запрещаете его видеть? Что с ним теперь?

— Даже не думай об этом. Никогда. Я запрещаю. Для твоего же блага.

— Моего блага? Да о чем вы вообще думали, похищая меня? Для чего? — я, наконец, выпалила главный вопрос, сводивший меня с ума на протяжении этих дней.

— О чем я думал? — обманчиво спокойно переспросил вампир, блуждая взглядом по моим плечам, распушенным волосам, упавшим

на грудь. — Если бы я знал это сам! — его голос на мгновение надломился, ошеломив калейдоскопом эмоций, звучавших в нем.

Внезапно мужчина наклонился ко мне так, что его глаза оказались прямо рядом с моими, и, четко проговаривая каждое слово, он прошептал: — После той встречи в пещере я не могу забыть вкуса твоей крови, Триана.

Его признание меня ошеломило. Нет, подобное подозрение, конечно же, приходило в голову, однако... Существовало одно большое «но», никак не вписывавшееся в эту теорию: если его привлёк вкус моей крови, почему он не выпил меня? Почему я все еще жива?

Наверное, этот вопрос отчетливо читался в моем взгляде, потому как собеседник внезапно хмыкнул.

— Ты знаешь, что такое одержимость? Нет? — с непонятной мне яростью он вглядывался в мое лицо. В его глазах отражались пляшущие языки пламени, и это зрелище пугало и одновременно завораживало. — А мне вот это известно. Повсюду чувствовать этот проклятый чужой аромат. Закрывать веки и видеть ненавистные глаза, преследующие днем и ночью. Презирать себя за эту слабость, но проигрывать ей вновь и вновь.

— Тогда... — я облизнула пересохшие губы и выдавила из себя первое, что пришло на ум: — Как вам удастся сдерживаться?

Кривая белозубая усмешка сверкнула на надменном лице подобно разряду молнии. Он отступил на шаг, чтобы оглядеть меня с ног до головы. От его взгляда по коже бежала дрожь.

— Хорошо, что ты задала этот вопрос.

Вновь приблизившись так, что мне пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть его глаза, мужчина тихо, почти что ласково шепнул. Вот только глаза его были холодны:

— Потому что сегодняшней ночью мой ответ — никак.

И прежде чем я осмыслила его слова, губы вампира властно накрыли мой рот. От неожиданности, испуга, страха — и тысячи иных чувств, разобраться в хитросплетении которых у меня не было ни возможности, ни желания — я опоздала с сопротивлением.

Через мгновение тело пронзила незнакомая дрожь, омывшая волной мурашек дрожащие руки, спустившаяся дразнящим ручейком через груди к животу и сосредоточившаяся в самой нижней его части.

Губы вампира были горячими. И это было еще одно удивленное открытие, осознать которое мне удалось лишь много позже. В ту минуту все мысли покинули ошеломленное сознание, предоставив верх чувствам.

Их было так много: изумление, недоверие, боязнь, что порыв

вампира — всего лишь очередная хитроумная ловушка, рассчитанная на наивную человеческую женщину. Стыд от того, что несмотря на свой страх я все-таки не могла сопротивляться властной решимости, с которой его губы сминали мои, с каждой лаской по крупицам крадя у меня остатки гордости. Его дыхание смешалось с моим, когда я, окончательно сдаваясь, приоткрыла рот, и в тот же миг настойчивый язык мужчины скользнул внутрь, сталкиваясь с моим собственным. Это было подобно взрыву. Не сдержавшись, я застонала, и этот стон был тут же поглощен жадным вдохом вампира.

Прижав меня к своему телу так, что я отчетливо ощущала жесткость пуговиц на его камзоле, мужчина пустился в изучение. Его дерзкие руки неторопливо двинулись в путешествие по моим плечам, постепенно спускаясь ниже. Тонкая сорочка не могла служить преградой, и каждый из нас это понимал. Прикосновение мужских пальцев к груди заставило тягучий ком в низу живота разрастись. Мне не нужно было даже видеть отражение, чтобы представлять, как распутно сейчас я выглядела: простоволосая, в тонкой сорочке, с распухшими губами после жадных поцелуев вампира, с твердыми сосками, натянувшими нежную ткань.

Эта картинка принесла стыд, но его оказалось недостаточно, чтобы найти в себе силы оттолкнуть мужчину.

Я признавала, что таю в объятиях врага. Что уже назавтра воспоминание о сегодняшней ночи заставит щеки пылать краской унижения, а мой мучитель будет проходить мимо меня с прежним выражением равнодушия на холеном лице.

Но слабое человеческое тело вновь предавало свою хозяйку. Предавало с каждым ускоряющимся ударом сердца. С каждым огненным цветком, что распускался на коже от прикосновений чужих пальцев. С каждым прерывистым вздохом, что срывался с губ после новой откровенной ласки.

Как я была слаба перед ним! Еще там, в пещере, ему не стоило никакого труда заставить меня дрогнуть.

В чем заключалась его сила? Он был красив, да, это было первым, что заставило меня поразиться, едва я впервые увидела вампира. Но разве в одной только внешности крылся секрет невыносимого притяжения, заставлявшего меня вновь и вновь искать встречи со своим врагом?

От него веяло мраком и холодом, но я, словно какой-то неправильный мотылек, летела в эту темноту, отдаляясь от света дальше и дальше. На церковных службах часто звучало слово «наваждение», и вот теперь мне довелось узнать, каким оно бывает на самом деле. Обычно это слово упоминалось в прямой связи с дьявольскими силами, и встретив вампира

сегодняшней ночью, я бы не спешила отрицать его связь с дьяволом.

Мужские пальцы властно коснулись живота. Грубоватая шершавость тяжелой мужской ладони воспринималась обнаженной кожей необыкновенно остро.

Но именно это ощущение помогло мне прийти в себя. Вспышка страсти настолько затмила рассудок, что я даже не заметила, когда вампир успел проникнуть под сорочку.

Каких невероятных усилий мне стоило упереться руками в твердую грудь мужчины и, собрав остатки сил, оттолкнуть его от себя!

Он отшатнулся, но скорее от удивления. В его затуманенном взоре по-прежнему плясало пламя, но теперь оно вызывало лишь страх.

Я бросилась бежать, ведомая больше инстинктами, нежели велением разума. Убежать от застигнутого страстью вампира в его собственном замке — это было изначально невыполнимой задачей. Но в тот момент доводы рассудка не могли пробиться сквозь панику и желание скорее спрятаться, скрыться от мужчины.

Он настиг меня через три удара сердца, обхватив сзади и заключив в тесное кольцо своих рук. Я ляглась и брыкалась в его плену, но вот что странно — ни один из нас не издал ни звука. Словно существовал некий негласный уговор хранить хрупкую тишину, поселившуюся в этом помещении, от посягательств любых звуков, кроме как треска поленьев, сгорающих в камине.

Потому скрип двери раздался особенно громко.

Я находилась лицом к дверному проему, и лицо вошедшего оказалось прекрасно различимо даже в полумраке помещения.

Высокая женщина, на лице которой прежде доводилось видеть лишь презрение, сейчас представляла собой занятое зрелище. Если бы я не была застигнута врасплох предательством собственной плоти и реакцией тела на прикосновения врага, то, может, сумела бы по достоинству оценить произошедшие перемены.

Правильные черты незнакомки были перекошены от гнева, брезгливости и еще чего-то, что можно было расценить как ревность. Она замерла на пороге, одной рукой держась за дверную ручку, облаченная в длинное домашнее платье, навеявшее мысли о том, что в таком виде женщины обычно ждут своих мужчин в спальне.

И выражение ее глаз, устремленных на стоявшего за моей спиной вампира не оставляло сомнений, кого именно она искала.

Хватка на моей груди ослабела. Руки вампира разжались, и я без труда высвободилась, вот только эта свобода почему-то не принесла

удовлетворения.

Невыносимо остро ощущая себя лишней, я отошла в сторону, опустив голову вниз так, чтобы пряди волос прикрыли лицо. Щеки горели, внутри разгоралось разочарование.

— Аларис, — голос вампирши был ей под стать: высокий и звенящий, в нем, казалось, звучала ледяная сталь. — Я ждалась тебя.

— Иризи, — его же голос звучал устало и холодно. — Кажется, я не говорил, что хочу видеть тебя сегодня.

Она, не обращая внимания на мое присутствие, смело шагнула в комнату и спустя миг уже обвила высокую фигуру мужчины своими руками.

— Тебе и не нужно ничего говорить, — сейчас ее голос звучал приглушенно, словно она уткнулась лицом в твердую грудь вампира. Отчего-то наблюдать за этой сценой становилось все невыносимее. — Ведь я — твоя невеста.

Прозвучавшее слово заставило меня ожить. Дернувшись, я, наконец, отмерла и устремилась к двери, наплевав на собственные чувства, присутствие двух вампиров и все, произошедшее здесь этой ночью.

— Стой. — произнесенное в спину слово заставило меня лишь ускориться: не было сомнений, что оно предназначалось именно мне.

Я почти бежала, когда впереди внезапно выросла преграда. Недовольный и откровенно разгневанный вампир возвышался непреодолимой стеной, да и на ощупь оказался не мягче. Не успев остановиться, я врезалась в него со всей силы, на мгновение воскресив в памяти, как столь же тесно наши тела были прижаты друг к другу всего несколькими минутами ранее.

Тяжело дыша, я исподлобья смотрела на вампира, ожидая пояснения. Что ему потребовалось от меня? Особенно теперь, когда нас с ним видела его невеста?

— Тебе не следует передвигаться по замку в одиночестве, — с этими словами он развернулся и устремился вдоль по коридору, чеканя шаг.

Прежде чем двинуться следом, мне потребовалось несколько мгновений на то, чтобы осознать его слова.

Остановившись у моих покоев, он молчаливо проследил за тем, как я скользнула внутрь и, не прощаясь, закрыла за собой дверь.

Удивительно, но я провалилась в глубокий сон, едва голова коснулась подушки. А в следующий миг яркое утреннее солнце уже светило в глаза, вынуждая неохотно проснуться и потянуться всем телом.

Внезапно острая боль во всех членах заставила меня резко распахнуть

глаза и в голос застонать от унижения: я вспомнила все подробности прошедшей ночи, яркие картинки прижатых тел и откровенных ласк вампира пронеслись перед глазами. Осознание, что я чуть было не натворила, обрушилось на мою многострадальную голову.

Не помню, как я в то утро одевалась, завтракала — все время единственная мысль судорожно билась в голове, заслоняя все остальные: как мне дальше жить с таким грузом на душе? Будет ли вампир делать вид, что ничего не произошло или теперь мне уготована роль сначала его любовницы, а потом и десерта? И как забыть про высокую вампиршу, как оказалось, являвшуюся невестой Алариса?

Эти бесконечные мысли вызывали головную боль. Я невольно застонала вслух, привлекая внимание сидевшей рядом Антии. Теперь почти все свободное время она проводила со мной, развлекая беседами или показывая свое творчество. У вампириши оказался необыкновенный талант в рисовании, её рисунки восхищали даже такую ничего не смыслившую в искусстве особу как я.

Из-под её порхающих рук выходили величественные замки, острыми шпильями упиравшиеся в грозное небо. Туманные пейзажи болот, где клубящийся туман обретал форму **в (убрать предлог)** зловещих образов из самых страшных ночных кошмаров. Зеленые равнины, залитые солнцем и неуволчимым, но манящим привкусом простора и свободы.

Среди ее работ я встречала и несколько набросков женских платьев, которые, я уверена, легко произвели бы фурор не только в обществе вампиров, но и людей. Но девушка очень смущалась и не воспринимала это свое увлечение как нечто, способное из бумаги воплотиться в жизнь. Я несколько раз предлагала Антие показать эти наброски главной портнихе и попытаться воплотить в жизнь хотя бы один из них, но она отчего-то все медлила.

— Триана, что-то случилось? Ты сегодня с утра сама на себя не похожа.

— Все хорошо, просто я себя неважно чувствую. Наверное, обычная хандра, — мне было неловко обманывать дружелюбно настроенную ко мне девушку, но и открыть ей правду я просто не могла.

— Может, все же позвать лекаря? — она колебалась, и в некоторой степени её тревогу можно было понять: человеческие тела представлялись ей чем-то хрупким и подверженным всевозможным хворям, потому в любом моем чихе она подозревала болезнь.

— Не стоит, — мягко отказалась я и спустя пару мгновений все-таки озвучила вопрос, не оставлявший меня с самого утра. — Скажи, Антия,

а кто такая Иризи?

Вампирша отложила в сторону карандаш, до этого мелькавший в ее тонких пальцах с такой скоростью, что я просто не могла поспевать за ним взглядом. На лице девушки повисло тревожное, чуть виноватое выражение.

— Ты ведь уже слышала, что существует несколько крупных кланов вампиров. Одним из таких является клан Делагарди, которым правит наша семья на протяжении уже нескольких столетий. К сожалению, достигнуть мира с другими кланами не представляется возможным, мы постоянно находимся на грани войны с себе подобными, уж не знаю, почему, — она вздохнула. — Иризи — родная сестра предводителя клана Крейц. Когда-то она вместе с братом прибыла к нам на переговоры, но ей приглянулся наш клан и правящая семья, и она решила остаться. Её брат в том не препятствовал, как и наш отец.

Картина получилась довольно ясной, пусть и безрадостной. Предводитель одного клана и сестра предводителя другого — их союз принесет обоим кланам столь необходимый мир, закрепленный брачным договором. Увы, в мире людей это было обычным явлением, и зачем Антие понадобилось столь долгое вступление, я искренне не понимала. Как не понимала и того, почему мое глупое безрассудное сердце так сжимается при мысли об Аларисе и Иризи.

Прошло несколько минут. Антия продолжала о чем-то болтать, но я, погрузившись в собственные переживания, даже не прислушивалась, пока краем уха не услышала знакомое имя:

— ...Аннора тоже поехала вместе со всеми, их не будет до вечера, наверное. Знаешь, я долго думала и наконец-то решилась. Перед обедом я встречаюсь с портнихой! Мне не хотелось делать это в присутствии сестры, она относится к моему увлечению довольно скептически. Если бы не ты, я никогда бы не решилась осмелиться на это.

Она искренне мне улыбалась, а в то же время в моей голове, обгоняя друг друга, стремительно мчались рискованные мысли. Если Анноры нет в замке, то я могу наведаться в ее покои и попытаться обнаружить там хоть что-нибудь, что могло бы помочь отыскать брата. К сожалению, в этой задумке Антия мне не помощник: приказы брата твердо сидели в ее очаровательной темноволосой голове, так что эта встреча с портнихой приходилась как нельзя кстати.

Да, я отдавала себе отчет, насколько рискованной будет эта выходка. Никто не станет мне помогать и относиться со снисхождением, но я действительно больше не могла продолжать делать вид, что все в порядке. Что в моем одиноком существовании в мире вампиров нет ничего

необычного. Вчерашняя встреча в библиотеке послужила спусковым механизмом для моего истончившегося терпения, и я жаждала действий.

Потому спустя час, зорко заметив, как начала собираться на свою встречу вампирша, я невинно обратилась к ней.

— Антия, — ощущения подсказывали, что лгать единственному вампиру, настроенному ко мне с симпатией, было не самой приятной вещью. — Пожалуй, я пойду обратно в постель, полежу до обеда, и, надеюсь, приду в норму, — я старалась говорить как можно убедительней, боясь, что внимательная девушка заметит неладное в моем голосе.

Однако можно было не волноваться: вся в напряжении перед важной встречей, на которую она столь долго решалась, Антия и не обратила внимания на мой странный тон:

— Да, конечно, Триана, иди! Я передам слугам, чтобы не тревожили тебя до обеда.

Выйдя из комнаты и, для приличия, пройдя несколько шагов по направлению к своим покоям, я остановилась и прислушалась: все было спокойно, я даже слышала отсюда, как Антия тихонько что-то напевает себе под нос.

Расположение комнат в этой части замка я знала весьма приблизительно: во время ознакомительной экскурсии по замку подруга не стала особо распространяться, сдержанно отметив, что мне не следует здесь появляться. Но зато я знала, что двери в покои Анноры должны быть ярко-красными. Как-то я оказалась свидетельницей интересного диалога между сестрами об интерьере их комнат. Аннора намеренно игнорировала мое присутствие, старательно делая вид, что меня не существует, но большинство разговоров сестёр все равно происходило, когда я была рядом.

Я проходила мимо череды темных дверей, безликих и похожих друг на друга. Все внутри замирало от страха — стоило отвориться любой из них, и мое присутствие в запрещенной для этого части замка будет обнаружено. О последствиях я не думала, усердно отправляя эту мысль в самый дальний угол сознания.

Наконец, я нашла то, что искала. Действительно, эту дверь трудно было спутать с любой другой: смелый ярко-красный орнамент опоясывал её от порога и до верхнего края.

На секунду засомневавшись в разумности своих действий, но не желая отступать, я осторожно отворила тяжелую дверь, позволяя тусклому свету факелов, вбитых в каменные стены, осветить открывшийся проем.

Глубоко вдохнув, я вошла в комнату и затворила дверь за собой.

Несколько минут потратив на то, чтобы разжечь заранее принесенную с собой свечу, я не сразу осознала, что не одна в комнате.

Испуганно обернувшись, я не сразу разглядела темный силуэт, неподвижно стоящий у занавешенного окна. Не зная, как поступить, я продолжала молчаливо разглядывать медленно поворачивающуюся ко мне фигуру, с каждой секундой с замиранием сердца узнавая знакомые черты.

— Дэйкас? — робко проговорила, боясь поверить в то, что действительно вижу перед собой брата.

Однако тот не спешил выражать восторг при виде меня. Напротив, он, словно сопротивляясь чему-то, хрипло проговорил:

— Уходи... Быстрее уходи отсюда.

— Но почему? — на глаза наворачивались бессильные слезы. Не так я представляла его реакцию на нашу встречу! Но я не желала сдаваться и заговорила снова, упрямо начиная двигаться к нему: — Дэйкас, я знаю, что они с тобой сотворили! Но ты все равно был и всегда останешься моим любимым старшим братом, — при этих словах я подходила к нему, желая обнять столь дорогого для меня человека. — Пожалуйста, только не прогоняй! Мне так плохо без тебя.

И только приблизившись так близко, что огонь осветил замершую у окна фигуру, я внезапно начала понимать, почему же мне было запрещено видаться с братом.

Глава шестая

Огонёк свечи дрожал и трепетал в расширенных зрачках Дэйкаса. Ни у одного человека не могло быть таких пронзительных алых глаз, словно завешенных пеленой огня. Я замерла на миг, наконец, начиная осознавать, что мой брат теперь не человек, а смертельно опасный хищник, идеальная машина для убийства.

На какую-то секунду на лице вампира промелькнул отголосок внутренней борьбы, которую вели остатки человека в его душе с новоприобретенной сущностью, но когда он внезапно за одно смазанное движение оказался совсем близко ко мне, я поняла, что человек в нем проиграл.

— Остановись, это же я, Триана! — я успела выкрикнуть, прежде чем почувствовала его руки на своей шее.

При звуках знакомого имени брат на секунду словно очнулся и, осознав, что может натворить, с силой отшвырнул меня от себя. С грохотом пролетев через половину комнаты, я на полном ходу врезалась в массивное зеркало, стоявшее рядом с кроватью. Рука нещадно засадила, по-видимому, сразу несколько осколков впились в кожу, от резкого удара вспышка боли пронзила тело, но я не замечала ничего. Все мое внимание было приковано к приближению голодного вампира, бывшего мне братом.

Отшвыривая попадающуюся на пути мебель, он неумолимо двигался ко мне.

Из последних сил я резко рванулась к двери, разумом сознавая, что не успеваю, все равно не успеваю ее отворить, как в этот момент она сама внезапно распахнулась, явив моему неверящему взору незнакомого вампира, явно разгневанного. За его спиной я успела заметить взволнованную Антию, заламывающую руки, и еще нескольких незнакомых вампиров, которые, мгновенно оценив ситуацию, ринулись умирять разбушевавшегося Дэйкаса.

Остального я не увидела: незнакомец играючи, словно я была невесомой куклой, закинул меня к себе на плечо и понес из комнаты. Твердое тело, словно вылепленное из мышц, отталкивало, ощущать на себе чужие прикосновения было невыносимо, грудь распирали невыплаканные слезы, а сердце... Сердце безмолвствовало, и вот это ощущение было невыносимее всего. Я боялась, что отныне после этой встречи с братом так будет всегда.

Знакомая гостиная, в которой мы с Антией обычно проводили время, встретила привычной тишиной.

Сгрудив мое безвольное тело на кушетку, незнакомый спаситель повернулся и вышел, по-прежнему не произнеся и слова. Не прошло и минуты, как в дверях возник знакомый стройный силуэт.

Не было душевных и физических сил даже пошевелиться, словно я была лишь опустошенной оболочкой, лишенной эмоций и чувств.

Антая без слов устроилась напротив меня, мы молчали, не зная, что сказать друг другу, когда все и так было понятно. Спустя время вампириша, устав от тишины, первой нарушила тягостное молчание:

— Я бы даже не узнала, что с тобой, если бы тот слуга вовремя не поднял тревогу.

— Извини, если подвела тебя, — все, что я смогла ей ответить.

Она немного помолчала, прежде чем вдруг произнести:

— Я понимаю, почему ты так поступила. И, знаешь, в какой-то степени я тебе даже завидую.

Эти неожиданные слова сумели даже пробить ледяную броню моего равнодушия. Не сдержавшись, я подняла удивленный взгляд на собеседницу. Правильно его расценив, та неожиданно горько усмехнулась:

— Смешно звучит, да? Я завидую пленнице, простому человеку — слышала бы это Аннора! Она бы подняла меня на смех. Но это действительно так: я завидую вам обоим. Удивительно, но вы даже в чем-то похожи. Обе не боитесь идти наперекор чужим словам и запретам, не боитесь действовать. В то время как все, что делаю я, — лишь сижу да вожу карандашом по бумаге.

Я молчала, и она приняла это молчание за негласное одобрение продолжения.

— С самого детства я была послушной дочерью, не смевшей ослушаться отца или нянек. Аннора и Аларис сбегали из замка драться с дворовыми мальчишками, вечно ходили в синяках и не успевали отрабатывать наказания, а я была образцовым ребенком, которого всем ставили в пример. Я была младше, они не звали меня с собой, а когда повзрослела, то уже сама боялась прочувствовать на себе гнев отца или вызвать недовольство матери. Мне так хотелось нравиться всем! Жаль, но в мире вампиров это невозможно.

— Как и в мире людей, — эхом отозвалась я, постепенно возвращаясь в реальность. Не знаю, было ли это истинной целью откровений вампириши, но они действительно помогли мне опомниться. Да, мой последний оплот

в этом странном страшном мире вампиров исчез. Но... это было лишь моей виной, я не могла винить того, кем стал Дэйкас, в произошедшем. Оставалось лишь выяснить, узнать, возможно ли, что спустя какое-то время, когда он перестанет столь остро испытывать голод, разум вернется к нему? Удастся ли его памяти воскреснуть? Смогу ли я принять того, кем он стал?

Но спросить все это у Антии я не успела. Распахнулись двери, и в гостиную влетела — иначе и не скажешь — холеная блондинка, излучающая довольство. Иризи. Я напряглась в ожидании нападок, и они не заставили себя долго ждать.

— Что ты устроила сейчас? Решила, наконец, окончить свое жалкое существование? Уж лучше тебе было погибнуть там, — она притворно вздохнула. — Представляю, что устроит Аннора, когда узнает.

— Уходи, Иризи, — вмешалась молчавшая до этого Антия. — Тебе здесь не рады.

— И ты здесь, маленькая человеческая подпевала, — пропела вампирша, оборачиваясь к замершей в настороженной позе девушке, словно только что её заметив. Судя по безмолвному поединку взглядов, будущая супруга брата не вызывала у Антии добрых чувств. — Недолго тебе осталось здесь командовать. Как только я стану женой Алариса, вы с сестрой тотчас же отправитесь обратно к родителям.

Я знала, что обе сестры вампира предпочли жить у брата, посещая родительский замок лишь по большой необходимости. Это было еще одной странностью мира вампиров: ни одна человеческая принцесса или принц не смогли бы столь самовольно покинуть дворец, чтобы жить вместе с кем-то из старших братьев или сестер. Но вампиров, похоже, подобные условности мало интересовали. И я могла только позавидовать этой свободе.

— Не очень умно с твоей стороны, Иризи, — с укором произнесла её собеседница, выпрямив и без того идеально прямую спину. — Произносить такие вещи вслух. В конце концов, всегда существует вероятность, что женой брата станешь не ты.

— А кто же тогда? — заливисто рассмеялась беловолосая девушка, ничуть не проникнувшись услышанным. — Уж не она ли?

И она указала на меня. Однако Антия не спешила смеяться.

— Да даже если и она. Своим поведением ты добьешься, что я поддержу любую другую избранницу брата — кроме тебя.

— Да кому нужна твоя поддержка! — а вот сейчас светловолосая вампирша распалилась не на шутку. — Ты — бесполезна, Антия. Все, что

ты можешь, — это портить бумагу своими каракулями.

Она окинула небрежным взглядом сестру Алариса и вновь обернулась ко мне.

— Вы, людишки, жалки и беспомощны. Вы не умеете мыслить, чувствовать. Единственное ваше предназначение — служить пищей, — она хищно осклабила зубы. — Я бы побрезговала тебя даже взять в постель.

— Скажи это своему жениху, — тихо произнесла я, когда её слова неожиданно задели какую-то болезненную точку внутри. Упоминание о постели всколыхнуло непрощенные воспоминания о встрече в библиотеке, и эти мысли возникли не у меня одной.

С рычанием Иризи бросилась на меня, и если бы не вовремя среагировавшая сестра Алариса, ухватившая будущую родственницу за локоть и, тем самым, остановившая её порыв, моя бесславная жизнь закончилась бы столь же бесславно прямо в этой комнате.

— На что ты надеешься, идиотка? Вообразила, что понадобится Аларису? Да, может он возьмет тебя, утолит интерес — каково это, спать с человечкой. А затем ты отправишься на кухню, к остальному сброду. Помяни мои слова! Очень скоро твоя жизнь закончится! Думаешь, эта — она пренебрежительно указала на вцепившуюся в её локоть бледную Антию. — Поможет тебе? Да она сделает все, как скажет брат, она же с его рук ест!

— Довольно, Иризи.

Зазвучавший голос мог бы выстудить солнце.

В широко распахнутых глазах блондинки мелькнул откровенный страх, и я не могла винить её за это, ибо сама испытала схожее чувство.

Аларис — это был именно он — возвышался на пороге, кажется, разом заполонив собой всю комнату. Высокий, внушительный и откровенно разъяренный.

Сколько много ему довелось услышать?

Точно в подтверждении моих смятенных мыслей, мужчина холодно повторил:

— Достаточно. Ты уже произнесла больше, чем следовало.

— Аларис, я... — она попыталась протестовать, но вампир был непреклонен:

— Норму откровений на сегодня ты перевыполнила. Уведите её, — он кивнул на замершую в растерянности Иризи, и откуда-то из-за его спины молниеносно возникли две крепкие фигуры. Оскорблено передернув плечами, вампирша не стала ждать, пока ей помогут удалиться, и направилась к выходу сама.

Я попыталась вжаться в кушетку, стать её частью, лишь бы он разгневанный вампир не заметил меня.

Увы, этого не случилось. Ледяной взгляд устремился к моей скрючившейся фигуре, глаза мужчины опасно сощурились.

— Ты! — больше он ничего не произнес, но сколько в этом слове было эмоций!..

Я, продолжая находиться в некоем оцепенении, боялась взглянуть в глаза своего мучителя, опасаясь всего, что могу в них увидеть. Он же, устав ждать, пока я осмелюсь посмотреть на него, в два шага оказался рядом, грубо ухватил меня за плечо, заставляя подняться, и потащил из комнаты. На секунду обернувшись, я успела увидеть сочувствующий взгляд Антии, прежде чем мы оказались в просторном коридоре. С трудом поспевая за разъяренным вампиром, я осознала, что мы движемся отнюдь не в направлении отведенных мне покоев.

Массивные двери были незнакомы, как и само крыло. Буквально влетев в комнату, Аларис затащил меня внутрь за собой и, прежде чем я смогла оглядеть незнакомую обстановку, решительно швырнул меня на кровать. Та не ожидала столь жестокого обращения и жалобно всхлипнула, когда мое тело с силой ударилось о её спинку. Я же все так же, словно в забытьи, ждала дальнейших действий вампира, в глубине души понимая, что все его обвинения будут заслуженными и справедливыми. И они не заставили себя долго ждать:

— Безмозгая человеческая девчонка! О чем ты думала? Я приказал тебе забыть о встрече с братом! Ради твоей же безопасности! Неужели мой приказ был не ясен? Мне и без того с трудом удастся сдерживать недовольство остальных вампиров в замке, а твои рискованные выходки дают им лишний повод! Задумывалась ли ты хоть раз, какому искушению подвергаешь любого вампира здесь, не говоря уже о новообращенных? Ты осознаешь, что произошло бы, если не приставленный следить за тобой слуга? — он продолжал что-то кричать, я же даже не вникала в смысл его слов, пребывая в странном оцепенении.

Когда, наконец, поток его ругательств иссяк, и мужчина повернулся ко мне, ожидая слов раскаяния, я почувствовала, как так долго не отпускавший меня ступор спадает, а глаза наливаются слезами боли, слезами окончательной потери последнего дорогого мне человека. В памяти вновь воскресла сцена, когда сверкающим алым взглядом брат бросается ко мне, чтобы убить.

Не в силах больше сдерживаться, я обессилено опустилась на перину, уже не скрывая лавины слез, хлынувших, как только голова оказалась

на подушке. Заглушая рыдания рукой, я пыталась остановить надвигающуюся истерику, понимая, что проигрываю ей. Как в этот момент вдруг почувствовала сильные прохладные руки, заключившие меня в кольцо надежных объятий. Я потрясенно уткнулась лицом в грудь вампира, слишком обессиленная и опустошенная, чтобы задуматься над столь несвойственным и неожиданным проявлением сочувствия со стороны того, кто, казалось бы, никогда даже не мог его испытывать. Он же дикарь! Варвар, для которого люди — лишь средство утоления жажды, не больше. Но почему тогда в его объятиях так спокойно и тепло?

Не знаю, сколько времени прошло, когда я потихоньку пришла в себя, продолжая лишь изредка шмыгать носом. Наконец, осмелев, подняла голову и тотчас же попала в плен пристального взгляда вампира. Он ничего не говорил, просто молчал и смотрел на меня: внимательно, пытливо, словно пытаюсь понять или разгадать что-то. Под этим взглядом непривычное тепло вдруг разлилось в душе, сердце взволнованно забилося. Я почувствовала, как краска залила лицо, едва осознала, что мужчина прекрасно мог расслышать этот участившийся пульс, но глаз не опустила. Несколько минут мы продолжали лежать, глядя друг на друга, но когда мужчина только разомкнул губы, собираясь что-то произнести, как раздался громкий стук в дверь.

За одну секунду он оказался на ногах, отдаленный, невозмутимый как обычно, и лишь мокрая на груди рубашка доказывала, что мне это не снится, и что это именно он еще несколько минут назад меня ласково успокаивал. Быстро встав с кровати, я села в большое кресло, стараясь пригладить рукой встрепанные волосы и подправить помявшееся платье. В этот момент в комнату вошла все та же неугомонная Иризи, которая сегодня, кажется, решила побить рекорд нашего с ней общения. Даже особо не приглядываясь, было видно, что красotka находится в ярости. Не глядя в мою сторону, она произнесла высоким от напряжения голосом:

— Аларис, нам нужно поговорить. Сейчас же.

Он скривился, но не столько от смысла просьбы, как скорее от тона — та прозвучала опасно близко к приказу, а приказов кроме своих собственных этот вампир не признавал, даже я это твердо знала.

— В кабинет, — прозвучал его отрывистый ответ. Не взглянув на меня, вампир провел свою гостью в смежную комнату, служившую, как можно было понять из его слов, кабинетом, и плотно прикрыл за собой дверь.

Я же, просидев так немного времени, поняла, что больше не в силах вынести бездействие. Но покидать эту комнату не рискнула, отчего-то будучи уверенной, что такой поступок лишь разгневает Алариса.

Поднявшись на ноги, я подошла к окну. Привычным жестом отдернув занавески, в первый миг не обратила внимания на странную конструкцию окна, а приглядевшись, я чуть не задохнулась от восторга: это было не окно, а причудливой формы дверь, ведущая на балкон. С небольшой опаской я осторожно вышла наружу, в первый раз за долгое время оказалась на свежем воздухе — и все мысли вылетели у меня из головы при виде открывавшейся картины. Прямо подо мной брала свое начало та самая пропасть, которую я каждый день видела из окна столовой. Но здесь... она оказалась в тысячу раз более грозной, опасной, но вместе с тем такой соблазнительной, манящей своей пустотой, которая с приближением сумерек, так и звала к себе, туда, где нет боли и страданий, а есть только спасительный мрак и покой...

Внезапно мои размышления были прерваны томным женским голосом, прозвучавшим, казалось, прямо у меня над ухом:

— Аларис, мы с тобой вместе уже немало времени. И всем известно, что рано или поздно я стану здесь хозяйкой. Ответь мне, своей невесте, что с тобой происходит? С появлением этой жалкой девчонки ты стал сам не свой. Я не обращала на это внимания, думая, что ты лишь оттягиваешь наслаждение десертом, но проходят дни, а она все еще здесь. Живая. Мне перестало это нравиться, и, уверена, брат не одобрит такое, когда узнает. А сегодняшний поступок человечихи просто немыслим — весь совет в негодовании!

Я в изумлении оглядывалась, пока не увидела распахнутые оконные створки, находящиеся прямо рядом с балконом. Наверное, двое в кабинете не заметили открытых окон. Или просто не стали обращать на это внимание.

Внезапно голос вампира раздался совсем близко, я даже отшатнулась в первое мгновение, испугавшись, но все объяснилось просто: Аларис заметил раскрытое окно и подошел его закрыть.

— Иризи. Мне давно следовало поговорить с тобой. Поговорить о нас... — в этот момент тихо щелкнули оконные запоры, и окончания фразы я уже не слышала.

Но мне не нужно было даже слушать их, чтобы понять, о чем пойдет речь. Судорожно отвернувшись, я медленно подошла к самым перилам, чуть нагнувшись, невидяще глядя на разверзнувшуюся пасть обрыва подо мной. Я была просто раздавлена, но не услышанным, а тем каскадом чувств, что обрушились на меня после: боль, обида, гнев, унижение, ревность... Что творилось в моей душе?

Я никогда прежде не испытывала таких сильных чувств, но не нужно

было быть ясновидящей, чтобы понять простую истину — я полюбила его. Неизвестно, когда это случилось, и как могло мое глупое сердце влюбиться в своего мучителя, в дикого необузданного вампира, так легко забирающего чужие жизни. Наверное, я и впрямь была круглой идиоткой, как в сердцах выкрикнула Иризи, раз в момент, когда моя собственная жизнь находилась на самой грани, умудрилась проникнуться чувствами к врагу.

Горько усмехнулась, вспомнив старую людскую присказку, что любят не за что-то, а любят вопреки... Так и со мной — я полюбила Алариса вопреки всему, что он сотворил. Но у этой неправильной любви не было и не могло быть счастливого исхода, она была обречена с самого начала. И как дальше жить с зияющей раной вместо сердца, я не знала. А пропасть внизу все манила и звала к себе.

Внезапно долгожданное решение, яркой вспышкой мелькнувшее в голове, заставило меня округлить глаза: как я раньше не додумалась об этом? И облегченно улыбнуться, ведь теперь я знала, как поступить.

В тот момент все происходящее воспринималось измученным сознанием как нереальный сон, в котором я медленно забралась на самый край перил и, зажмурившись, раскинула руки, готовясь взлететь как птица.

На секунду приоткрыв глаза, я, казалось, заглянула в самое сердце пропасти, услышала ее молчаливый призыв, обещание избавить от всех душевных терзаний. Не дав себе больше времени на размышления, собравшись с духом, я сделала шаг в пустоту... и почувствовала, как сильные руки в самый последний миг хватают меня и втаскивают обратно на балкон.

Я изо всех сил начала отбиваться, желая, чтобы мне дали закончить начатое, но у моего мучителя были совершенно иные планы. Грубо затащив в комнату и швырнув меня на кровать, вампир навис надо мной, обессилено лежащей на мягких покрывалах, и задал всего один вопрос. Его глаза сверкали, крылья носа хищно раздувались, вне всяких сомнений, он пребывал в бешенстве.

— Почему?

Я лишь смотрела в его расвирепевшее лицо, не в силах вымолвить и слова. В самом деле, что я могла ему сказать? Признаться в любви? Никогда! Я не стану унижаться до такой степени, признаваясь в любви тому, кто с самого начала дал ясно понять, что ничего, кроме презрения, ко мне не испытывает.

Аларис, поняв, что ответа от меня не дождется, резко отошел к окну, встав спиной ко мне, и проговорил бесстрастным голосом, не подозревая, что отвечает на вопросы, которые я так и не успела задать Антие:

— Зачем нужно было совершать столь безрассудный поступок? Если произошедшее с братом тому причина, тогда ты поторопилась. Он придет в себя спустя время, когда самая первая жажда крови будет удовлетворена. Я хотел сказать об этом перед приходом Иризи, тебе нужно было лишь дождаться окончания разговора.

В этот момент он замолчал, словно обдумывая какую-то внезапно пришедшую в голову мысль, а затем медленно обернулся. В его горящем безумством взгляде плясало пламя, и меня заранее пугало все, что он хотел сейчас сказать или совершить.

— А может, ты решилась на это вовсе не из-за брата? — при этих словах он медленно приближался ко мне, его глаза пылали, одновременно отпугивая и маня глубиной цвета расплавленного золота. Я чувствовала, как теряю саму себя, глядя в них. Он же, напротив, с каждым вкрадчивым шагом становился похож на опасного хищника, приготовившегося к атаке.

— Что вы хотите сделать? — мой голос дрожал, и выговорить фразу полностью удалось не с первого раза.

— Закончить начатое, — ответ был лаконичен и безжалостен.

Я пятилась до тех пор, пока затылком не уперлась в спинку кровати. А мой мучитель наслаждался выражением моего лица, стоя прямо передо мной.

— Так она была права? — он молчал, и это молчание подстегнуло меня заговорить торопливо, быстро, стараясь успеть, пока он слушает. — Ваша невеста? Говоря, что я — всего лишь игрушка для постельных утех, годящаяся на один раз?

Его лицо помрачнело.

— Замолчи, — отрывисто бросил он, перед тем как опуститься на кровать. Та прогнулась, жалобно застонав под тяжестью мужского тела. — Просто молчи.

Решив не показывать своего испуга, я действительно замолчала, следя за расположившимся рядом вампиром. Он не стал медлить: за один миг оказался вплотную и резким движением ухватил мои руки, соединяя воедино. Одной ладонью он без труда удерживал мои запястья вместе, пока второй начал расстегивать крючки платья. Действия мужчины не оставляли сомнений в его намерениях.

Не выдержав, я начала сопротивляться — точнее, пытаться это делать. Но мои усилия не доставляли ему никакого неудобства, разве что терпения вампиру отчаянно не хватало. Он резко дернул — и ткань послушно затрещала, расходясь по шву, оголяя тело.

Отчаяние переполняло мою душу — я не хотела, чтобы все

происходило так! Пусть мое сердце сжималось в порыве глупой нежности и тепла рядом с этим вампиром, но отдаваться его импульсивному порыву, лишенному всяческих чувств и тепла, было унижительно.

Поэтому я изо всех сил барахталась в железных объятиях, стараясь высвободить руки и помешать тому, что происходит.

Губы мужчины недовольно разомкнулись.

— Ты ведь хочешь этого не меньше. К чему сопротивляться?

— Не хочу! — тяжело дыша от безуспешных усилий освободиться, пробормотала я, с вызовом глядя на него.

— Лжешь, — его слова прозвучали точно приговор. — Твои глаза говорят все за тебя. И я заставлю тебя признать это. Сегодня.

С этими словами он быстро снял с меня уже расстегнутое платье, просто стащив его вместе с нижними юбками. На несколько мгновений мои руки оказались свободны, но я замерла, глядя на предводителя вампиров широко открытыми глазами, сгорая от стыда и унижения.

Зачем он так поступает со мной?

Мужчина поднялся с кровати. Его ожесточенное лицо было непроницаемо равнодушно — словно он решал в уме какую-то непростую задачу или вел очередную битву. Меньше всего на свете сейчас он походил на пылкого любовника.

Под его тяжелым взглядом я скрестила руки на груди и подтянула колени к животу, стремясь укрыться, спрятаться. Он же в полном молчании раздевался, и я отвернулась, не в силах смотреть на его обнаженное тело.

На глаза наворачивались слезы бессилия.

Матрас прогнулся под телом вампира, и я осознала, что обратной дороги нет.

Сжавшись всем телом, я закрыла глаза и начала ожидать прикосновения чужой руки. Томительно текли мгновения, а его все не было. Устав ждать, я приоткрыла глаза — и натолкнулась на насмешливый мужской взгляд.

В то же мгновение выражение его глаз переменялось. Насмешка уступила место недоброму пламени, заплывавшему в расширенных зрачках.

Обманчиво ленивым движением он потянулся ко мне, и снова мои запястья оказались охвачены широкой ладонью. Вторая рука по-хозяйски вольготно опустилась на мою шею, чуть сжав ее.

Я смотрела на своего мучителя, нагая и беспомощная, и ждала его действий. Может, он сейчас милостиво убьет меня? Чуть сожмет сильные пальцы — и хрупкая шея послушно сомнется, переломится в его руках.

Но он не был настроен так благосклонно.

Его рука двинулась в неторопливое путешествие по моему телу — он спустился до груди, очертив ленивый полукруг вокруг беззащитной плоти, чем вырвал из моей груди сдавленный вздох.

Я попыталась брыкнуться, но он устал терпеть мое своеволие: за одно смазанное движение, он оказался совсем близко, его ноги придавили мои собственные, лишив последних крупниц свободы.

От тела вампира исходил жар. Было неловко ощущать чужое обнаженное тело так неприлично близко. Казалось, если я сосредоточусь, то смогу почувствовать каждый прижимающийся ко мне выступ, каждую часть тела вампира...

И в местах, где наша тела соприкасались, моя кожа начала заниматься странным огнем.

Ладонь вампира тяжело легла на мой живот, от чего я дернулась всем телом, но сумела промолчать. Он очертил круг вокруг пупка, не отрывая взгляда от моего лица. И видеть его пристально следящие за мной глаза было чуть ли не более неловким, чем ощущать полные откровенности прикосновения к телу.

Я задрожала, осознав, куда лежит путь его ладони, когда мужская рука двинулась ниже. В слепой попытке защититься, я попыталась плотно сжать ноги, но чужое колено не позволило мне этого сделать: беспомощная и лишенная возможности двигаться, я находилась полностью в его власти.

Безжалостная в своей откровенности ладонь двинулась по внутренней стороне моих бедер, кругами поднимаясь все выше. От остроты переполнивших меня чувств я даже на миг попыталась закрыть глаза, но мой мучитель отреагировал на это недвусмысленно: ладонь, державшая мои запястья, чуть усилила напор, вынуждая меня распахнуть глаза от болезненных ощущений. Как только вампир вновь поймал меня в плен своего взгляда, хватка медленно разжалась, словно предупреждая. Я осознала это предупреждение и впредь не смела пытаться скрыть от него выражение глаз.

Полностью завладев моим вниманием, вампир двинулся выше, подобравшись почти вплотную к сокровенному уголку моего тела. Я сжала зубы, намереваясь бесстрастно вытерпеть его прикосновение, чего бы мне это не стоило, но... Шли мгновения, и ничего не происходило.

Вампир намеренно медлил, наслаждаясь моим напряженным ожиданием неизбежного. В ушах отдавалось учащенное биение сердца, кровь шумела в голове, тело было налито странным незнакомым томлением, словно оно тоже чего-то ждало. Но чего?

Этим вечером Аларис показал мне, что именно жаждало мое тело и,

как оказалось, проснувшаяся грубая чувственность, когда одним неторопливым движением его пальцы нашли сосредоточие моей женственности и властно коснулись его.

Словно удар молнии меня пронзило нестерпимое, невыносимо острое желание. Всем телом судорожно дернувшись, я почти с испугом смотрела в потемневшие глаза вампира, точно без слов умоляя его объяснить, что со мной происходит.

Мужчина на миг ухмыльнулся — совершенно порочно, опытно, — а после всем телом привалился ко мне, разжимая ладонь и выпуская мои руки на свободу. Вот только эта свобода мне уже нисколько не понадобилась.

Я погрузилась в забытие, в котором отдельными всплесками разума запечатлелись чужие горячие руки на моем теле, безжалостные губы, терзавшие мой рот, твердость словно вылепленного из мышц чужого тела, хриплый бессвязный шепот над ухом, из которого я не понимала ни слова.

Боль — резкая, острая, долгим эхом звеневшая по телу.

А потом снова забытие из прикосновений, учащенного биения сердца, влажных прядей волос, налипших на лоб и движений двух тел в едином ритме. Нарастающее томление, дрожь, слабость, охватившая всё тело, выгнувшееся дугой в незнакомом чувственном ожидании. Чужое горячее дыхание у меня на лице — и облегчение, навалившееся разом и со всех сторон, затопившее меня прохладной волной, смывшее все мысли и чувства, и оставившее после себя лишь блаженную пустоту.

И вампир действительно исполнил свое обещание, заставив меня выпустить ту сокровенную тайну, что совсем недавно обрела пристанище в моем сердце. В момент, когда напряжение, владевшее телом, казалось беспощадным жгутом, перетянувшим все мои внутренности в ожидании разрядки, достигло наивысшей точки, чтобы секундой позже разлететься на части, погребая под остатками такую маленькую меня, я не выдержала и, не осознавая, что делаю, прошептала: «люблю»...

Очнулась я лишь спустя время, с трудом осознав, где нахожусь. Вторая половина кровати была пуста, и лишь сбившиеся покрывала да простыни свидетельствовали о случившемся.

То, что произошло, было настолько невозможным... То, что начиналось как насилие, закончилось словно волшебный сон, подаривший мне самые яркие эмоции за всю мою жизнь.

Вот только почему на душе вдруг резко стало одиноко и тоскливо?

Притянув к себе ноги и свернувшись в клубок, я дала волю слезам.

Глава седьмая

Этой ночью Аларис так и не вернулся в свои покои. Я пришла к этому неутешительному выводу, проснувшись утром в одиночестве от неясного шума и громких голосов где-то за стеной.

Ругая себя последними словами, я медленно оделась, с тоской оглядывая разошедшееся по боковому шву платье, понимая, что у любого, кто меня сейчас увидит, не останется никаких вопросов, где и с кем я провела эту ночь.

Но удача явно благоволила мне сегодня. Ничем иным объяснить отсутствие обитателей замка на моем пути я не смогла. Оказавшись за спасительной дверью своих покоев, я наконец-то ощутила, как напряжение, не оставлявшее меня с момента пробуждения, идет на спад.

Жалея об отсутствии горячей ванны, я обтерлась водой из кувшина, растягивая мгновения. Но как бы я не тянула, миг, которого я столь боялась, все же настал. Соблазн остаться в комнате и никуда не выходить был велик, но я осознавала, что это будет сродни бегству, открыто проявленной слабости. А добавлять еще одно унижение к уже имевшемуся списку я не желала.

Поэтому, собрав все силы и гордость в кулак, я направилась в столовую. Антия уже дожидалась меня там.

Хрупкий силуэт замер у огромного окна, задумчиво глядя куда-то вдаль. При звуке моих шагов она стремительно обернулась, с заметной тревогой на лице вглядываясь в мои глаза.

Мне не хотелось ничего ей говорить. Слишком разрозненными и противоречивыми были мои собственные ощущения и чувства, чтобы пытаться донести их до кого-то другого.

Вероятно, мое состояние не стало для неё загадкой, так что она лишь слабо улыбнулась и без слов усадила меня за стол, заставив в очередной раз поразиться удивительной чуткости сестры Алариса.

Завтракала — а по времени скорее обедала — я в полной тишине, прерываемой лишь звоном тарелок и хрустом карандашей. Вампириша пыталась рисовать, но отвлекаясь на какие-то явно невеселые мысли, не могла совладать с собой, беспрестанно ломая хрупкие приспособления для письма. Её волнение было настолько осязаемо, что сумело заинтересовать даже погруженную в собственные размышления меня: неужели причина такого непривычного состояния обычно жизнерадостной

и улыбчивой девушки во мне? Точнее, в том, что я провела ночь с её братом? Безусловно, я понимала, что в том для нее мало радости, но и причин для столь явной озадаченности я упорно не видела.

Наконец, закончив трапезу, я сделала глубокий вдох, собравшись с духом, намереваясь рассказать Антии обо всем. Она действительно заслуживала этого рассказа, наверное, единственная во всем этом замке. Девушка поймала мой взгляд, и карандаш замер в ее руке, прервав ровную линию небрежным зигзагом.

С чего нужно было начать?

Я только открыла, было, рот, но, наверное, само провидение было против моей откровенности. Потому как именно в этот момент в комнату влетела хорошо знакомая вампирша.

С громким треском отшвыривая предметы, попадавшие ей на пути, Иризи — а это была именно она — при виде меня угрожающе сощурила взгляд, а в следующую секунду уже оказалась рядом. Антия вскочила столь стремительно, что даже мне не удалось заметить её движений, и заняла защитную позицию, встав между мной и блондинкой. Ноздри той хищно раздувались, глаза были прищурены, она так напоминала сейчас дикое животное, готовое к нападению, что я действительно ощутила страх. Ей ничего не стоило убить меня сейчас, и даже Антия не сможет ей помешать.

— Уйди, — она вытолкнула это слово, предназначавшееся Антие, сквозь сжатые зубы.

— Нет, — удивительно твердо произнесла вампирша, и я в этот момент невольно залюбовалась ею: хрупкая, изящная, она едва ли доставала блондинке до плеча. Но сколько уверенности, сколько достоинства и гордости было в ее позе! Ни один учитель манер, ни один талмуд по правилам этика не сможет научить такому — с этим нужно лишь родиться.

— Боишься, что я оторву твоей игрушке голову? — зло усмехнулась её соперница, но что-то в интонации свидетельствовало, что оказанный отпор явился для нее неожиданностью. Сколько еще сюрпризов таила в себе хрупкая Антия? — Я не стану марать об нее руки. Все, что мне нужно — это сказать пару слов.

Антия колебалась, и я неожиданно для себя коснулась ее рукой, удивляясь этому порыву: наверное, сегодняшний поступок вампирши заставил меня окончательно ей довериться.

Правильно расценив мой взгляд, она сделала крошечный шаг в сторону, позволяя блондинке видеть мое лицо.

Отчетливо и зло та заговорила, с ненавистью всматриваясь в мои

черты, точно пытаюсь запомнить.

— Не думай, что ты победила, жалкая человеческая девчонка. Аларис может говорить все, что угодно, но ты все равно умрешь. Просто игрушка, просто постель. Запомни мои слова. Ты ничего для него не значишь. Твой срок отмерен, а я буду с ним всегда.

Со злостью выплюнув последние слова, она так же стремительно удалилась, оставив после себя разгромленную комнату и меня, находящуюся в глубоком удивлении от ее слов. Нет, вовсе не от угроз, в них содержащихся, — иного я и не ждала от темпераментной вампириши. Но вот тон, с которым она их проговорила... Словно признавая за мной победу, пусть не в войне, а в отдельном сражении. Вот только я не припоминала, чтобы мы схлестнулись с ней на поле битвы.

Антия подняла упавший стул и, немного помявшись, заговорила:

— Не стоит принимать слова Иризи близко к сердцу. Сейчас в ней говорит лишь оскорбленное самолюбие.

Неужели ночь, проведенная Аларисом со мной, так задела Иризи? Я нахмурилась, отказываясь что-либо понимать. В мире людей мужчина мог иметь сколько угодно фавориток, и ни одна невеста или жена не позволяли себе столь прилюдно демонстрировать потревоженное самолюбие. За время моего пребывания в стане вампиров я сделала выводы, что и у вампиров подобное в порядке вещей. Стало быть, я ошибалась?

Я ждала пояснений, и Антия, осознав, что в моем упрямом молчании кроется ожидание, лаконично пояснила:

— Вчера брат расторг их помолвку.

В ответ я лишь ошеломленно смотрела на нее, не в силах осознать услышанное. Если бы не серьезное лицо Антии, я бы даже решила, что она лукавит. Расторгнуть помолвку! Это было сродни очень большому унижению для отвергнутой половины, и теперь я начала понимать чувства Иризи чуть лучше. Но вновь я не могла не задаться вопросом — неужели она могла счесть меня причастной к этому решению Алариса? Чем руководствовался вампир, совершая столь политически необдуманные, с моей точки зрения, поступки?

В этот момент Антия, еще сильнее нахмурившись, продолжила, и мне, наконец, стала известна истинная причина озабоченности моей собеседницы:

— К несчастью, у Иризи слишком большое влияние на слуг и не только их. Её брат — глава одного из самых кровожадных кланов, он наводит ужас не только на людей, но даже и на большинство вампиров. Иризи охотно пользуется репутацией брата, боюсь, как бы она

не совершила опрометчивых поступков, руководствуясь жаждой мести, — Антия попыталась улыбнуться, но улыбка не коснулась темных глаз. — Триана, милая, ты не хочешь пойти в свою комнату? Мне нужно найти Алариса, но оставлять тебя здесь одну я не хочу.

Я лишь молча кивнула, охотно отправившись в свои покои, не испытывая ни малейшего желания разговаривать с кем бы то ни было.

Оставшийся день пролетел как один час: я безучастно пролежала в кровати, рассматривая тяжелый полог. Моя голова сейчас казалась ничуть не легче: она гудела и раскалывалась от раздиравших ее мыслей и сомнений. Прошедшая ночь, подарившая столько удивительных эмоций и, одновременно, заронившая в сердце тоску и отчаяние, нападки Иризи и последовавшая за ними новость о расторжении помолвки — слишком много событий было для одного дня. И единственным, кто мог облегчить мои метания, был Аларис.

В глубине души, какой-то крохотной и наивной её частью, я надеялась, что он зайдет ко мне. Разум скептически молчал, даже не пытаясь прикладывать усилий для развенчивания этой совсем невероятной иллюзии.

Время шло, вампир так и не появился, как и отсутствовавшая Антия. Выходить наружу не хотелось мне самой, интуиция подсказывала, что дело нечисто, и лишний раз мелькать среди недовольных вампиров не лучшая идея.

Тем временем, за окном сгустились тучи, в воздухе отчетливо ощущалось напряжение перед грозой.

Я успела забыться беспокойным сном, когда оглушительный разряд молнии сотряс замок. Моментально пробудившись, я с тяжело бьющимся сердцем наблюдала, как дверь в мои покои распахнулась. На пороге весь в черном, словно ангел мщения, едва различимый в полумраке комнаты стоял Аларис. На мгновение мелькнула мысль, что я все еще сплю, и все это мне снится.

Окинув цепким взглядом комнату и на секунду остановившись на мне, мужчина резко развернулся, задвинул тяжелый засов на двери. Это поведение было настолько непривычно для вампира, что я почти уверилась в своем предположении.

Он замер у двери, тяжело дыша, словно преодолел большое расстояние бегом, или же что его душило волнение такой силы, что даже такой привычная броня ледяного равнодушия мужчину не спасала.

Я, все так же ничего не понимая, привстала с кровати, краем уха отмечая странный шум, идущий со стороны коридора.

— Аларис... — впервые обратилась к нему по имени, решив, что если это сон, я могу хотя бы здесь позволить себе эту маленькую слабость. — Что происходит?

Он, продолжая стоять у самой двери, неторопливо повернулся и взглянул на меня. Помедлив секунду, мужчина медленно прошептал непривычно хриплым голосом:

— В замке бунт. Большинство вампиров требует, чтобы я уничтожил тебя.

Я пораженно замерла на месте, пока эти страшные слова доходили до моего рассудка. Горестное осознание, что это — не сон, обрушилось на мою голову подобно ушату ледяной воды.

А следом за ним пришло... смирение?

Ничего другого и не могло быть. Я просто придумала для себя романтическую историю, в которой враг прельщается своей пленницей, и дальше их ждет будущее, в котором оба из них будут живы и станут бороться за свои чувства. Но реальность не имеет к этому ни малейшего отношения. Это единственно возможный выход для всех... и для меня в первую очередь. Для моей души, для моей гордости, для моей любви, у которой нет права на существование.

Взвесив про себя каждое слово, я медленно поднялась с кровати и, под прицелом внимательного взгляда вампира, столь остро ощущаемого даже в темноте, приблизилась к нему. Замерев от него так близко — на расстоянии вытянутой руки! — но вместе с тем так невозможно далеко, отделенная разным происхождением, верой, чувствами, которых у него не было, я прошептала, подняв голову.

— Я все понимаю. Так надо. Единственное, о чем я тебя прошу, — сделай это нежно, — при этих словах на глаза навернулись непрошеные слезы, но я, нетерпеливо смахнув их с ресниц, упрямо продолжила, слегка повысив голос, выделяя каждое слово: — Убей. Меня. Нежно, Аларис.

Потянулись секунды, наполненные томительным ожиданием. Шум за дверью нарастал, начали раздаваться глухие удары, словно с той стороны кто-то пытается пробить толстое дерево. Я боялась вдохнуть, и тем самым нарушить напряжение, разлившееся в воздухе.

На миг его невозмутимое лицо скривилось в гримасе боли, пальцы сжались в кулаки. Внезапно он одним резким движением швырнул меня на кровать, тут же упав рядом. Я зажмурила глаза, боясь показать ему, насколько мне страшно. Почему жизнь устроена так несправедливо? Почему в момент, когда смерть приветливо улыбается тебе и распахивает свои объятия, ты внезапно осознаешь, насколько не хочешь уходить?..

В этот момент зубы вампира резко впились в тонкую кожу на моей шее, вызвав острую вспышку боли. Я, вытянувшись струной, замерла, ожидая, когда наступит спасительная темнота и сознание окончательно меня покинет.

Однако, казалось, прошла целая вечность, когда тихий и словно торжествующий голос мужчины нарушил тишину, прерываемую усиливающимися ударами в дверь:

— Открой глаза, Триана. Посмотри на меня!

Не в силах послушаться, я осторожно приоткрыла глаза, чувствуя, как от раны по всему телу начинает распространяться странное онемение. Вампир пристально смотрел на меня, в глубине его глаз светилось незнакомое чувство, наполнившее мою душу странным ощущением надежности и правильности происходящего.

— Ты не умрешь. Через три дня ты уже будешь одной из нас.

В полубабытье, чувствуя, как на меня уже накатывают волны приближающегося беспамятства, я из последних сил приподнялась, чтобы задать ему один-единственный вопрос:

— Почему?..

Мне не было нужды договаривать, ведь он сам мог прочесть окончание вопроса в моих распахнутых от удивления глазах.

Мир замер, мгновение растянулось подобно часу. Краем глаза я видела, как в стороне отлетает дверь, открывая мигом замолчавшую толпу вампиров во главе с Иризи. Неимоверным усилием я повернула голову, чтобы увидеть, как злорадство на лице вампириши сменяется отчаянием, когда она услышала ответ Алариса, прозвучавший в тишине комнаты, подобно раскату грома:

— Потому что я тоже тебя люблю...

И это было последнее, что я услышала, окунаясь в прохладную спасительную темноту...

Глава восьмая

Темнота...

Рваные обрывки воспоминаний ускользали от плывущего сознания, временами слышался далекий голос, произносивший мое имя, но сил, чтобы пошевелиться или хотя бы раскрыть глаза просто не было.

Казалось, я застряла в темной вязкой паутине, которая, не желая отпускать, крепко спеленала меня нитями сна. Где-то на краю сознания билась тревожная мысль, словно пытаюсь сказать, напомнить о чем-то очень важном, но очередная волна обволакивающей пелены дурманила и зачаровывала, вновь и вновь растворяя в своей вязкой сущности. Время словно остановилось. Нет, скорее здесь, в этой беспросветной бесконечности, просто не существовало такого понятия. Единственное, что было, — это пустота. Она господствовала в каждом уголке моего тела, моего разума, лаская, контролируя, подчиняя.

Не знаю, сколько прошло времени, когда в глубине моего тела зародился маленький островок тягучей боли, который постепенно начал нарастать, заставляя оцепеневшие мышцы сокращаться в судорожных конвульсиях. Вдруг тело пронзила острая вспышка боли такой силы, что заставила одревеневшее тело содрогнуться и вырваться из объятий удушающей темноты.

Я распахнула глаза, мгновенно приходя в себя. Знакомая комната, которая уже успела стать родной, моя собственная постель. На секунду мелькнула предательская мысль — может, все случившееся было лишь сном? Но нет, все мои обострившиеся чувства буквально кричали о том, что сознание упорно отказывалось принять: теперь я не человек.

Я неподвижно лежала на огромной кровати, оглушенная и раздавленная шокирующей реальностью, пытаюсь смириться с тем, что дверь в прошлое окончательно захлопнулась, и теперь ничто меня не связывает с той наивной романтичной девочкой, которой я когда-то была.

Но то, что ожидало меня впереди, настораживало и тревожило: я никогда даже не представляла себе такого поворота событий, до последнего считая, что у наших с Аларисом отношений нет будущего. Его слова, произнесенные в последние секунды моей человеческой жизни, до сих пор казались чем-то необъяснимым и волшебным: разве мог вампир, обладающий всем, что только можно пожелать, полюбить меня — ничем

не примечательную человеческую девушку? Даже теперь от одной только мысли, что его слова — правда, внутри разливалось блаженное тепло, а душа ликовала: «Он любит, любит, любит!».

Увлечшись мыслями об Аларисе, я на минуту забыла обо всем и даже о своей новоприобретенной сущности, однако когда первое радостное возбуждение схлынуло, я не могла не задаться вопросом, почему его нет рядом со мной. И в этот момент я услышала, как далеко в коридоре начали раздаваться приглушенные шаги: они становились все громче и громче по мере приближения источника шума к двери моей комнаты. Но определенно это был не Аларис — спутать его шаги я не смогла бы ни с чьими другими.

Через пару мгновений дверь осторожно приоткрылась, и в образовавшийся проем осторожно заглянула прекрасно знакомая мне хрупкая брюнетка, через плечо которой была небрежно перекинута длинная коса.

— Триана! — обрадованно начала Антия, а это была именно она. — Как же я рада, что ты наконец-то пришла в себя! Я уже начала волноваться: обычно превращение занимает не больше трех дней, но с тобой прошла уже неделя, а никаких изменений не происходило, — не прекращая говорить, она грациозно пересекла комнату, а затем внезапно склонилась ко мне и порывисто обняла. Я неуклюже обняла ее в ответ, чувствуя себя смущенно. — Я так давно хотела это сделать! Но ты была такой хрупкой, что я боялась причинить тебе боль. Какое облегчение, что все сложилось именно так!

В эту минуту я никак не могла разделить её восторг. Словно уловив все мои сомнения, она, помедлив, немного отстранилась и, внимательно глядя в глаза, произнесла:

— Триана, я могу представить, что ты себя сейчас чувствуешь не лучшим образом, однако, все образуется! Поверь, это был наилучший выход, и я очень рада, что брат сумел сделать правильный выбор. Понимаю, что сейчас ты, возможно, не согласишься со мной, но я верю, что со временем ты все поймешь. И примешь. А я буду делать все, чтобы это произошло как можно скорее! — закончив эту эмоциональную речь, обычно сдержанная в проявлении чувств широко улыбнулась.

— Антия... — я помолчала несколько секунд, собираясь с мыслями. Как странно было слышать звучание своего голоса — нет, наверное, он ничуть не изменился, но вот мой слух... Он определенно стал острее, я начала слышать то, что прежде даже не различала. — Мне сложно привыкнуть к осознанию того, что я больше не человек. И даже не вампир.

Честно говоря, меня пугает то, что мои познания в этой области поразительно скудны. Я ничего не знаю о мире, частью которого мне пришлось стать.

— Как раз для этого я с нетерпением ждала момента, когда ты придешь в себя. Признаюсь, я часами сидела возле тебя и даже несколько раз звала тебя по имени — знаю, ты сочтешь это нелепым, но мне казалось, что ты меня слышала! — Антия потупила взгляд, однако улыбка не позволяла всерьез воспринять ее виноватый тон.

— Так это была ты? — я постаралась скрыть свое разочарование за немного растерянной улыбкой — Я действительно слышала чей-то голос, — увидев понимающее лицо вампирши, я решила не скрывать от нее правды и призналась, слегка помрачнев: — Я почему-то думала, что это был Аларис. Где он? С ним все в порядке? Что стало с бунтом? — внезапно вспомнив все обстоятельства, ставшие причиной моего превращения, я засыпала собеседницу сбивчивыми вопросами.

— Тише, тише, Триана, все в порядке, бунт подавлен. Иризи выслана из дворца, — при этих словах лицо Антии омрачила тень плохо скрываемого беспокойства, но спустя пару секунд она справилась с собой и, улыбнувшись как ни в чем не бывало, продолжила: — Но давай не будем поднимать сейчас эту неприятную тему. Я приготовила для тебя кое-что гораздо интереснее. Вставай скорее, будем знакомиться с новой блистательной Трианой!

Признаться, от ее предвкушающего тона мне захотелось с головой укрыться толстым одеялом и никогда из-под него не выглядывать. Но понимание, что я должна, наконец, взглянуть правде в глаза, отрезвило и заставило испытать благодарность к этой девушке, которая за небольшой срок сумела стать другом. Другом, которого у меня никогда не было, но о котором я мечтала с самого детства. Поэтому я лишь слабо улыбнулась в ответ на ее слова и, зажмурившись, спустила ноги с кровати, чувствуя, как странно теперь ощущается окружающий мир, и сделала неуверенный шаг к большому зеркалу у противоположной стены...

Она была незнакома. Ровная кожа, нежный овал лица, чуть припухшие розовые губы, облако каштановых волос, спадающих по спине. Я ошеломленно стояла перед отражением, не смея даже на секунду поверить в то, что эта незнакомка и я — одно целое. Снова и снова я вглядывалась в зеркало, пытаясь убедить себя, что это не может быть правдой, но каждый раз, сталкиваясь с неверящим взглядом алых глаз и находя в них отражение своих собственных чувств, убеждалась: это действительно я.

Удивительно, насколько превращение изменило мою внешность. То,

что прежде выглядело как незаконченные мазки торопливого художника, сейчас сложились в единую гармоничную картину, и я приходила в смущение при мысли, что стоявшая по ту сторону отражения недоверчивая красавица теперь и есть я.

Не знаю, сколько могла бы еще стоять у зеркала, но у вампирши, все это время хранившей понимающее молчание, закончилось терпение.

— Ну, что ты скажешь? — с чуть угадываем страхом в голосе произнесла Антия, наблюдавшая за мной со стороны.

— Я... я... не знаю даже, что сказать. Это не могу быть я. Эта девушка... Она такая... Я хочу сказать, она выглядит словно... — отчаявшись подобрать нужное слово, я запнулась и, повернувшись к Антие, с мольбой взглянула на нее.

Рассмеявшись звонким смехом, похожим больше на перезвон колокольчиков, вампирша подошла ко мне и, успокаивающим движением взяв за руки, вновь развернула к зеркалу.

— Смотри Триана, смотри на свое отражение и не сомневайся. Это ты.

И я смотрела в зеркало и видела двух совершенно непохожих прекрасных девушек, стоявших рука об руку.

В этот момент Антия с досадой воскликнула, обращаясь ко мне:

— Боже, Триана, у меня совсем вылетело из головы, что ты голодна! Пойдем скорее в столовую, я все уже приготовила. По пути немного расскажу о том, что тебя интересует.

И только тогда я обратила внимание на странное жжение в горле, которые появилось сразу же после пробуждения. Казалось, как только Антия напомнила, оно начало усиливаться, становясь все сильнее и сильнее, так что игнорировать его стало невозможным. Поэтому я просто кивнула и направилась вслед за девушкой к двери.

— Что же, думаю, что начну свою лекцию о вампирах с того, что посвящу тебя в детали нашей физиологии, — девушка уверенно вела меня по длинному коридору, ни на секунду не прекращая своей речи. Я внимательно слушала, при этом с удивлением разглядывая обстановку: казалось бы, столько раз прежде я бывала здесь, но сейчас словно видела все в первый раз. Разница была просто ошеломляющей: все то, что ускользало от человеческого взора, в один момент ослепило и оглушило меня буйством красок, оттенков, теней, звуков. Словно только теперь я начала видеть и слышать *по-настоящему*. А брюнетка тем временем продолжала:

— Ты удивишься, узнав, насколько на самом деле люди на нас похожи. Да-да, не улыбайся, все так и есть! Не веришь? А зря! В наших жилах течет

кровь, сердца, пусть медленно, но все же бьются, нам тоже необходим кислород, пусть и не так часто, но все же нужен. Что еще? Ах да, по ночам мы не спим, но пребываем в пограничном со сном состоянии.

При этих словах я все же не удержалась от удивленного возгласа, на что Антия только утвердительно качнула головой.

— Да, все именно так. Конечно, мы гораздо сильнее людей, у нас лучше развито зрение и обоняние, нас сложнее убить или причинить боль, но в конечном итоге мы отличаемся совсем немногим.

Я изумленно пожала плечами в ответ на ее замечание: в этот момент мы как раз проходили мимо тронного зала, и меня гораздо больше начало волновать отсутствие кого-либо на нашем пути. Обычно здесь постоянно находилось множество вампиров, начиная от простых слуг и заканчивая напыщенными от собственной важности членами высшего совета. Но сегодня во всем замке, за исключением одного крыла, откуда доносились слабые отголоски присутствия там жильцов, царила какая-то подозрительная тишина, и лишь со двора явственно доносились звуки: лязг металла и звон доспехов. Осознав, какие ассоциации мгновенно всплывают в памяти, я остановилась и настороженно прислушалась. Первоначальная мысль была верной: во дворе действительно происходило сражение. Мгновенно успев встревожиться, я все ждала, когда же Антия услышит это и хоть как-тоотреагирует, однако когда она, как ни в чем не бывало, продолжила свой рассказ, я не выдержала и напрямиком спросила:

— Что за странный шум во дворе? Там явно что-то происходит... Я слышу звуки войны!

При этих словах лицо вампирши помрачнело, она помолчала немного, а затем тихо произнесла усталым голосом:

— Триана, много событий произошло за то время, пока ты проходила превращение. Ты наверняка успела заметить, что в замке практически никого нет. Объяснение этому, увы, крайне печальное: грядет война. И на этот раз с представителями нашей же расы.

— Вампиры? Но почему? — я не смогла сдержать изумленный возглас, вырвавшийся в ответ на ее слова.

Антия лишь скривилась в гримасе отвращения и процедила сквозь зубы:

— Да они лишь ждали повода, любого, и поэтому с радостью ухватились за первый попавшийся.

— И что же им явилось? — я, замирая, задала этот вопрос, заранее предчувствуя, что ответ мне не понравится.

Антия испытующе взглянула на меня, прежде чем с невеселой

усмешкой ответить, очевидно, решив, что я в состоянии вынести эту новость:

— Иризи.

Кто бы сомневался! Я так сразу и подумала, что без нее тут не обошлось. Как она сумела это сделать?

Мое молчание было красноречивей десятка слов. Так что Антия поняла и торопливо продолжила, не встречаясь со мной взглядом.

— Она родная сестра предводителя клана Крейц. Прежде, — тут хрупкая брюнетка немного замялась, с осторожностью подбирая слова: — Когда Иризи жила здесь, в замке, и существовала большая вероятность, что она станет здесь хозяйкой, они не смели предпринимать никаких враждебных действий. Но когда после попытки бунта она была с позором изгнана — а уж брат позаботился об этом — на следующий же день они прислали гонца с ультиматумом. Что именно в нем было написано — никто так и не успел узнать, так как Аларис, прочитав его, жутко разозлился и тотчас же сжег послание в камине. После этого было еще одно послание. И вот день назад брат и несколько его доверенных лиц поехали на переговоры — возможно, это последняя возможность предотвратить войну. Но все жители уже начали подготовку к войне — воины усиленно тренируются, женщин и детей вывозят в безопасные селения на юге от замка. Я все же надеюсь, что они сумеют договориться... — в этот момент мы как раз подошли к тяжелым дверям, ведущим в столовую, и Антия не закончила предложение, оставив недосказанные фразы витать в воздухе.

Мы вошли в богато убранную комнату с хорошо знакомым пейзажем за огромным окном — не выдержав, я вплотную подошла к нему и, прислонившись лбом к прохладному стеклу, взглянула в самую сердцевину тьмы. Сейчас своим новым зрением, я могла видеть даже сгустки плотного тумана, клубившегося внизу. Казалось, что там, на самом дне черной прожорливой пасти пропасти, есть жизнь; словно тысячи невидимых глаз настороженно следили за мной, скрываясь в густом тумане. Я только собралась окликнуть Антию и спросить, верны ли мои ощущения, как в этот момент своим обострившимся обонянием я почувствовала этот запах.

Запах ржавчины и соли, запах боли и слез. Запах человеческой крови.

Мой желудок непроизвольно начал сокращаться, отчаянно протестуя против такого вида пищи, в то время как горло полностью поглотил беспощадный огонь, выжигающий все внутренности и требующий лишь одного. Я развернулась лицом к столу и увидела на нем два одиноко

стоящих бокала, до краев наполненные темно-бордовой жидкостью. Медленно-медленно я подошла к одному из них, осторожным движением взяла его в руки и поднесла к лицу. Запах стал просто невыносимым, меня начало явственно тошнить от одной только мысли, что я должна выпить это. Горло продолжала гореть адским огнем, все тело охватило дикое желание немедленно погасить то пламя, что бушевало во мне. От осознания, что я теряю контроль над собой, превращаясь в кровожадного монстра, мне в первый раз за последнее время стало по-настоящему страшно. И один только Бог знает, как трудно мне было побороть зверя в своей душе, прежде чем я смогла мужественно опустить бокал обратно на стол и тихо произнести:

— Я не могу это пить.

Антия, все это время молчаливо наблюдавшая за моим действиями, понимающе кивнула головой и ответила:

— Я предчувствовала, что это произойдет. Поэтому и приготовила запасной вариант.

Она хлопнула в ладоши, и в тот же миг в комнату бесшумно проскользнула служанка, держа в руках еще один бокал, но у которого не было такого жуткого запаха. Она осторожно поставила его на стол, и, повернувшись к Антии, опустилась в почтительном поклоне.

Получив разрешение уйти, она тенью проскользнула мимо, даже не взглянув в мою сторону. Но в тот момент я не обратила ни малейшего внимания на откровенное игнорирование с ее стороны, целиком сосредоточившись на собственных ощущениях.

Я осторожно пригубила тягучую алую жидкость, чувствуя, как она быстро успокаивает горящее горло, принося прохладу и чувство насыщения. И только осушив полный бокал и поставив его на стол, я осторожно спросила у Антии, что это было. Она улыбнулась и пояснила, что это была кровь животных. Я вновь прислушалась к себе: жажда, обжигавшая горло, практически исчезла, но на душе было противно и гадко, словно я сама лично только что убила несчастное животное.

Вампирша, мгновенно почувствовав перемену в моем настроении, предложила совершить небольшую экскурсию по замку, а именно — посетить то крыло, где до этого мне было запрещено появляться.

Я с радостью ухватилась за эту возможность немного развеяться и перестать себя казнить за этот эпизод в столовой. Да, конечно, разумом я осознавала, что теперь стала кровопийцей, вампиром, но душа... Душа не желала мириться с тем, что теперь мне необходима кровь живых существ. И пусть это была кровь не людей, а животных, чувство вины

от этого меньше не становилось.

Мы шли извилистым коридором, на стенах которого неровные тени, отбрасываемые пляшущим светом факелов, сплетались в причудливые узоры, представляя собой немного жуткое зрелище. Антия уверенно вела меня мимо роскошных картин, на которых были изображены надменные вампиры в роскошных одеяниях, и параллельно поясняла, кто из них кем приходился ее семье. Наконец, мы вошли в просторную светлую комнату с горящим камином. Признаться, поход по мрачному коридору оставил тягостное впечатление, поэтому я с радостью огляделась вокруг, отмечая, как здесь красиво и уютно. Давно желая спросить, кто занимался обстановкой замка, я повернулась к подруге, но потрясенно замерла, увидев на противоположной стене огромную картину. Не отрывая глаз от мужчины, женщины и маленького ребенка, изображенных на фоне роскошных покоев, я медленно подошла вплотную к изображению.

Женщина была восхитительна: ее светлые кудри волной спадали на плечи, мягкая улыбка говорила о добром нраве, правой рукой она обнимала своего мужчину, который замер возле нее в оберегающей позе — чуть прищуренный взгляд обманчиво теплых глаз не оставлял сомнений, что в случае опасности он будет сражаться за свою семью до последнего. Но не это потрясло меня. Я стояла и смотрела на непослушные кудри, в которые так уютно зарываться пальцами, на упрямую линию плотно сомкнутых губ, которые так часто беспощадно терзали мои, на уверенный взгляд столь знакомых глаз, пока до меня медленно доходило осознание того, кто был этим очаровательным ребенком. В этот момент сзади раздался голос подруги:

— Это наши родители. Здесь они с Аларисом, ему здесь лет десять, не больше. Анноре в тот момент не было еще и семи, мы с ней тогда капризничали и в наказание отец не разрешил нам позировать. Помню, мама часто нам потом рассказывала, как брат стоически терпел несколько часов позирования, но под конец не выдержал и... Триана, да что с тобой? Почему ты так странно смотришь? Ты что, не узнала Алариса? Или... — Антия подошла ко мне и, тихонько посмеиваясь, спросила:

— Неужели для тебя явилось открытием, что вампиры тоже могут иметь детей? Триана, я же тебе рассказывала, насколько мы похожи с людьми, так почему ты так удивлена еще одним доказательством? Ты думала, что все окружающие тебя вампиры обращенные? Нет, среди нас случаи обращения не слишком часты: нужно иметь железную силу воли, чтобы суметь вовремя остановиться и не убить человека.

Я, наконец, пришла в себя, и, выдавив слабое подобие улыбки,

прошептала Антие:

— Это все так странно... Еще полгода назад я была убеждена, что вампиры — это бездушные жестокие существа, одержимые лишь жаждой крови, а сейчас... Сейчас я сама вампир, хоть и не могу до конца осознать этот факт. Я постепенно убеждаюсь, что все мои старые представления о мире совершенно неверны, а новые никак не желают укладываться в голове. Боже, Антия, если бы ты могла знать, что сейчас творится у меня в душе! Я пытаюсь понять и принять новую сущность, свое место в этом мире, но пока ничего не получается, — под конец я все-таки не выдержала и излила собеседнице все то, что камнем висело на душе.

Она молча подошла ко мне и крепко обняла, позволяя уткнуться ей в плечо и снова почувствовать себя маленькой одинокой девочкой. Память услужливо воскресила забытые воспоминания...

Я стояла перед большими дверями, ведущими в родительские покои, и настороженно прислушивалась к странному шуму, доносившемуся оттуда. Обычно шум был, когда королевская чета ругалась, но отец с Дэйкасом вчера куда-то уехали на несколько дней, кажется, брат что-то говорил про другого короля и прием, который будет устроен в их честь где-то в чужом замке. Он обещал привезти оттуда для меня подарок, и я с нетерпением ждала его возвращения, зная, что он всегда держит слово.

Внезапно двери распахнулись, и на пороге возникла разгневанная молодая женщина, одетая в длинное дорожное платье, не похожее на яркие красивые ткани, которые она обычно предпочитала носить. Королева раздраженно прикрикнула на слуг, выносивших из покоев многочисленные сундуки с одеждой, поторапливая их.

Я быстро нырнула в тень, боясь показаться ей на глаза, опасаясь строгого внушения за подглядывание, но уже было поздно: она заметила меня. Я сжалась в комок, ожидая услышать гневную речь, однако вместо сурового выговора королева внезапно ласково позвала:

— Триана, милая, подойди сюда.

Осознав, что наказания не будет, я с радостью подбежала к ней, и, обняв, с наслаждением вдохнула до боли родной запах: от мамы всегда пахло розами и еще какими-то красивыми цветами, которые специально для нее привозили откуда-то далеко. Она крепко обняла меня, и, нежно укачивая в своих руках, прошептала:

— Милая, мама должна тебе что-то сказать, посмотри на меня.

Я неохотно высвободилась из объятий и взглянула на нее. Вблизи она была еще прекрасней, чем на крохотном портрете, что я тайком всегда носила с собой. Я мечтала, что когда-нибудь стану такой же, как мама,

ведь все вокруг говорили, что я — ее точная копия и наверняка вырасту такой же красавицей.

Тяжело вздохнув, королева присела так, что наши глаза оказались на одном уровне.

— Послушай, детка, понимаю, что тебе сложно это будет понять, но я должна хотя бы попытаться. Триана, ты же знаешь, что твоя мама несчастна в этом большом дворце, что она очень скучает по своей родной стране, где всегда тепло и где круглый год цветут мамины любимые цветы, да, милая?

Я серьезно кивнула на ее слова: мама с папой часто ссорились, и в такие моменты она всегда кричала, что мечтает повернуть время вспять и никогда его не встречать. Правда, я не очень понимала, что она хотела этим сказать, но ведь в итоге они все равно мирились, и я знала, что она очень любит нас с братом. Спросить об этом напрямик мне никогда не приходило в голову, ведь никто из них не знал, как часто я становилась свидетельницей этих ссор. Я пряталась от няnek под большим столом, ожидая, когда мама освободится от дел и можно будет посидеть у нее на коленях, и всегда слышала, что происходило за дверями королевских покоев, когда там не стояло охраны.

— Триана, мама больше не может выносить все это. И поэтому мама должна уехать далеко-далеко.

— Уехать? — мои глаза моментально наполнились слезами от этого страшного слова. — Но я не хочу никуда уезжать! Я люблю свою комнату. И Дэйкас тоже не захочет, он ведь хочет стать королем, как папа.

Я не понимала, почему мама так странно нахмурилась при моих словах.

— Триана, я так давно ждала, пока вы повзрослеете, чтобы убедиться, что с вами все будет хорошо. И сейчас вы с братом уже достаточно взрослые, чтобы понять, что ваша мама тоже хочет быть счастливой.

— А разве ты не счастлива с нами? — я все еще не могла понять, что же она хочет сказать.

— Милая, я чувствую, как серость и промозглость этого замка поглощают меня, — мама прикрыла глаза, останавливая себя на полуслове. А когда открыла их, на меня смотрела королева. — Когда-нибудь однажды ты сумеешь меня понять, я верю.

— А мы? Ты уедешь без нас? — я почувствовала тревогу, осознав, наконец, что до меня пытались донести сейчас.

Женищина тяжело вздохнула, и, бросив быстрый взгляд в окно,

проговорила:

— Поверь, я очень бы хотела взять вас с собой, но не могу. Ваш папа нас всех так просто не отпустит.

И только сейчас я испугалась по-настоящему.

— Мама, мамочка, пожалуйста, не уезжай! — изо всех сил я вцепилась пальцами в жесткую ткань дорожного платья мамы. — Обещаю, я буду самой хорошей принцессой на свете, я никогда не буду больше расстраивать тебя, я обещаю! — я начала громко всхлипывать, соленые капли скатывались прямо на мою любимую куклу, которую я отчаянно прижимала к себе.

— Триана! Взрослые девочки не плачут, я тебе уже говорила! Тем более принцессы! Ты же не хочешь, чтобы мама плакала?

Я сквозь слезы быстро-быстро покачала головой, показывая, что я помню все уроки, что я уже — самая послушная и правильная девочка, что меня не надо оставлять.

— Вот и умница. Однажды я обязательно приеду за тобой, если ты будешь вести себя хорошо. Не спорь с отцом, слушайся его и брата, не носись по замку и не играй с дворовыми детьми. Ты — будущая королева, всегда помни об этом. Обещаешь? — я отчаянно закивала, надеясь, что мама смягчится и передумает уходить.

Королева встала, расправила платье, на мгновение скрылась в комнате, а затем вышла оттуда, накидывая на плечи накидку. Я подбежала к ней, вцепилась в платье руками и ногами, не желая отпускать.

— Мамочка! — не заботясь о том, чему меня учили, я ревела во весь голос.

— Триана, мне пора. Помнишь, ты говорила, что не хочешь, чтобы твоя мама плакала — так отпусти меня, потому что здесь я буду несчастна всегда. А твоя мама заслуживает счастья.

Она еще раз крепко обняла меня на прощание, а затем, кивнув кому-то за моей спиной, сказала:

— Отведите ее в комнату, и не выпускайте, пока карета не отъедет.

Я кричала и вырывалась, пока чужие руки несли меня в комнату, но все попытки вырваться были бесполезны. Как только на двери защелкнулся замок, я бросилась к высокому окну; изо всех сил вытягивая голову, я старалась увидеть карету, стоящую у дворцового крыльца. Наконец, мне удалось увидеть знакомую фигуру, выходящую из парадных дверей.

— Мама! Мамочка! Не уезжай! — кричала я сквозь глухие рыдания, слезы градом скатывались по щекам.

Но высокая фигура в длинном платье так и ни разу не оглянулась. Я кричала и кричала, пока у меня не охрип голос, и из груди не начали вырываться сдавленные хрипы. И в этот момент карета медленно тронулась с места, постепенно набирая скорость, пока не превратилась в маленькую черную точку на горизонте. А я все продолжала сквозь слезы шептать слово «мама».

Я вынырнула из омута тяжелых воспоминаний только тогда, когда Антия осторожно прикоснулась к моему плечу, взглядом спрашивая, все ли в порядке. Я лишь слабо улыбнулась ей в ответ, поражаясь, как некстати память решила напомнить о старой ране.

— Все хорошо, — я не хотела рассказывать ей об этом, то, что произошло тогда, в далеком детстве, было слишком личным. И слишком болезненным. Я не говорила о случившемся ни с кем, даже с братом. Они с отцом узнали все сами, вернувшись из поездки недель спустя. Король был в бешенстве, я точно помню то темное время, когда ему на глаза было страшно попадаться, при виде меня он становился обезумевшим, и все детство я не могла понять, в чем была моя вина. Лишь став старше я осознала, что все дело крылось во внешности — в том, что я была слишком похожа на предавшую его королеву. Но вся моя любовь к отцу к тому времени была задушена на корню.

Антия понимающе улыбнулась, а затем, с непохожим на свою обычную манеру говорить лукавством произнесла:

— А у меня для тебя есть сюрприз! Надеюсь, он поможет тебе поскорей прийти в себя и освоиться здесь.

Я заинтересованно взглянула на нее и поинтересовалась, впрочем, не слишком-то веря ее словам. Едва ли в этом мире нашлась бы вещь, способная сейчас отвлечь меня от невеселых размышлений.

— И где же он?

— Он ожидает тебя в гостиной. Иди, я не буду мешать.

Слегка удивившись, я все же послушно двинулась в указанном направлении, удивляясь, насколько быстр и легок мой новый шаг. На то, чтобы пересечь комнату требовалось всего одно-два мгновения, и теперь я не удивлялась тому, как вампирам удастся покрывать такие огромные расстояние пешим ходом.

Не дойдя несколько шагов до дверей, я замедлила ход, почувствовав чье-то присутствие в комнате. Медленно потянув массивную ручку на себя, я замерла, стоя на пороге.

На фоне пылающего камина выделялся до боли знакомый силуэт. Мужчина медленно повернулся ко мне, расплываясь в прекрасно знакомой

улыбке. Мгновенно узнав его, я распахнула дверь и бросилась к нему...

Глава девятая

Я наслаждалась крепкими объятиями брата, на секунду словно вновь оказавшись в детстве: так часто я прибегала к нему, в очередной раз получив несправедливое наказание от отца. И каждый раз он ласково обнимал меня, и все горести отходили на второй план, уступая место безграничному обожанию, которое я всегда испытывала к Дэйкасу. И сейчас, глядя в родное лицо, я вновь почувствовала, как меня наполняет нежность и любовь к тому, кто всегда был для меня самым близким существом на свете. Да, он больше не человек — как и я. Мы получили возможность начать наш путь заново в другом мире, гораздо более суровом и живущим по другим законам, нежели человеческий. Но мы по-прежнему были друг у друга — это ли не счастье?

Брат немного отодвинулся, и, не размыкая объятий, оглядел мое лицо и восхищенно прошептал:

— Сестренка... Как же я скучал! А ты ничуть не изменилась.

Я без слов посмотрела на него в ответ, изогнув бровь.

— Я всегда говорил, что ты исключительно красива, помнишь?

Не выдержав, я засмеялась вместе с ним, вспомнив тот момент.

Мне было двенадцать, и я, как большинство девочек в этом возрасте, очень стеснялась своей внешности. Как назло в тот день ожидались послы из соседнего государства, с которым отец очень хотел породниться. К сожалению, у тамошнего короля дочерей не было, зато был единственный сын. Будущему наследнику к тому моменту едва исполнилось четыре года. Но, как это часто бывает, ни моего, ни его отца это ничуть не смутило.

Узнав от болтливой служанки о планах отца, я пришла в ужас. Заключить помолвку с сопливым мальчуганом, а потом ждать с десятков лет, пока он повзрослеет — что могло быть хуже? Расплакавшись, я стремглав выбежала к выходу из замка, решив спрятаться в королевском лесу. Но координация вновь меня подвела: споткнувшись на скользких ступенях, я не удержалась и с головой рухнула прямо в осеннюю слякоть. Застонав от унижения, медленно поднялась и оглядела себя: платье было безнадежно испачкано, грязная вода стекала потоками с подола, руки были в вязкой жиже. Тяжело вздохнув, я приняла решение вернуться в комнату и быстро переодеться, пока меня никто не заметил. Крадучись, я уже практически дошла до своей комнаты, как вдруг увидела большую торжественную

толпу, шедшую прямо мне навстречу. Я попыталась спрятаться за углом, но было поздно: меня заметили.

Услышав грозный оклик отца, призывающий меня выйти, я, опустив голову, послушалась и предстала перед ними как была: в мокром платье, с разводами грязи на лице и руках. На миг воцарилась полнейшая тишина, а затем раздалось тоненькое испуганное детское всхлипывание, переросшее в мощный рев, как только я подняла голову и посмотрела на источник шума: на руках у высокой дородной женщины сидел щупленький карапуз, сжимающий в руках сладкий леденец. Увидев, что я смотрю прямо на него, будущий король расплакался еще сильнее и громко на весь коридор прорыдал: «Какая страшная!». Надо ли говорить, что помолвка не состоялась? Тем же вечером Дэйкас долго утешал меня, доказывая, что я очень красива, просто еще ничего не понимаю в женской красоте, в отличие от него самого...

— Триана, — брат усадил на диван, сев рядом. С его лица сошла улыбка, и теперь стало заметно, что он изменился. Черты его лица потеряли былую мягкость, заострившись, на дне взгляда горел хищный огонек, живо всколыхнувший в памяти цвет алой крови. — Мне так много нужно тебе рассказать, но сначала я должен извиниться. Мне так...

— Шшш, — я остановила его объяснения, коснувшись широкой ладони. — Не надо, я все понимаю. Мне самой было ужасно трудно перебороть себя в первые минуты.

— Но я чуть было не совершил самого страшного! Боже, — он с силой сжал кулаки. — Когда я пришел в себя и понял, что произошло, я...

Дэйкас спрятал лицо в ладони, как он позволял себе делать раньше лишь в моем присутствии, и от этого жеста в глубине души всколыхнулось узнавание: какими бы иными не стали черты его внешности, внутри он по-прежнему тот же, кем был.

— Триана, ты моя семья, единственная, кто остался. И то, что произошло тогда в комнате... Я словно обезумел, разум кричал: «остановись!», но неведомая сила будто тащила меня на поводке, заставляя повиноваться. Наверное, мне никогда не забыть об этом...

— Все хорошо. Теперь хорошо, — я выделила первое слово. — И мы вместе. Мы справимся с чем угодно.

Я ласково прикоснулась к его ладоням, вынуждая посмотреть на меня: — Дэйкас, послушай меня. Я ведь успела попрощаться с тобой, я думала, ты не выжил. Это было самое ужасное время за всю мою жизнь. И обрести тебя снова было подобно чуду. Потому неважно все, что было в прошлом. Забудь об этом и давай просто жить дальше.

Брат снова обнял меня и искренне проговорил, радуя столь знакомой широкой улыбкой:

— Спасибо за то, что не отвернулась от меня. Я не знаю, как жил бы, не прости ты меня.

Я улыбнулась ему в ответ и неожиданно для самой себя предложила:

— Давай выйдем наружу? Здесь же есть, где можно просто прогуляться? Нам так много нужно друг другу рассказать.

Брат улыбнулся и с энтузиазмом ответил:

— Прекрасная мысль! Пойдем.

Не выпуская моей руки, он уверенным шагом двинулся к выходу. Я с радостью следовала за ним.

В первый раз за все время моего пребывания здесь, я оказалась за стенами замка. С наслаждением вдохнув свежий воздух, огляделась: царила поздняя весна, все вокруг уже давно пробудилось от зимней спячки. Ветки деревьев налились почками, радостно щебетали птицы, и от этой картины становилось так легко на душе, словно все трудности и невзгоды остались позади.

Надо же, еще неделю назад мне казалось, что жизнь кончена, что в ней не осталось ничего светлого, а сейчас в этот самый миг я была счастлива. Счастлива от того, что люблю и любима; что тот, кого, казалось, я бесповоротно и окончательно потеряла, снова со мной.

В этот момент мы подошли к большой резной беседке, стоявшей в окружении розовых кустов. Я на секунду представила, как, наверное, здесь красиво поздними летними вечерами, когда нальются пышными бутонами цветы, в воздухе разольется аромат лета, приправленный запахами цветущих растений, тепла, солнца... Как здорово будет сидеть здесь и наслаждаться всем этим вместе с *ним*... Я мечтательно улыбнулась своим мыслям, пообещав в душе обязательно воплотить их в жизнь.

Я повернулась к брату, с любопытством спросив:

— Ты часто здесь бываешь?

Он немного, помолчав, грустно улыбнулся и промолвил:

— Сюда я прихожу только в особенные минуты. Так было после обращения, и после того, как чуть было не убил тебя.

Я постаралась увести его мысли подальше от печальных воспоминаний:

— Расскажи, как ты оказался в этом месте. Если бы ты знал, что я испытала при известии о твоём исчезновении! Наверное, именно с этого момента я и начала творить глупости...

Он подошел ко мне, ласково провел рукой по моим волосам, и,

притянув ближе к себе, начал негромко рассказывать, мгновенно становясь серьезным:

— В тот день ожидалось большое сражение. На военном совете было решено не тянуть и наступать первыми. Я был против этого решения, осознавая, что у нас недостаточно сил для решающего сражения, но меня никто не слушал. Как позже оказалось, это была заранее спланированная ловушка: особого сопротивления противник не оказывал, заманивая нас подальше от укрепленных позиций. А когда мы опомнились, было уже поздно: нас окружили внезапно возникшие словно ниоткуда сплоченные отряды врага. Некоторые воины, увидев явное превосходство соперника, испугались и начали отступать. Я приказал не сдаваться и продолжать сражение, надеясь на союзный отряд, который должен был прийти на подмогу. Но время шло, а подкрепления все не было. Я сражался в первых рядах, когда в отдалении увидел Алариса. Он сражался необычайно мастерски, с легкостью одерживая верх над самыми умелыми воинами. Поняв, что это их лидер, я поспешил туда. К несчастью, к тому моменту, когда я смог, наконец, разобраться со своим противником, почти все мои друзья уже погибли от его руки, — на лице брата, в момент когда он рассказывал о тех, с кем дружил с самого детства и кого потерял в той самой битве, было так много боли, что я, не выдержав, крепче сжала его руку и горячо зашептала:

— Не надо, не вспоминай! Если это причиняет так много страданий.

Но Дэйкас, словно и не слыша меня, продолжал свой рассказ, глядя невидящим взглядом куда-то за линию горизонта:

— Мы сражались с ним до последнего. Не знаю, как долго это продолжалось, но я не замечал ничего вокруг — время словно остановилось. Силы начали покидать меня, все чаще и чаще приходилось защищаться, а не нападать, пока, наконец, его рука не оказалась на моем горле, — брат вымученно улыбнулся, и я бы многое отдала, лишь стереть бы с его лица это выражение! Он не должен был страдать, только не он!

— И что было дальше? Ведь он должен был убить тебя? — тихо произнесла, когда стало ясно, что брат не станет продолжать.

— Должен был. Но в этот момент словно расступились небеса, и появилась она... — внезапно Дэйкас улыбнулся, и эта светлая улыбка сказала куда больше слов. Я поняла, что речь шла о воинственной вампирше Анноре. — Она мгновенно оказалась рядом и что-то сказала своему брату. Тот кивнул ей и не стал меня убивать. Вместо этого он отдал мгновенный приказ своим воинам, и один из них оглушил меня сзади чем-

то тяжелым. Очнулся я уже здесь.

Я не стала расспрашивать Дэйкаса, когда именно и как произошло превращение, чтобы не расстраивать или смущать его. Вместо этого, удивившись самой себе, я попросила:

— Расскажи мне о Анноре.

При упоминании знакомого имени в глазах брата зажегся незнакомый прежде огонь, и я даже ощутила, как крохотная игла ревности кольнула сердце. Никогда прежде он не был кем-то увлечен с такой силой.

— Она прекрасна, — проговорил он с такой интонацией, что, будь он по-прежнему человеком, наверняка бы покрылся краской смущения, как какой-нибудь юнец. — Огненная, опасная, бесстрашная. Я никогда не встречал раньше подобных ей: все женщины смущались и трепетали, стоило заговорить о войне, но только не она. Да и она сама — воин, притом преотличный, мне уже довелось видеть ее в действии.

Я невольно улыбнулась, глядя на него в этот момент: неужели я сама так же выгляжу, когда разговор заходит об Аларисе?

— Скажи, а как ты справляешься с жаждой? — внезапно поинтересовался брат, возвращая меня обратно в реальность, в которой нам обоим для существования необходима была кровь.

Я помолчала секунду, собираясь с мыслями:

— Знаешь, когда я впервые почувствовала запах человеческой крови, мне стало плохо. Я имею в виду именно физическую составляющую, — о своих душевных терзаниях я говорить не стала, подозревая, что брат и сам испытывал нечто подобное. — Но в итоге, несмотря на то, что на доли секунды мне показалось, что теряю контроль над собственным телом, я сумела перебороть себя.

— А я в первые часы все не мог осознать страшной правды. Не могу даже передать словами, что тогда испытал. Когда Аннора попыталась напоить меня, я сопротивлялся как мог, но зверь во мне был сильнее, — он грустно улыбнулся, прежде чем продолжить. — Но зато в следующий раз я решил доказать себе, что сильнее жажды, поэтому отказывался от крови несколько дней подряд. Но в итоге все закончилось плачевно: в один из самых мучительных приступов голода открылась дверь и вошла ты. Что произошло дальше ты знаешь не хуже меня. После этого я понял, что в таком состоянии становлюсь настоящим монстром, поэтому теперь больше не повторяю подобных ошибок. К тому же в последнее время я много тренируюсь, а это требует больших энергетических затрат.

— Много тренируешься? О чем ты? — мгновенно встревожилась я.

— Неужели ты еще не слышала о возможной войне? — удивился

Дэйкас.

— Антия сказала, что еще есть надежда на мирный исход переговоров!

— Тем не менее, все должны быть начеку. К тому же я не думаю, что все закончится миром.

— Дэйкас, неужели ты собираешься сражаться? — я все еще не могла поверить в то, что он серьезно говорит об этом.

— Триана, пора тебе уже принять тот факт, что теперь это — наш мир. Мы — вампиры. Этого не изменить. Знаешь, никогда прежде я не мог пожелать для тебя такой участи! Мне казалось, что лучше я своими руками подарю тебе легкую смерть, чем обречу на существование в таком виде. Но когда я узнал, что ты больше не человек, я испытал радость. Знаю, это неправильно и эгоистично, но мне действительно стало легче от мысли, что ты будешь рядом. И я пойду на что угодно, чтобы обеспечить тебе жизнь в этом месте — мирную, безопасную, в которой больше не будет войны, — горячо высказавшись, он замолчал и отвернулся, глядя на замок.

— Значит, война ради войны? — криво усмехнувшись, произнесла я, впрочем, раскаявшись спустя секунду. — Знаешь, я все еще не могу принять себя такую.

Он, вздохнув, заговорил, глядя в глаза:

— Милая, поверь, я знаю, каково тебе сейчас. Я тоже прошел через такое. Поэтому и говорю: отпусти. Отпусти все то, что связывает тебя с прошлым, то, что мешает тебе принять реальность такой, какая она есть. Это единственный выход, и чем раньше ты это поймешь, тем лучше для тебя самой.

Я кивнула ему в ответ и прошептала успокоено:

— Я буду стараться.

Желая сменить тему, я задала брату вопрос, который давно интересовал меня:

— Скажи, а почему вампиры, коль скоро они так похожи на людей, не пьют кровь друг друга?

Он усмехнулся:

— Меня тоже этот вопрос заинтересовал одним из первых. Кровь, взятая силой вампиром у другого вампира убивает, только отданная по собственному желанию кровь может быть выпита. Но это происходит лишь между влюбленными парами, которые готовы связать себя узами брака. Хотя, стоит признать, кровь вампира по всем качествам превосходит человеческую.

Я удивленно посмотрела на него, намереваясь подробнее выпросить про интересующую меня тему, однако в этот момент услышала пока

далекий, но уже различимый шум.

Повернувшись к массивным воротам, я приготовилась ждать, краем глаза заметив, что брат также замер, тревожно всматриваясь вдаль.

Через пару минут во двор замка влетела роскошная карета, запряженная четверкой гнедых жеребцов, и остановилась у самого крыльца.

При виде нее брат тихо произнес:

— Вернулись.

Уже предчувствуя ответ, я, тем не менее, не поворачивая к нему головы, спросила:

— Кто?

Но в этот момент открылась покрытая лаком черная дверца, и показался до боли знакомый силуэт, одетый во все черное.

— Аларис, — выдохнула я, ведомая одними лишь эмоциями, взявшими верх над разумом.

Словно уловив это едва слышное восклицание, объект моих неустанных размышлений резко вскинул голову и нашел меня взглядом, обжегшим даже на расстоянии.

Внезапно одним неуловимым движением он оказался рядом со мной. На секунду его глаза расширились от удивления — моя новая внешность не осталась незамеченной. Я же зачарованно вглядывалась в любимое лицо, отмечая, каким уставшим и напряженным оно выглядело, и наслаждалась уже забытым ощущением того, что он рядом.

Не знаю, сколько мы так стояли с ним и гипнотизировали взглядами друг друга, пока, наконец, я не в силах справиться с искушением, подняла руку и медленно прикоснулась к его лицу. На миг в его глазах полыхнули языки пламени, а затем он внезапно обхватил мое лицо двумя руками и приник к моим губам с обжигающим поцелуем. Я оказалась застигнута врасплох столь прилюдным проявлением чувств, никто из человеческих правителей не посмел бы сделать то, что делал мой вампир. Его губы в беспощадном натиске раз за разом покоряли мои, разжигая огонь, заставлявший мое тело гореть и плавиться от его прикосновений.

Я не могла заставить себя оторваться от вампира: с каждым новым мигом я все больше и больше теряла голову, забывая, что мы стоим посреди людного двора, что рядом с нами находится мой брат, которому едва ли эта сцена доставляет радость.

Едва я успела подумать, что еще немного — и мне не хватит воздуха, как Аларис резко оторвался от моих губ, на секунду прикрыв глаза, словно сожалея об этой вспышке страсти, и, даже не посмотрев на меня,

развернулся и практически мгновенно исчез в недрах замка.

Я, полностью обескураженная его странным поведением, осталась стоять на том же самом месте, непонимающе глядя ему вслед. Спустя минуту ко мне неспешно подошла Аннора, вслед за своим братом вышедшая из кареты, и с весьма ощутимой прохладцей в голосе произнесла:

— Не стоит воспринимать все поступки Алариса всерьез, — и, не дожидаясь ответа, она направилась в замок мимо Дэйкаса, терпеливо ждавшего ее в стороне. Кинув на меня извиняющийся взгляд, брат молча последовал за ней.

Не зная, что и думать, я медленно побрела по тропинке, ведущей в глубину сада. Губы все еще горели от жарких поцелуев Алариса, но на душе было на редкость серо и тоскливо: как ни пыталась, я не могла понять этого вампира. Слова Анноры лишь подлили масла в огонь.

Словно под стать моему настроению погода резко изменилась: скрылось за темными серыми тучами непостоянное весеннее солнце, с севера подул холодный ветер, напоминая, что лето придет еще нескоро. И хотя капризы природы не причиняли мне особого дискомфорта, я решила вернуться в замок и, наконец, открыто поговорить с этим упрямым вампиром. Чего следовало ожидать теперь, когда наши отношения перешли в иную плоскость? Кем я для него все-таки являлась? Любимой женщиной или военным трофеем, с триумфом возложенным под ноги победителя?

Как только я зашла под высокие своды замка, по крыше застучали первые капли пока еще небольшого дождя, который, судя по всему, обещал затянуться на всю ночь. Порадовавшись про себя, что успела зайти как раз вовремя, чтобы не намокнуть, я поспешила в гостиную, надеясь застать там Алариса. Однако единственной, кто был в комнате, оказалась Антия, сидевшая у стола и недовольно перебирающая свои рисунки. Это состояние было столь нетипично для обычно спокойной вампирши, что я насторожилась. Причина ее такого сумрачного настроения обнаружилась весьма скоро:

— Триана, ты уже слышала новости?

Я отрицательно качнула головой, вся превратившись в слух. Антия закусил губы, прежде чем решившись заговорить. Очевидно, ей очень хотелось хоть с кем-нибудь обсудить это, но, вероятно, ни брат, ни сестра не воспринимали младшую сестру как серьезного собеседника.

— Переговоры не дали результата. Это означает, что если Аларис ничего не предпримет, войны не миновать.

Я стояла в центре гостиной, не в силах осознать страшный смысл ее

фраз — неужели той резне, что произошла во дворце моего отца, суждено было повториться?

— Антия, не все потеряно, еще есть возможность, что до сражений дело не дойдет, — я проговорила, чувствуя, как неубедительно звучат мои слова даже для меня самой.

— Ты сама не знаешь, о чем говоришь, — с сожалением качнула темноволосой головой вампирша, отчего пышная копна волос за ее спиной колыхнулась в такт этому движению. — Глава клана Крейц жесток и беспощаден. Про него ходят страшные слухи, но точно никто ничего не знает — свидетелей никогда не остается. Говорят, — при этих словах она понизила голос и шепотом продолжила, — что он ставит какие-то страшные опыты в подземельях своего замка, что ночами оттуда слышатся жуткие крики и стоны, а монстры, которые, опять же, согласно слухам, обитают в лесу около замка — его творенья.

Я почувствовала, как от ее слов по коже невольно пробежали мурашки. Боясь поверить в правдивость этих слухов, я нарочито бодрым голосом заявила:

— Антия, неужели кто-то верит подобным домыслам? Я уверена, что это все неправда, не может быть такого в нашем мире. Не удивлюсь, если в итоге окажется, что слухи распускает сам этот предводитель.

Но девушка в ответ лишь покачала головой, явно не согласная с моими словами. К счастью, она не стала продолжать эту тему, вернувшись к своим бумагам. На мою осторожную попытку выяснить, чем та занимается, она, не вдаваясь в подробности, ответила, что пишет письмо родителям. Решив больше не отвлекать ее от столь важного занятия, я лишь поинтересовалась, не знает ли она, где сейчас находится Аларис, на что вампирша, на секунду подняв голову, ответила, что вроде недавно видела его в тронном зале. Поблагодарив ее, я двинулась в указанном направлении.

Через час безуспешных поисков я снова вернулась в гостиную, однако Антии там уже не было. По-видимому, закончив письмо, она отправилась в свои покои.

Между тем за окном уже было совсем темно, и лишь ровный перестук дождя напоминал, что на улице царит непогода. Отчаявшись найти хозяина замка, который словно бесследно растворился в глубинах замка, я разочарованно побрела в свои покои.

Уже у самой двери я внезапно почувствовала знакомый аромат, который я не спутала бы ни с каким другим. Открывая дверь, я уже знала, кого увижу. И действительно, в темном полумраке спальни темный силуэт, стоявший у окна, не заметить было невозможно. Медленно затворив

за собой дверь, я подошла к Аларису, но не успела даже открыть рот, как в тишине комнаты раздался его недовольный голос:

— Где ты была? Я ждал тебя.

— Разве я могла знать, что ты будешь в моей спальне? После твоего поспешного ухода я и не знала, что думать, — я постаралась вложить в голос всю обиду, которую я испытала в тот момент.

— Ты должна всегда быть там, где я хочу. Ты принадлежишь мне, — его голос, произносивший эти возмутительные слова, звучал совершенно серьезно.

Вот и узнала ответ на все свои вопросы!

Я почувствовала, как волна гнева и ярости поднимается внутри меня, но вместо того, чтобы излить её на него, я сделала то, что сама от себя не ожидала: за одно мгновение оказавшись рядом, я прижалась к мужчине всем телом и обрушилась на него потоком яростных поцелуев.

В первую секунду он замер, пораженный моими решительными действиями, однако в следующее мгновение его губы ринулись в атаку.

Мы стояли друг к другу так близко, что я могла чувствовать его всем своим телом, каждой клеточкой. Его руки беспорядочно блуждали по моему телу, вызывая жар внизу живота, захвативший все тело и спустя несколько мгновений превратившийся в полыхающее пламя. Не в силах сдерживать чувства, я издала негромкий стон, ставший сильнее, когда его губы переместились к моей шее.

Почувствовав, что он вновь берет инициативу в свои руки, я мгновенно пришла в себя: сегодня ночью поруководить ему не удастся! Поэтому в ответ на его ласки я оттолкнула его от себя, но лишь для того, чтобы стянуть с мужчины ненужный камзол, служивший преградой. Оторопев от моего поступка, Аларис позволил снять его с себя, однако когда он снова попытался вернуть контроль надо мной, я резко толкнула его на кровать, стоявшую прямо за ним.

Застигнутый врасплох Аларис упал прямо на мягкую перину, и, поняв, что сегодня власть в моих руках, приподнявшись на локтях, стал ждать моих действий.

Я не стала медлить и в пару секунд избавилась от собственного платья, оставшись в одной сорочке. Удивляясь собственной храбрости, я медленно опустилась на противоположный край кровати, чувствуя на себе его внимательный взгляд. Не удержавшись, взглянула на мужчину сквозь опущенные ресницы — и поняла, что пропала: он лежал, даже на расстоянии обжигая меня огнем в глазах, его грудная клетка быстро и тяжело вздымалась — очевидно, мое небольшое представление

не прошло даром.

Почувствовав, как от его взгляда внизу живота набухает тугой узел, я медленно прикоснулась к телу вампира, но когда от моего робкого прикосновения он вдруг издал низкий стон, я отбросила всякие приличия и с головой ринулась в омут страсти.

Нависнув над Аларисом, я начала покрывать его лицо нежными поцелуями, которые, однако, мгновенно переросли в жаркую схватку, стоило мне добраться до его губ. Мы целовались так, словно от этого зависели наши судьбы, словно это было последнее, что нам суждено было сделать в этой жизни. Не в силах больше выдержать это мучительное наслаждение, я оторвалась от его губ и начала медленно спускаться вниз по его шее. Не передать словами, какие чувства я испытывала, покрывая поцелуями его грудь, постепенно спускаясь все ниже и ниже. Никогда прежде я не могла представить, что смогу быть настолько распушенной в постели с мужчиной. Однако с этим вампиром я теряла все представления о приличиях, и, похоже, он был вовсе не против этого.

Приблизившись вплотную к поясу его брюк, я замерла в нерешительности. Посмею ли я двинуться дальше или стоит остановиться на этом и позволить ему самому завершить начатое? Так и не придя к единому решению, я взглянула на вампира и прочитала ответ во взгляде, устремленном на меня: огонь в его глазах призывал не останавливаться. Слегка дрожащей рукой я взялась за край пояса и потянула на себя, и он выскользнул на удивление легко, словно только этого и ждал.

Глубоко вздохнув, я потянула брюки вниз — и обомлела, впервые так близко наблюдая сосредоточие его мужественности. Не в силах противостоять охватившему меня любопытству, я медленно протянула руку и робко прикоснулась к нему. В этот момент по телу Алариса прошла судорога, он хрипло застонал. Желая повторить это новый опыт, я вновь вернулась к изучению столь интересующего меня объекта, но внезапно вампир, по всей видимости, не выдержав моих робких ласк, резко привлек меня к себе, и, не меняя позы, приник к губам горячим поцелуем. Отвечая на поцелуй с не меньшим жаром, я почувствовала, как его руки стягивают с меня последнюю преграду и отбрасывают сорочку куда-то в сторону.

Ощущение наших обнаженных тел, вплотную соприкасавшихся друг с другом, сводило с ума. Не в силах противостоять возбуждению, я откинула голову и хриплым голосом простонала его имя, прося, умоляя о большем. Аларис, покрывающий поцелуями мою грудь, внезапно притянул меня еще ближе к себе, так, что я могла почувствовать, как его

плоть касается моей, словно спрашивая разрешения. Больше ждать я не могла, поэтому, обхватив его ноги своими, сделала нетерпеливое движение ему навстречу, на секунду задохнувшись от ощущения целостности, нахлынувшего, когда он заполнил меня.

Найдя его губы своими, я выгнулась навстречу его ритмичным движениям, которые уносили меня все выше и выше. Наше хриплое дыхание разносилось по комнате, кровать жалобно стонала в такт каждому новому движению бедер. Чувствуя, что большего выдержать не могу, я припала к его губам, проникая своим языком к нему в рот и не веря, что это действительно я. Может, сейчас действовала моя новая сущность, та, кем я стала?

От моих смелых ласк мужчина еще больше ускорил темп, и на самом пике наслаждения я, не выдержав накала страсти, громко простонала: «Я люблю тебя!». В этот момент мир для меня взорвался мириадами ярких вспышек. Спустя секунду вампир присоединился ко мне, низко простонав мое имя, и обессиленный рухнул рядом...

Спустя несколько минут я лежала рядом с Аларисом, прислушиваясь к его спокойному медленному дыханию, и ощущая себя счастливой от того, что он просто был рядом. Лишь маленький червячок беспокойства не давал мне в полной мере вкусить блаженство, но я никак не могла понять, что именно.

Дремота волной накатывала на меня, и, уже практически поддавшись ей, я вдруг в один момент осознала, что это было за беспокойство: за всю ночь он так и не сказал «люблю»...

Глава десятая

За окном уже вовсю разгорался тускло-серый рассвет, когда я спросонья ощутила, что в комнате никого, кроме меня, нет.

Резко приподнявшись на локтях, я растерянно огляделась, надеясь на то, что ощущения меня обманули, и Аларис все еще здесь. Однако лишь смятое покрывало рядом со мной подтверждало то, что прошедшая ночь не была плодом моей буйной фантазии, а действительно происходила наяву.

Разочарованно вздохнув, я собрала разбросанную по всей комнате одежду, вновь вспоминая, что происходило здесь под покровом темноты. Теперь, при свете дня, мое вчерашнее поведение казалось просто ужасным: я боялась даже взглянуть в глаза вампиру, страшась того, что могу в них увидеть. Сочтет ли он меня распушенной или же поймет, что все мои действия были продиктованы любовью к нему? Что же, мне предстояло выяснить это.

Выбрав из многообразия платьев, буквально силой навязанных мне Антией, самое простое, я медленно оделась, стараясь оттянуть момент, когда мне нужно будет спуститься и встретиться с Аларисом. Одна часть меня страстно хотела вновь увидеть любимое лицо и оказаться в столь желанных объятиях, другая же опасалась, что эта встреча может оказаться большим испытанием для наших отношений.

Глубоко вдохнув, я уверенно распрямила плечи и нарочито спокойной походкой спустилась в гостиную. В замке царила суета: повсюду сновали слуги с озабоченными лицами, советники, растеряв свою обычную важность, растерянными кучками толпились в коридорах, что-то обсуждая громким шепотом. Многие лица были мне незнакомы, из чего я сделала вывод, что чуть попытка бунта основательно проредила ряды советников Алистера. Вампиры, забываясь, порой переходили на ожесточенный спор, но стоило им увидеть меня, как все разговоры стихали. Слегка растерявшись от подобного эффекта моего присутствия, я уже не так уверенно вошла в гостиную. Первым, кого я там увидела, был Аларис. Он стоял у окна, невидящим взглядом всматриваясь в линию горизонта. Напряженная поза не оставляла сомнений в том, что его мысли в этот момент были далеки отсюда.

Я осторожно подошла к нему и робко коснулась его плеча. Он, повернувшись ко мне, улыбнулся, но эта улыбка не коснулась его взгляда.

— Доброе утро, — я прошептала ему, нерешительно замирая рядом.

Он без слов притянул меня к себе, обнимая крепче. Я наслаждалась его объятиями, с наслаждением вдыхая такой до боли родной запах: от него всегда пахло свежестью зимнего морозного дня, солеными морскими брызгами и... домом? Я с удивлением поймала себя на мысли, что уже не представляю себя вдали от него. Неужели возможно было за такой короткий срок полюбить кого-то с такой силой? Неужели было время, когда я даже не знала о том, что где-то там, далеко-далеко, живет тот, кто станет для меня центром моей маленькой вселенной? Скажи мне об этом кто-нибудь несколькими неделями ранее, я никогда бы не поверила в это.

В этот момент мои размышления были прерваны неодобрительным покашливанием: в дверях показалась высокая фигура главного советника. Удостоверившись, что мы его заметили, он, обращаясь к Аларису и намеренно игнорируя меня, произнес:

— Мой господин. Совет просит позволения еще раз обсудить главные вопросы перед тем, как придут Крейцы

Получив хмурый кивок в ответ, он неслышно испарился, однако я даже не обратила на это внимание, озадаченная его последними словами.

— Крейцы? Что он имел в виду? Ты ведь уже встречался с ними? — я обеспокоено взглянула на Алариса, разом отмечая, как он напрягся и помрачнел при моем вопросе. Да, возможно я проявляла слишком большую инициативность, но мне, как принцессе, было привычно знать о происходивших событиях, принимать участие в организации приемов и балов. Пусть королевский титул и власть остались частью прошлого, но королевскую кровь, кипевшую во мне, заставить замолчать было непросто.

— Послушай меня, — мужчина чуть наклонил голову, чтобы поймать своим взглядом мои глаза. Он выглядел так серьезно, так отстраненно и холодно, что сердце мое сжалось в предчувствии дурных новостей. — Сегодня ожидается прибытие делегации из клана Крейц. Никто не ожидал, что они согласятся еще раз встретиться, но Атоний внезапно изъявил желание дать последний шанс мирному исходу. Так вот, Триана, — при этих словах он сощурил глаза и взглянул на меня, отчетливо произнеся: — Я запрещаю тебе показываться им на глаза. Ты поняла меня? Хорошо бы тебе вообще не покидать своей комнаты до вечера. Я говорю тебе это как твой господин и твой хозяин.

Бросив на меня предупреждающий взгляд, он быстро вышел из комнаты, оставив меня в состоянии легкого шока.

Как он мог так равнодушно говорить? «Хозяин», «господин» — не эти

слова я мечтала услышать от него после прошлой ночи!

Почувствовав, как в душе начинают закипать злость и обида, я резко развернулась и стремительно вылетела из комнаты, намереваясь догнать вампира и высказать ему все, что о нем думаю! Однако нагнать я сумела его только в тронном зале. Влетев туда и увидев, что там собралась, по крайней мере, добрая половина всех проживающих в замке, я резко остановилась, осознав, как выглядит в глазах остальных мое поведение. Тем не менее, не собираясь отступать от намеченной цели, я пробралась через толпу настороженных советников и воинов к Аларису, стоящему в центре и как раз выслушивающему сбивчивый доклад одного из них, и кашлянула, привлекая внимание. Говорящий, уловив краем глаза мое приближение, посмотрел на меня и, узнав, замер на полуслове.

Аларис, до этого внимательно слушавший его, оглянулся, недовольный паузой, а, увидев меня, растерянно замершую посреди толпы разом притихших вампиров, скривился в мрачной ухмылке, не обещающей ничего хорошего. При виде него, шагающего ко мне через толпу, я невольно сделала шаг назад, пожалев о своем поспешном решении, однако было уже поздно: вампир схватил меня за локоть и, увлекая за собой, вышел из зала.

Как только за нами захлопнулась тяжелая дверь, он мрачно взглянул на меня и хмуро предупредил:

— Надеюсь, у тебя была веская причина для того, чтобы помешать мне начать собрание.

Я, опешив от его грубого тона, настолько растерялась, что разом позабыла все слова, которые собиралась бросить ему в лицо. Увидев, что я никак не могу собраться с мыслями, Аларис тяжело вздохнул и громко на весь зал произнес, обращаясь, по всей видимости, к небесам:

— О Боги! За что вы послали мне такое наказание? Эта женщина способна свести с ума кого угодно.

Не дожидаясь моей реакции на свою выходку, он вернулся к ожидавшим его советникам, напоследок громко хлопнув дверью.

Оскорбленная до глубины души, я мстительно посмотрела ему вслед, и чуть слышно прошептала:

— Значит, наказание? В таком случае, и вести себя я буду соответствующе!

Соблазн сделать что-нибудь наперекор его словам был столь силен, что я опустила в стоявшее рядом глубокое кресло и принялась размышлять, что бы такого устроить. Решение созрело мгновенно: я так давно мечтала о море — так почему бы не осуществить свою мечту прямо сейчас?

Свободное время вкупе с нечеловеческой скоростью позволяли воплотить эту авантюру в жизнь. Нет, я не хотела попадаться на глаза Крейцам, но и послушно сидеть в комнате, точно ручная собачка, тоже не собиралась. Улыбнувшись этим мыслям, я уверенно направилась к выходу.

Оказавшись в саду, я двинулась по каменистой тропинке, огибая уже знакомую беседку, кусты роз, свежевскопанные цветочные грядки, в глубине души удивляясь тому, что вампиры, как выяснилось, настоящие ценители красоты. Раньше, в своей прежней жизни, я никогда не смогла бы представить вампира, занимающегося, к примеру, выращиванием цветов или разведением пород редких птиц. Но время бежит — и все меняется. В том числе и мои представления о жизни.

К этому моменту тропинка уже сделала новый поворот, заводя в незнакомую мне ранее часть территории. Здесь по большей части преобладали деревья, причем не плодовые, которые я хорошо знала, а неизвестные мне породы, выглядевшие немного зловеще: словно замершие в искривленных позах, они безмолвно тянули ко мне свои руки-ветви, цепляясь за волосы, царапая лицо. Я вздрогнула, когда с одного из них прямо на меня спикировала какая-то хищная птица, издав при этом пронзительный крик, словно пытаясь мне что-то сказать.

Не желая дольше здесь находиться, я ускорила темп, в глубине души наслаждаясь тем ощущением свободы, которое дарила скорость. Постепенно силуэты деревьев остались далеко позади, земля понемногу стала уступать место камню. Наконец, через пару минут я оказалась у самого обрыва, преградившего дорогу к морю. На одном из участков пропасть расширялась, чуть дальше придвигаясь вплотную к замку. Не в силах удержаться, я оглянулась на него. Странно, но мне казалось, что я так отдалилась от него, но, нет, он был совсем рядом; я даже могла увидеть тот самый балкон, на котором стояла, собираясь прыгнуть вниз.

Не желая вспоминать тот страшный вечер, я сосредоточила все свое внимание на пропасти, что расстилалась прямо передо мной. Вблизи она выглядела в тысячу раз реальнее, чем прежде: из глубины поднимался сизый пар едких испарений, клубился туман, словно там, на дне, что-то жило, двигалось, мыслило. Вдоль пропасти пролегла узкая тропинка, огибающая ее по краю и исчезающая на горизонте. Я сглотнула, понимая, что идти придется по ней.

На секунду показалось, что я услышала какой-то странный звук. Разом насторожившись, я опустилась на колени и, изо всех сил напрягая слух, прислушалась. Несколько секунд все было тихо, и я уже успокоилась, подумав, что померещилось, как вдруг внезапно налетевший ветер донес

до меня обрывки фраз:

— Приди... Освободи нас...

Я в ужасе отшатнулась от края, борясь с охватившим меня странным желанием заглянуть в самое чрево пропасти. Я уже почти справилась с собой, как новый порыв ветра вновь принес с собой этот практически неразличимый шепот, похожий на шелест сухих листьев:

— Приди...

Не в силах справиться с почти гипнотическим воздействием этого голоса, я заворуженно подошла к самому краю, и заглянула, казалось, в самое чрево. И тогда я увидела.

Их было множество. Множество голодных злых глаз, казавшихся отсюда маленькими красными огоньками. Они следили за мной с самого дна, они звали меня своими голосами, звали еще тогда, на балконе, но я своим человеческим слухом не могла осознать, что именно тогда слышала в порывах ветра.

Не в силах оторвать взор от миллионов красных точек, я медленно выпрямилась, чувствуя, как их песня подчиняет себе разом обессилевшее тело, заставляя придвинуться к краю еще ближе. Предавшие меня ноги уже почти сделали тот самый последний шаг, разделяющий меня с пропастью, как внезапно свежий порыв ветра, принесший с собой запах соленых морских брызг, заставил на секунду прийти в себя. Этого хватило для того, чтобы я, осознав происходящее, отступила от края. Не удержавшись на ногах, я без сил опустилась на землю, с трудом заставляя себя отползти дальше.

На то, чтобы окончательно прийти в себя, мне потребовалось немало времени. Когда, наконец, я поднялась на ноги, солнце уже стояло высоко, освещая края пропасти, на которых теперь явственно можно было увидеть зеленую слизь, пожиравшую камень. Я содрогнулась, представив, что могло со мной произойти, если бы я последовала зову. После этого «приключения» вся тяга к путешествиям бесследно испарилась, оставив после себя лишь усталость и скребущее душу чувство вины.

Решив, что на сегодня непослушаний уже достаточно, я приняла решение тихонько вернуться в замок и сделать вид, что никуда и не выходила. Теперь единственной сложностью было не попасться случайно на глаза Аларису. Хорошенько поразмыслив, я пришла к выводу, что лучше всего будет зайти через черный вход, что вел в крыло слуг. Успокоившись, я развернулась, в последний раз бросив взгляд на обрыв, вновь чуть было не ставшим для меня последним пристанищем, и бегом припустила по направлению к замку.

Благополучно пройдя большую часть сада и даже умудрившись не встретить никого из придворных, я крадучись приблизилась к заднему крыльцу для слуг. Еще на подходе к ней я увидела, как передо мной прошла девушка-служанка. Перед тем, как взбежать по ступеням, она обернулась, заслышав мои шаги. Её лицо показалось мне знакомым: кажется, это она частенько прислуживала нам с Антией в столовой.

Девушка проворно юркнула за дверь, но когда я, спустя несколько мгновений, попыталась повторить ее путь, меня постигла неудача: дверь оказалась плотно заперта. На мои попытки достучаться и даже докричаться никто не отреагировал, хотя я своими глазами видела, как совсем недавно служанка заходила внутрь! И она совершенно точно видела меня! Зачем же тогда ей понадобилось запира́ть дверь?

В отчаянии в последний раз стукнув по плотной деревяшке кулаком, я присела прямо на ступени, устало гадая, что же теперь делать. Но так как решений из этой ситуации было немного, я встала и, медленно развернувшись, побрела ко главному входу.

Прислушавшись и удостоверившись, что двор был пуст, я прошмыгнула на крыльцо и стрелой метнулась к двери. На секунду чуткий слух уловил какие-то непривычные звуки, но было уже поздно: тяжелые расписные двери к тому моменту уже отворились, являя моему взору толпу вампиров самых разных званий. Они столпились по краям зала, с напряжением наблюдая за двумя вампирами, стоявшими в центре, словно прощаясь. Значит, встреча двух глав кланов подошла к концу? Ну почему им нельзя было распрощаться чуть раньше? Или мне — прийти хотя бы не несколько минут позже?

Я мысленно застонала, когда ощутила, как внимание всех присутствующих разом сосредоточилось на мне после того, как за спиной громко захлопнулись двери. Уставившись в пол, я стояла в проеме, боясь поднять глаза. В зале воцарилась странная тишина, в которой я отчетливо различала, как быстро бьется мое обращенное сердце.

Не знаю, сколько я так стояла, пока в хрупкой тишине не раздались медленные шаги.

Один... два... три...

Наконец, напряжение, разлившееся по залу, прервал неприятный голос, похожий на звук, с которым хищник смыкает острые клыки на шее своей жертвы:

— Ооо, позволь, я догадаюсь сам: ты и есть та самая новообращенная? Да, теперь я понимаю Алариса... Ну же, девочка, не бойся, посмотри на меня.

Не в силах сопротивляться, я медленно подняла голову...

Маленькие тусклые глазки оглядывали меня с нескрываемым интересом, пока я испуганно смотрела на их обладателя: да, приятной внешностью предводитель клана Крейц (а в том, что это был именно он, уже не осталось никаких сомнений) похвастаться не мог. Невысокого роста, неплохо сложенный, он мог бы считаться симпатичным, если бы не лицо, словно высеченное из камня неумелой рукой. Грубые черты, которым не хватало небольшой толики изящества, тяжелый подбородок, буквально кричавший о высокомерии своего хозяина и, конечно, глаза. Они пугали ледяной бездной, что таилась в них. И хотя на губах вампира змеилась улыбка, его взгляд, казалось, способен был заморозить любого.

Я испуганно смотрела на вампира, не в силах отвести глаз. Он, явно наслаждаясь моим испугом, внезапно церемонно поклонился и представился:

— Киаран, глава клана Крейц.

— Тр... Триана Де Леон, — после небольшой паузы слегка запинаясь, произнесла я в ответ.

Он продолжал оценивающе смотреть на меня, а я была не в силах прервать затянувшееся молчание. Напряжение между нами ощутимо витало в воздухе, казалось, еще немного — и оно непременно выльется во что-то нехорошее.

Поэтому я едва слышно вздохнула от облегчения, заслышав спокойные шаги, уверенно приближающиеся к нам. Ни минуты не сомневаясь, кто это может быть, я, тем не менее, немного помедлила, прежде чем перевести взгляд на подошедшего: осознание того, что мои поступки нарушили приказ и привели к неприятным последствиям, заставило напрячься в ожидании возмездия.

И оно пришло. Спокойным ровным голосом, в котором не чувствовалось ни малейшей эмоции, Аларис произнес, не глядя на меня:

— Немедленно вернись в свои покои.

Удивленная тем, насколько легко отделалась, я с готовностью повиновалась, и, с опаской обойдя Киарана, не сводящего с меня прищуренного взгляда, направилась к огромной лестнице, ведущей на второй этаж.

Я уже отошла на несколько шагов, когда меня догнали слова чужого вампира, произнесенные с откровенно звучащим предвкушением, заставившим тело покрыться мурашками страха.

— До встречи, прекрасная Триана. Уверен, мы еще увидимся с вами. Я буду с нетерпением ждать этого.

Все это сопровождалось напряженной тишиной: казалось, все вампиры замерли, боясь даже вдохом нарушить хрупкое затишье, временно установившееся в зале. И лишь мои торопливые шаги гулким эхом разносились по просторному помещению.

Проходя мимо Алариса, я не удержалась и быстро взглянула на него, в тот же миг пожалев об этом: на секунду, на одну-единственную секунду в его глазах полыхнуло настоящее пламя: ярость, унижение, злость, злоба смешались в одно, обещая долгую и мучительную расправу. А в следующее мгновение его глаза снова подернулись ледяной дымкой, умело маскирующей бушевавшие внутри чувства.

Не ощущая под ногами опоры, я поднялась на второй этаж и бессильно прислонилась к стене, чувствуя, как меня волной захлестывает отчаяние. Раз за разом я спрашивала себя, почему все так получилось? — и не находила ответа. Я никогда всерьез не выступала против воли отца, старалась особо не перечить Аларису, но решение лишь один раз нарушить запреты привело меня к полному провалу. Даже страх перед главой Крейцов померк в сравнении с обещанием, что тайл в себе взгляд моего вампира.

Находясь в полном расстройстве мыслей и чувств, я медленно брела вдоль по коридору, невидящим взором окидывая старинные гобелены и скульптуры, в трепещущем свете факелов казавшиеся сошедшими со страниц страшных сказок. Невольно я прибавила ход, желая в этот момент поговорить с кем-нибудь по душам. Словно в ответ на мои молитвы в уютной просторной гостиной возле камина сидела Антия и печально смотрела на огонь. Встрепенувшись от моего появление, она подняла на меня озабоченный взгляд и накинулась с расспросами:

— Триана, где ты была? Я искала тебя, хотела предложить вместе посидеть в гостиной, пока не закончится совет. Ты же знаешь, кто прибыл на переговоры?

— Антия... Я выходила прогуляться в сад. А на обратном пути встретила прибывших переговорщиков, — упавшим голосом я поведала ей о своих злоключениях. Когда я рассказывала, что находилась в саду, она подарила мне укоряющий взгляд, по-видимому, прекрасно зная о распоряжении брата. Тем не менее, девушка не стала ничего говорить, за что я была ей очень благодарна, и просто ободряюще сжала мою руку.

Так мы и сидели рядышком весь день, размышляя каждая о своем, пока за окном не начало темнеть. Дрова в камине почти догорели, и лишь пара тлеющих угольков упорно не желала погаснуть, словно наблюдая за нами красными огоньками из горы пепла. Я вздрогнула всем телом,

вспомнив, как сегодня утром на меня смотрели миллионы похожих глаз, пожирая голодным взглядом. На секунду поддавшись желанию расспросить Антию об обитателях пропасти, я уже раскрыла рот, чтобы задать свой вопрос, но она меня опередила:

— Наверняка решение уже принято. Только вот какое? Не могу больше сидеть здесь, гадая — надо идти к брату. Ты со мной?

Но я в ответ лишь отрицательно покачала головой: встречаться с ним прямо сейчас я была не готова. Бесстрашная Антия не стала тратить время на выяснение причин моего решения, поступка, а лишь напоследок улыбнулась и поспешила на поиски Алариса.

Оставшись в полном одиночестве, я почувствовала, как меня вновь охватывает чувство тревоги и страха. Не в силах продолжать бесцельно сидеть в гостиной, я решила вернуться в свои покои. Осторожно идя по знакомым коридорам, я внезапно поняла, что тревожило меня: даже после отъезда вражеских представителей в замке царила напряженная тишина, словно все обитатели затаили дыхание в ожидании. Но вот чего именно? К этому времени принятое решение уже должно было быть оглашено. И подозрительное отсутствие новостей наталкивало на безрадостные выводы...

Не желая больше размышлять на эту тему, я ускорила шаг и уже через минуту достигла дверей своей комнаты. Оказавшись в ставшей уже привычной обстановке, с облегчением опустилась на кровать, в душе радуясь, что никого по пути не встретила.

За окном медленно опускались сумерки, когда последние лучи солнца робко заглянули в комнату, отчего все вокруг окрасилось в алый закатный цвет.

Я очнулась от своих невеселых дум и подошла к окну, желая, чтобы свежий весенний воздух прогнал мое дурное настроение. Но когда я бросила быстрый взгляд во двор, увиденная картина заставила меня замереть на месте, навевая страшные воспоминания.

Кроваво алый закат царил на небосклоне, с горизонта шел легион тяжелых грозных туч — я на секунду словно переместилась в прошлое, в тот самый вечер, когда королевский род Леонов перестал существовать. Вздвогнув от нахлынувших воспоминаний, я передумала открывать окно, и вместо этого плотнее задвинула занавески, не желая видеть, как ночь вступает в свои законные права. Но от увиденного все мои прежние страхи словно пробудились ото сна и с новой силой набросились, тревожа и раздирая сомнениями.

Не знаю, сколько я так простояла, уставившись невидящим взором

в картину, висящую на противоположной стене, как вдруг чуткий слух уловил уверенные шаги, движущиеся в направлении моих покоев. Разом встревожившись, я прислушалась.

Через пару секунд дверь комнаты распахнулась, являя моему взору нахмуренное лицо Алариса. Не дожидаясь приглашения, он вошел и плотно затворил за собой дверь. Боясь рассердить мужчину еще сильнее, я молчаливо наблюдала за ним, не в силах справиться с притяжением, что овладело моим телом, едва вампир появился в комнате. Рассудком понимая, что заслужила серьезное наказание, тем не менее, я не могла заставить себя перестать любоваться любимыми чертами: его лицо, тело сводили меня с ума, и осознание своей зависимости причиняло почти физическую боль.

Выждав некоторое время и убедившись в том, что первой начинать я не собираюсь, он холодно заговорил:

— Что ты себе позволяешь? В этом замке все, и в том числе ты, должны подчиняться мне. Но твоё сегодняшнее поведение... Мало того, что ты ослушалась меня, так еще и поставила под угрозу переговоры! — распаляясь по мере своей речи, вампир под конец не выдержал и произнес фразу, заставившую меня окаменеть от неожиданности: — Неужели ты думаешь, что раз являешься моей наложницей, то можешь откровенно игнорировать мои приказы? Ты ведь неглупая, должна сама понять, что еще один проступок — и я должен буду наказать тебя по всей строгости, чтобы ни у одного из моих подданных не возникло соблазна взять с тебя пример.

Я стояла и смотрела на Алариса, пытаюсь осмыслить то, кем он меня назвал. Чувствуя, как в горле образуется горячий ком, я тихо заговорила:

— «Наложница» — и это все? Неужели мое место в твоей жизни столь ничтожно? А как же чувства ко мне? Твоя любовь? — при этих словах он резко развернулся и прошел к окну, но я успела заметить, как перед этим лицо его приняло бесстрастное выражение.

Шли секунды... А я стояла и просто ждала, ждала его реакции, ждала, что вампир смягчится, скажет, что его чувства не изменились.

Однако осознав, что он не собирается ничего говорить, я умоляюще прошептала, ощущая, как с каждым мгновением мое сердце проваливается все ниже и ниже, туда, где властвует холод и жестокая реальность, в которой любовь не бывает взаимна.

— Но ведь ты произнес, что любишь меня! В присутствии своих подданных ты признался в этом! Неужели ты солгал? Для чего? Зачем нужно было меня обращать, если никаких чувств ты ко мне не испытываешь?

Я стояла, обнажив душу перед ним, с мольбой в глазах глядя

на горделиво выпрямленную спину, ожидая и одновременно страшась ответа мужчины. Он же в неожиданном порыве ярости, испугавшем меня, схватился за голову, словно желая, чтобы я не мучила его вопросами, чтобы мои слова не коснулись его ушей:

— Я не знаю! Тогда, в той комнате, мне казалось, что так оно и есть. Что то незнакомое чувство, что я испытываю, глядя на тебя, и есть любовь! Но сейчас я уже не уверен в этом, особенно когда ты доводишь меня своими глупыми выходками! Я не знаю, не знаю, не знаю, черт меня подери! — Аларис в ярости метался по комнате, продолжая при этом крушить все, что попадалось ему на пути. Не знаю, сколько это продолжалось, когда, по-видимому, выпустив ярость и постепенно успокаиваясь, он остановился и, посмотрев на меня, уже тише продолжил:

— Впрочем, это ничего не меняет. Меня устраивают наши отношения, особенно когда ты покорна мне, и я не собираюсь ничего менять. Твоей любви вполне хватит для нас двоих.

Успокоив себя принятым решением, он решительно подошел ко мне, прохладно коснулся моих губ напоследок, и, не обратив никакого внимания на отсутствие реакции с моей стороны, вышел из комнаты.

Я так и осталась стоять на том же самом месте, отказываясь принять его слова. Голова шла кругом, мысли металась в беспорядочном хаосе, словно молотом выстукивая лишь одно: «он меня не любит».

Я чувствовала, как от этих слов моя душа застывает, покрываясь толстой коркой льда, все надежды, мечты, чувства разбиваются на мелкие осколки, которые, если бы я могла плакать, пролились бы ливнем горьких рыданий.

Сам того не зная, Аларис за одно мгновение разрушил мой маленький мир, мир, который я с такой надеждой выстраивала из осколков прежнего, выстраивала для нас двоих. Мир, в котором главной опорой, маяком для меня стала его любовь. Я простила ему убийство отца, я простила ему тысячи жизней моих подданных, я простила ему себя саму.

Но простить то, что он отнял самое главное, отнял то, что давало мне силы и надежду жить в этом новом мире, я не могла. В бессилии прислонившись лбом к холодному стеклу, я беззвучно рыдала, рыдала без слез, не в силах остановиться.

За окном уже взошла полная луна, холодным светом проникающая в комнату сквозь рваные силуэты темных туч, когда я, наконец, перестала всхлипывать и в полном упадке сил опустила на мягкую кровать.

Не знаю, сколько я так пролежала в одиночестве, ощущая пугающую пустоту там, где еще совсем недавно жили мечты, надежды, любовь, как

вдруг в дверь кто-то громко постучал, и, не дожидаясь ответа, ворвался в комнату...

Глава одиннадцатая

Я оторвала голову от подушки и тоскливо взглянула на вошедшего: в этот момент моя израненная душа жаждала одного лишь одиночества. Но Дэйкаса, ураганом влетевшего в комнату, остановить было невозможно.

Увидев мое лицо, он разом помрачнел и замер на месте. Я решила, что он сразу осознал, в ком кроется причина моего настроения, однако упавшим голосом он произнес иное:

— Значит, до тебя уже дошли последние новости, — секунду помолчав, брат встревожено продолжил: — Триана, милая, верь мне! Эта война не будет подобна той, отцовской! Она не станет тянуться годы, мы победим, в этом не сомнений!

В ответ я лишь взирала на него в полном изумлении — из-за знаменательного разговора с Аларисом я совсем забыла про вероятность начала войны. И вот теперь, когда из слов брата стало ясно, что нового кровопролития не миновать, забытые страхи вернулись вновь.

— Я обещал тебе, помнишь? Что сделаю все, что в моих силах, чтобы ты была в безопасности. Поэтому завтра на рассвете я отправляюсь с одним из отрядов к границе. Мы расположимся в пограничной крепости, чтобы держать связь и сообщать о любых действиях врага.

Я ошеломленно смотрела на Дэйкаса, отказываясь поверить в то, что он действительно будет сражаться.

Но как только я осознала смысл его слов, меня мгновенно пробрал холодный пот: перед глазами пронеслись отрывки воспоминаний, убитые вампиры на поляне, хищные оскалы нападающих, молниеносные движения, несущие мгновенную смерть, беспомощные крики их жертв...

Отчаянно боясь отпустить брата, я умоляюще прошептала охрипшим голосом:

— Дэйкас, пожалуйста, не делай этого! Ты единственный, кто у меня остался. Я не могу потерять и тебя...

Но брат лишь отрицательно покачал головой в ответ, подсаживаясь на кровать и крепко обнимая. Не выпуская меня из кольца своих рук, он прошептал мне на ухо:

— Пойми, по-другому я поступить не могу. Да и не хочу, если быть откровенным. Я воин, и в этом мое призвание и моя судьба. Я стосковался по песне стали, рвущейся в бой, по грозным отзвукам битвы, по тому опьяняющему чувству, что охватывает на поле сражения. Я не могу сидеть

под защитой крепостных стен и ждать. Это удел женщин, а мужчины должны сражаться. Так было и так будет всегда. Поэтому не отговаривай меня, сестренка, не нужно.

— Ты снова оставляешь меня... И опять я не знаю, суждена ли нам еще встреча или уже нет, — я тихо проговорила в тишине комнаты, умом понимая, что неправильно себя веду, но сил примириться с еще одним ударом судьбы уже не было. Для одного дня их было и без того предостаточно.

Я невольно вспомнила свою жизнь во дворце отца — и грустно улыбнулась тому, какой же тихой и бесцветной она была. Но если бы у меня была возможность все вернуть назад, я не стала бы менять ничего: ведь именно благодаря внезапному повороту капризной судьбы я обрела того, кого полюбила всей душой, полюбила с первой встречи и на всю жизнь, того, кто, пусть ненадолго, но все же заставил почувствовать себя любимой.

От пространных размышлений меня отвлек голос брата, ласково прикасавшегося к моим волосам. Дэйкас с нескрываемой нежностью проговорил, глядя мне прямо в глаза:

— Триана, не печалься понапрасну: я вернусь, я обещаю тебе. Я буду сражаться, зная, что там где-то в замке ждет и верит в меня моя сестра. Поэтому у меня нет права на поражение, — улыбнувшись при этих словах, он добавил: — Помнишь, как в детстве ты каждый раз встречала меня с лекарственными снадобьями, когда я учился владеть мечом? Помню, я тогда очень стеснялся, что ты хлопчешь вокруг меня словно заботливая наседка над выводком цыплят.

Я невольно улыбнулась старым воспоминаниям: да, действительно, в детстве я ужасно боялась, что Дэйкас непременно поранит себя огромным тяжелым мечом, который был едва ли не с него ростом, поэтому всегда с тревогой ждала его возвращения.

— Как видишь, с тех пор немного изменилось: я по-прежнему боюсь отпускать тебя, боюсь даже сильнее, чем когда-либо. Ты даже не можешь себе представить, как много для меня значишь. Особенно теперь, — я слегка прикрыла глаза, чтобы он не увидел боли, плескавшейся в них при этих словах. Дэйкаса ждут тяжелые испытания впереди, поэтому я не хотела, чтобы он уходил на войну с тяжелым сердцем. Самое главное сейчас — чтобы он вернулся, а я... Я все смогу пережить.

В этот момент брат неохотно отстранился, прислушиваясь к звукам, доносившимся со двора. Медленными движениями он еще раз ласково погладил меня по голове и шепнул:

— Мне пора. Мы уходим рано утром, поэтому там будет такая неразбериха, что, прошу тебя, не провожай меня. Давай попрощаемся здесь.

При этих словах я все-таки не выдержала и бросилась к нему, крепко обнимая напоследок. Так мы и стояли, обнявшись, пока он снова не отстранился и на сей раз уже твердо не произнес:

— Пора.

Я молчаливо стояла, глядя вслед брату, пока его шаги, отдававшиеся глухим эхом, не затихли в глубине коридора.

Невольно мне вспомнилась сцена, произошедшая здесь же пару часов назад. Но вот только тот, что уходил тогда, и не подозревал, какую боль мне причинили его слова.

Я никогда и не подозревала о такой боли прежде: да, когда-то я была потрясена смертью отца, была буквально раздавлена известием о пропаже брата. Но никогда еще душа моя не испытывала такой боли, казалось, она раздирает меня на кусочки, сжигает дотла, оставляя взамен лишь пепел сгоревших чувств и желаний, которые уже никогда не станут реальностью.

Вновь окунувшись в старые переживания, что разгорелись с новой силой после ухода брата, я не могла не задаться вопросом: что же ждет меня теперь впереди?

Столько раз я встречала подобную картину в своей прежней жизни, наблюдая за придворными и их увлечениями, и потому могла четко представить себе свое будущее. Не было сомнений, что страсть Алариса ко мне быстро сменится медленно тлеющей привычкой, ну а потом и вовсе исчезнет, оставив взамен лишь разочарование и пресыщение надоевшей вещью. Он забудет обо мне, найдя себе новую игрушку, а я буду рядом с ним безликой тенью, вынужденной наблюдать, как каждый раз он проходит мимо, не замечая меня...

Я спрятала лицо в ладонях, отказываясь принимать эти мысли. Я не смогу, не смогу так существовать, зная, что он совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, но вместе с тем столь недосыгаем! Одни только мысли об этом причиняли невыносимую боль.

Не знаю, сколько я так простояла у окна, утопая в горестных мыслях о беспросветном будущем, будущем, в котором не будет его любви, когда безразличный взгляд зацепился за пока еще тоненькую светлую полосу на горизонте: зарождался рассвет. Мгновенно я вспомнила слова Дэйкаса о том, что они выступают рано утром, и внезапно мне захотелось хотя бы на секунду, но вновь увидеть брата, просто для того, чтобы сказать ему, что люблю. Я ведь так и не сказала ему этого, уйдя с головой в свои

переживания. На секунду грустная улыбка осветила мое печальное лицо: я не сказала этих слов тому, кто ждал от меня этого, кто должен был услышать их, отправляясь в дальнейшее путешествие, исход которого неизвестен, ну а тот, кому я все же призналась, слышать их не захотел.

Лишь на секунду засомневавшись в правильности своего решения, я, тем не менее, решительно отмела все сомнения, зная, что если не сделаю этого, то, возможно, буду жалеть всю оставшуюся жизнь. Поэтому решительно подобрав тяжелые юбки, я уверенно двинулась к двери. Однако проходя мимо большого резного сундука с одеждой, я слегка замедлила ход, призадумавшись, не стоит ли сменить облачение, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Распахнув тяжелую крышку, я придирчиво начала осматривать содержимое, попутно извлекая из недр яркие платья, украшенные драгоценными камнями, мехами, лентами и оборками, отмечая их в сторону. Наконец, на самом дне сундука я обнаружила то, что искала: плотную темную накидку с капюшоном, правда, отороченную по краям узкой полоской меха. Я накинула на себя находку и подошла к зеркалу: оттуда на меня смотрела невысокая фигура, чье лицо и тело полностью закрывала дорогая ткань. Удовлетворившись увиденным, я осторожно приоткрыла дверь и тенью выскользнула в коридор.

Крадущимися шагами я медленно приблизилась к лестнице и прислушалась: весь замок беспокойно гудел, со двора доносился звон оружия, перекрываемый негромким гулом голосов, среди которых изредка слышались чьи-то грозные окрики. Убедившись, что поблизости никого нет, я осторожно спустилась по каменной лестнице и уже двинулась по направлению к главному входу, как вдруг из глубины замка послышались торопливые шаги, и только я успела метнуться к выступу в стене, мимо меня быстрым шагом прошли два новых советника Алариса. Только они успели скрыться, как вновь отворились двери, на сей раз оружейной, и несколько вампиров вышли оттуда, нагруженные несколькими тяжелыми кольчугами из неизвестного мне черного металла. Поняв, что через главный вход не удастся выскользнуть незамеченной, я прислонилась к прохладной стене и огляделась: сбоку располагался большой зал, через который шли вампиры, звук их шагов становился все громче и громче. Еще минута и они окажутся совсем рядом, обнаружив мое потайное убежище.

Я беспокойно осмотрелась еще раз, и тут в глаза бросилась неприметная серая дверь, которую до этого я не заметила. Засомневавшись лишь на секунду, я приотворила ее и, убедившись, что там никого нет,

нырнула внутрь. На меня пахнуло миллионом различных запахов, преобладающим из которых был запах крови. И в этот момент я поняла, как мне повезло: судя по всему, я находилась в кухонных помещениях, в которых был специальный выход во двор замка для слуг. Осторожно минуя огромные пустые клетки, от которых несло за версту болью и потом, я двинулась вперед по узкому темному коридору, мимо плотного ряда небольших крепко сбитых дверей. Уже через несколько шагов я замедлила шаг, услышав приглушенные девичьи всхлипывания, которые прерывались низким мужским голосом.

Я замерла на месте, внимательно прислушавшись, боясь неосторожным движением привлечь к себе внимание. Сквозь неплотно закрытую дверь доносились обрывки слов, с жаром произносимых, как я могла лишь догадываться, девушкой-служанкой своему возлюбленному:

— Не надо, не уходи на эту чертову войну! Ты же обещал не покидать меня теперь, когда у нас будет ребенок! Останься в замке, никто в суматохе и не заметит твоего отсутствия, а потом мы сможем скрыться в одной из деревушек у гор! Бройли, ну пожалуйста!

В ответ на эту тираду грозный воин лишь зашипел на служанку, по-видимому, призывая говорить тише, а затем внезапно я услышала:

— Хорошо, хорошо, уговорила, чертова девка! Но учти, никто не должен об этом узнать, ты поняла?

В ответ послышался приглушенный восторженный визг, сменившийся жаркими поцелуями. Поняв, что теперь нет смысла опасаться, что пылкие любовники заметят мое присутствие, я осторожно прошмыгнула к дальней двери, сквозь щели которой робкими лучиками пробивался слабый утренний свет. Медленно надавив на створку так, я выскользнула в образовавшийся проем, с наслаждением вдыхая чистый прохладный утренний воздух, и только тогда огляделась.

Вокруг все кипело и бурлило: толпы вампиров в темных накидках распределялись по гарнизонам, чистили оружие, становились в ряды, тут и там шла постоянная перекличка. В такой суматохе я могла не бояться быть обнаруженной, поэтому расслабившись, я влилась в беспорядочные ряды вновь прибывших воинов, незамеченной проскользнула в самый центр сборов. К счастью, присутствие здесь женщин было не в диковинку, уверенные вампиры сновали в толпе, будучи наравне с мужчинами.

Привстав на носочки, я отчаянно вертела головой, пытаюсь отыскать в толпе брата, но безуспешно. Внезапно я почувствовала, как толпа несет меня к высокому вампиру, стоящему в центре с грозным выражением лица. Он держал в руках несколько свитков, то и дело сверяясь с их содержимым.

Перед ним выстроилась очередь из новоприбывших, каждый из которых называл свое имя, показывал оружие, а затем направлялся в указанном направлении к одному из нескольких больших отрядов.

Я не успела заметить, как получилось так, что внезапно я оказалась прямо перед ним. Ошарашенная, я не знала, что сказать. Он же выжидающе взглянул на меня, и недовольно что-то проворчав себе под нос, произнес:

— Ваше имя. Не медлите, отряды должны выдвигаться уже через час.

Он принял меня за одного из воинов, прибывших к замку, чтобы присоединиться к отрядам? Неужели это действительно могло быть так просто — стать воином, уйти из этого замка, из-под власти Алариса? Мое сердце забилось часто-часто, мысли мчались, обгоняя друг друга, лоб покрылся испариной.

Никак иначе небо само показало мне выход! Прежде я не допускала мысли о побеге, зная, что мне некуда идти. Но теперь... Впервые за последние несколько часов уныния и тоски я явственно увидела выход.

Я произнесла первое, что пришло на ум, растерявшись под пристальным взглядом мужчины, казалось, что он читал все мои сбивчивые мысли и прекрасно знал, кто именно находится перед ним:

— Триана Леон.

Он начал перебирать списки, попутно ругая последними словами того, кто их составлял. Я испуганно смотрела на него, прекрасно зная, что моего имени там не будет. Ветер развевал широкие листы, путая страницы между собой, постоянно раздавались крики командиров отрядов, несколько вампиров за мной нетерпеливо ожидали своей очереди.

Внезапно к главному вампиру подбежал один из воинов и что-то тихо сказал ему. Нахмурившись, тот перестал сражаться с бумагой и, передав свитки помощнику, быстрым шагом двинулся к замку. Наверное, тогда мой ангел-хранитель, глядя с небес, решил помочь мне, так как в момент, когда свитки оказались в руках помощника, налетевший ветер взметнул последние страницы так, что пара листов оказалась на земле. Прежде чем вампир успел за ними наклониться, я с быстротой молнии подняла их и с милой улыбкой подала их ему. Он кивнул в знак благодарности и спросил имя.

Но в этот раз я уже знала, как назваться: в ту самую секунду, когда последний лист оказался у меня в руках, я успела прочесть две последние строчки, и одно имя показалось мне знакомым. Поэтому, не дав себе времени на размышления, я быстро произнесла:

— Бройли Аверс.

Вампир на секунду нахмурился, вслух произнес лишь:

— Разве это не мужское имя?

— Родители всегда мечтали о сыне, поэтому так и назвали, — Я уверенно солгала, глядя ему прямо в глаза. В этот момент все внутри сжалось от страха, что мой обман раскроется.

Вампир замер на одну секунду, показавшуюся мне вечностью, прежде чем кивнуть и поставить в списке росчерк, подтверждающий, что указанный воин явился на сборы.

— Пограничный отряд под руководством командира Ленгли, — он указал мне рукой на один из отрядов, стоящих в стороне. Я послушно кивнула и двинулась туда

Мне сказочно повезло, что большинство из собравшихся здесь этим утром только что прибыли из разных уголков территории клана Делагарди, и потому не успели услышать ничего о новой игрушке Алариса.

Все мысли мои смешались: я сама не понимала, что делаю. Но, казалось, судьба сама дает мне такой шанс, что не воспользоваться им было бы глупо. Я смогу быть рядом с братом, и не видеть Алариса — чего еще можно только желать после той сцены в моих покоях? Только так я смогу сохранить остатки гордости.

В этот момент я заметила знакомое лицо: Дэйкас стоял рядом с высоким красивым вампиром, облаченным в стальную кольчугу, и выслушивал его указания. Я осторожно приблизилась к крайнему из воинов и приготовилась ждать, стараясь особо не попадаться на глаза брату: конечно, капюшон полностью скрывал мое лицо, но ведь был еще и запах. И Дэйкас вполне мог узнать меня по нему.

В этот момент к нашему отряду приблизился один из командующих — я видела его на одном из советов, поэтому знала, что он был одним из доверенных лиц Алариса, оставшихся верным ему при попытке бунта.

— Все прибыли с оружием?

Вперед выступило двое незнакомых мужчин. Они произнесли название какой-то труднопроизносимой местности и пояснили, что занимались лошадьми, потому никто из них прежде не держал в руках оружие. Я удивилась, услышав, что, оказывается, в среде вампиров существовали и мирные занятия, а так же тому, что военный созыв не обошел стороной и совсем неопытных вампиров.

Командующий же ничему не удивился. Указав на стоящего поодаль грузного вампира, он жестом велел двинуться к нему для получения оружия. Обычно каждый из воинов имел свой собственный клинок, любовно заботясь и лелея его, как я помнила по поведению Дэйкаса. Но, очевидно, все было продумано, и для тех, кто по разным причинам не имел

своего оружия, было изготовлено запасное.

Не дав себе на размышления ни секунды, я поспешила за двумя фигурами, надеясь примкнуть к ним и получить оружие, ничего не объясняя никому. Нет, орудовать клинком я не умела и не хотела, но отсутствие меча наверняка вызвало бы подозрения у командира.

План сработал: я тенью стояла за спинами вампиров, повторявших кузнецу — тому самому грузному мужчине, на которого указал командующий — то же самое, что они озвучили ранее. Тот кивнул и жестом подозвал одного из помощников, который провел нас дальше и позволил выбрать из разложенного на куске материи ряда мечей.

Так я обзавелась собственным клинком.

Я послушно заняла свое место рядом с высоким белокурым вампиром, стоящим рядом с безразличным взглядом и удобнее подхватила меч: он так и норовил упасть на землю. Блондин, едва скользнув по мне глазами, процедил сквозь зубы:

— Есть перевязь, чтобы закрепить меч на поясице, разуй глаза, приятель. Ты выглядишь так, словно в первый раз держишь оружие в руках.

— Спасибо, — я прокашлялась, специально стараясь говорить ниже. Он принял меня за мужчину? Мне это только на руку.

Только я сумела закрепить меч по его совету, как внезапно раздались звуки рога, и на всем дворе воцарилась тишина: на крыльце замка показался правитель со своей свитой. Я подавила малодушный порыв спрятаться за спиной у своего напарника, но в этот момент все отряды двинулись к замку, становясь в ровные шеренги перед Аларисом. Все это заняло не более пары секунд.

Я старалась поспевать за всеми, не привлекая внимания. Как только отряды вновь сомкнулись ровным строем, вампир заговорил. Его голос разносился в тишине, звуча непривычно торжественно и вместе с тем ободряюще:

— Сегодня важный день. Все вы знаете, что на подходе война. Любой миг может стать последним моментом мирной жизни. Но у каждого из вас есть все для победы: надежный тыл, любящие семьи, надежные товарищи. Я знаю, что могу рассчитывать на вашу смелость. Еще никогда вы не разочаровывали меня, и так будет и на этот раз. Хватит подстраиваться под чужие желания и капризы, мы отвоюем право самим распоряжаться нашей судьбой. Да будет так!

Как только он закончил свою речь, двор взорвался приветственными криками и возгласами. Я стояла ни жива, ни мертва: на одну единственную

секунду, когда взгляд Алариса остановился на мне, я поверила, что он узнал меня. Но когда он еще раз пожелал удачи и возвратился в замок, я поняла, что ошиблась.

И в этот момент запели горны, возвещая начало пути: распахнулись тяжелые металлические ворота, выпуская наружу первые отряды. Я стояла и смотрела на проходивших мимо меня воинов: неужели кому-то суждено остаться далеко на полях сражения, так и не увидеть свою семью, жен, мужей, детей? Я не могла осуждать Бройли, который выбрал семью, и, тем самым, дал мне возможность изменить свою судьбу. И сейчас, глядя на лица провожающих, что высыпали на крыльцо, облепили все проемы, глядя вслед своим мужчинам и женщинам, я не могла не задуматься, что ждет меня впереди и суждено ли мне самой вернуться в этот замок, успевший стать для меня домом.

Как только отряд перед нами исчез за поворотом, главный вампир отряда дал знак начать движение. Мы ровным строем миновали знакомые дворовые сооружения, и я в последний раз оглядела родные очертания замка, который в рассветной розовой дымке выглядел словно сказочный заколдованный дворец; сад, который только-только окончательно пробудился от зимы и уже начал покрываться молодой зеленой травкой, всех тех, кто вышел проводить войска.

Спустя минуту мы уже были за пределами ворот, направляясь быстрым шагом в сторону границ. Не в силах удержаться, я еще раз оглянулась назад, желая навсегда запечатлеть в своем сердце эту картину: огромный прекрасный замок, стоящий на самом краю величественной скалы, а вокруг него — бесконечные просторы зеленых лугов, простирающихся настолько, насколько охватывал взор, и лишь далеко-далеко вдали можно было разглядеть тоненькую полосу леса.

И в этот момент позади нас с глухим металлическим звоном захлопнулись тяжелые замковые ворота, словно знаменуя завершение важного этапа моей жизни. При этом звуке душа моя пропела: «Свобода!», ну а сердце... Сердце осталось в замке рядом с тем, кому самой судьбой было предназначено стать моим темным принцем, принцем, который подарил мне целый мир... только затем, чтобы забрать его обратно. И вместе с ним он забрал и мое сердце...

А далеко на востоке уже всходило ласковое весеннее солнце.

Глава двенадцатая

Мы двигались быстрым ходом практически весь день, не останавливаясь ни на минуту. Да, все-таки в бытие вампиром были неоспоримые преимущества, взять, к примеру, скорость и выносливость. Разве мог бы какой-либо человеческий отряд за день преодолеть такое расстояние? Я снова горько усмехнулась про себя: люди были заранее обречены, развязывая ту бессмысленную войну...

Вокруг нас раскинулись широкие просторы дикой природы, казалось, что, если закрыть глаза и прислушаться, можно услышать, как перешептываются между собой многовековые деревья-великаны, пока еще без своего обычного зеленого одеяния, но уже с зачатками новых листьев на бугристых ветвях. Можно услышать, как где-то под землей упрямо пробивает себе дорогу тоненький звонкий ручеек, который со временем наверняка превратится в бурную реку с крутыми берегами. Как перекрикиваются радостные птицы, вернувшиеся встречать весну в родные края, как поет свою песнь вольный ветер, раскачивая пока еще неокрепшие ветки молодых деревьев, шелестит тускло-желтым ковром прошлогодних листьев, сквозь который уже пробивается к солнцу молодая зеленая травка, шаловливо играет с моими волосами, разметая распущенные пряди из-под капюшона...

Я отвлеклась от своих мыслей и быстрым движением спрятала непослушные локоны обратно под надежную защиту плаща: не стоило привлекать к себе дополнительное внимание, учитывая то, что я и так единственная девушка среди всего отряда. По всей видимости, из-за того, что мы направлялись к самой границе с владениями Крейцов, предполагалось, что в отряде должны быть только самые умелые и тренированные воины-мужчины. Какое счастье, что тот, кто занимался составлением списков, не присутствовал на распределении — в противном случае, мой обман вскрылся бы немедленно, и тогда...

Мои мысли снова вернулись к тому, о чем я, не переставая, думала всю дорогу — как отреагирует Аларис, обнаружив мое исчезновение? Я надеялась, что, благодаря небольшой путанице со всеми этими именами, вампир не скоро поймет, с каким именно отрядом я ушла. К сожалению, отряд, в котором находится мой брат, само собой, первым попадет под подозрение. А вот что предпримет вампир... Я могла только догадываться, на какие жертвы он может пойти, чтобы вернуть непокорную наложницу

обратно.

Я вновь невесело усмехнулась: само это слово «наложница» отдавалось горечью на губах, словно лишний раз напоминая, сколь малое место мне отводилось в жизни Алариса...

Не желая вновь пускаться в бессмысленные переговоры со своим сердцем, я покачала головой, переключаясь на проблему, волновавшую меня в данный момент: таковой являлось мое платье. Тяжелые неприспособленные для длительных путешествий по неровным склонам юбки цеплялись буквально за каждый торчащий из земли корень, оставляя лоскутки и нитки, а порой и целые полосы цветного материала на земле. Мой попутчик только выразительно посмотрел на меня, когда очередная ветка с глухим треском отвоевала трофей в виде приличного куса ткани у моего платья. Я же, наверное, в сотый раз за этот день пожалела о том, что не подошла более осмотрительно к выбору наряда. Но разве могла я тогда даже предположить, как все сложится? Поэтому я с нетерпением ждала привала, хотя бы только ради того, чтобы избавиться от надоевшей обузы.

К моменту, когда мы почти вплотную подошли к тому месту, где заканчивались просторы зеленеющих лугов и начинался густой лес, уже стемнело. Закатное солнце прощально золотило макушки высоких елей, мрачными исполинами возвышавшихся над непрошенными гостями. Я слегка поежилась, чувствуя себя неуютно от одной только мысли, что мы должны войти в этот неприветливый лес именно сейчас, когда солнце уже завершает свою ежедневную прогулку по небу. Поэтому когда внезапно в воздухе раздалась долгожданная команда «привал», я облегченно выдохнула.

Нырнув под сень ближайших кустов, я радостно стянула с себя надоевшие юбки, оставив тонкую нижнюю только приличия ради: холода я не боялась, а длинные полы плаща надежно скрывали от посторонних глаз все то, чему надлежало быть скрытым. К тому моменту, как я вышла обратно на поляну, воины уже успели развести костер, и теперь, усевшись полукругом, слушали командира, увлеченно о чем-то разглагольствовавшего. Я незаметно проскользнула к самому краю, сев так, чтобы отблески от костра не попадали на лицо и прислушалась:

— ...Наша первостепенная задача — добраться до пограничной крепости Артель и закрепиться там. По донесениям наших разведчиков обстановка там довольно напряженная: нападений пока не было, но враг собирает силы именно в той местности. Поэтому каждый из вас должен держать ухо остро, чтобы не пропустить опасность. Кроме того были

донесения об изменившейся там местности — черт знает, что это значит, но расслабляться нельзя.

— Скажи, Ленгли, в таком случае, почему мы не спешим туда на всех парах? — этот вопрос задал неприметный вампир, сидевший напротив меня. Я могла даже разглядеть его простодушные черты лица, простоватую внешность. На секунду лицо показалось мне знакомым: смутные воспоминания шевельнулись осадком на дне памяти, но вызволить их оттуда я так и не смогла, справедливо рассудив, что, может быть, они и не стоят того.

В ответ командир только усмехнулся, обнажив крепкие белые зубы, наверное, не раз вонзавшиеся в беззащитную плоть своей жертвы. Брр! Опять мои мысли забрели не туда.

— Парень, ты действительно не знаешь или только прикидываешься дурачком? Перед нами Темный лес, и я не знаю никого, кто рискнул бы отправиться туда на ночь глядя, если только, конечно, он не самоубийца.

Паренек, задавший вопрос, широко распахнул глаза. По всей видимости, он был наслышан об этом лесе, как и все остальные — кроме меня — раз больше никаких вопросов не последовало. Наверное, раньше я с удовольствием послушала страшные истории, если не чувствовала бы спиной угрозу, исходящую, казалось, от самих деревьев: темных, настороженных, сейчас более, чем когда-либо, выглядевших словно ожившие детские страхи.

А возле костра разговор вновь вернулся к войне.

— Ну а все-таки, кому-нибудь известно, о чем так долго шли переговоры? Неспроста ведь Крейцы объявились именно сейчас, раньше они не решались на открытую конфронтацию, — эти слова произнес скучающий блондин, который поначалу принял меня за парня. В ответ на его вопрос несколько вампиров ухмыльнулись, переглянувшись друг с другом, и только Ленгли не улыбнулся, а с неожиданно посерьезневшим лицом промолвил:

— Никто не знает этого. И так как господин не счел нужным поставить в известность об этом нас, значит, не наше это дело.

— О причине мы все и так прекрасно осведомлены, — с ехидной усмешкой проговорил один из вампиров. — Сестричка Киарана была вышвырнута из постели и, соответственно, из замка господина ради обычной человеческой девчонки. Для Крейцов это был страшный удар, они столько лет лелеяли планы о том, чтобы породниться с кланом Делагарди... А еще говорят, — тут он даже понизил голос. — Что Киаран даже был готов закрыть на произошедшее глаза при условии, если Аларис уничтожит

свою новую игрушку и вернет Иризи.

— И что ему ответил господин? — с неподдельным интересом в голосе поинтересовался вампир, сидящий возле меня.

— После того, как Киаран прямо в лицо ему предложил свою помощь в устранении этого, как он выразился, «маленького препятствия», Аларис рассвирепел и выгнал делегацию вон. После этого все пути к перемирию были закрыты.

— И это все ради какой-то бывшей человеческой девчонки? — поразился его собеседник. — Наверняка она мастерица в постели, раз смогла так околдовать нашего предводителя, — это произнес с многозначительной ухмылкой вампир, чье лицо, как и мое, практически полностью скрывал темный капюшон.

Я внутренне сжалась от этих слов, осознав, как выглядели наши с Аларисом отношения со стороны. Хотя... Как выяснилось, эти слова были не так уж и далеки от истины.

В этот момент Дэйкас, на протяжении всего разговора все больше и больше мрачневший, не выдержал и с тихой угрозой в голосе проговорил, поднимаясь с места:

— Для тех, кому еще неизвестно: эта девушка — моя сестра. И я не потерплю, чтобы о ней отзывались в подобном тоне!

— Эй, парни, хватит вам! Нам не хватало только разлада в отряде! — ситуацию поспешил исправить сам Ленгли. — Пора готовиться к предстоящей ночи. Сегодня бодрствовать буду я сам — мало ли что может случиться рядом с этим проклятым местом.

Некоторые воины недовольно скривились, но, тем не менее, послушаться командира никто не посмел: все подобралось ближе к весело горящему костру, при этом каждый проверил, на месте ли оружие. Я осталась на том же месте, боясь быть узнанной. Честно говоря, то, что Дэйкас за весь день не узнал меня, стало для меня приятной неожиданностью: все это время в глубине души я каждую минуту боялась услышать изумленный возглас брата.

Спустя пару часов на небе показалась полная луна, заливая бледным неровным светом поля и луга вокруг нас, совершенно не касаясь силуэтов застывших деревьев.

Казалось, что ей, как и нам, внушает необъяснимую тревогу неподвижный лес, который весь вечер словно приглядывался к нам, решая, насколько легкая мы добыча...

Я лежала на земле и бездумно глядела в небо; мысли мои были за много миль отсюда. Как ни старалась, я не могла не думать, что в этот

момент делает *мой* вампир. Скучает ли он по мне хоть немного? Ведь не может же он совершенно ничего не чувствовать.

Печально вздохнув, я перевернулась на другой бок. Что бы я ни делала, как бы ни пыталась отвлечься, одни и те же мысли постоянно возвращались. За эти несколько недель Аларис стал центром моего существования, поэтому даже один-единственный день, проведенный без него, показался целым годом. А что будет дальше? Неужели я обречена каждый день своей длинной жизни вспоминать его черты, его голос, руки, губы? Но другого варианта нет: либо так, либо я просто однажды сойду с ума от бесконечных душевных терзаний. Интересно, а вампиры могут сходить с ума?

Печально улыбнувшись своим глупым мыслям я наконец обратила внимание на остальных вампиров. Наш небольшой костер уже давно погас, поэтому вампиры казались просто неподвижными фигурами на земле. Силуэт Ленгли четко прорисовывался на фоне залитых светом полей — он вглядывался вдаль, туда, где остался его дом, его семья... Внезапно он насторожился и прислушался.

Я, мгновенно встревожившись, последовала его примеру: в первые секунды мне показалось, что ничего не происходит, но напрягшаяся спина командира говорила об обратном. Поэтому я закрыла глаза и позволила острому слуху унести меня в непроглядные чащи темного леса. И вот тогда я услышала... Тихий скрежетавший звук, от которого кожа мгновенно покрылась мурашками. Казалось, чьи-то когти разрывают землю, медленно, но неотвратимо приближаясь к нашей поляне...

Я мгновенно вскочила на ноги, и одновременно с этим в ночной прохладе раздался смятенный рык командира: «Тревога!».

Бонус первый

Что за чертов день!

Уж и не припомню, когда в последний раз меня что-либо так выводило из себя. За окном робким светом разгорался рассвет, а это значило, что времени до отправления отрядов почти не осталось.

Я устало потер глаза, а сам же скривился: каким человеческим вышел этот жест! Столько срочных дел ждало меня, но мысли упорно возвращались к одному и тому же...

От размышлений меня оторвал голос помощника:

— Мой господин. Войска готовы к отбытию. Все ждут вас.

С тяжелым настроением я вышел в гостиную, где меня уже ожидала свита: пафосные никчемные болваны, контролировавшие каждый мой шаг,

докладывая обо всем отцу. Я недовольно скривился, вспоминая последнее послание от него: каждая строчка, казалось, была пропитана недовольством моими поступками, приведшими к войне. Нет, он не писал об этом прямо, но я и без этого понимал, что Гералт никогда не одобрил бы мой разрыв с Иризи. Истинный правитель в первую очередь должен руководствоваться соображениями выгоды — вот его позиция, подтверждением которой служила вся жизнь Гералта Делагарди.

Но ни он, ни все мои многочисленные подданные никогда бы не догадались, что в глубине души я сам мучительно искал ответ, почему поступил именно так. Искал и не мог найти.

В этот момент мы вышли на крыльцо, и словно по волшебству вся суматоха, царившая во дворе, сменилась идеальной тишиной. Я с удовлетворением наблюдал, как ровной сплоченной шеренгой отряды выстраиваются перед крыльцом, приветствуя своего господина.

Напутственная речь заняла не много времени. Пока отряды в ответ рассыпались приветственными криками, я стоял, в глубине души завидуя каждому из этих воинов. Как бы мне самому хотелось сейчас вновь почувствовать опьяняющий вкус битвы, не думать ни о чем, кроме как о предстоящих сражениях, чувствовать, как жажда убивать охватывает все тело...

Но бремя правителя требовало иного.

Я еще раз пожелал удачи отрядам и вернулся в замок. В тот же миг за спиной запели горны, возвещая для воинов начало непростого пути. Какой тоской отозвался этот родной и привычный звук в моей душе! Сколько раз я сам уходил вот так, всякий раз возвращаясь с победой...

Я вновь призвал себя к благоразумию: началась война, и необходимо было действовать вместо того, чтобы предаваться пустым размышлениям. Прежде мне не свойственно было так часто задумываться о прошлом, я всегда предпочитал жить настоящим моментом, не заботясь ни о том, что осталось за спиной, ни о том, что ожидало впереди. Как сильно мне пришлось измениться в угоду отцовскому решению отойти от власти и передать ее единственному законному наследнику!

В первую очередь необходимо было озаботиться безопасностью замка на случай непредвиденной осады. Нет, безусловно, такой вариант развития событий был невозможен, но мне нужно было занять себя делами, лишь бы только не погружаться в размышления.

Приняв столь верное решение, я направился в кухонные помещения. Настежь распахнув неприметную серую дверь, я заглянул внутрь: длинный коридор оказался пуст: все слуги находились сейчас во дворе, провожая

родных и друзей на войну. Мысленно отметив какой-то шум за крайней дверью, я обратился к одному из советников, что неотступно сопровождали меня все это время:

— Позаботьтесь о продовольствии. Почему все клетки пусты? Необходимо привезти свежую пищу. Возьмите с десятков проверенных вампиров и отправляйтесь в человеческое поселение на юго-западе от замка. Только смотрите, людей берите самых здоровых: если случится осада, необходимо, чтобы они не умерли раньше времени. И да, — я поморщился, вспомнив просьбу Антии. — Необходимо наполнить одну из клеток животными. Думаю, пары крупных лосей будет достаточно.

Не обращая внимания на понимающий оскал советника, я развернулся и вышел прочь. Мысленно поставив галочку в пункте о продовольствии, направился в оружейную. Там слуг было куда больше: немногие могли себе позволить оторваться от работы. Мельком взглянув на заготовки будущих мечей и отметив их качество, я обратился к подошедшему вампиру, отвечающему за оружие:

— Сколько понадобится времени, чтобы обеспечить оружием еще шесть отрядов?

Он, подсчитав количество, уверенно ответил:

— Не больше двух дней, мой господин!

Я удовлетворенно кивнул и произнес:

— В таком случае, будь готов также предоставить доспехи. Сбор на рассвете через два дня.

Не дожидаясь ответа, я вышел из душного помещения, и направился в кабинет, по пути отдавая приказ одному из вампиров, подобострастно внимающих каждому моему слову:

— Собрать военный совет в тронном зале через три часа.

Раздав указания, я небрежным кивком дал понять остальным сопровождающим, что в ближайшее время они мне не понадобятся. Как только за последним из них захлопнулись массивные двери, я облегченно выдохнул, усаживаясь в глубокое кресло. Порой их присутствие меня выводило из себя настолько, что я срывал гнев на тех, кто первым попадался мне под руку. Обычно это была Антия, мужественно принимавшая на себя удар, но сейчас её место заняла моя непокорная пленница.

Я вновь помрачнел, вспоминая нашу последнюю встречу и все слова, что высказал ей в пылу ссоры. Да, вероятно это было слишком жестоко для нее, но это мой мир, и ей пора было привыкать к тому, что не все в нем так просто и человечно. Человечно... Именно это слово приходило на ум даже

при одном звуке ее имени. Удивительно, но и после обращения она осталась такой же мягкой, нежной человеческой девушкой, какой я запомнил ее в нашу первую встречу.

Я прищурился, вспоминая тот момент: женственные изгибы её тела, волосы, окутавшие меня пушистым облаком, когда она склонилась ко мне в пещере. В ней не было ни надменности, ни притворства, столь свойственных человеческой расе. Я думал, что это напускное, но воспоминания о ней преследовали меня долго, еще до нападения на людей я твердо решил найти ее и забрать себе. Вот только и представить не мог, что сиюминутное желание овладеть её телом перерастет в нечто большее, во что-то такое, что я сам не могу до конца принять.

Клянусь, если бы тогда, в пещере, я не был так раздавлен смертью товарищей, то непременно впился бы поцелуем в этот невинный ротик, зарылся жадными пальцами в полотно ее волос, прижал к жесткому полу и безжалостно овладел... Даже от одних воспоминаний я почувствовал сильное желание найти Триану и прямо сейчас осуществить все то, что не произошло тогда.

Но вернувшиеся сомнения по поводу нашего последнего разговора заставили отказаться от этих притягательных планов. Интересно, как много должно пройти времени, прежде чем эта несносная девчонка поймет, что любая из женщин моей расы была бы счастлива оказаться на ее месте? Я вновь поморщился, вспоминая ее слова. Неужели для нее так важны эти жалкие заверения в любви? Слова — ничто. Дела, поступки, действия — вот что действительно имеет ценность в наше время. И пусть однажды я не сдержался и прошептал ей эти чертовы три слова — больше никто и никогда от меня их не услышит. Любовь — это слабость, а слабостям не место в моей жизни. И пусть я до сих пор не знаю, что заставило меня сказать их ей тогда, в одном уверен точно — эту ошибку я не повторю. А Триана... Ей придется с этим смириться. Другого пути нет. К тому же, она значит для меня гораздо больше, чем любая женщина до нее. Разве все мои прошлые и нынешние поступки, продиктованные одним лишь желанием защитить ее, это не доказывают? И пусть один лишь взгляд этой женщины заставляет мое сердце биться быстрее, я не позволю чувствам взять надо мной верх. Никогда больше.

Успокоив себя таким образом, я вновь вернулся к размышлениям о предстоящих сражениях. В том, что они непременно будут, у меня сомнений не было. И, зная Киарана, уже можно было быть уверенным, что это будет не честный поединок, а удар исподтишка, направленный в самое уязвимое место.

Я направился в покои, принадлежащие Анноре, желая отыскать свою воинственную сестру. Она возглавляла специальный отряд, выполняющий особые поручения, которые я мог доверить только самым надежным вампирам. Я уже практически завернул за угол, когда в меня на полном ходу едва ли не врезалась куда-то спешившая Антия. При виде меня она остановилась и внезапно порывисто обняла, прямо как в детстве. Я удивленно гладил ее по голове и про себя готовился к порции упреков, что мне предстояло услышать. И слова не заставили себя долго ждать. Антия взяла себя в руки, и, отстранившись, печальным голосом начала:

— Аларис, почему сегодня, когда я подошла к начальнику стражи Регги и попросила зачислить меня в патруль, он сказал, что ты запретил ему это делать? Когда же ты поймешь, что я давно уже не ребенок? Почему Аннора давно уже участвует в военных действиях, а я вынуждена оставаться дома и каждый раз с замиранием сердца ждать вашего возвращения?

Я тяжело вздохнул, готовясь продолжить наш бесконечный спор на одну и ту же тему: каждый раз она просила, умоляла, порой даже угрожала, чтобы я разрешил ей участвовать в военных походах. И каждый раз мой ответ был неизменен. Сам бы я давно уже сдался под бесчисленным напором ее мольб, но обещание, данное матери, было сильнее. Красавица Делма, обожающая младшую дочь, и мысли не допускала, чтобы ее чадо подвергалось опасности. Я до сих пор не мог понять, как Антия сумела добиться у родителей разрешения переехать ко мне в замок.

Но как бы то ни было, разрешать ей то, что было небезопасно даже в мирное время, сейчас стало бы полным безумием. Поэтому я ласково, но в тоже время решительно проговорил, глядя в глаза сестре:

— Антия. Ты знаешь не хуже меня, почему я не могу тебе этого позволить. Да и к тому же, кто же тогда будет управлять замком? Без тебя я не продержусь и дня, сойдя с ума от этих бесконечных хозяйственных нужд. Кстати, я как раз искал тебя, — я ловко повернул тему разговора в мирное русло. — Что творится на кухне? Еды нет совершенно, а ведь и нам, и подданным необходима свежая кровь. Я отправил нескольких вампиров за людьми, но они придут не раньше завтрашнего утра. К этому времени нужно приготовить свежие клетки для добычи так, чтобы они не могли сбежать. Да и к тому же ты не позаботилась о нуждах Трианы.

Как всегда, при упоминании имени своей подруги лицо сестры просветлело. Антия обычно долго привыкала к новым лицам, и то, как они с Трианой быстро нашли общий язык, удивляло. И одновременно с этим

мне было спокойнее, зная, что человеческая девушка всегда находится под присмотром сестры.

Мой нехитрый маневр удался. Сестра переключилась на свои обычные хлопоты и уже успокоенным тоном поинтересовалась:

— А кстати, где Триана? Я заходила к ней, но ее не было в покоях. И вчера мы толком не поговорили, хотя она явно была расстроена...

Я лишь только покачал головой, не желая сейчас погружаться в раздумья на эту тему. Для себя я все решил, а вот девушке требовалось какое-то время на то, чтобы принять мои слова. Я не сомневался, что Триана в конечном итоге смирится, забудет произошедший разговор и найдет утешение во встречах с Антией и своим братом.

Как только легкие шаги сестры затихли в дальнем конце коридора, я вновь вернулся к намеченной цели. Быстро преодолев расстояние, оставшееся до двери в покои Анноры, я громко постучал пару раз, прежде чем войти. Она стояла у окна, непривычно притихшая, точно ушедшая в свои мысли. Это было несколько не похоже на собранную и хладнокровную Аннору, но, будучи с детства окруженным матерью и двумя сестрами, я ничему не удивлялся. Что происходит в голове у женщин — нам, мужчинам, никогда не понять. И не стоит даже пытаться это сделать.

— Мне необходимо, чтобы ты отправила нескольких вампиров к пику Делагарди, — без лишних предисловий я озвучил цель визита.

Она удивленно вскинула на меня глаза.

— Ты считаешь, что все может зайти настолько далеко? Не думаю, что нам стоит настолько опасаться клана Крейц.

Сестра озвучила прописную истину, которую мы старались не нарушать: обращаться за помощью к тем, кто обитал на горном пике, давшем название нашему роду, лишь в особых случаях. На первый взгляд ситуация с Атонием не должна была зайти так далеко, но... Но что-то внутри побуждало это сделать.

— Пусть они просто напомним о данном нам обещании. Я не призываю их прямо сейчас, но если возникнет такая необходимость, они должны быть готовы прийти по первому зову.

Она согласно кивнула, возвращаясь к созерцанию пробуждающегося от зимы сада. Вот за что я любил иметь дело с Антией: больше никаких лишних вопросов. Не тратя времени на пустые слова, я развернулся и покинул комнату, оставляя сестру грустить. Определенно, причина ее грусти находилась сейчас уже во многих километрах от замка, отправляясь в одну из приграничных крепостей. Я лишь хмыкнул, по-прежнему

пребывая в легком удивлении, чем же сумел покорить мою прихотливую красавицу-сестру этот странный воин. Впрочем, ему нельзя было отказать в смелости и решительности, которые ценились высоко и в мире вампиров. Быть может, именно этим и смог он на время заинтересовать мою сестру. Однако не думаю, что он сможет долго удерживать завоеванные позиции, слишком уж дикой и непокорной была Аннора.

С этими мыслями я отправился обратно в кабинет, чтобы успеть перед советом просмотреть последние донесения о враге...

Спустя несколько часов

Я устало сомкнул тяжелые веки, откладывая в сторону еще одно послание от отца, прибывшее несколько часов назад. Отвечать на него желания уже не было. Все одно и то же.

Этот день, казалось, длился уже целую вечность. Пламя в камине почти догорело, и комната погрузилась в полумрак. Я поднялся из-за стола и подошел к окну. Прохладный весенний день давно уже уступил место темной ночи, в которой словно светлячки сияли отблески от сторожевых костров: из-за военного положения было приказано удвоить охрану, так что теперь вокруг замка всегда на страже находились десятки вампиров.

Мои усталые мысли оказались прерваны появлением Антии, которая, убедившись, что я один, вошла в кабинет и с удивлением произнесла, словно ожидая застать здесь кого-то еще:

— Аларис, а где же Триана? Я несколько раз заходила к ней в комнату и даже искала по замку. Я думала, что она с тобой, но её и здесь не оказалось.

Я нахмурился, осознав, что за весь день, проведенный в военных заботах, я не видел ее ни разу. Сознание начало быстро продумывать все возможные варианты нахождения девушки, когда внезапно осенившая меня мысль заставила резко стряхнуть с себя следы усталости. Уже предчувствуя ответ, я, тем не менее, задал вопрос, медленно проговаривая каждое слово, сосредоточенно глядя на младшую сестру:

— А как выглядит комната? Что-нибудь исчезло из вещей?

Она, вначале не понимая, вспыхнула в негодовании и уже открыла рот, чтобы возмутиться, как внезапно кусочки картины, словно мозаика, начали складываться у нее в голове. Казалось, я почти мог видеть этот процесс. Но мне хотелось закричать, грубо затормозить Антию, чтобы та скорее закончила обдумывать мой вопрос.

Антия закрыла рот, немного помолчала, восстанавливая в уме обстановку комнаты, а затем уверенно произнесла, вот только тон её был мрачен:

— В комнате царил хаос, словно хозяйка собиралась в спешке. И сундук с вещами раскрыт — она явно в нем что-то искала. Аларис, неужели ты думаешь, что она...

Не дослушав её вопрос, я быстрым шагом подошел к двери, распахнув ее настежь, и буквально прорычал стоящему на карауле вампиру:

— Брема Кроули — ответственного за распределение отрядов. Ко мне. Немедленно

Глава тринадцатая

Мы застыли в напряженных позах, не отрывая взоров от темной кромки леса, из которого доносился этот враждебный незнакомый звук, не сулящий ничего хорошего. С каждым мгновением он становился громче, словно его источник приближался к нам.

Напряжение, витавшее в воздухе, становилось просто невыносимым. Я в безмолвном ужасе всматривалась в непроглядную чернь леса, боясь даже предположить, что скрывает в себе она. Последствия моего легкомысленного поступка, наконец, начали открываться с поразительной ясностью: я не умела ни обращаться с оружием, ни воевать, словом, на поле боя была бесполезной обузой. Хорошо, что окружающие вампиры полностью сосредоточились на надвигающейся опасности и не обращали внимания на беспорядочный стук моего сердца, которое, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Такое странное ощущение: прежде я и не замечала, насколько мои чувства и переживания в новой ипостаси почти не отличаются от прежних человеческих. Но времени для размышлений уже не осталось: круглый диск луны накрыли небольшие облака, и в этот момент неясные силуэты выступили из-под защиты леса и замерли, готовясь к атаке. Я затаила дыхание, пытаясь понять, что за это за существа, но даже мой острый взгляд не мог помочь в этом: все очертания были смазанными, однако внутреннее чутье буквально кричало о том, что эти твари смертельно опасны.

Вампиры, находившиеся рядом, обнажили оружие, практически неразличимыми в темноте быстрыми движениями выстраиваясь в удобную для обороны позицию. Лишь я одна не сдвинулась с места, не в силах отвести взгляд от темных силуэтов, которые начали надвигаться прямо на нас. В этот момент луна вышла из-за облаков, заливая всю долину мертвенно-бледным светом, и я, наконец, смогла в подробностях рассмотреть этих существ. Уверена, эту картину мне не забыть никогда...

Они были просто омерзительно уродливы. Узкие продолговатые морды, перетекающие в громоздкое тело без всякого намека на шею, миллионы лап-щупалец, копошащихся и извивающихся по всей поверхности тела, полнейшее отсутствие глаз и даже носа. Вместо этого на всю морду зияло черное округлое отверстие, через которое существа со свистом втягивали воздух! Все это привело бы в ужас и более

хладнокровного вампира. Даже закаленный командир Ленгли не выдержал и ругнулся сквозь зубы на тех, кто породил этих тварей, а в том, что эти монстры были порождением чьей-то извращенной фантазии, сомнений не было.

Они передвигались медленно, но неотвратно, вспарывая сухую землю своими мощными отростками, на концах которых в зловещем свете луны поблескивали острия гигантских когтей. И чем меньше оставалось расстояние от них до нашей поляны, тем яснее я понимала, в какую смертельно опасную авантюру попала благодаря своей глупой выходке.

Между тем, ситуация начала принимать нешуточный оборот: этих тварей становилось все больше и больше, они начали выстраиваться в какую-то извилистую линию, понятную им одним. Мы же непроизвольно начали придвигаться ближе друг к другу, стараясь, чтобы зазоры между нами оставались как можно меньше. Командор тихо, стараясь не привлекать лишнего внимания, прошептал стоявшим около него Дэйкасу и высокому блондину:

— Друг от друга не отходить больше, чем на два шага. Старайтесь не подпускать их близко, сдается мне, что эти твари имеют много неприятных сюрпризов для нас! И еще, — при этих словах он бросил быстрый взгляд в мою сторону. — Прикрывайте девушку по возможности.

Вампиры кивнули в ответ на его слова и вновь сосредоточили все внимание на приближающихся монстрах. Те уже заполонили все пространство перед лесом и внезапно остановились, словно по неведомому нам сигналу. Воцарилась полнейшая тишина, казалось, даже ветер притих в предвкушении грядущей резни. И она не заставила себя долго ждать.

С внезапным низким рычанием передний ряд тварей бросился на нас, выставив перед собой острые кинжалы когтей, тут же натолкнувшись на разящие выпады мечей вампиров. Как только лохматая голова первого монстра коснулась земли, остальные словно взбесились, и вся эта агрессивная масса хлынула на нас.

Я неуклюже вытащила свой меч, приготовившись защищаться — и в этот же момент на меня с рычанием напали сразу несколько тварей, заставляя отступать назад. Они неторопливо надвигались на меня, явно чувствуя, что перевес силы на их стороне. Я отступала до тех пор, пока спиной не наткнулась на шершавый ствол дерева, стоящего в сторонке от леса. Поняв, что дальше отступать некуда, я сделала глубокий вдох и приготовилась обороняться.

И тут же одна из тварей, издав уже привычный клич, бросилась на меня. Я видела, как расширилась дыра на его морде, блеснув при этом

несколькими рядами острых зубов, спрятавшимися в глубине. Словно завороченная, я смотрела, как вытягиваются хищные когти, и только в последнюю секунду, опомнившись, успела выставить меч перед собой и с силой рубануть по тянущейся длани. С тихим хлюпаньем лезвие вошло в мягкую плоть и отсекло ее от остального тела. Все это заняло не больше секунды, а мне показалось, что прошла целая минута до той поры, пока разъярившаяся тварь не напала снова.

Теперь уже она не спешила нападать первой, а начала кружить вокруг меня, выжидая момент, когда я потеряю терпение и нападую первая. Остальные монстры начали окружать нас и сжимать кольцо, вынуждая меня постоянно оглядываться и быть начеку. Уже теряя всякую надежду на то, чтобы невредимой выбраться из смыкающегося круга, я, тем не менее, продолжала стоять с высоко поднятым мечом, ощущая, как готовятся к атаке монстры, стоящие позади меня.

Я сильнее вжалась в дерево, понимая, что жить мне осталось лишь несколько секунд, и эти секунды вдруг показались мне такими драгоценными: я внезапно осознала, насколько сильно все же хочу жить, хочу любить, хочу быть с тем, кто для меня дороже всех на свете. Какими глупыми были все мои прежние размышления и поступки! Неужели для того, чтобы оценить то, что я имела и кем была, мне потребовалось оказаться на самом краю гибели?

Все эти мысли молниеносно пронеслись в голове, когда уже раненая мной тварь решила взять реванш и внезапным броском оказалась совсем рядом. Не дав себе времени на размышления я, закрыв глаза, резко выбросила руку, сжимавшую меч, прямо в уродливую морду передо мной. И только когда ее крик прервался на высокой ноте, я поняла, что попала прямо в цель.

В этот момент остальные монстры, поняв, что тварь мертва, взревели и бросились в атаку. Я начала с бешеной скоростью делать выпады мечом, стараясь не подпускать уродцев к себе, но их было слишком много. Не знаю, что бы я делала, если бы в этот момент ко мне не подоспели несколько вампиров на помощь.

Я облегченно выдохнула, когда последняя из нападавших на меня тварей лишилась головы, и с благодарностью взглянула на спасителей. Но те уже сражались с новыми полчищами врагов, неустанно выползающих из леса. Я осмотрелась, пытаюсь отыскать брата, и в этот момент увидела, как сзади на командора Ленгли движется одна из тварей, а он, увлеченный сражением, не замечает ее. Не решаясь окликнуть его и, тем самым, отвлечь от схватки, я помедлила лишь секунду, а затем,

подхватив сползающий меч, поспешила на подмогу.

За несколько секунд преодолев разделявшее нас расстояние, я бесшумно подкралась к твари сзади и с силой опустила меч, борясь с охватившим меня отвращением, когда темно-синие струйки странной жидкости брызнули из раны. Издав пронзительный крик, монстр повалился на землю. Услышав его, командир на секунду оглянулся, и, мгновенно оценив ситуацию, коротко кивнул, выражая благодарность.

А я уже вновь вглядывалась в толпу, стремясь увидеть знакомый силуэт. Наконец, найдя Дэйкаса и удостоверившись, что помощь брату явно не требуется, я начала сперва осторожно, а затем, почувствовав незнакомое ранее чувство упоения схваткой, яростно сражаться с тварями. Я рубила, колола, резала живую плоть, вонзала и погружала в нее холодное острие меча, упиваясь тем опьяняющим чувством, что дарило сражение. Только теперь я в полной мере смогла понять всех тех воинов, которые не могли жить без войны, признаваясь, что такие острые ощущения им дарит лишь дыхание битвы...

Не знаю, сколько времени прошло, когда я начала ощущать, что силы мои уже на исходе: меч в руке, казалось, становился все тяжелее; все сложнее было уворачиваться от острых когтей и извивавшихся щупальцев, с которых тяжелыми каплями стекала зеленая жидкость, оставлявшая на месте, куда попадали капли, дымящиеся углубления. Количество тварей значительно уменьшилось, но их по-прежнему было чересчур много.

Внезапно мой слух уловил незнакомый звук: среди пронзительного хора визгов тварей пробился едва слышный стон. Я быстро развернулась и увидела, как одна из тварей сумела-таки зацепить вампира острыми когтями. Он продолжал сражаться, при этом одна его рука безвольно повисла вдоль тела, крупные капли ярко-красной крови падали на землю, окрашивая жухлую траву в бордовый цвет.

Монстры вокруг, почуяв запах свежей крови, начали нападать еще более яростно и стремительно. Осознав, что в одиночку вампиру долго не выстоять, я поспешила к нему на помощь, параллельно расчищая мечом дорогу.

Оказавшись рядом, я встала перед ним и, собрав все силы, ринулась в схватку. Я без устали орудовала мечом, практически не глядя по сторонам, единственное, что было передо мной — это враги, монстры, которые нападали и нападали; словно на автомате, я безжалостно убивала, при этом не чувствуя уже ничего, кроме безмерной усталости. Когда, наконец, вокруг меня остались только бездыханные туши этих существ, я остановилась, обессиленно роняя меч на землю, и огляделась.

И от увиденной картины все во мне перевернулось от ужаса: Дэйкас, увлекшись преследованием одного из монстров, забрел в самое начало леса, не замечая крупной твари, притаившийся за кустом. Убедившись, что брат беззащитен со спины, монстр резко выпрыгнул и одним большим прыжком преодолел расстояние, отделявшее его от Дэйкаса. Я стояла ни жива, ни мертва, с ужасом понимая, что помочь уже не успеваю, впрочем, как и все остальные; поэтому сделала единственное, что могла в тот момент. Набрав воздуха в легкие, я изо всех сил закричала имя брата, закричала так громко, как могла:

— ДЭЙКАС!

Он резко обернулся, не веря своим ушам, и тварь, как раз в этот момент накинувшаяся на него, просто оказалась насаженной на острый меч. И только тогда я медленно выдохнула и без сил опустилась на землю...

— Триана Мари Де Леон! Что ты здесь делаешь?

Брат грозной скалой возвышался надо мной, плотно сжатые губы и нахмуренный лоб выдавали все чувства, что он испытывал сейчас. Я же могла лишь радоваться, что он жив, что я сама жива. Как выяснилось, эти монстры не выносят солнечного света, поэтому с первым же лучом они поспешили обратно в лес, а те, кто не успел этого сделать, с ужасающими воплями сгорели буквально за несколько секунд, оставив после себя едкий запах горелой плоти и небольшие впадины на земле.

Трупы этих тварей так же исчезли на солнечном свете, поэтому теперь лишь только покрытая рытвинами поляна свидетельствовала о том, что происходило здесь всего несколько минут назад. Я, сделав небольшое усилие над собой, поднялась на ноги, и с вызовом встречая взгляд Дэйкаса, произнесла:

— Как видишь, я пошла вслед за тобой.

В этот момент к нашему разговору присоединился Ленгли, до этого осматривающий поврежденную руку раненого вампира. Остановившись рядом со мной, мужчина пристально посмотрел на меня, а затем неожиданно бодро произнес:

— Так вот, значит, какая ты, Триана. Наслышан-наслышан. Вот только не думал, что мы встретимся так скоро.

Он ухмыльнулся еще раз, а затем посерьезневшим голосом сказал:

— Но, боюсь, что этот необдуманый поступок принесет мне много неприятностей. Верно ли я полагаю, что наш господин в известность о твоём решении не был поставлен?

Мне нравился этот юморной крепкий вампир, и я искренне сожалела, что своим поступком могла навлечь на него гнев Алариса.

Потому, помрачнев, я произнесла упавшим голосом:

— Простите. Меньше всего на свете я желала причинить кому-либо вред этим своим решением.

Аларис мог быть невероятно жестоким, я знала это как никто другой, и потому неожиданный ответ командира заставил меня недоверчиво поднять на него глаза.

— А я вот нисколько не жалею об этом! Иначе, как знать, меня в живых уже могло и не быть. Как и вашего братца. Так что добро пожаловать в наш отряд, леди! — он залихватски подмигнул мне и широким шагом вновь направился к раненому.

Я широко улыбнулась, чувствуя, как меня отпускает напряжение, и повернулась к брату, молча буравившему меня взглядом на протяжении всей беседы. Тот тяжело вздохнул, выражая полное несогласие с решением командира, но вслух больше ничего не произнес, за что я ему была очень благодарна.

Так и не проронив ни слова друг другу, мы вернулись к остальным вампирам, окружившим командора, стоявшего в центре с задумчивым видом. Наконец, приняв, по-видимому, некое решение, он проговорил озабоченным тоном:

— Думаю, всем уже ясно, что идти через этот будет равносильно самоубийство. Неизвестно, что еще может нас там поджидать. Поэтому вижу только один выход — отправиться в обход через Поганные Топи.

Я невольно поморщилась, ощущая, как нехорошее предчувствие охватывает меня: даже судя по одному названию, ничего хорошего это место нам обещать не могло.

Остальные вампиры, по-видимому, были со мной согласны, но никто не осмелился в открытую спорить с командиром, понимая, что путь через лес станет для нас последним. А так хотя бы оставалась вероятность, что мы сумеем дойти до крепости Артель без потерь.

Я горестно вздохнула, осознавая, что предстоящий путь обещает еще множество испытаний и препятствий, с которым нам придется столкнуться в самом скором времени. Но зато я теперь могла, не таясь, быть рядом с Дэйкасом — и этого было достаточно. На сегодняшний день.

А завтра... Завтра увидим!

Глава четырнадцатая

Мы шли безостановочно весь день, несмотря на сильнейшую усталость, вызванную ночной стычкой. Никто из нас не хотел останавливаться, опасаясь, что к Поганым Топям мы подойдем аккурат к ночи. Это, памятуя о недавних событиях, было последним, что нам нужно было сейчас.

Я наслаждалась легким бегом рядом с Дэйкасом, который уже пришел в себя после моего внезапного появления, и уже не хмурился от одной только мысли, что его младшая сестра сражается рядом. В нашем прежнем человеческом мире женщинам полагалось сидеть дома, дожидаясь возвращения защитников, но никак не сражаться с ними рядом. В мире вампиров все было куда проще, и за это одно я была сейчас благодарна.

Конечно, длинной и нудной нотации было не избежать, но я с честью выдержала это испытание, покорно кивая в ответ на слова брата о бездумности и легкомыслии моего поступка, не собираясь спорить с ним. Напряглась я лишь однажды, когда он добрался до части, которую я больше всего боялась затрагивать, — причине моего поспешного бегства из замка. К счастью, заметив, как при одном упоминании об Аларисе у меня резко помрачнело лицо, брат не стал возвращаться к этой теме, предпочтя ей рассказы из своего богатого воинского прошлого.

Теперь, оказавшись в эпицентре боевых действий и познав на собственном опыте опьяняющий вкус битвы, я, затаив дыхание, слушала речь брата, сопровождающуюся энергичными жестами, и представляла себя на его месте, в самой гуще сражения, неистово бьющуюся против полчищ врагов. Но память тут же услужливо подкинула картинку вчерашнего боя, и весь мой пыл сошел на «нет». Я бы ни за что не хотела вновь столкнуться с подобными монстрами, как и не была уверена, что сумею сконцентрироваться и снова взять в руки оружие. К счастью, одной заботой стало меньше после того, как командор лично пообещал научить меня владеть мечом не хуже любого из его отряда.

Кроме того я была приятно удивлена тем отношением ко мне, что сложилось в нашем небольшом отряде: никто из вампиров не позволил себе ни одного ехидного замечания или косого взгляда после того, как моя личность была раскрыта. Прежде, когда я представляла себе подобную ситуацию, казалось, что все будут меня ненавидеть за то, что я, пусть и невольно, явилась причиной войны. И сейчас я была почти счастлива

от того, что мои догадки оказались неверны. «Почти» — потому что невеселые мысли, впервые пришедшие в голову во время боя, не желали уходить. Я вновь и вновь спрашивала себя, правильно ли сделала, вот так покинув замок. И не могла утвердительно ответить на него, в глубине души зная, что это было нечестно по отношению к Аларису. Но и другого выхода я пока не видела. Он никогда не отпустил бы меня до поры, пока окончательно не пресытился бы.

Я недовольно покачала головой, с неудовольствием отметив, что снова погрузилась в старые переживания, и постаралась больше не думать о грустном, наслаждаясь новым днем.

А между тем, вокруг сияло весеннее солнце, заливая мир ярким светом. От чего на душе воцарилась странная уверенность в том, что все хорошее, — непременно впереди. Я невольно улыбнулась, про себя гадая, можно ли ожидающие нас Поганые Топи отнести к этой категории.

В этот момент внимание привлек яростный спор нескольких вампиров, бегущих передо мной. Одним из них был тот самый скучающий блондин, который еще только вчера утром объяснял мне, как закреплять меч. Сейчас я знала, что его зовут Арм Грех. Его собеседниками были два вампира, одного из которых я запомнила еще с того памятного разговора у костра, он сидел с накинутым капюшоном, скрывающем лицо. Вот и сегодня вампир, вопреки достаточно теплой погоде, не откинул его, как сделали остальные, а лишь поглубже закутался в темную накидку. Но никто не вздумал удивляться поведению мужчины: из тех скудных сведений, что мне удалось вытянуть из брата, я знала, что у Грега Долха — так звали вампира — на лице змеился страшный шрам, полученный во время какой-то знаменательной битвы. И Грег очень не любит, когда его разглядывают, поэтому увидеть его без капюшона практически невозможно. А вот его родной брат — Лем — напротив, очень гордился своими шрамами и с удовольствием демонстрировал их всем желающим.

В этот момент я почувствовала на себе чей-то внимательный взгляд и немного смутилась, осознав, что только что была поймана на откровенном разглядывании. Немного развернувшись, я увидела молодого вампира, которого про себя окрестила «простачком». Несмотря на то, что мы с ним прежде не были знакомы, я не могла отделаться от ощущения, что где-то уже встречала его.

Он дружелюбно улыбнулся и представился:

— Счастлив, наконец, получить возможность лично представиться единственной даме нашего отряда. Я — Корт Дейтон, — он склонился в шутливом поклоне, и я, не выдержав, рассмеялась:

— К вашему счастью, за последнее время я совершенно растеряла умение кланяться, а также разговаривать витиеватыми фразами. Потому отвечу просто — Триана Леон.

Он мягко улыбнулся в ответ на мое признание и проговорил:

— Позвольте поинтересоваться, как такая сиятельная госпожа оказалась здесь, в рядах простых воинов?

Моя улыбка слегка потускнела, и он, увидев это, тут же поспешил исправиться:

— Если у леди нет желания отвечать на мой вопрос, то, пожалуйста, простите это нескромное любопытство. Никогда не был силен в светских беседах. Быть может этот скромный цветок хоть как-нибудь сможет скрасить ваше разочарование? — при этих словах в его руке внезапно оказался только полевой цветок.

Я, до глубины души польщенная таким вниманием, осторожно приняла этот неожиданный подарок и поблагодарила вампира:

— Это было действительно неожиданно, вы настоящий волшебник. Сколько мы идем по этим лугам, а я еще ни разу не видела цветущих растений.

Он воскликнул, подняв руки в шутливом жесте к небесам:

— Это все — результат вашей красоты. Смотрите, какая сегодня прекрасная погода! Я уверен, что это благодаря тому, что вы идете вместе с нами.

Я осторожно улыбнулась, не зная, как реагировать на эти слова. С одной стороны, я никогда не любила громких и напыщенных фраз в свой адрес, а с другой — не хотелось обижать этого смешного малого, который так старался меня рассмешить, и, следовало признать, ему это удалось.

В этот момент Дэйкас, до того молчаливо прислушивающийся к нашей беседе со все возрастающим недовольством, не выдержал, и, бросив предупреждающий взгляд на Корта, промолвил:

— Триана, я хотел обсудить с тобой предстоящие месяцы в крепости...

Корт, прекрасно все понявший, с грустной улыбкой поклонился мне, и мгновенно исчез позади нас.

Я с тяжелым вздохом повернулась к брату и произнесла:

— Вижу по твоему лицу, что мне предстоит очередная порция несправедливых упреков. Чем я тебя не угодила на этот раз? Или, может, дело в Кorte? Но он же ничего плохого не совершил.

— Триана, мне не нравится смотреть на то, как этот парень пытается ухаживать за тобой. И к тому же... — брат немного замялся, не решаясь договорить. Наконец, решившись, Дэйкас чуть смущенно произнес, глядя

в сторону: — Не забывай, что рано или поздно Аларис узнает об этом. И пусть я никогда не смогу простить себе того, что моя сестра находится в положении любовницы, я не могу не признать, что этот статус обеспечивает тебе хотя бы элементарную безопасность.

Лицо брата при этих словах исказила гримаса боли. Я запоздало поняла, что эти мысли не давали ему покоя долгое время.

Ласково прикоснувшись к руке Дэйкаса, я успокаивающе прошептала:

— Дэйкас, в этом нет твоей вины. Пойми, что никто бы не смог что-то изменить.

Он упрямо покачал головой, не соглашаясь со мной. Я же, осознав, что сейчас он ничего и слушать не станет, пообещала самой себе обязательно переубедить его. Когда-нибудь.

Солнце уже клонилось к закату, а мы все еще шли, понимая, что не успеем перебраться через Топи до ночи.

Местность вокруг менялась на глазах: место зеленеющих лугов потихоньку отвоевывала бугристая серая земля, деревья, встречающиеся все реже, становились все слабее, словно нечто выпивало из них все соки. Казалось, что в этих краях все еще царит поздняя унылая осень.

Я слегка поежилась от мысли о том, что если эти земли предшествуют топям, то что же представляют из себя они сами? Наконец, командир Легли, до этого момента изо всех сил подгонявший наш небольшой отряд, замедлил ход, а затем и вовсе остановился, признавая поражение. Мы подошли вплотную к нему, когда он, невесело произнес:

— Мне казалось, что за это время мы должны были уже миновать Топь. Однако что-то произошло либо с моей памятью, либо с местностью вокруг. Как бы то ни было, будем надеяться, что эта ночь пройдет спокойнее, чем предыдущая. Хотя бы потому, что еще одной такой нам не пережить. Костер разжигать не будем, шуметь, громко разговаривать — тоже.

Мы быстро разместились на небольшом сухом клочке земли, стараясь держаться как можно ближе друг к другу. Многие вампиры тут же застыли в неподвижных позах, прикрыв глаза. Я некоторое время непонимающе смотрела на них, пока подошедший Ленгли не разъяснил тихим шепотом, что в походное время отдых — это роскошь, потому как только выдается свободная минутка, все, кто свободен от дежурства, стараются урвать лишние минуты для восстановления. Я согласно кивнула, обратив внимание на раненого вампира, с бледным видом лежащего в стороне:

— Как его рана? Судя по виду, ему не стало лучше, — я слегка

помедлила, прежде чем с небольшим сомнением предложить: — Раньше у меня были неплохие лекарские навыки... Быть может, я смогу чем-то помочь?

Мужчина на мгновение задумался, а после кивнул, протягивая мне небольшую суму, которую он держал в руках:

— Здесь некоторые снадобья, которыми обрабатывают раны. А вообще, единственное, что ему сейчас необходимо, — это свежая кровь. Поэтому нам нужно скорее добраться до крепости с припасами.

Я постаралась никак не отреагировать на это слово, хотя горло мгновенно обожгло от одного только упоминания о еде.

Осторожно приблизившись к раненому, я помедлила, не зная, как обращаться с вампиром, ведь прежде я имела дело только с больными людьми. Но при виде распухшей руки все прочие мысли вылетели из головы, оставив лишь искреннее желание помочь.

Я открыла суму и с надеждой заглянула внутрь. К счастью, ожидания оправдались, и я нашла все, что было необходимо: чистые повязки, жгуты, очищающие настойки. Аккуратно промокнув рану, я быстро промыла ее, стараясь своими действиями не причинять дополнительную боль.

Когда, наконец, я закончила свои манипуляции, солнце окончательно зашло за горизонт, и долина погрузилась во тьму... Командир Ленгли и я оказались единственными бодрствующими: он стоял на посту, а я только собиралась дать себе немного отдохнуть, все-таки бессонная ночь давала о себе знать.

Уже закрывая глаза, я вдруг заметила, как резко напрягся командир. «Неужели снова что-то будет», — с затаенной тоской успела подумать, моментально оказавшись рядом с ним. Но он не спешил поднимать тревогу, а просто напряженно вглядывался вперед. Я проследила его взгляд и увидела то, что заставило резко встревожиться: далеко перед нами в крошечной тьме можно было разглядеть, как над землей поднимается клубами зеленый туман. Я стояла, не в силах отвести от него взор, пока Ленгли тихонько не прошептал:

— Этот туман, согласно преданиям, появляется каждую ночь. И да помогут небеса тем, кто окажется в такую ночь рядом с топями...

Я молча стояла рядом, боясь даже подумать о том, насколько далеко может простираться эта зеленая пелена. Успокаивало лишь то, что если бы нам грозила опасность, Ленгли давно уже увел нас из этого проклятого места.

— Триана, завтра предстоит тяжелый день, поэтому тебе нужно отдохнуть.

Я в ответ слабо кивнула и, не отрывая взора от горизонта, направилась к брату.

Я резко открыла глаза, почувствовав, как робкие солнечные лучи мягко касаются лица, знаменуя начало нового дня. Еще не в силах поверить в то, что мы благополучно пережили эту ночь, я села и огляделась: Дэйкас стоял рядом с командиром, что-то обсуждая, остальные вампиры отходили от ночи, и только раненый не пришел в себя. Я сладко потянулась, чувствуя, как меня переполняет энергия.

Как только все были готовы продолжать путь, командир собрал нас вокруг себя и предупредил:

— Через пару часов пути нас ждут Поганные Топи. Я приказываю всем держаться вместе, не отставать друг от друга. Помните, что малейшая оплошность может стоить жизни и вам, и вашим товарищам!

И на такой ободряющей ноте мы двинулись в путь.

Чем ближе становились топи, тем сложнее было идти: земля из твердой каменистой превратилась в хлюпающую жижу. Наконец, мы вплотную подошли к последнему сухому островку, за которым дальше разливалось настоящее болото, скрытое густыми зарослями неизвестных мне растений.

Узкая извилистая тропинка, состоящая из одних только кочек, начиналась у самой кромки покрытой зелеными разводами мутной воды. Мы выстроились друг за другом и осторожно двинулись вперед.

Чем дальше заводила нас узкая тропинка, тем тяжелее было дышать из-за странных испарений, исходявших, казалось, от самой воды. Хорошо, что вампиры могут некоторое время обходиться без кислорода; в противном случае, мы бы долго не протянули: не было никаких сомнений, что эти испарения были ядовиты. Временами ноги по щиколотку проваливались в грязную жижу, которая, не желая отпускать свою нечаянную добычу, с громким хлюпающим звуком пыталась утянуть на дно.

Мы уже практически дошли до середины болота, как внезапно острый слух уловил среди уже ставших привычными булькающих и хлюпающих звуков наших шагов незнакомый шум. Мгновенно насторожившись, несколько вампиров обнажили лезвия мечей, но я этого делать не стала: если я на широкой поляне едва удерживала эту махину, что уж говорить об узенькой тропинке, по которой сама иду с трудом?

Командир знаком показал нам медленно продвигаться дальше.

Я аккуратно шла вслед за братом, с тоской глядя на ярко-голубые

просторы небес и изо всех сил желая оказаться как можно дальше от этого места, как вдруг отчетливо ощутила, как нечто крепко обхватило мою ногу.

Медленно-медленно, борясь с подступившим ужасом, перевела взгляд вниз и заледенела: мою лодыжку держала зеленая, покрытая трупными пятнами, полуразложившаяся рука, высунувшаяся из воды. К счастью, в этот момент Дэйкас, почувствовавший что-то неладное, оглянулся, и, моментально оценив обстановку, с силой рубанул по тянущейся из воды длани. В тот же миг раздался яростный крик, разлетевшийся по всей долине, и на одну-единственную секунду под толщей вод мелькнуло перекошенное от злобы зеленое лицо существа, которое уже сложно было отнести к женскому или мужскому полу.

Я смогла окончательно прийти в себя только когда нога коснулась твердой надежной и такой долгожданной земли. Как оказалось, это была не единственная попытка нападения на наш отряд, но все они окончились для тварей безрезультатно.

Как предположил командир, эти существа когда-то были простыми путниками, которых поглотил зеленый туман. Но мне было безразлично их происхождение: каждый раз при одном только воспоминании о слизких объятьях рыхлых рук, меня начинала бить крупная дрожь.

К счастью, когда топи остались позади, выяснилось, что до крепости рукой подать — пара часов быстрого шага — и мы у цели.

Солнце стояло в зените, когда, наконец, перед глазами предстала долгожданная цитадель. Вид у нее был впечатляющий: стоявшая среди равнины, словно гордый риф посреди морской глади, она делила местность незримой чертой — где заканчивались владения Алариса и начиналась земля Атония.

Казалось, можно увидеть разницу невооруженным глазом: во владениях Атония все еще царила зима, не было ни единого проблеска зеленой травы, и лишь одинокие искривленные силуэты деревьев виднелись на горизонте.

Я нахмурилась, не в силах понять причины столь разительных отличий, как в этот момент с крепости раздался предупредительный возглас, на который Ленгли ответил специальным опознавательным кличем.

В тот же миг с тяжелым скрежетом начали открываться металлические ворота, ведущие в крепость.

Артель. Я и сама не заметила, как из моей груди вырвался вздох облегчения. Неужели мы все-таки пришли? И словно в ответ на мои невысказанные мысли, командир радостно промолвил:

— Добрались.

Глава пятнадцатая

Прошло вот уже две недели с нашего знаменательного прибытия в крепость.

В тот момент мы были так утомлены ночной битвой и сложным переходом через топи, что как только оказались под защитой крепостных стен, буквально без сил опустились на утоптанную поверхность двора.

К счастью, комендант крепости — добродушный здоровяк Ларги — понимая наше состояние, велел разместить нас по комнатам и не тревожить в течение суток. Я с радостью последовала за молчаливым вампиром, который привел меня в небольшую, но неожиданно уютную комнатку. Как выяснилось позднее, в ней еще до войны проживала жена начальника гарнизона, теперь же в ней предстояло жить мне на все время пребывания в Артели.

Не теряя времени даром, я тут же с наслаждением опустилась на узкую кровать и погрузилась в блаженный сон. Несмотря на то, что, как считалось, вампиры не спят, а погружаются в пограничное со сном состояние, в моем случае это был самый настоящий сон. Могу даже поклясться, что образ Алариса не отпускал меня на всем его протяжении.

Когда, наконец, я почувствовала, что силы вернулись, и открыла глаза, первое, что увидела — яркое утреннее солнце, радостно заглядывающее в зарешеченное окно. В ужасе вскочив с кровати, я была вынуждена признать, что за окном давно уже господствовал новый день.

Постояв несколько секунд в раздумьях, я неуверенно натянула уже привычную длинную накидку и осторожно приоткрыла дверь. Вдалеке можно было различить громкий гул голосов, прерываемых громким смехом и звоном бокалов. Даже на таком немалом расстоянии, я могла с уверенностью различить манящий запах крови. Мгновенно горло обожгло саднящей болью, и я, рефлексивно сглотнув, пошла по направлению к этому запаху. Нерешительно подойдя к массивной деревянной двери, я осторожно потянула на себя ручку и вошла в большую затемненную комнату.

Позже, привыкнув к странному помещению, гордо именуемому «столовой», я научилась не обращать внимания на антураж комнаты, состоящий из огромных картин во всю стену, изображающих одно и то же: как жуткого вида вампир пьет кровь у бледной светловолосой красавицы, томно возлежащей на огромной кровати. Но в первую секунду при виде

этой картины я просто обомлела — сюжет настолько походил на сцену моего обращения, с той лишь разницей, что мой вампир был настоящей мечтой любой женщины, а вот сама жертва — самой обыкновенной ничем не примечательной человеческой девчонкой...

Отбросив в сторону привычные мысли, не приносящие ничего, кроме тоски и грусти, я наконец, обратила внимание на вампиров, которые при виде меня подозрительно притихли и устремили выжидающие взгляды в сторону Ленгли. В первый момент я, не понимая причины столь пристального внимания, привычно смутилась. На краю сознания мелькнула, было, крамольная мысль убежать обратно в комнату, но я мужественно отмахнулась от нее, понимая, что в этой ситуации это будет выглядеть, по меньшей мере, нелепо.

В этот момент со своего места поднялся наш командор и, неуловимым движением оказавшись рядом, громко представил всем собравшимся. Я внутренне напряглась в ожидании ответной реакции, но оказалась совершенно не готова к тому, что все присутствующие поднялись с мест и громкими криками начали меня приветствовать.

Как потом уже мне разъяснил Корт, вампиры, служащие в крепости по несколько месяцев, отвыкли от женского общества, поэтому восприняли мое появление с таким энтузиазмом. А в тот момент мне казалось, что я попала в какой-то другой мир. Все посылали мне широкие улыбки, зазывали сесть рядом, подходили представиться, некоторые даже церемонно кланялись. А я так и стояла в центре помещения с изумленным видом. Спустя некоторое время меня таки усадил с собой незнакомый болтливый вампир, отрекомендовавшийся Терком, и, вручив в руки полный бокал крови, предложил выпить за знакомство. Я вновь ощутила то странное чувство, когда горло горит огнем, а желудок судорожно сжимается от одной только мысли о том, чтобы опустошить бокал. В нерешительности замерев, беспомощно оглянулась по сторонам в надежде увидеть брата. В этот момент, заметив мое смятение, неспешной походкой ко мне подошел Лем, сжимая в руках точно такой же бокал. Узнав в чем дело, он пообещал помочь. И на самом деле, уже через несколько часов они с братом приволокли откуда-то здоровенную медвежью тушу.

С этих самых пор между нами завязались теплые дружеские отношения, которые, впрочем, совершенно не мешали им регулярно гонять меня на ежедневных тренировках. Казалось, что не только они, но и все обитатели крепости поставили себе целью довести меня до полного изнеможения. Но я не жаловалась: каждый вечер в полнейшем упадке сил доползая до своей комнаты, я валилась на кровать и погружалась в тяжелое

зыбкое состояние. Ни на какие грустные размышления у меня уже просто не хватало сил. И в глубине души я была этому рада, иначе бесконечные душевные терзания давно бы свели меня с ума.

Иногда, когда выдавалась свободная минутка, я садилась под раскидистое дерево, росшее прямо посреди двора, и представляла, как открываются крепостные ворота, появляется знакомый до боли силуэт, подходит и без слов крепко меня обнимает. Но в следующую секунду приходило горькое понимание, что, когда однажды Аларис придет сюда — в том, что это непременно произойдет, у меня не было ни малейшего сомнения — меня ждет суровое наказание. Он придет, он сделает это только для того, чтобы показать, что никто не имеет права уходить от него. Я же одновременно и ждала, и страшилась этого момента, зная, что во второй раз уйти от него уже не смогу... Но, видит Бог, как же мне хотелось, чтобы хотя бы на мгновение он увидел во мне не просто игрушку для постельных утех, а земную женщину, у которой есть свои мысли, чувства, желания и которая так ждет от него хотя бы крох любви и внимания.

А между тем мои успехи на воинском поприще росли с каждым днем. Все уверенней я ощущала себя с оружием в руках; все больше времени требовалось моим соперникам на тренировках, чтобы выбить меч из рук.

Впервые я поняла, что у меня действительно получается, когда немногословный Арм, когда-то объяснивший мне предназначении перевязи, скупо похвалил мое умение парировать удары соперников.

Но несмотря на растущие воинские навыки, на вылазки за пределы крепости меня все еще не пускали, объясняя тем, что это слишком опасно. И я не могла поспорить: с каждым днем обстановка на границе накалялась: уже были пойманы несколько вражеских лазутчиков, а один из наших вампиров не вернулся с ежедневного обхода земель вокруг Артели.

После этого события в крепости был объявлен комендантский час, часовые на посту сменялись каждый час. Все чаще на горизонте собирались тяжелые грозовые тучи, как мне рассказал крепостной маг, именно они являлись причиной столь разительных перемен окружающей местности. Только благодаря его усилиям, они не могли пересечь невидимую границу и разразиться смертоносным дождем, после которого гибнет все живое, на территории земель, принадлежащих Аларису.

Как выяснилось, многое из тех страшных слухов, что я слышала об Атонии еще в замке, оказались правдой. По крайней мере, он действительно ставил противоестественные эксперименты над живыми существами, и именно благодаря его извращенной фантазии окружающая

земля изобиловала множеством изуродованных животных, которым не посчастливилось стать материалом для его опытов.

Чем больше я узнавала про него, тем страшнее становился его образ в воспоминаниях: стало казаться, что он — чудовище, для которого не существует никаких моральных ограничений. Порой я и сама начинала думать, что лучше было Аларису вовсе не бросать Иризиды. Тогда, может, не было бы таких последствий. Но тут же в памяти всплывали сцены из моей еще человеческой жизни, когда она еще была его невестой — и меня охватывал такой сильный порыв безотчетной ревности, что невозможно было даже помыслить о том, что, возможно, сейчас моего вампира ласкают чужие руки.

К счастью, у меня было слишком мало свободного времени, чтобы предаваться самобичеванию: тренировки занимали большую часть дня, а в оставшееся время вокруг меня постоянно кто-либо находился. Обычно это был вездесущий Корт, братья Долх, молчаливый Арм, командир Ленгли, еще несколько вампиров из крепости. Мы подолгу сидели в столовой или во дворе и разговаривали часами... Если вдруг беседа невольно заходила на слишком личные темы, мгновенно замечая перемены в моем настроении вампиры начинали развлекать меня, как умели. В основном, излюбленным методом были шуточные поединки друг с другом, которые в итоге превращались в большое столпотворение. Ну и, конечно, рядом всегда находился мой брат, не сводивший пристального взгляда от «своры моих поклонников», как он выражался. Я в ответ на его слова всегда лишь смеялась, в глубине души понимая, что сердце мое уже отдано одному-единственному вампиру, и никто в целом мире не сможет значить для меня больше.

Но привычный распорядок жизни в крепости был нарушен в одно промозглое серое утро, когда я была разбужена непривычными громкими голосами. Прислушавшись и уловив топот ног по каменной лестнице, я мгновенно облачилась в удобный костюм (на следующий день после нашего прибытия в крепость мне преподнесли одежду, так удачно оставшуюся после предыдущей обитательницы этой комнаты) и вышла во двор, желая выяснить, в чем дело.

От увиденного перехватило дыхание: вся линия горизонта превратилась в непрерывную живую полосу из врагов. И если чутье мне не изменяло, уже к вечеру они будут возле Артели. В растерянности обводя взглядом двор, я, наконец, увидела командира Ленгли. Не тратя времени на пустые разговоры, я незамедлительно оказалась возле него и прямо спросила:

— Мы примем бой или будем выдерживать осаду?

Он мельком взглянул на меня, а затем проговорил с сожалением, не сводя прищуренного взгляда с горизонта:

— К сожалению, мы не располагаем достаточным количеством воинов, чтобы достойно встретить эти отродья. Поэтому будем ждать подкрепления: гонец к предводителю уже отправлен.

— Командор, скажите, а как он доберется один через топи? — я решила, задать вопрос, которым не раз задавалась при воспоминаниях о нашем походе. Возможно ли было путнику в одиночку миновать то страшное место?

В ответ он только нахмурился и кратко ответил, позволяя понять, что беседа на этом исчерпана:

— Этот вампир один из самых сильных и выносливых, поэтому не думаю, что у него возникнут трудности.

Я приняла его слова с показным согласием, хотя в глубине души очень даже сомневалась, что сила и выносливость могут помочь там, где на тебя нападают полчища врагов и нет им конца и края.

Но так как в данный момент у нас имелись проблемы куда серьезней, я вернулась в крепость и решила отыскать брата, чтобы обсудить с ним надвигающиеся войска противника. Уже двигаясь по коридору в направлении большого зала, где в этот час обычно собиралось большинство обитателей крепости, я увидела, как навстречу мне идет Корт. Привычно улыбнувшись, я поприветствовала его, на что он разразился длинной тирадой, насылающей проклятья на голову Атония, из-за которого он вынужден отложить свои планы на сегодняшний день — мы с ним еще неделю назад договорились впервые выйти за пределы крепости. Успокоив его, что, когда все закончится, мы обязательно совершим запланированную прогулку, я двинулась дальше, спеша найти Дэйкаса.

Спустя несколько часов мы вместе стояли на крепостной стене и с тревогой наблюдали за приближающимися отрядами врага. На удивление, их было не так много, как показалось на первый взгляд. И это было даже подозрительно: неужели Атоний намеревался взять хорошо укрепленную крепость таким небольшим количеством воинов? Скорее всего, у него имелся очередной неприятный сюрприз для нас. Но вот какой именно, нам предстояло выяснить.

Спустившись вниз, я отыскала свободное местечко посреди готовящихся к защите воинов и присела на землю, аккуратно вытаскивая меч из ножен. Любовно полируя холодное лезвие припасенным куском ткани, я смотрела на свое отражение и невольно задавалась мыслями о том,

что бы почувствовал Аларис, узнав о моей смерти.

Наконец, ранние сумерки опустились на землю, и первые отряды врагов подошли к крепости. Однако приближаться к стенам они не рискнули: наши воины заблаговременно позаботились о том, чтобы кипящие котлы со смолой были наготове и при первой же попытке штурма обрушились на головы нетерпеливых врагов. Разместившись чуть поодаль, вражеские отряды выстроились боевым клином и подозрительно затихли.

Мы насторожились, не понимая странной тактики противника. Ожидалось, что они будут пытаться взять стены штурмом с помощью метательных орудий, но ничего не происходило.

На поле воцарилась полнейшая тишина, и даже было слышно, как сильные порывы ветра пригибают к земле сухие ветви прошлогоднего кустарника. Внезапно новый порыв принес с собой до этого не различимые звуки: казалось, что что-то огромное и пока невидимое взору приближается к нам, в нетерпении скрежеща металлическими пластинами. Не зная, откуда раздаются эти странные звуки мы стояли во дворе крепости, в растерянности вращая головами по сторонам, пока кто-то из вампиров не завопил, указывая рукой на небо:

— Сверху!

Я в ужасе задрала голову, пытаясь разглядеть приближающихся к нам чудовищ — очередных порождений Атония. Когда же мне это удалось, по спине пробежали непрошеные мурашки, настолько эти твари были уродливы. Их странные кожистые тела заканчивались длинным раздваивающимся хвостом, на конце которого были закреплены небольшие металлические пластины. Именно они и издавали скрежещающие звуки, в полете соприкасаясь друг с другом. Огромные нескладные крылья были покрыты чем-то похожим на рыбью чешую, а на морде в несколько рядов злобно скалились многочисленные отверстия, служащие этим тварям глазами.

Сделав круг над крепостью, несколько этих существ внезапно снизились и, зацепив когтистыми лапами один из больших котлов со смолой, опрокинули его прямо во двор. Поднялась суматоха, я едва успела отскочить, прежде чем раскаленная смола хлынула на землю, заливая все вокруг.

Несколько вампиров попытались выстрелить метательными снарядами, но те лишь раззадорили врагов. Вновь сделав большой круг, они вернулись обратно и спустя секунду с их хвостов полетели вниз те самые металлические пластины, которые при столкновении с землей взрывались с громким хлопком и начинали дымиться.

В поднявшейся неразберихе, я постаралась перебраться на сухую поверхность и взгляделась в небо, скрытое полосами дыма, ожидая новой атаки. Как это ни было странно, однако этих тварей больше не было видно: словно они исполнили свою миссию и теперь стали не нужны.

Не успела я закончить формулировать в сознании смутную мысль, как внезапно появившийся рядом со мной Дэйкас громко прокричал, подтверждая мои страшные догадки:

— Кто-то предал нас и открыл ворота, пока мы боролись с монстрами! Триана, умоляю, береги себя! Хотя бы ради меня... — его лицо при этих словах искривила судорожная гримаса тревоги за меня, но в этот момент двор заполонили прорвавшиеся внутрь вражеские ряды.

С ужасающим криком брат бросился в самую гущу, на бегу обнажая меч, и врезался в толпу, неистово орудуя сверкающим лезвием.

Я на секунду застыла на месте, не в силах осознать удручающие новости, но быстро пришла в себя, увидев, как нескончаемой волной вливаются враги в раскрытые ворота. Не дав себе больше времени на размышления, я приготовилась защищаться. Первые два противника погибли от моего меча, даже не успев толком осознать, кто их соперник. Стараясь не наступить на дымящиеся лужицы смолы, я сражалась с одним из вампиров, краем глаза замечая, как от вражеской массы отделились несколько фигур и двинулись в мою сторону. Осторожно отступая в глубину двора, я не подпускала их к себе, то делая ложные выпады, то стремительно парируя их удары. Но к моему удивлению, они особо не нападали, а скорее теснили меня к задней части крепости. Но когда понимание их странного, несвойственного врагам поведения пришло ко мне, было поздно: я почувствовала резкую боль со спины, заставившую меня выпустить меч из ослабевших рук и медленно опуститься на землю.

Чувствуя, как по телу расползается странное онемение, я из последних сил обернулась и натолкнулась на знакомое лицо. В недоверии едва ворочая заплетающимся языком, я успела выдавить из себя лишь:

— Так значит это ты. Но почему... — ответа я уже не услышала, погружаясь в гостеприимную темноту...

Бонус 2

Спустя месяц после событий, произошедших в главе 15

Как только за последним посетителем закрылась дверь, в тот же миг маска хладнокровия слетела с моего лица, и я в ярости выместил злость на стене позади меня.

Рука мгновенно засадила, однако удовлетворения мне это не принесло.

За последние два дня пребывания в Артели стены моей комнаты напоминали изрытое ударами снарядов поле сражения. Но, по крайней мере, это был сравнительно безопасный для окружающих способ хоть как-то дать выход переполнявшей меня ярости.

И когда моя размеренная и упорядоченная жизнь успела настолько выйти из-под контроля? Неужели это произошло в тот момент, когда первые отряды отправились по приграничным крепостям? Или это произошло значительно раньше — в момент, когда меня спасла человеческая девушка, напоив своей кровью?..

Я снова почувствовал, как при одной мысли о Триане меня переполняют злость, негодование, ярость, но сильнее всего было чувство тревоги, вызванное полным отсутствием новостей о ней вот уже два месяца. Я закрыл глаза и устало опустил на жесткую деревянную скамью, вспоминая, что произошло с того момента, когда она ушла...

Как только я убедился, что в отряде, пунктом назначения которого была пограничная крепость Артель, по странному стечению обстоятельств оказалась моя наложница, я рассвирепел. В тот вечер досталось всем: и ответственному за распределение отрядов, и командующему войском, и всем, кто просто неудачно попался мне на глаза. Неудивительно, что уже через час замок словно вымер: все заперлись в своих комнатах и с тревогой прислушивались к тому, что происходит в моем кабинете.

Лишь только Антия, как могла, старалась оправдать поступок Трианы, настаивая, что та никогда бы так не поступила, будь я мягче, терпимее к ней. Услышав эти слова из уст сестры, я не выдержал и взорвался:

— Терпимее? Что за чушь ты несешь! Я был терпелив к ней настолько, насколько это было возможно! Я старался не замечать ее вопиющих проступков, закрывал глаза на многочисленные нарушения моих приказов, я даже ни разу не поднял на нее руку, хотя, видит небо, мне очень хотелось это сделать!

Она возмущенно посмотрела на меня, явно не согласная с моими словами:

— Неужели ты думаешь, что этого достаточно? Аларис, она не Иризи, которая спокойно относилась к твоим вспышкам гнева, привыкшая к этому благодаря неуравновешенному характеру Атония. Ты и сам прекрасно знаешь, что Триана другая. Ей не нужна власть, сила, богатство! Единственное, почему она была готова быть с тобой, — это ты сам, неужели ты этого не понимаешь? Но при всем это она, казалось, готова

принимать все так, как оно есть, и я действительно не знаю, почему она вдруг передумала и решила уйти, — к концу этой пламенной речи обычно сдержанная сестра стушеввалась, осознав, что позволила себе лишнее.

Я же, устав от бесполезных споров, постарался как можно быстрее завершить этот неприятный разговор и ледяным тоном проговорил:

— Антия, хватит. Я не хочу больше слышать от тебя или кого-либо еще обсуждение наших с Трианой отношений. Я не считаю себя в чем-либо виноватым. Что касается ее поступка — у нее будет предостаточно времени, чтобы осознать насколько она была права.

Резко хлопнув дверью, я покинул комнату, оставляя сестру в одиночестве. Быстро преодолев темные пустынные коридоры, я вышел наружу и с наслаждением вдохнул чистый свежий воздух. Решив больше не терзаться тревогами и сомнениями, я поспешил к вампирам, стоявшим на посту...

Спустя две недели я был уже не так уверен в том, что когда Триана поймет, в какую авантюру ввязалась, то поспешит обратно в замок. Вспоминая ее постоянное упрямство, порой я даже удивлялся тому, как мне вообще мог прийти в голову подобный расклад.

А новости об Атонии становились все безрадостней. Конечно, у меня не было ни крупицы сомнений, что он готовит немало неприятных сюрпризов, но это подозрительное затишье и вовсе навевало на печальные думы. Не в силах больше находиться в замке я повелел начать готовиться к отъезду, а перед этим все же не удержался и отправил двух гонцов в Артель с категоричным приказом вернуть Триану обратно в замок.

Оставив замок на надежных вампиров во главе с Аннорой, наш небольшой отряд двинулся в сторону военного поселения на краю моих владений. Именно там располагалось основное войско.

К моменту, когда мы достигли места назначения, я начал испытывать смутное беспокойство: прошло достаточно времени, однако никаких известий из интересовавшей мне крепости так и не поступало.

Поэтому спустя еще неделю тишины, я принял непростое решение отправиться в Артель. Конечно, не все мои подчиненные одобрили его. Нашлись и те, кто недовольно начал роптать на то, что «слишком большое влияние имеет эта девчонка на господина». Впрочем, хватило одного холодного взгляда, чтобы подобные разговоры в моем присутствии больше не поднимались. Оставив большую часть войска в ожидании начала боевых действий, я взял с собой лишь самых проверенных и верных мне воинов. Конечно, без пары отцовских прихвостней не обошлось, но в тот момент мне уже было все равно: я жаждал как можно быстрее убедиться в том, что

Триана цела и невредима, а потом уже с чистой совестью сорвать на ней весь накопившийся гнев.

Однако когда мы подошли к Темному лесу, нас ждал крайне неприятная находка в виде растерзанного тела моего гонца, отправленного в путь меньше месяца назад. Мы в растерянности смотрели на останки одного из самых быстрых и выносливых вампиров, и не знали, что могло произойти с ним. От его спутника не осталось и следов.

В тот момент стало ясно, что путь через лес для нас закрыт. Потому, похоронив воина, мы не стали рисковать и, развернувшись, двинулись в обход. Пока мы двигались слаженным отрядом к топям, я не мог выбросить из головы случившееся. Что за существо могло завестись в лесу за последние несколько месяцев? Да, безусловно, и в мирные времена этот лес всегда славился своими обитателями, однако никто из никогда еще не осмеливался нападать на представителей нашей расы. И отчего-то меня не оставляло тягостное предчувствие, что во всех этих странностях наверняка замешан клан Крейц.

К самым топям мы подошли ранним утром, и я был неприятно удивлен разительными переменами, произошедшими с местностью со времен моего последнего визита: казалось, болото поглотило все сухие островки, и теперь лишь где-то на горизонте можно было с трудом различить узкую полоску земли. От протухшей воды поднимались клубы ядовитых испарений, а под ногами хлюпала вязкая жижа. Осторожно пробираясь по ненадежной тропинке, петляющей сквозь самую топь, мы медленно, но верно приближались к концу нашего путешествия, когда внезапная находка заставила резко остановиться.

Мы находились посреди булькающих толщ мутной воды и смотрели на кусочек ткани, одиноко трепыхающийся на высокой сухой ветке, торчащей из воды: это была материя темного цвета, из которой обычно шились плащи для моих воинов. Так же в гробовом молчании мы продолжили путь, а про себя каждый из нас думал о судьбе несчастного, нашедшего смерть в склизких водах здешних болот. А меня не оставляли тягостные раздумья: если обитатели болот вышли из-под контроля, то что же тогда творится возле самой крепости, стоящей на самой границе?

На этот вопрос я получил ответ спустя несколько часов, когда на удивление благополучно миновав топи, мы вышли на сухую равнину перед крепостью. Внешний вид крепости подтвердил мои самые плохие предчувствия: местами расплавленные, полуразрушенные стены, отсутствие часовых на воротах, на которых виднелись явные следы от ударов. Все буквально кричало, что крепость подверглась атаке. И, судя

по напряженной тишине, царившей вокруг, атака была успешной...

И лишь когда горсть оставшихся в живых защитников Артели отворила нам ворота, впуская в нутро крепости, я позволил себе неслышно выдохнуть, расслабляя напряженное тело. Однако тогда я еще не знал, что во время штурма полегло большинство моих воинов, до последнего защищавших крепость от штурма, а многих не досчитались и поныне: слишком мало осталось воинов, способных разбирать завалы во внутреннем дворе, которые наверняка скрывали под собой не меньше десятка тел.

Я бессильно сжимал кулаки, оглядывая развороченный двор, до сих пор сохранивший следы той безжалостной осады, когда воцарившаяся скорбная тишина заставила меня повернуться и попытаться отыскать среди воинов знакомую крепкую фигуру командора. Однако в ответ на мой взгляд один из хмурых воинов медленно покачал головой, и я понял, что не увижу больше храброго здоровяка Ленгли, одного из самых преданных и честных вампиров, с которым довелось мне сражаться бок о бок.

Стараясь не показывать, насколько сильно меня задела эта новость, я вновь и вновь искал в толпе знакомые черты, искал и не находил. И лишь когда вперед вышел высокий блондин и негромким голосом сказал, что это все, кто выжил, я почувствовал, как мое обычное такое холодное сердце совершило стремительный скачок, а затем быстро-быстро забилося...

От тяжелых воспоминаний меня пробудил громкий стук в дверь.

Я медленно двинулся ко входу, мрачно недоумевая, кто бы это мог быть, учитывая то, что за эти два дня, проведенных в Артели, все ее обитатели стороной обходили меня, опасаясь навлечь на себя очередную вспышку гнева.

Умом сознавая, что веду себя абсолютно неверно, я ничего не мог с собой поделать: с тех пор, как новость о пропаже Трианы достигла сознания, единственное, чему были посвящены все мои помыслы — только бы она оказалась жива. Сейчас я был готов простить ей все прошлые поступки, все, что раньше приводило меня в ярость. Я готов был даже забрать обратно все свои равнодушные слова в ее адрес, только лишь бы она в этот момент оказалась рядом со мной.

Моя слабая наивная Триана, в которой осталось так много человеческого — разве она сумела противостоять всему, что выпало ей на долю? «Только бы смогла, только бы сумела все вынести!» — про себя внезапно взмолился я, прекрасно представляя, что ей может быть уготовано в плену, если она все же там, а не погребена под каменными завалами.

Я постарался запрятать эти черные мысли глубже, чувствуя, как

сознание затопила уже привычная ярость, слепящая глаза и требующая немедленно сорваться и кинуться на поиски своей женщины. Однако привычным усилием я одержал верх над безумной стороной своей натуры, понимая, что единственное верным сейчас решением было ожидание новостей от воинов, которым было поручено расследовать произошедшее в тот ужасный день и вычислить предателя.

Я вновь скривился, вспоминая случайно услышанные перешептывания в столовой: несколько воинов, по большей части из тех, что были приставлены ко мне отцом, обсуждали, что тем самым загадочным предателем вполне могла оказаться сама Триана, так удачно исчезнувшая в пылу битвы. Не передать словами, какая злоба охватила меня в тот момент! Не знаю, что удержало от того, чтобы просто не расправиться с этими стервятниками там же. Наверное, лишь присутствие ненужных свидетелей спасло их в тот день. Но больше своей ошибки они не повторяли, благоразумно стараясь не попадаться мне на глаза.

Отворив дверь, я обнаружил за ней взволнованного Арма: он был единственным из отряда Ленгли, кто вышел из схватки полностью невредимым. В живых же из них всего остались только трое, в том числе брат Трианы, чему я оказался даже рад.

Несмотря на то, что его состояние продолжало оставаться тяжелым, мне казалось, что это еще одна ниточка, связывающая меня с ней: зная, как она всегда беспокоилась о брате, я был уверен, что она будет счастлива узнать, что он жив. А в том, что она обязательно об этом узнает, не было сомнений. Я просто не позволял себе даже помыслить об ином исходе. Что касалось Арма — по-видимому, его не оставляло чувство горечи за всех тех, кто пал в том сражении, потому он стал незаменимым помощником в расследовании: именно благодаря ему многие тела воинов уже были извлечены из-под завалов. А сегодня я направил его по секретному поручению, которое не хотел доверять кому-либо еще. И вот сейчас он стоял в дверном проеме и взволнованно отчитывался, стараясь говорить как можно тише:

— Есть! Я напал на ее след! Правда, он еле ощутимый, но все же остался. К северу от границы. Я дошел до небольшого лесочка, а дальше продвигаться не стал, памятуя о вашем предостережении.

Я почувствовал, как сердце радостно забилося от одной только мысли о том, что Триана могла быть совсем близко.

Приказав Арму не распространяться об этом открытии, я быстро спустился вниз. Во дворе продолжали разбирать завалы, несколько новых тел были извлечены из-под рухнувшей стены, и лежали рядком, дожидаясь

опознания. Благодаря некоторым особенностям организма вампиров, они сохранились так, словно битва произошла только сегодня. Я быстрым шагом подошел к ним, мгновенно отмечая знакомые черты: с одним воином мы вместе были в отряде еще до того, как я стал главой клана; другой служил в замке и неплохо себя проявил при переговорах.

Я замедлил шаг, подходя к третьему телу. На секунду мелькнула мысль, что, наверняка, я ошибаюсь, ведь этот вампир не должен был находиться здесь. Но спустя мгновение я все же вынужден был констатировать тот факт, что это действительно был Корт Дейен, мой бывший советник, отправленный в изгнание после того, как открыто поддержал бунт Иризи. Именно он был одним из тех, кто не побоялся в тот знаменательный вечер ломиться в покои Трианы, и он был одним из свидетелей обращения ее в вампира. Но что он делал здесь, так близко к границе? В то время как должен был находиться в одном из отдаленных поселений на юге моих земель?

Я вышел за стены крепости, чувствуя, как кусочки мозаики складываются в единую картину. Но ради чего он предал нас? Золото? Власть? Или... я прищурился, вспоминая случайный взгляд, который тот как-то опрометчиво бросил на Иризи, думая, что я не замечаю. Если мои предположения были верны, то предатель был безнадежно влюблен в мою бывшую невесту, поэтому безропотно перешел на ее сторону.

Погруженный в размышления о более чем вероятном предательстве бывшего советника, я не заметил, как отдалился от Артели на достаточное расстояние. Несколько сопровождавших вампиров следовали на почтительном расстоянии, внимательно наблюдая за мной. Я настолько привык к постоянному сопровождению, что не обращал внимания на них.

Я, было, уже решил повернуть назад, зная, что находиться на территории врага — не самый умный поступок в сложившихся обстоятельствах. Как вдруг налетевший порыв ветра донес до меня новый запах. Он был оставлен совсем недавно, и в нем явственно ощущались нотки запаха Трианы.

Ни минуты не колеблясь, я двинулся на знакомый аромат, боясь потерять его в сплетении чужих запахов. Но нужный мне след, напротив, становился все ярче, все сильнее, словно его источник находился совсем близко. Отбросив всякую осторожность, я нырнул вслед за ним в густую чащу, ступая на сухую безжизненную землю.

Не сделав и двадцати шагов, я увидел просвет между деревьями, а за ним — одинокую тоненькую фигурку, одетую в легкое платье. Убедившись, что вокруг никого нет, я немедленно приблизился к ней,

с каждым шагом радостно узнавая знакомые черты.

Она стояла спиной, устремив взгляд куда-то в сторону видневшихся неподалеку скал; но, определенно, чувствуя мое присутствие. Я подошел к ней, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не напугать ее, заключив в крепкие объятия.

Однако когда она, наконец, обернулась ко мне, на ее лице не было и намека на улыбку.

Я остановился, не понимая, почему эта ситуация начинает казаться мне все более и более странной и тревожащей. И только когда на ее лице начала проступать незнакомая мне чужая улыбка, с упавшим сердцем я все осознал и скривился от понимания, что меня провели, точно мальчишку.

Было уже слишком поздно: позади раздались тяжелые шаги, из-за скал показалось множество фигур врагов, мои воины рванулись в схватку, но я заранее понимал, что все напрасно: наших противников было много больше. Как им удалось скрывать свой запах до последнего? Мои ощущения твердили, что рядом находилась лишь одна женская фигура, но никак не вражеский отряд.

В следующее мгновение тяжелый удар по голове заставил меня камнем рухнуть на землю. Последняя мысль, успевшая промелькнуть в тускнеющем сознании прежде, чем оно погрузилось во тьму, отозвалась резкой болью в сердце.

Неужели Триана и есть тот самый предатель?

Глава шестнадцатая

Я парила в безбрежном океане одиночества. Здесь не существовало ничего: казалось, это странное место не имеет ни начала, ни конца; единственное, что окружало меня со всех сторон — лишь безмолвная пустота. В голове царил вязкая мешанина обрывков мыслей, полустертых воспоминаний, смутных образов, но при малейшем усилии сосредоточиться, дотянуться до них, на меня накатывала сонная волна безразличия, заставляющая позабыть обо всем и вновь позволить пустоте воцариться в угасающем сознании.

Время словно остановилось. Быть может, где-то там, за пределами этой оглушающей пустоты проходили годы, а может быть, еще только медленно тягуче перетекали секунды. Лишь иногда чьи-то бесцеремонные руки, появляющиеся откуда-то извне, подносили к лицу дымящуюся чашу со сладко-горьким травянистым напитком, после которого пустота с новой силой набрасывалась на меня, каждый раз отвоевая еще одну крупицу драгоценных воспоминаний. Первое время я еще пыталась сопротивляться, но со временем странный аромат окончательно притупил остальные эмоции и чувства, кроме желания вновь и вновь ощущать на губах знакомый вкус.

Но однажды мое безмятежное плавание в бесконечном пространстве одиночества было прервано самым неожиданным образом: вместо привычной чаши с напитком я ощутила, как к моему лицу поднесли нечто отвратительное, пахнущее выгребной ямой и болотной тиной.

Резко распахнув глаза и разом вынырнув из неотступных объятий пустоты, я натолкнулась на внимательный взгляд прищуренных алых глаз, обладатель которых был мне совершенно незнаком. Впрочем, как и покой, в которых я находилась. Достаточно было одного беглого взгляда по сторонам, чтобы в этом убедиться.

Пугающее чувство неправильности происходящего усиливалось с каждой секундой тишины. Не в силах справиться с нарастающим чувством страха от напряжения, царящего в этой чужой комнате, от зловещего вида незнакомого вампира, который все не сводил с меня алчного взора, я в отчаянии воззвала к памяти, пытаюсь нащупать хоть что-нибудь, что поможет мне понять, где нахожусь и кто этот вампир напротив.

Внезапно в сознании, которое все это время медленно освобождалось от стянувших его нитей дремоты, словно яркая вспышка, полыхнуло

страшное открытие, заставившее меня буквально слететь с мягкого ложа, чтобы спустя мгновение оказаться в противоположном углу комнаты.

Вновь и вновь я в неверии задавала себе один и тот же вопрос, но каждый раз не могла найти ответ. До боли вонзив ногти в мягкую плоть ладоней, я из последних сил пыталась сдержать рвущийся изнутри отчаянный крик, когда в тишине комнаты раздались мягкие вкрадчивые шаги, и прямо передо мной возник виновник моего пробуждения.

Цепляясь за жалкие крохи разума, я подняла взгляд на него и медленно проговорила, каждое мгновение ожидая, что голос сорвется, выпустив наружу лавину обуревавших меня чувств:

— Кто я?

Время замерло в ожидании его ответа.

Казалось, мужчина совсем не был удивлен услышать мой вопрос, лишь на секунду в глубине ледяного взгляда промелькнул отголосок чего-то, смутно похожего на удовлетворение, однако в следующий миг оно сменилось выражением тревоги и беспокойства:

— О, моя дорогая Катрина! Неужели рана оставила след не только на твоём теле, но и на разуме? Скажи мне, девочка, что произошло? Неужели ты совсем ничего о себе не помнишь? — при этих словах он вплотную приблизился и, чуть прищурившись, всмотрелся в моё лицо.

Я стояла прямо перед ним с растерянным видом, против воли ощущая себя беспомощной жертвой умелого хищника. Растерянный разум схватился за единственное слово, которое я смогла уяснить из его речи:

— Катрина?

— Да, моя дорогая, это твоё имя. Как я убеждаюсь с каждой секундой, твоя рана была гораздо серьезней, чем мы могли предположить. Но нет причин для волнений! Я уверен, память вернется в ближайшее время. А пока я с удовольствием отведу тебя к тому, кто поможет тебе заново освоиться в нашем замке.

С этими словами он изящным жестом протянул мне руку, продолжая испепелять прищуренным взглядом пронзительно алых глаз.

На одну невыносимо долгую секунду все внутри меня сжалось от буквально осязаемого чувства опасности, что окружало вампира. Но мне не оставалось ничего другого, кроме как, робко вложив дрожащую ладонь в стальные объятия его железной хватки, медленно последовать за ним к выходу.

В голове царил настоящий сумбур из вопросов. Кто я такая и где могла получить рану, ставшую виновником моего теперешнего беспомыслия? Почему ничто внутри не отзывается на звук предполагаемого имени? И,

наконец, самый важный вопрос: кем мне приходится этот зловещего вида вампир, столь уверенно скользящий по извилистым темным закопченным коридорам?

Казалось бы, я могла получить ответы на эти вопросы прямо сейчас, стоило лишь напрямик спросить. Но что-то в облике моего провожатого останавливало. Быть может, то, с каким собственническим видом он удерживал мою руку или те порождающие страх взгляды, что он бросал в моменты, когда думал, что я не вижу. Как бы то ни было, сейчас я не чувствовала в себе никаких сил для новых открытий, достаточно было того, что я совершенно ничего не помнила о своем прошлом.

Миновав несколько грязных плохо освещенных коридоров, мы, наконец, дошли до большой арки, за которой простирался огромный зал, по всей видимости, играющий роль своеобразной приемной.

Наглухо задернутые тяжелые занавеси, воланами спускавшиеся до самого пола, обилие огромных полотен, изображавших сцены битв, громоздкая мебель — все это производило гнетущее впечатление.

С опаской ступая по холодным каменным плитам, я осторожно разглядывала мрачное помещение, невольно задаваясь вопросом: неужели я действительно жила в этом замке, каждый день бывала в этих покоях, сотни раз равнодушно взирала на истекающих кровью людских воинов, изображенных на сумрачных картинах, скованных тяжелыми рамами?

И хотя пока у меня не было причин не верить вампиру, душа судорожно сжималась от одной только мысли об этом...

Мои внутренние метания были прерваны звуком приближающихся шагов. Я неохотно обернулась, не желая пропустить появление того, кто должен был помочь мне вспомнить. Чем громче становился звук шагов, тем шире расцветала улыбка на лице сопровождавшего меня вампира. Однако улыбка эта была пугающей: казалось, она затронула только губы, а глаза же так и остались во власти вечного холода. И, несмотря на кажущееся радушие и внимание, меня не покидало чувство враждебности, царствующей в атмосфере замка. Все вокруг было чужим, и могла лишь надеяться, что это ощущение исчезнет, как только память вернется.

В этот момент в комнату вплыла холеная блондинка, от которой, несмотря на кажущуюся безобидность, за версту несло опасностью. Остановившись в проеме, она промурлыкала, глядя прямо на вампира:

— Ты посылал за мной, Атоний?

В этот момент она, наконец, изволила заметить присутствие в комнате постороннего.

На секунду глаза ее блеснули, а в следующее мгновение она уже

стискивала меня в холодных объятиях. Окончательно растерявшись, я смиренно ждала окончания этого неясного для меня проявления чувств. Спустя пару секунд она так же резко отступила и, метнув быстрый одобрительный взгляд на стоящего в стороне вампира, проговорила тонким высоким голосом:

— Катрина, ты, наконец, очнулась! Как я рада! Ты не представляешь себе, как я волновалась за тебя!

Прерывая поспешную речь небрежным жестом, вампир, по всей видимости, приходящийся ей господином, пояснил, медленно приближаясь к нам:

— К сожалению, я вынужден огорчить тебя. Твоя подруга ничего не помнит — рана оказалась слишком серьезной. Поэтому потребуется твоя помощь для того, чтобы память вернулась к ней.

Издав изумленный вскрик, красавица сочувствующе взглянула на меня. Где-то в глубине ее глаз, за волнами жалости на одну-единственную секунду словно всколыхнулось темное облако триумфа; но может быть, мне это только привиделось, так как в следующий миг она с жаром произнесла:

— Не печалься, моя дорогая. Вот увидишь, память обязательно вернется к тебе, я уверена! Ну а я приложу все усилия для того, чтобы ты как можно скорее вновь стала той, кем всегда была — бесстрашной безжалостной воительницей, одним из лучших клинков клана Крейц!

— Крейц... — я робко повторила вслух имя своего клана, пробуя его на вкус, пытаюсь всколыхнуть хоть какие-то чувства.

— Да. Перед тобой сейчас находится глава клана — твой владыка и господин Атоний, — предугадав мой вопрос, пояснила блондинка, устремляя взор на вампира. Обменявшись им двоим понятными взглядами, они усмехнулись чему-то, а затем Атоний, продолжая улыбаться, представил мне стоящую рядом со мной вампиршу:

— Моя сестра — и по совместительству, твоя лучшая подруга — Иризи. Я очень надеюсь, что вы быстро восстановите те теплые отношения, что были между вами.

— Я тоже очень на это надеюсь, — загадочно проговорила Иризи и вновь довольно улыбнулась. Словно они с братом знали что-то, что их очень забавляло, но делиться этим со мной они не спешили.

Я продолжала растерянно стоять в центре зала, растерянная полученным потоком информации. Сложно было даже на мгновение представить, что моим призванием было воинское искусство. Но если моя подруга, которую я, к сожалению, тоже не помню, так уверенно говорила

об этом, значит так оно и было.

Насладившись моим видом, брат с сестрой перемолвились парой неслышных фраз, вслед за чем Атоний быстро нас покинул, сославшись на дела, требующие его вмешательства. Напоследок он еще раз задержал свой взгляд на мне, и, прежде чем исчезнуть в темном проеме арки, произнес мягким вкрадчивым тоном:

— С нетерпением жду нашей следующей встречи, Катрина. Надеюсь, ты быстро вспомнишь все и скоро в полной мере вернешься к своим привычным обязанностям...

Мое замешательство, вызванное его странными словами, за которыми явно крылось нечто большее, было настолько заметным, что даже Иризи, после ухода брата заметно призадумавшаяся, обратила на это внимание:

— В чем дело, Катрина? Тебя что-то смутило в словах господина?

Я слегка поколебалась, не зная, можно ли говорить с ней на такие щекотливые темы, но рассудив, что раз мы были подругами, наверняка не раз обсуждали подобное, поделилась своими сомнениями:

— Он так произнес последние слова... Я имею в виду его тон... — отчаявшись доходчиво объяснить, я собралась с духом и разом выпалила: — Скажи, есть ли что-то между нами, о чем я не помню?

Я со страхом ожидала ответа. Когда на ее холеном личике лениво расплылась широкая улыбка, все мои потаенные страхи обрели твердую почву. Стараясь не показать, насколько сильно меня пугает одно только предположение о связи с ее братом, я упрямо вздернула подбородок, все же желая получить твердый четкий ответ. И он не заставил себя ждать. Каждое слово, произнесенное медовым высоким голосом, наносило кровавую рану моей душе:

— Да, Катрина, ты можешь гордиться положением, что занимала. Вся женская половина замка могла только мечтать о статусе главной фаворитки, коим ты обладаешь.

И словно мне было недостаточно ее слов, она мстительно добавила, помедлив пару секунд: — Я уверена, брат с нетерпением ждет того момента, когда ты вернешься в его постель.

Не став долго наслаждаться эффектом произнесенных ею слов, Иризи двинулась к выходу, величественным жестом повелев следовать за ней.

Я послушно шла вслед за тонкой фигуркой, облаченной в богато украшенное драгоценными камнями платье, подметавшее пыльные плиты кружевным подолом, и в глубине души поражалась тому факту, что мы с ней были подругами. Необъяснимо, но все в ней вызывало необъяснимый страх и тревогу, хотя видимых причин для этого не было.

Быть может, все дело в том, что я не помнила ничего из своего прошлого, и потому все вокруг воспринимала как угрозу? Я успокаивала себя таким объяснением, стараясь пока не задумываться о своем положении любовницы главы клана. Несмотря на его привлекательную внешность и учтивые манеры я не могла без содрогания думать, что когда-то делила с ним ложе и, самое пугающее, — что мне предстояло делать это вновь.

С головой уйдя в тягостные размышления я не заметила, как обстановка вокруг нас сменилась: вместо длинных извилистых коридоров мы шли по узкому переходу между похожими друг на друга словно близнецы, залами: в одном из них суетливо копошились хмурые слуги, все как один резко смолкавшие при виде нас. В другом было подозрительно пусто, хотя ярко пылающий очаг и небрежно сваленные в кучу щетки и тазы указывали на то, что совсем недавно тут кипела работа.

Увлечшись осмотром, я не сразу поняла, что за странные запахи и звуки доносятся из последнего помещения, хотя горло давно уже горело огнем, едва первые нотки аромата просочились сквозь плотно закрытые тяжелые двери.

Одновременно с горлом недовольно забурчал желудок, жалуясь на отсутствие пищи длительное время. Медленно потянув на себя заляпанную бронзовую ручку, Иризи сделала приглашающий жест.

Пусть я уже представляла, что нас ждет за этими дверями, все равно открывшееся зрелище поразило: темный душный зал был наполнен деревянными клетками, чрева которых были наполнены людьми. Здесь были и мужчины, и женщины, и дети. И все они, обезумевшие от страха, жалобно кричали, стонали, пытались из последних сил выбраться из твердых прутьев смертельной ловушки.

Вокруг клеток деловито сновали слуги, периодически вытаскивая выбранную жертву из клетки и небрежно унося в соседнее помещение, откуда спустя пару мгновений раздавался громкий вскрик — и наступала тишина.

Я невольно попятилась назад, оглушенная нахлынувшими на меня пугающими запахами и звуками. Но уверенная рука Иризи, успевшая жестко схватить меня за локоть, заставила остановиться.

Перекрывая жуткую какофонию людских криков, красавица громко обратилась ко мне, улыбаясь особой улыбкой, от одного вида которой захотелось оказаться в каком-нибудь другом месте, но только не здесь:

— Смотри и запоминай: здесь мы с тобой предпочитаем обедать. Конечно, некоторых может смущать прием пищи прямо «из источника»,

но тебе всегда нравилось самой осязать страх и агонию жертвы. Эй, ты! — это адресовалось уже одному из молчаливо сновавших между помещениями слуг. — Выбери мне одного да помоложе!

Вампир покорно двинулся к большой клетке, пленники которой тут же судорожно начали двигаться назад, стараясь оказаться как можно дальше от низенькой дверцы. Несколько молодых женщин громко навзрыд зарыдали, прижимая к оборванным юбкам тощих детей, изо всех сил прижимающихся к матерям.

Но вампир на них и не глядел. Выбрав в толпе молодого худощавого паренька, он уверенным движением приподнял его и через секунду уже захлопывал дверцу клетки, оставляя людей с ужасом ожидать следующего захода.

Иризи с видимым удовольствием осмотрела выбранную жертву, к тому моменту уже практически не дышавшую от охватившего ее животного ужаса.

Медленно, смакуя каждое мгновение, вампирша приблизилась к бледному как мел парню, и, ласково улыбнувшись, впиалась острыми клыками в тонкую шею. Изо всех сил пытаюсь выбраться из смертоносных объятий, парень дернулся раз, другой, третий, но безуспешно: с каждой секундой движения его становились все медленней, пока, наконец, человеческое тело не повисло безвольной ношей в руках убийцы.

Я стояла, прислонившись спиной к грязной стене, не в силах отвести взгляд от красивой молодой женщины, стоящей посреди зала. На первый взгляд, можно было подумать, что она ласково обнимает высокого молодого человека; но присмотревшись, становилась заметна неестественная поза мужчины, его крайняя бледность, опущенные руки, которые вместо того, чтобы нежно обвивать тонкий стан женщины, висели сломанными плетями вдоль худого тела. Наконец, спустя несколько мгновений, показавшихся мне целой вечностью, голова Иризи оторвалась от тела жертвы, и она подняла на меня свое торжествующее лицо. По пухлым губам, растянувшимся в ленивую улыбку, стекали две тонкие капли крови, которые она поймала изящным пальчиком и медленно, глядя прямо на меня, слизала.

Небрежно отпустив более не нужный сосуд для крови, который в то же мгновение тихо подхватили слуги, она плавной походкой подошла ко мне, продолжая сыто и довольно улыбаться.

— Ммм, это было восхитительно, — удовлетворенно произнесла вампирша, бросая взгляд на ближайшие клетки, люди в которых сбились в плотные кучки, захлебываясь рыданиями. — Твоя очередь, — внезапно

произнесла она, следя за малейшими изменениями моего лица в ответ на ее слова.

— Я не голодна... Я хочу сказать, я не испытываю жажды прямо сейчас... То есть... — я начала испуганно отказываться, не желая представлять себе, каково это: чувствовать, как каплей за каплей утекает жизнь из существа под твоими клыками, ощущать, как обмякает и становится покорной плоть, как сперва бешено стучит, а затем медленно останавливается пульс, и перестает биться сердце...

Все внутри меня сжалось, с ужасом ожидая, что смертельно опасная красавица холодным тоном прикажет мне проделать то же самое прямо здесь, на ее глазах.

И интуиция не подвела: мгновенно ленивая улыбка исчезла с пухлых губ, глаза превратились в два ледяных омута, и спустя секунду раздался приказ куда-то в сторону:

— Двэйн! Я знаю, ты где-то здесь. Подойди ко мне!

Ей пришлось повторить этот окрик еще несколько раз, пока, наконец, двери не открылись, впуская в помещение высокого крепкого блондина с бесстрастным лицом. Которое, впрочем, на секунду заметно скривилось при виде сестры главы клана.

— Ты звала меня, Иризи? — совсем не учтиво осведомился прибывший, допуская даже едва заметную нотку презрения в голосе.

— Да, и при этом даже не единожды. Потрудись объяснить причину промедления! — приказала Иризи, не скрывая недовольства, охватившего ее при одном только виде вампира.

— Я слушал распоряжения Атония, и никак не мог оборвать его на полуслове. Даже ради столь непреодолимого соблазна, как твое общество.

Этот вампир, статус которого можно было сравнить с должностью управляющего, как я успела понять за эти несколько секунд, говорил с прохладцей, почти не скрывая холодной иронии. Однако почему простой управляющий мог позволить себе явное панибратство в отношении Иризи, не опасаясь навлечь на себя ее гнев?

Неудивительно, что лицо подруги перекашивалось каждый раз, как только взгляд ее падал на черты непокорного слуги. Удивительно лишь то, что он все еще был жив. Даже, меньше чем за день, вновь узнавая мстительный характер сестры Атония, можно было не сомневаться, что такого обращения с собой она не прощала никому.

Мысли вновь вернулись к кошмару, что меня ожидал впереди, едва прозвучал холодный отрывистый приказ:

— Ну что же, если Атоний уже успел просветить тебя о последних новостях, то я оставляю Катрину на твоём попечении. Убедись, что она в полной мере испробует все прелести моего излюбленного способа вкушения пищи, — при этих словах лицо её исказила мстительная улыбка. Уже развернувшись к выходу, она добавила равнодушным голосом: — И не сомневайся: я обязательно проверю, как хорошо ты исполняешь мои приказы. И в твоих интересах больше их не нарушать.

В ответ Двэйн отвесил короткий полупоклон, не стирая с лица чуть насмешливого выражения, с которым он выслушивал этот приказ.

Я в страхе смотрела на мужчину, не зная, что ожидать в следующую секунду. Наверняка после такого приказа, больше смахивающего на угрозу, он не посмеет послушаться.

Однако ему удалось меня удивить. Двэйн громко хлопнул в ладоши, тем самым возвращая внимательно прислушивающихся слуг к работе, после чего прошёл к небольшой неприметной дверце, находящейся за клетками и, внезапно улыбнувшись, поманил меня к себе. Я растерянно последовала за ним, стараясь не смотреть в сторону вжавшихся в прутья людей, следивших за мной обезумевшими от страха взглядами.

Небольшая комнатка, в которую он меня завёл, была, на удивление, довольно чистой: здесь не было ужасного запаха крови, смешанного с предсмертными агониями жертв, проходящих через все мыслимые и немыслимые круги ада в ожидании своей очереди на смерть. Только небольшой деревянный стол и пара крепких стульев составляли всю обстановку помещения. Как только я вошла, провожатый плотно прикрыл за нами дверь, чтобы звуки из зала не проникали сюда, и проговорил:

— Вижу, что тебе не по душе идея повторить сцену, произошедшую только что.

— Тебя же не было, когда Иризи... — я не сумела договорить и поправила саму себя: — Я хочу сказать, откуда ты знаете, что здесь произошло? И неужели ты не боишься навлечь на себя её гнев? — слегка запинаясь, проговорила я, воскрешая в памяти тонкие струйки крови, стекающие по улыбающимся губам вампириши.

Улыбнувшись невеселой улыбкой, Двэйн произнес:

— Я слишком хорошо знаю привычки Иризи. Она устраивает подобные представления довольно часто. Но, к слову сказать, сегодня она была милосердна к своей жертве: обычно крики мучений разносятся далеко за пределы кухонных помещений. Что касается приказа... Я подчиняюсь только своему господину и не испытываю ни малейшего желания удовлетворять капризы его взбалмошной сестрицы.

Я ощутило вздрогнула, в полной мере осознавая, на что способна ослепительная сестра главы клана. Не желая даже думать на эту тему, я, тем не менее, не смогла удержаться и задала вопрос, который начал волновать меня, едва Иризи продемонстрировала свои предпочтения:

— Возможно, мой вопрос покажется тебе странным. Но я очень прошу тебя ответить, ведь мы наверняка были знакомы и раньше. Как я сама предпочитала питаться? Неужели так же, как и Иризи?

В ответ Двэйн с непроницаемым лицом лишь качнул головой, демонстрируя, что мой вопрос останется без ответа. Я продолжала смотреть на него с отчаянием. Так что мужчина дрогнул:

— Прошу меня простить, но я не в праве отвечать на такие вопросы. Просто запомни это и больше не спрашивай о прошлом. Только Атоний или его сестра могут тебе в этом помочь.

Я разочарованно опустила на ближайший стул: не было сомнений, что Атоний просто запретил ему что-либо мне говорить.

В этот момент вампир быстро выскользнул за пределы комнаты, а спустя несколько секунд вернулся, держа в руках большой бокал с кровью. Мгновенно во рту образовалась слюна, а в горле начался нестерпимый пожар, грозящий, казалось, испепелить и желудок. Нерешительно приняв бокал, я осторожно поднесла его ко рту.

Но едва я пригубила вязкую солоноватую жидкость, внутри меня начала расти странная тошнота: как будто что-то внутри отчаянно протестовало против человеческой крови. Не в силах справиться с усиливающимся отвращением, я отставила бокал в сторону и слегка покачала головой. Удивленно нахмурившись, Двэйн посмотрел на меня, а затем скушаяще произнес:

— И все же, я посоветовал бы тебе выпить до дна. Потребуется силы, чтобы выдержать все, что ждет тебя в будущем.

Произнеся эти неясные слова, он вышел из комнаты, оставив меня один на один с собственной жаждой и полным бокалом того, что могло бы ее утолить.

К моменту, когда Двэйн вернулся, я продолжала гипнотизировать алую жидкость, не в силах даже притронуться к ней. Неодобрительно покачав головой, он произнес:

— Вижу, ты не последовала моему совету. К сожалению, больше ничем не могу тебе помочь — все остальное в руках господина и его сестры. А теперь следуй за мной, я покажу тебе твои покои.

Я послушно шла за ним, в глубине души надеясь, что, быть может, вид комнаты пробудит хоть какие-нибудь воспоминания. Но, к сожалению,

когда он распахнул передо мной ничем не примечательные темные двери, ничто в душе не колыхнулось. Я стояла в проеме, рассматривая холодные каменные стены, низкий потолок, огромную кровать с балдахином, выглядевшую неуместно в этой аскетичного вида комнате.

— Ты не очень много времени проводила здесь, — словно извиняясь за убогий вид, туманно проговорил Двэйн, не глядя на меня. Я обернулась к нему и поблагодарила:

— Спасибо, что проводил. И за то, что не заставил совершать то, к чему я была не готова.

Он чуть грустно улыбнулся и, уходя, с сожалением промолвил:

— К сожалению, рано или поздно ты все равно это должна будешь сделать.

Я проводила его растерянным взглядом. В голове никак не желали укладываться странности, сопровождавшие меня все это время.

Если я все это время проживала здесь, то почему со мной обращаются так, словно я пленница? Почему, несмотря на теплое приветствие, в глазах моей подруги временами проскальзывает нечто темное, что я сама назвала бы чистой, ничем не замутненной ненавистью? И почему все в этом замке кажется мне таким холодным и чужим?

Отчаявшись найти ответы на эти вопросы, я устало присела на широкую перину, попутно приподнимая балдахин так, чтобы он не свешивался до самого пола.

Небольшой очаг, находящийся прямо напротив кровати выглядел так, словно им не пользовались уже тысячу лет. Лишь огромный гобелен во всю стену вносил хоть какое-то разнообразие в серость и уныние комнаты.

Я вновь вздохнула и подошла к небольшому зарешеченному окну, опасаясь увидеть под ним гору людских тел: после всего, что я сегодня видела, это было бы уже неудивительно. Но открывшийся вид заставил слегка повеселеть: комната располагалась на самом нижнем этаже, и поэтому прямо за ней начинался густой лес. Про себя решив обязательно хотя бы изредка выбираться из давящей атмосферы замка на природу, я вернулась мыслями к сегодняшнему дню. Чем больше я узнавала о себе прошлой, тем все более неприятен мне становился собственный облик — неужели я действительно была такой же, как и Иризи? Но что же тогда случилось со мной, что заставило настолько измениться? И как теперь себя вести, если все вокруг убеждены, что я кровожадный монстр, и ожидают от меня соответствующего поведения?

Так и не найдя ответа, я продолжала бездумно вглядываться в темную полосу леса, когда двери моих покоев распахнулись, являя моему

настороженному взору как обычно разодетую в пух и прах Иризи. Я заметно напряглась, не зная, что можно от нее ожидать. Однако она только мило улыбнулась и произнесла радостным тоном:

— Пришла пожелать тебе доброй ночи, ну и заодно рассказать, что с завтрашнего утра возобновляются твои обычные тренировки.

— Тренировки? — встревоженно осведомилась, обеспокоенная той непонятной для меня радостью, какой прямо-таки сочились ее слова.

— Да, моя дорогая. Ты всегда много времени уделяла тренировкам. К сожалению, травма надолго выбила тебя из строя, но с завтрашнего утра ты вновь продолжишь обучение у одного из самых опытных мастеров своего дела. Мы с Атонием вынуждены покинуть замок на пару недель, но это нисколько не помешает твоим тренировкам. И, как знать, быть может, именно они и помогут тебе вспомнить прошлое, — она специально сделала упор именно на эти слова, чувствуя, как отчаянно я желаю все вспомнить, надеясь, что прошлое поможет мне примириться с пугающей реальностью. — Так как из-за полученной раны тебе необходимо много отдыхать, наш заботливый господин распорядился каждый вечер готовить для тебя напиток, который поможет быстрее расслабляться после тяжелых будней.

Иризи громко хлопнула в ладоши, и в тот же миг незаметной тенью в комнату проскользнула девушка с небольшим бокалом в руках. В первое мгновение меня посетил испуг, что это снова тот самый злосчастный бокал с кровью. Однако в следующее мгновение я почувствовала знакомый сладко-горький аромат напитка, — единственное, что запомнилось мне из того времени, когда я приходила в себя после ранения.

Поблагодарив слугу, я осторожно подняла бокал и припала губами к краю, ощущая, как мгновенно успокаивается саднящее горло, так и не получившее желанной крови сегодня. Когда, наконец, бокал опустел, в комнате уже никого не было.

Я медленно опустилась на мягкую кровать, чувствуя, как по всему телу пробегают волны расслабления. Но упрямые мысли никак не желали оставлять меня в покое. Как ни старалась, я не могла не думать о том, что ожидает завтра. Но все же, меня не покидала уверенность, что завтра я открою глаза — и мир вокруг станет казаться совсем иным. Что трудности, встреченные сегодня, только казались таковыми.

Последней мыслью, посетившей меня перед окончательным погружением в сладостную нирвану расслабления, была робкая надежда, что следующие дни будут гораздо легче, нежели чем сегодняшней...

Глава семнадцатая

То оказалось началом преисподней.

Я даже представить не могла, что ожидает меня впереди, когда смиренно закрывала глаза в своей небольшой комнатке, надеясь на лучшее.

В раннее промозглое утро, когда я была разбужена оглушительным стуком в дверь, источником которого оказался хмурый слуга, передавший, что меня ожидают в зале для поединков, я все еще не представляла, во что превратится моя жизнь спустя каких-то несколько дней.

В то же утро меня ожидало первое наказание: слишком долго я искала нужную мне комнату. Низкий коренастый вампир с колючим взглядом и садисткой улыбкой — мой новый, а точнее старый учитель, которого я не помнила, — преподавал первый урок, когда я, запыхавшись от быстрого бега, в ответ на грубое замечание об опоздании призналась, что не смогла сразу найти этот зал, запутавшись в длинных переходах. Не произнеся ни слова, он неслышно отдал приказ стоящим рядом двум высоченным амбалам — и в следующую секунду я лежала, больно распластавшись на пыльном холодном полу. Этот урок я запомнила накрепко, и больше подобных ошибок не допускала.

Потянулись серые, тоскливые дни, до омерзения похожие друг на друга. Каждое утро я просыпалась на рассвете и стремглав летела к своему истязателю. За каждую минуту опоздания он изощренно измывался надо мной, казалось, проверяя, сколько еще может вынести мое бедное тело.

С каждым разом он придумывал все новые и новые мучения, в первые дни, когда вечерами я возвращалась в свою комнату, мое тело напоминало один сплошной синяк от ушибов, побоев, падений и ударов.

Я тренировалась во дворе под проливным дождем и палящим солнцем, уворачивалась от груды камней и ныряла под летевшие копья. Все, что только могла придумать извращенная фантазия моего учителя, испытывалось на мне. Порой казалось, что больших мучений не в состоянии вынести даже закаленное тело вампира — и каждый раз он изощренно доказывал мне обратное.

Я искренне не могла понять, как могла считаться одним из лучших воинов, если каждое занятие заставляло кричать от боли, раздирающей меня на куски? Неужели одна единственная рана, которая за все это время даже ни разу не напомнила о себе, могла превратить мое ранее закаленное

тело в немощную рухлядь?

Временами я ловила себя на мысли, а была ли вообще рана, или это все было ширмой, за которой скрывалась совсем иная правда?

Возможно, если бы постоянное тренировки не изматывали тело, я попыталась бы проверить свое подозрение, но в сложившихся обстоятельствах это было невозможно.

Да и в отсутствии Иризи и Атония мне просто не у кого было выспрашивать подробности: никого в замке я не помнила, а при робких попытках заговорить с хмурыми вампирами, деловито снующими по коридорам, я каждый раз натыкалась на непроницаемую стену равнодушия и нежелания разговаривать. Даже слуги, которые прислуживали, старались лишний раз ко мне не подходить, словно я была прокаженной или что-то в этом роде. Неужели такое отношение — результат жестокости, проявленной к ним мною прошлой? Но ведь не могла я жить в этом замке и общаться исключительно с главой клана и его сестрой? Или могла?

Спустя пару недель сплошных тренировок я уже напоминала сплошной комок мышц, но моему учителю все было мало. Удостоверившись, что я начала потихоньку справляться с его заданиями, он перешел ко второй стадии.

Признаться, когда впервые меня вывели в центр зала и приказали сражаться с пятью превосходящими по силе вампирами, я не осознала, что это было всерьез. Но как только первый из них бросился на меня с оружием наперевес, пришлось поверить.

Это была жестокая схватка, страшная тем, что каждый из моих соперников не брезговал ничем, лишь бы одержать верх. Мне приходилось использовать все свои навыки и умения, только для того, чтобы остаться невредимой, не говоря уж о том, чтобы хотя бы попытаться нанести удар кому-нибудь из них. И у меня неплохо это выходило, пока кто-то из соперников не подкрался сзади и не нанес коварный удар из-за спины.

В тот день я усвоила свой второй урок: ради достижения цели нужно использовать любые, даже самые нечестные или запрещенные приемы. И из следующего поединка я уже вышла победительницей. Впрочем, как и из всех остальных. Спустя некоторое время меня начали обходить стороной даже самые закаленные бойцы.

Единственное, что стало спасением среди череды этих тусклых будней, — то самое зелье, что каждый вечер терпеливо дожидалось меня у холодной кровати. После того, как очередная чаша была опустошена, на меня волной накатывало спасительное безразличие. Не будь его, меня

давно уже затопила бы тоска и горечь от осознания, какой безрадостной и пустой была моя жизнь. Не знаю, как я могла существовать так до ранения, но теперь во мне самой словно что-то изменилось: каждый день душа моя медленно умирала, не справляясь с той чернотой, что неспешно, неотвратимо окружала меня и подминала под себя.

Но, может быть, так было даже проще. День за днем я училась скрывать свои эмоции от посторонних; училась беззвучно справляться даже с самой сильной болью. Училась причинять такую же боль в ответ и ничего не чувствовать при этом. Училась смотреть в полные ненависти глаза прислуги — причины этой ненависти были мне неизвестны, но довольно скоро я перестала обращать на это внимание — и с холодной улыбкой проходить мимо.

Временами цепи, которыми я старательно опутывала душу, не выдерживали — и на меня нападала черная тоска, такая, что отчаянно хотелось выть во весь голос. Но раз за разом я пересиливала ее и, стиснув зубы, вновь становилась молчаливой бесстрастной тенью, послушно исполнявшей все приказания учителя.

Иногда мне даже хотелось, чтобы побыстрее вернулась Иризи. Это был единственный вампир, не считая Двэйна, с кем я могла хотя бы просто беседовать. К огромному сожалению, последнего я видела крайне редко, и в большинстве случаев эти встречи сводились к простому приветствию, после чего каждый из нас расходился по своим делам.

С каждым днем тело мое становилось все совершеннее. Первый раз, когда я по-настоящему убедилась в этом, был день, когда я впервые победила своего учителя. Его взгляд, полный боли, страха и злобы, в момент, когда я с легкостью ломала ему руку, заставил меня рассмеяться прямо там, на поле сражения, перед всеми замершими от неожиданности воинами. Отряхнув руки от пыли, я развернулась и неспешно покинула зал для поединков, наконец-то признавая, что все эти долгие часы мучительных тренировок прошли не зря.

Но горькое понимание того, что физические страдания ничего не значат по сравнению с душевными муками, пришло ко мне только тогда, когда к моему обучению приступил сам Атоний, вернувшийся в замок на следующий день после моей знаменательной победы. В тот же вечер, призвав меня в тронный зал, он изучал меня долгим внимательным взглядом, после чего удовлетворенно отметил мягким вкрадчивым голосом:

— Вижу, что недели тренировок не прошли зря. Ты стала заметно сильнее, Катрина. Пришло время мне самому заняться твоим обучением.

В ответ я лишь покорно склонила голову, про себя недоумевая, какое

именно обучение он имел в виду.

Ответ я получила той же ночью, когда робко постучавшийся в дверь слуга оповестил, что господин изволит меня видеть. Горько усмехнулась, понимая, что именно имел в виду Атоний. Я, тем не менее, не имела права послушаться и поэтому безропотно последовала за посыльным по длинным извилистым коридорам.

Однако когда на развилке тот вместо того, чтобы свернуть в западное крыло, где находились господские покои, уверенно начал спускаться в нежилую часть замка, первые мурашки дурных предчувствий начали собираться где-то в области желудка.

Я медленно шла по грязным узким переходам, освещаемым тусклым светом чадящих факелов, стараясь не потерять из виду долговязую фигуру моего проводника. Наконец, спустя несколько долгих минут мы были у цели: перед нами находилась неприступного вида большая железная дверь. Вампир несколько раз осторожно постучал в нее, а когда изнутри донеслось разрешение войти, несмело подтолкнул, давая понять, что далее сопровождать меня он не намерен. Но и уходить он не спешил, продолжая буравить меня сердитым взглядом малиновых глаз, по всей видимости, получив приказ контролировать каждое мое действие.

Что же, у меня не оставалось другого выхода, кроме как, глубоко вдохнув полной грудью, нерешительно потянуть на себя медную ручку.

Дверь неслышно отворилась, словно только этого и ожидая: за ней царил неестественная темнота, сравнения с которой не выдержала бы ни одна даже самая темная ночь. Невыносимо пахло сыростью, и лишь где-то вдали тусклой узкой полосой пробивался робкий луч света. Решив, что долго стоять на пороге было бы глупо, я шагнула в это пространство темноты, буквально ощущая, как она распахивает свои негостеприимные объятия для меня. За спиной гулко захлопнулась дверь, и от этого звука целая волна мурашек пробежала по телу; я ускорила шаг, двигаясь к заветной полоске света.

С каждой секундой, проведенной в этой обволакивающей сырости и духоте, чувство, что вокруг меня что-то есть, усиливалось. Мне чудился голодный взгляд, сопровождавший каждый шаг; слышалось тяжелое дыхание то сзади, то сбоку. Я пристально вглядывалась в темноту вокруг себя, но даже мое вампирское зрение было бессильно. Наконец, еще пара шагов — и я была у заветной цели.

Негромко постучав, я приоткрыла очередную дверь, уже просто даже боясь предположить, что могу там найти.

— Катрина. Я посылаю за тобой слугу, но, видимо, он пренебрег

приказанием проводить тебя сюда «немедленно». Что же, придется его завтра наказать, чтобы впредь он относился к моим приказам куда более внимательно. Если, конечно, он переживет наказание, — улыбка Атония на последних словах превратилась в зловещую ухмылку, которая, впрочем, мгновенно сменилась на обычное обманчиво добродушное выражение.

Он стоял у полок, уходящих стройными рядами далеко вверх, и что-то неторопливо искал. Пользуясь секундной передышкой, я обвела взглядом комнату, пытаясь понять, для чего я понадобилась господину здесь в этот час.

На первый взгляд, в ней не было ничего особенного: вся она, казалось, состояла из бесконечных полок, уставленных разнообразными коробками и стеклянными сосудами. Но мое внимание привлекли не они, а небольшой проем в соседнее помещение, откуда лучами пробивался странный голубоватый свет. И запахи оттуда неслись странные, даже пугающие.

Я быстро отвела взгляд, не показывая чрезмерного внимания, опасаясь реакции вампира, находящегося рядом со мной.

Украдкой взглянув на Атония и заметив, что он пристально наблюдает за мной сквозь опущенные веки, я сильнее смешалась, сразу же вспомнив возможные причины моего присутствия здесь в столь поздний час. Про себя молясь, чтобы эти страхи оказались беспочвенны, я проговорила, стараясь придерживаться ровного спокойного тона:

— Извините, мой господин, за опоздание. Слуга невиновен; лишь я сама повинна в своей медлительности. Обещаю, такого больше не повторится...

— Я очень надеюсь, что не повторится. Иначе последствия для тебя, моя дорогая, могут оказаться не слишком приятными, — проговорил вампир с циничной усмешкой.

Внезапно он, словно только что вспомнив о чем-то, широко улыбнулся и произнес, в упор глядя на меня:

— Давай вернемся к тому, с чего я решил начать твоё обучение. Я хочу показать тебе результаты своих трудов. Немногие имели честь быть приглашенными в мою лабораторию. И ещё меньшее количество удостоивалось такой привилегии, как возможность принимать личное участие в моих опытах. Так что ты можешь гордиться тем, что я счел тебя достойной для этого.

Эту пышную речь он произнес, медленно ведя меня к проему. Я внимала его словам с некоторой долей страха — какие опыты можно проводить по ночам в заброшенных подвалах глубоко под замком?

Но даже мой уже порядком привычный к местным зверствам рассудок

едва не помутился от увиденного. Огромное помещение, было сплошь заставлено огромными во всю стену стеклянными коробками. Внутри этих миниатюрных темниц находились самые мерзкие создания, которые только мог представить самый извращенный разум: изуродованные морды, вытянутые, спрессованные конечности, ужасающий набор когтей, клыков, зубов — все это просто не могло быть созданием природы!

Я в ужасе зажала рот ладонью, не в силах отвести взгляд от ужасных тварей, преградой которым служила лишь тонкая грань стекла. Словно уловив мои страхи, Атоний довольно произнес:

— Стекло прочное. Ни один мой питомец не выберется наружу, пока я сам этого ему не позволю. К тому же, взгляни на них — сейчас они безопасны. А вот когда окажутся на воле — вот тогда я не завидую тому, кто встретится им на пути, — рассмеявшись низким каркающим смехом, вампир любовно погладил поверхность стекла, за которым находилась гигантская рыба-переросток, вместо плавников у которой красовались длинные распахнутые пасти, полные острейших клыков. И только после слов Атония я обратила внимание, что все они действительно не двигаются: словно они находились в какой-то спячке, ожидая момента, когда будут разбужены.

Я встряхнула головой, пытаюсь прогнать прочь только что увиденное, когда взгляд мой случайно упал на противоположную стену. О, лучше бы я туда не смотрела! На длинных высоких столах, покрытых серой гладкой материей, лежали различные детали будущих монстров. Вокруг столов неразлично сновали несколько неприметных вампиров, умелыми движениями собирающие новых тварей.

Атоний потянул меня за руку по направлению к столам; я отрицательно замотала головой, отказываясь даже приближаться туда. Но железная хватка его пальцев все-таки заставила меня последовать за ним. Приблизившись, я увидела, как собранного монстра помещают в большой кипящий котел, после чего туда постепенно добавляют странные смеси из маленьких изящных бутылей. Далее ряд стоящих друг за другом котлов сменялся большими извилистыми трубками, на концах которых виднелись толстые иглы, о предназначении которых я боялась даже помыслить.

И, наконец, в самом углу разместилась причудливая конструкция из различного рода режущих железных устройств, от которых остро несло кровью и болью. Понимая, что вижу перед собой устройство, разделявшее несчастных существ на детали, из которых позже будет собран очередной не существующий в природе монстр, я отвернулась, не желая воочию

наблюдать этот процесс.

— Что можешь теперь сказать, дражайшая Катрина? Чувствуешь ли ты то, что ощущаю я сам, когда смотрю на свои творения?

Последние слова он громко произнес куда-то в глубину зала, подводя меня к небольшому балкончику, который я сперва и не заметила. И только ступив на него, я поняла, что мы находимся на возвышении, а прямо под нами располагается непосредственно сама лаборатория. Тысячи и тысячи стеклянных коробок с деталями для будущих монстров, несколько рядов уже кипящих котлов, готовых выплюнуть наружу очередной экземпляр, сотни режущих механизмов, деловито лишаящих несчастных животных лап, туловищ, голов. Ни на секунду не прекращая своей страшной работы, огромная лаборатория создавала совершенную армию для своего господина.

От масштабов увиденного у меня закружилась голова; шагнув назад, я на секунду прикрыла глаза, молясь про себя, чтобы все это оказалось только сном. Но режущий голос, раздавшийся прямо у меня над ухом заставил поверить в реальность происходящего:

— Тебе понравится, я обещаю. Каждый из тех, что работает здесь, имеет своего собственного питомца, целиком и полностью являющегося плодом фантазии своего создателя. И я уже сейчас горю желанием увидеть, что сможет придумать твоя маленькая красивая головка. А теперь, — так же внезапно Атоний перешел на другую тему. — Тебе пора возвращаться в свои покои, на сегодня впечатлений достаточно. С завтрашнего дня ты начнешь работать здесь.

Властно взяв мою безвольную руку, он провел меня к темному коридору, отделяющему лабораторию от входа. На секунду злое улыбнувшись, он провел рукой по соседней стене, и в тот же момент ярчайшая вспышка на одну секунду осветила проход до следующей двери.

Но и ее хватило, чтобы убедиться, что мои прошлые страхи имели под собой весьма и весьма твердую почву: стены, потолок, углы продолговатого помещения оплетала толстая густая паутина, кое-где переходившая в плотный сплошной ковер. На каждой нити находилась гигантская жирная клякса, обладающая множеством мелких коротких лапок и дюжиной огромных алчных глаз, нацеленных, казалось, прямо на меня. В углах паутины виднелись большие, в человеческий рост, плотные коконы, в редких просветах которых можно было увидеть очертания изъеденных тел.

Я ощутимо пошатнулась, не в силах удержаться на ногах после тошнотворного зрелища. Удовлетворенно хмыкнув, Атоний нараспев

произнес, пристально глядя во вновь воцарившуюся черноту:

— Это мои любимицы, одни из самых успешных созданных существ. Они сторожат вход в лабораторию, позволяя пройти сюда только тем, кому разрешено. Теперь же возвращайся в свои покои, — это было уже адресовано в мою сторону.

Не дожидаясь повторного приглашения, я стремглав бросилась к выходу: даже страх перед монстрами, опутывающими комнату, отступил перед желанием немедленно вырваться из подвалов, оказаться вновь в спасительных стенах привычной комнаты. А вслед мне еще долгое время летел громкий хохот повелителя клана Крейц...

Оказавшись у себя в покоях, я долго не могла придти в себя, вспоминая жуткие картинки из лаборатории. Чего я в этот момент ни отдала бы, лишь бы не видеть, не знать, не помнить всех вещей, что довелось увидеть в эту ночь. Даже постельные забавы с Атонием теперь не казались уж мне такой высокой платой. Я бы с радостью заплатила собственным телом, только бы избежать ожидающего меня кошмара.

К несчастью, в тот момент меня ничего уже не могло спасти. Как я смогла убедиться позже, переубедить повелителя не в силах ничто, поэтому следующие дни закрутились в один бесконечный страшный сон. Словно зомби, я приходила в эти подвалы, сначала молнией пролетая мимо невидимых во тьме монстров; но с каждым разом страх перед ними все мутнел и мутнел, отступая перед медленно поглощающим меня безразличием. Я начала открывать некое садистское удовольствие в проделываемой работе. Теперь уже мысли о предстоящих опытах не внушали ужаса, а приносили радость от предвкушения новых открытий, новых неизученных ранее комбинациях.

Единственным светлым пятном в череде беспросветных будней стал обнаруженный за мрачным гобеленом в покоях, мне принадлежащих, подземный ход, ведущий напрямик к темной кромке леса. Иногда я выбиралась из него наружу, с наслаждением вдыхая чистый лесной воздух.

Но и эти редкие вылазки не могли меня спасти: постепенно начали исчезать все иные чувства, которые ранее частенько терзали меня в минуты душевного просветления. Я начинала, наконец, становиться такой, какой представляла себя по рассказам Иризи: жесткой, беспощадной, идеальной машиной для убийств. Очень скоро Атоний начал доверять мне настолько, что почти перепоручил контроль над опытами: по моим меркам, это был огромный шаг вперед. Я наконец-то становилась доверенным лицом для него и для его сестры, какой была когда-то, и наши с ней частые откровенные беседы служили тому наипрочайшим подтверждением.

Впервые такой разговор произошел после того, как мы с ней полакомились свежей пищей на кухне. Я давно уже опробовала ее излюбленный метод и, надо сказать, он пришелся мне весьма по душе.

Заглядывать в глаза своей жертве. Упиваться плескающимся в них страхом. Чувствовать бешеную пульсацию тонкой голубоватой жилки на теплой беспомощной шее. Ощущать, как ломаются тонкие кости под моими руками, чувствовать, как мгновенно остывает еще совсем недавно живое тело, наслаждаться тем невыразимым ощущением агонии жертвы, от которого кровь приобретала непередаваемо восхитительный вкус. Поначалу желудок неохотно принимал такой вид пищи, но раз за разом я исподволь приучала его к ней, экспериментируя с источниками крови и длительностью ее вытягивания из жертвы.

Даже сама Иризи, признанный мастер жестокости, порой не могла сдержатъ восхищения, при виде того, как я умело и мастерски расправляюсь с очередным порученным мне заданием. Порой мне все казалось, что в ее глазах нет-нет, да промелькнет незнакомое чувство, но я не забивала себе голову размышлениями на эту тему, довольствуясь нашими с ней изощренными забавами.

В один хмурый вечер я была вызвана в тронный зал, где сияющий Киаран поделился новым изобретением. Взяв специальный нож, способный с легкостью прокалывать твердую кожу вампира, он сделал большой надрез на моей руке, ловко подставляя большую чашу под сбегаящие струйки алой крови. Я молча стояла, терпеливо ожидая, когда он закончит.

Набрав полный бокал, он подошел к небольшому сосуду, в котором булькала серая масса, довольно неприятная на вид. Добавив несколько капель моей крови, вампир тщательно размешал варево. Кивнув одному из слуг, Атоний осторожно налил из котла небольшой бокал смеси, и протянул подошедшему слуге. Приняв чашу из рук господина, вампир покорно опустошил его.

Несколько секунд ничего не происходило, но я терпеливо ждала, зная, что Атоний ничего не совершает просто так. Буквально за одну секунду очертания вампира начали меняться на глазах: силуэт становился тоньше и изящней, начали появляться округлости в несвойственных для мужчин местах. Спустя еще пару секунд на меня смотрела моя точная копия! Я ошарашено смотрела на знакомые черты, не в силах поверить, что вот так просто за несколько секунд можно принять облик другого человека. Конечно, в глаза бросалась некая неуклюжесть, чужие походка и движения, но для вампира, который не знал меня хорошо, это была бы настоящая я.

Удивленно посмотрев на Атония, я успела заметить, как он обменялся торжествующим взглядом с находившейся тут же Иризи.

Спустя еще некоторое время Атоний доверил мне еще одну щекотливую миссию — наказывать провинившихся слуг, а точнее, избавляться от них. Признаться, я пришла в настоящий восторг, впервые увидев очередную придумку господина.

Это была длинная узкая комната, начинающаяся и заканчивающаяся одинаковыми серыми дверями. Единственное, что в ней было примечательного — это огромные во весь рост мутные зеркала, заключенные в уродливые грязные рамы. Зеркала стояли практически друг напротив друга, тем самым создавая своеобразную дорожку к противоположной двери.

Я наслаждалась каждой минутой этого зрелища.

Когда очередная партия провинившихся слуг поступала в мое распоряжение, я медленно проводила их сквозь извилистые коридоры, упиваясь страхом, что они испытывали. Наконец, оказавшись перед искомой дверью, я медленно ее приоткрывала, позволяя им полностью ее разглядеть и убедиться, что там никого нет. Когда же они, раздавленные ощущением своей вины и неизбежности наказания, осторожно заходили в комнату, я громко произносила, что за дверью на том конце комнаты их ждет недельное голодание, а затем — возвращение в ряды слуг.

Это было неописуемо: видеть, как меняется затравленное выражение в их глазах на искреннюю радость, как быстро они срываются с места и буквально летят к заветной двери... И как молниеносно вырываются уродливые человекообразные монстры с обратной стороны зеркала и за одно мгновение втягивают несчастного к себе в логово. Эти мгновения я дорого ценила и потом еще долго прохаживалась по опустевшей комнате, заглядывая в серебристую непрозрачную гладь и представляя, как сыто жмурится уродливая морда, на месте рта которой кругло зияет огромная зубастая воронка.

Это случилось в один из загруженных дней, когда я дневала и ночевала в лаборатории, выводя новый вид монстров.

Атоний все торопил меня, постоянно вывозя большие партии тварей куда-то за пределы замка. Я догадывалась, что он затекает войну с каким-нибудь соседним кланом, но меня мало это интересовало, учитывая бешеный ритм жизни, в котором я с наслаждением вращалась.

Проведя весь день и всю ночь на привычном месте в лаборатории и успев уже наказать двоих работников, работавших недостаточно быстро, я внезапно вспомнила, что не успела выпить заветный бокал с зельем,

которое я продолжала исправно принимать все это время. Пила я его больше по привычке, нежели по необходимости: за это время организм так успел привыкнуть к знакомому вкусу, что у меня начинались страшные боли, стоило мне не принять смесь хотя бы один день.

Иногда, в редкие минуты просветления, я сознавала, что между зельем и чувством равнодушия, наступающим сразу после его приема, существует прямая связь, но не хватало ни сил, ни желания что-либо менять. Да и причин для этого не было: день за днем я ощущала, как меня медленно и с наслаждением ломали, выворачивали душу, заставляли вновь становится тем бездушным монстром, которого я знала только по чужим рассказам. Вначале я пыталась сопротивляться, но раз за разом они одерживали победу. И я сдалась, сломалась, приняла эти правила игры, стала такой, какой они хотели меня видеть. Это был единственный выход, чтобы не сойти с ума от всего, через что день за днем они заставляли меня проходить. Единственная возможность каждое утро просыпаться и находить в себе силы двигаться дальше.

Если бы могла, я давно уже возненавидела бы саму себя. Но сквозь толстую пелену равнодушия и черствости не могло пробиться ни одно настоящее чувство, в том числе и ненависть. Иногда мне даже хотелось почувствовать хоть что-нибудь, кроме ставшего уже привычным, чувства жестокости, просто для того, чтобы ощутить себя живой. Однако этот порыв, как правило, быстро проходил, сменяясь еще большей волной безразличия.

В тот день я только собралась покинуть пост и подняться в свои покои за зельем, как ко мне подбежал запыхавшийся слуга и доложил, что Атоний распорядился срочно вызвать меня в Темную залу.

Это был своеобразный сигнал, что новая партия провинившихся ожидает своей очереди. Слуга затаив дыхание, ожидал моей реакции. Обычно я не упускала случая наказать его за малейшую провинность, а сейчас он явно запоздал с передачей мне поручения — уже солнце стояло в зените — а Атоний предпочитает кормить своих крошек рано утром.

Но вместо наказания я, неожиданно для самой себя, просто улыбнулась ему и уже развернулась, чтобы уйти, как внезапно до меня дошла абсурдность моего поведения. Растерянно оглянувшись, я наткнулась на совершенно ошарашенный взгляд вампира. Неизвестно, кто из нас двоих был шокирован больше. Решив обязательно обдумать несвойственное мне поведение позже, я поспешила к северной части замка.

Неторопливо приблизившись к комнате ожидания — так я называла помещение, в котором подлежащие наказанию слуги дожидались моего

прихода — я замедлила шаг, заранее готовясь насладиться их страхом и испугом, который уже ощутимо витал в воздухе.

Поначалу все шло как обычно, но в момент, когда я уже открыла дверь и гостеприимным жестом пригласила обреченных войти внутрь, взгляд мой совершенно неожиданно среди прочих узнал знакомые черты лица. Это был Двэйн, вампир, которого, по неясной причине, Иризи ненавидела больше всех прочих. Я не сомневалась, что рано или поздно она найдет причину, по которой сможет его уничтожить, но видеть его здесь, такого спокойного и хладнокровного, среди скопища трусов и предателей, более чем заслуживших ту страшную смерть, что ожидает их меньше, чем через минуту, было так странно и... неправильно?..

Я скривила губы, недовольная сама собой. Через эту комнату за это время прошло множество моих прежних знакомых, и всех я проводила в последний путь без зазрения совести. Почему же именно при виде этого вампира, который, к слову сказать, вот уже несколько недель при встрече не здоровался и даже не смотрел в мою сторону, мое, до той поры дремавшее чувство раскаяния вдруг пробудилось ото сна?

Тем временем, пока я мысленно сражалась сама с собой, все слуги уже практически зашли внутрь, сиротливо столпившись на пороге и справедливо не решаясь ступить в центр помещения. Я замерла на сотые доли секунды: чуткий слух уловил еле слышную вибрацию, исходящую от зеркал. Слуги не могли этого ощущать, целиком сосредоточившись на собственном страхе, а мне этот звук был до боли знаком: спустя пару секунд монстры вырвутся на свободу, пожирая всех, кто будет иметь несчастье находиться в этом зале.

Внезапно я, не дав себе времени на раздумья, цепко ухватила стоявшего ближе всех ко мне Двэйна за воротник, и с силой выволокла его из зала, резко захлопнув за нами дверь. В ту же секунду раздались громкие испуганные вскрики, сопровождавшиеся знакомым чавканьем. Спустя пару секунд в зале воцарилась обыденная тишина.

И только когда дрожащий от напряжения вампир, воротник которого я продолжала сжимать побелевшими пальцами, беззвучно сполз вниз по стене к прохладному полу, я поняла, что именно натворила.

Не было сомнений, что Атоний непременно узнает о случившемся, и было необходимо как можно скорее выпроводить Двэйна из замка. Я старалась не задумываться, почему для меня вдруг стало так важно помочь ему выбраться отсюда живым; единственно, что я пыталась как можно быстрее решить сейчас, это как найти безопасный выход.

Спустя минуту на меня снизошло озарение. Быстро втянув вампира

в узкий проход рядом с темным коридором, я прошипела ему на ухо:

— Ничего не говори, только молчи. От этого сейчас зависит твоя жизнь, да и моя, если на то пошло. Знаю, моя очерстевшая душа для тебя ценности не представляет, так подумай хотя бы о своей шкуре!

Не дожидаясь ответа, я протащила его вдоль длинного освещенного коридора, молясь про себя, чтобы никто нам не попался навстречу. Но удача сегодня была явно не на моей стороне: прямо навстречу нам неторопливо двигался молодой глазастый вампир. Убедившись, что лицо Двэйна не сильно освещено, я вдохнула воздуха и самым ледяным тоном, на который только могла быть способна, приказала ничего не понимающему слуге немедленно развернуться и не покидать кухонные помещения сегодня.

Оставшийся путь до моих покоев прошел, словно в тумане. Я пришла в себя только когда засов на двери надежно перекрыл комнату от остального мира. Надолго ли?

Быстрым движением откинув старый гобелен и обнажив открывшийся черный лаз в стене, я приказала Двэйну:

— Иди. Это подземный ход, который приведет тебя напрямик к опушке леса. Будь осторожен, там, судя по звукам, обитают неудачные экземпляры опытов Атония.

Он неловко протискивался в слишком малую для него дыру, затем резко остановился и внезапно спросил, глядя мне прямо в глаза:

— Почему? Почему ты мне помогла?

Я застыла, пригвожденная этим вопросом. Как бы мне самой хотелось знать на него ответ!

Коротко покачав головой в знак того, что сейчас не время говорить об этом, я с силой протолкнула крепкое тело вампира в лаз. И только когда его очертания скрылись в темных недрах хода, облегченно выдохнула. Уже собравшись возвращать гобелен на законное место, я внезапно, словно повинувшись какому-то неведомому инстинкту, обернулась и громко зашептала ему вслеп:

— Выживи. Не дай им себя погубить. Как они это сделали со мной, — последние слова я прошептала уже самой себе, устало опускаясь на застеленную кровать.

Заветное зелье стояло здесь же, приманивая знакомым ароматом. Не в силах сдерживаться более, я залпом опрокинула его, мгновенно ощущая привычное пустоту там, где только что остатки моей почерневшей души терзали сомнения и чувство вины.

Спустя семь часов я стояла перед Атонием, ощущая на себе его

тяжелый хмурый взгляд. Он ничего не спрашивал, а я просто молчала. Нам не о чем было говорить друг с другом, ведь каждый из нас прекрасно знал, что произошло.

— Ты разочаровала меня, Катрина, — произнес, наконец, мой господин равнодушным голосом. — Признаться, я не ждал такого поступка от тебя, — подождав моего ответа, и не услышав его, он недовольно продолжил: — И теперь ты заслужила наказание.

Я сглотнула, понимая, что разговор наконец-то перешел к самой важной стадии — назначению наказания. Внезапно Атоний спросил, указывая на блестящий металлический хлыст, который всегда висел у него на поясе:

— Знаешь ли ты, что это такое?

Я тихо ответила, стараясь предугадать его действия:

— Да, мой господин. Этим хлыстом вы наказываете самых низких слуг: тех, к кому прикасаться такому высокородному вампиру как вы, считается непозволительным, — я замерла, не уверенная продолжать ли мне, или уже достаточно.

— Продолжай, — зловеще проговорил Атоний.

— Следы от ударов этого хлыста заживают гораздо дольше. А шрамы остаются навсегда... — медленно dokonчила я, отказываясь поверить в то, что он накажет меня так, как обычно наказывают слуг самого низкого статуса.

— Ты уже догадалась, какое наказание тебя ожидает? Я приказываю тебе лечь на пол, — бросил он, и резкое эхо, ударившись о каменные стены, испуганно заметалось по залу.

Не смея перечить, я покорно легла прямо на пыльный пол, с тоской подумав о безвозвратно испорченном новом парчовом платье. Я не успела его даже толком поносить, а обновки здесь мне доставались нечасто.

В этот момент мои размышления об одежде были прерваны свистящим звуком, вслед за которым спину обжег сильнейший удар. Боль от него достигла, казалось, даже костей.

Я до крови закусила губу, стараясь, чтобы из-под плотно сомкнутых губ не донеслось ни стоны, и начала про себя считать.

Удар.

«Два»

«Зачем я вообще спасла этого никчемного вампира?»

Удар.

«Три»

«Не зря я всегда избегала совершать нелепые поступки»

Удар.

«Четыре»

«Черт возьми, ну почему же так больно?»

Удар.

«Пять»

«Я смогу, я смогу, я не стану кричать»

Удар.

«Шесть»

«Смогу, смогу, смогу, смо...»

Удар.

«Семь»

Я со свистом втянула в себя воздух, отчаянно жалея о том, что вообще существую

Удар.

«Восемь»

Платье на спине превратилось в тонкие тканевые полоски, которые при каждом ударе все сильнее впивались в раны.

Удар.

«Девять»

Я уже не могла даже связно мыслить, единственное, о чем сейчас отчаянно молилась: сдержаться, не закричать от этой дикой раздирающей боли; не дать повод для злорадства вампиру, который молча наносил мне хлесткие удары.

«Десять»

После десятого удара я сжалась в ожидании следующего, но в зале воцарилась звенящая тишина. И лишь когда раздался довольный голос Атония, знаменующий окончание наказания, я осторожно расслабила онемевшие от неимоверного напряжения конечности.

Лежа лицом вниз на холодном грязном полу с рассеченной спиной, чувствуя каждое обжигающее дуновение ветра, я зареклась еще когда-либо в своей жизни делать добро.

В себя я приходила несколько дней, не выходя из отведенных мне покоев.

В минуты особенно острой боли, когда терпеть становилось просто невыносимо, я закрывала глаза и вспоминала сосредоточенное лицо Двэйна в момент, когда я вытащила его из той треклятой комнаты. Изумление и шок в его глазах медленно сменялись осознанием, что только что он избежал смерти благодаря мне.

И когда я вспоминала это, сложно поверить, но боль притуплялась,

словно и в самом деле, это было по-настоящему стоящим поступком.

Как только раны начали потихоньку затягиваться, я, преодолевая боль, натянула платье и отправилась в лабораторию. На израненную спину я не стала даже смотреть, справедливо рассудив, что уже ничего исправить не могу, а лишний раз окунаться в болезненные воспоминания при виде свежих шрамов, не было желания.

Удивительно, но обычно злопамятный Атоний оказался отходчив. Не прошло и недели, как он перестал искать в моих действиях попыток совершения новых предательств и, казалось, забыл о моем проступке.

Окончательным же подтверждением прощения господина стал разговор, состоявшийся в один из дней в малой гостиной, в которую имели доступ только Атоний, его сестра и я.

Я сидела в глубоком кресле, лениво наслаждаясь видом горящих поленьев в камине, когда вампир внезапно повернул ко мне голову, словно продолжая некий мысленный разговор, и произнес холодным тоном:

— Ты все равно скоро вернешься в мою постель. Ты ведь знаешь это сама, Катрина.

Я чувствовала на себе взгляд прищуренных ледяных глаз, но все равно не повернулась в его сторону, продолжая следить за пляшущими на дровах огненными язычками.

Я знала, что он был прав.

Глава восемнадцатая

Чем ближе становилось завершение моих опытов, тем с все большим нетерпением я ждала, когда моя игрушка, моя задумка, наконец, оживет. Я часами просиживала в лаборатории, в тайне ото всех прилагая дополнительные усилия для того, чтобы мое творение могло узнавать меня по запаху, могло слушаться не только голоса Атония, но и моего собственного.

А тем временем в замке уже открыто готовились к войне.

Впервые я услышала это от Иризи, которая как-то ненароком обмолвилась об этом в разговоре. Не то чтобы эта новость меня совсем не интересовала, но, видимо, отсутствие всякого интереса с моей стороны было столь явным, что вампириша отложила в сторону свои дела и поинтересовалась:

— Почему ты никогда не спрашиваешь о причинах этой войны? Тебе не интересно это?

— Ты рассказываешь мне ровно столько, сколько считаешь нужным. А остальное уже не мое дело, — кратко отозвалась я, памятуя о том, что Иризи не очень любит вмешательства в свои дела.

Но, однако, сестра Атония, которая в обычное время лишь удовлетворенно хмыкнула бы в ответ, на этот раз встала со своего места, и, подойдя к зарешеченному окну, неспешно проговорила, не глядя на меня:

— Думаю, что настало время, чтобы рассказать тебе о твоей ране, которая и явилась причиной потери памяти.

Она резко развернулась и подошла ближе, устремляя на меня немного безумный взгляд пронзительно алых глаз:

— Скажи, ты что-нибудь помнишь о клане Делагарди?

Она жадно следила за моим лицом, но я лишь отрицательно покачала головой, давая понять, что это имя не всколыхнуло никаких воспоминаний.

Тогда, слегка прищурившись, блондинка продолжила:

— Когда-то я была невестой главы тамошнего клана. Пока он не унизил меня, приведя в замок человеческую девчонку и сделав ее своей подстилкой. Тогда я ушла от него, поклявшись когда-нибудь обязательно отомстить и ему, и ей. И вот сейчас время для мести настало. Мы объявили войну этому презренному клану. И в результате их подлого удара ты была ранена. Не волнуйся — через пару дней я окончательно отомщу ему, в том числе и за твое ранение, захватив в свои руки его замок, — она рассмеялась

низким зловещим смехом, заставившим меня поежиться от неприятного предчувствия.

Было странно слышать о том, что блистательная Иризи потерпела поражение, более того, ее променяли на человека! Не в силах удержаться от любопытства, я поинтересовалась:

— А что насчет той человеческой девчонки? Ей ты уже отомстила или только хочешь это сделать?

От этого вопроса лицо ее расплылось в неприятной улыбке. Пристально глядя на меня, она буквально пропела:

— О, ты даже не представляешь себе, что я для нее приготовила! С нетерпением жду момента, когда она ощутит в полной мере всю сладость моей мести.

От зловещего тона, с которым она произнесла эти слова, даже мне стало не по себе. Искренне не пожелала бы никому оказаться на месте той, что перешла когда-то дорогу моей подруге.

Быстро взяв себя в руки, Иризи вновь вернулась к обсуждению предстоящего штурма:

— Мне понадобятся несколько отрядов новых монстров для нападения под землей. Что ты можешь предложить?

— Буквально вчера были получены новые экземпляры, как раз те, что тебя интересуют. Думаю, через пару дней лаборатория сможет предоставить тебе необходимое количество.

— Отлично. В таком случае, мы выступаем через три дня, — при этих словах она развернулась, посчитав наш разговор законченным, и неторопливо двинулась по направлению к двери, громко шурша пышными юбками.

— Я ведь тоже в этом участвую? — недоуменно произнесла я, привычно ощущая, как от одной мысли о том, чтобы вырваться из плена этих холодных стен, меня переполняет чувство предвкушения чего-то нового. Но у сестры моего господина были иные планы на этот счет:

— Нет, ты должна оставаться здесь и продолжать опыты брата. К слову сказать, ты все еще не заслужила прощения. Думаю, что ты могла бы загладить вину, появившись в его покоях любой ночью. Хотя... на его месте я бы тебя так легко не простила, — мстительно улыбнувшись напоследок, она покинула гостиную.

Я осталась сидеть на роскошной кушетке, бездумно рассматривая знакомые узоры тяжелой занавески. Понимая, что оттягиваю неизбежное, я, тем не менее, все же не могла сделать тот последний шаг, что оставался мне до возвращения к своему прежнему образу жизни.

И дело было даже не в отталкивающей внешности Атония, хищном выражении его лица, взгляде маленьких глаз. Нет, причина крылась во мне самой. Что-то внутри отчаянно протестовало против одной лишь мысли о том, чтобы, к примеру, сегодняшней ночью тенью проскользнуть в просторные покои господина, облачившись лишь в одну тонкую сорочку.

Казалось, что во мне одновременно сосуществуют две абсолютно разные личности. Одна — та, что я знаю по чужим рассказам и которую никак не могу полностью воскресить, — и вторая, та, что пробудилась во мне после ранения.

Несмотря на все отчаянные попытки стать прежней, новая «я» временами прорывалась сквозь плотные стены безразличия и сводила с ума бесконечными душевными терзаниями, ощущением того, что все, что меня окружает — чуждо и незнакомо.

Но раз за разом я вновь загоняла эту часть себя глубоко внутрь, и продолжала жить по установленным правилам, жить, каждую минуту ощущая ненависть и страх окружающих.

Но больше всех в этом замке меня ненавидела она: дочь одного из предводителей соседних кланов вампиров, которую Атоний держал в темнице, тем самым, сдерживая ее отца от помощи клану Деллагарди.

Об этом мне собственноручно поведал сам Атоний одним ранним утром, повелев отныне изредка навещать пленницу. Держали ее в одной из самых отдаленных темниц, все убранство которой составляли одинокий стол и грязная подстилка, служащая кроватью. Единственное, что здесь было в изобилии — это крысы. Они бегали под ногами, прятались в каждом пыльном углу, с громким писком пытались набрасываться на любое живое существо. Очень скоро пленница начала ими питаться, восполняя нехватку еды единственным доступным источником крови.

Невысокого роста, хорошо сложенная утонченная брюнетка, глядя на которую я лениво размышляла всегда: наверняка в брачных предложениях недостатка не было, однако красавица до сих пор оставалась завидной невестой. Интересно, почему? Обычно отцы спешат скорее сбыть с рук подобный товар, стремясь обзавестись могущественным зятем взамен. Подобные мысли частенько посещали меня в момент, когда, шипя угрозы, девушка прожигала меня пламенем ненависти, пляшущим в огромных глазах, выделявшихся на исхудавшем лице.

И я не могла ее за это винить. Поскольку в мои визиты входило не только кормление девушки, но и небольшими пытками, которые я привнесла в этот процесс просто для того, чтобы увидеть, как ее надменное лицо искривляется в гримасе боли, как громко она кричит, как в редкие

промежутки между накатывающими волнами боли умоляет пощадить...

Как правило, в эти моменты я прекращала пытки, довольствуясь видом того, как судорожно она забивается в самый дальний угол ледяного помещения, стараясь заглушить стоны боли. Порой она напоминала мне саму себя, точнее, ту свою версию, что день за днем я методично изживала из своей души.

Через три дня, как и ожидалось, войска под руководством Иризи отбыли куда-то на восток; Атоний же остался в замке.

В глубине души я не могла не согласиться с выбором командующего: в самом деле, никто из вампиров не мог сравниться с сестрой господина в хитрости, изворотливости и жестокости. Не было сомнений в том, что противник будет повержен. И меня тихо грела мысль, что немалая заслуга в этом будет принадлежать и мне: все эти три дня я дневала и ночевала в лаборатории, целенаправленно создавая неуязвимых тварей, способных преодолеть любые препятствия, повинаясь приказу. Это были те самые мои собственные творения, которые я так хотела закончить к назначенному сроку.

И они действительно получились совершенными: не чувствуя ни боли, ни страха, ни каких-то других чувств, монстры могли без усталости преодолевать огромные расстояния, сражаться с несколькими врагами сразу, одновременно пуская в ход и клыки, и когти, и ядовитую слюну, от одной капли которой даже самый крепкий вампир становился беспомощней младенца.

Но тусклый ход моего существования был нарушен, когда в один из обычных серых вечеров я медленно раздевалась в своих покоях, оттягивая сладостный миг, когда горьковатые капли любимого напитка медленно смягчат напряженное горло, мгновенно затмевая разум и расслабляя усталое тело, внезапно раздался тихий стук в дверь. Мгновенно насторожившись, я запахнулась в плотную накидку, а затем, поколебавшись, двинулась открывать. В холодном коридоре меня дожидался невысокий слуга, который, как только я открыла двери, торопливо проговорил, стремясь исполнить приказ, прежде чем я обрушу на него свое недовольство.

— Господин изволит видеть вас в своих покоях. Немедленно.

Я бесстрастно кивнула ему в ответ, медленно затворяя двери и тут же бессильно опускаясь прямо на холодный пол от охватившего меня страха. Я с легкостью могла одолеть любого противника на поле брани, выдержать долгие мучительные часы тренировок, но вот оказаться в постели господина я боялась. Боялась собственного панического ужаса, что

охватывал меня от одной только мысли об этом, боялась пугающего взгляда Атония, боялась еще чего-то, чему не могла дать названия. Словно где-то там, глубоко внутри меня, что-то подсказывало, что я не должна этого делать, что это будет предательством. Но вот по отношению к кому?..

Спустя минуту терзаний я резко выпрямилась, наконец, полностью осознавая, что миг, которого я так боялась, настал, и я не желаю встречать его с поникшей головой! Пришло время окончательно вернуть прежнюю Катрину; ту, которую я так желала, и в то же время, отчаянно боялась возвращать.

Облачившись в тонкое, почти невесомое кружевное платье, я глубоко вдохнула и отправилась в бесшумное путешествие по мрачным извилистым коридорам. В это время уже все обитатели замка разбрелись по своим покоям, поэтому вокруг царила напряженная безмолвная тишина. Дойдя до массивной богатой двери, я еле слышно постучалась, и, дождавшись разрешения войти, плавно нажала на металлическую ручку, медленно входя в помещение.

Первое впечатление о покоях Атония было пугающим, слишком уж комната походила на своего хозяина. Огромная тяжелая кровать, стоящая прямо посреди помещения невольно притягивала взгляд тяжелым черным, как самая темная ночь, балдахином и такого же цвета покрывалом. Длинные темные шторы погружали комнату в полумрак, непроглядную темень которого не в силах были разогнать две одинокие свечи, медленно таявшие на массивном столе.

Сам хозяин прожигал меня взглядом, утопая в недрах большого кресла, стоящего у погашенного камина. Удостоверившись, что мое внимание вплотную сосредоточилось на нем, Атоний неторопливо поднялся и медленными вкрадчивыми шагами двинулся ко мне. Остановившись прямо передо мной, так близко, что я могла ощущать кожей окружающий его ореол власти и самодовольства, он медленно оглядел меня с ног до головы и прошептал:

— Наконец, этот миг настал. Наверное, нужно было послать за тобой раньше, но я очень хотел дождаться момента, когда к тебе вернулась бы память. Уверен, что тогда ты бы не стояла сейчас так спокойно, — загадочно проговорив последние слова, он поднял руку и неторопливо провел подушечкой большого пальца по моей щеке, уверенно ведя к линии губ. Я задрожала от охватившего меня иррационального чувства страха. Оно было настолько всеобъемлюще, что, если бы я не понимала бесплотность самой попытки убежать, непременно попыталась бы.

Его лицо неотвратимо приближалось к моему, руки сомкнулись

тяжелой хваткой на тонком стане, когда внезапно прозвучал неожиданный стук в дверь. Неохотно размыкая объятия, Атоний со свирепым видом распахнул дверь, очевидно, крайне недовольный тем, что нас прервали.

Но едва в проеме показалось непривычно сияющее лицо его личного военного советника, с выражением крайней радости неслышно проговорившего что-то Атонию, как тот расплылся в неприятной улыбке, не сулящей ничего хорошего. Коротко кивнув, мой господин закрыл дверь и повернулся ко мне. Однако вместо того, чтобы продолжить с того момента, на котором нас прервали, он внезапно произнес, повергая меня в легкий ступор:

— Моя дорогая, очень сожалею, что нам не удастся продолжить наше общение друг с другом сегодня, но повод для этого весьма существен. Мой давний противник, враг, которого я очень давно хотел увидеть поверженным, пожаловал к нам в качестве долгожданного пленника, — не прекращая своей речи, Атоний торопливо облачался в нечто весьма помпезное, украшенное богатой вышивкой и камнями. Уже устремившись к двери, он резко развернулся, словно вспоминая обо мне, и произнес торжествующим голосом:

— И я настаиваю, чтобы ты, Катрина, также спустилась сейчас в тронный зал. Думаю, тебе будет интересно посмотреть на нашего неожиданного гостя, пока он еще в сознании.

Захлопнув за собой тяжелые двери, Атоний оставил меня растерянно стоять посреди его личных покоев, все еще не пришедшую в себя от столь неожиданного спасения тогда, когда, казалось, ничто на свете уже не в силах вырвать меня из стальной хватки главы вампиров.

Спустя несколько минут, стряхнув с себя оцепенение, я медленно вышла из комнаты и двинулась в сторону тронного зала. Ослушаться приказа Атония было нельзя; а в том, что это был именно приказ, сомнений не было. Но, в глубине души мне самой было очень любопытно посмотреть на вампира, что столь долго являлся мишенью для мстительных планов господина.

В тот момент, когда я осторожно вошла в большую полутемную залу, там уже кипела активная работа: суетливо копошащиеся слуги торопливо устанавливали в самом углу помещения большую клетку. Сам Атоний, удобно устроившись на троне, с удовольствием наблюдал за приготовлениями. Заметив меня, он еще больше оживился и поманил меня к себе, указывая на ступеньки у основания трона. Послушно заняв указанное место, я приготовилась ждать.

Спустя несколько минут со стороны коридора, ведущего к подвалам,

наконец, послышались долгожданные звуки: звон цепи, приглушенные ругательства, едва различимые в гулком топоте множества ног по пыльным плитам.

Распахивая высокие двери в зал, нашим глазам предстала толпа воинов, закованных в тяжелые доспехи. Они стояли полукругом, надежно закрывая от любопытных глаз кого-то, стоящего прямо посередине. Как только Атоний дозволительно качнул головой, воины расступились, открывая нашему взору закованное в прочные цепи израненное тело незнакомого вампира, стоящего с опущенной вниз головой. При виде него весь зал словно замер: исчезли все звуки, и в наступившей тишине я слышала как начинает все неистовей колотиться мое сердце.

Медленно-медленно, словно каждое движение причиняет ему боль, пленник поднял голову, устремляя на Атония ненавидящий взор. Но тот словно и не замечал этого, продолжая торжествующе улыбаться, точно предвкушая очередное развлечение.

Я вновь перевела растерянный взгляд на пленника, не понимая, отчего так сильно бьется мое хладнокровное сердце при виде бледного лица, на которое тонкой струйкой со лба стекали капли густой алой крови. И в этот момент скованный вампир перевел взор в мою сторону.

Меня словно вспышкой обжег его взгляд, полный чистой неподдельной радости, затем сменившейся изумлением, на смену которому спустя долгую секунду пришло недоверие, смешанное с острой горечью.

Не в силах разорвать безмолвный обмен взглядами, я внезапно ощутила все чувства этого вампира, как свои собственные, словно невидимые нити протянулись между нами через весь зал. Все внутри меня во весь голос кричало о том, что есть что важное, чего я не помню. Но, как ни пыталась я вспомнить, память все так же пораженно молчала.

Наконец, тишину прервал тягучий голос моего господина, сочащийся триумфом:

— Как видишь, Аларис, я предупреждал тебя, что когда-нибудь наступит день, когда ты окажешься в моей власти. Этот миг настал. Могу также добавить к твоей и не без того печальной участи тот маленький факт, что всего через пару дней твой замок падет. И падет он от руки брошенной тобой невесты. Какая удивительная насмешка судьбы, ты не находишь?

Но пленник словно не слышал злобных слов Атония, не сводя с меня потерянного, ничего не понимающего взгляда. Наконец, с огромным трудом, он выдавил из себя охрипшим от криков голосом:

— Триана? Это ты? Что они с тобой сделали? Триана!

Я стояла в полнейшей растерянности, не понимая, почему он

обращается ко мне так, словно хорошо знает. Отчего зовет этим странным незнакомым именем?

Не зная, что можно ответить на эти безнадежные оклики, я продолжала неподвижно оставаться на своем месте, опустив голову вниз. Ни один мускул на моем лице не дрогнул, когда пленник, отчаявшись, попытался рвануться сквозь эти цепи в мою сторону: слишком уж внимательным и изучающим взглядом смотрел на меня Атоний, словно устраивая некое испытание, правил которого я не знала.

Наконец, вампиру, восседающему на троне, надоело это представление. Громко хлопнув в ладоши, он провозгласил, обращаясь к связанному мужчине перед ним:

— Сегодняшнюю ночь ты проведешь в этой клетке, а завтра тебя переведут в самые нижние ярусы темницы. И, поверь мне, там ты в полной мере ощутишь все прелести плена.

Еще раз мстительно улыбнувшись, Атоний поднялся с трона и в сопровождении нескольких советников удалился из зала. Я же осталась безмолвно наблюдать, как несколько воинов небрежно втокнули пленника в железную клетку, не скупясь на болезненные удары и издевательские насмешки. Но тот словно не чувствуя их, не сводил с меня пронзительного взгляда, в котором теперь плескалась только боль. А я могла лишь пожалеть его: один-единственный раз мне довелось побывать в самых отдаленных темницах, и даже мой привычный к пыткам разум не смог не содрогнуться при виде пленников, прибитых к стенам огромными металлическими крюками. Каждый день к ним приходил вампир, которого за глаза все небеспричинно называли «живоглот». Воистину, его фантазия на пытки была неисчерпаема.

Порой даже Атоний не выдерживал демонстрации очередного нового приспособления для «забав». Поэтому не было сомнений в том, что через несколько дней этого вампира уже не будет в живых.

Подарив напоследок равнодушный взгляд, я развернулась и медленно пошла к выходу, спиной ощущая, что пленник продолжает смотреть мне вслед. Уже в самых дверях я, не выдержав, украдкой обернулась — и застыла, пригвожденная к месту тем выражением тоски и нежности, что успело промелькнуть в глазах вампира, прежде чем его грубо отбросили в самый дальний край клетки.

Стряхнув оцепенение, я продолжила свой путь, не в силах выбросить из памяти тот первый взгляд, с которым смотрел на меня Аларис Делагарди.

Еще никто и никогда не смотрел на меня так, ни разу ни в чьих глазах

я не видела столько радости, облегчения, любви?..

Но я не понимала, как может незнакомый вампир чувствовать ко мне что-то. И еще Атоний... Он явно знал больше, чем было мне известно. Но бесполезно пытаться у него что-то спрашивать, это я успела твердо запомнить за недели, проведенные в замке.

И потянулись долгие дни, наполненные тревогой. Как ни старалась, я не могла забыть того странного вампира. По ночам, когда из темницы доносились заглушаемые толстыми стенами крики, полные боли, я лежала, не в силах уснуть; не помогало даже проверенное зелье. Я совсем забросила лабораторию, перепоручив все дела своим помощникам. Изредка встречая Атония, который все это время проводил в безудержном праздновании пленения главного врага, я с замиранием сердца всякий раз ожидала, что он с довольной улыбкой сообщит о смерти пленника.

Но внешне я никак не показывала своих чувств: за мной неусыпно день и ночь следили люди Атония, словно каждую минуту тот ожидал, что я сорвусь и кинусь помогать этому несчастному вампиру, которого, я все же так и не смогла вспомнить.

Но однажды миг, которого я так страшилась, все же наступил.

За окном уходящее солнце прощально раскрашивало небо в багровые тона; легкий ветер раскачивал высокие макушки могучих деревьев, редкие птицы негромко переговаривались на только им одним понятном языке.

Я стояла у окна, с необъяснимой тоской наблюдая эту картину. В памяти на секунду шевельнулось забытое воспоминание, словно я уже когда-то видела подобный закат. Но как только я попыталась покрепче ухватиться за мелькнувшее видение, оно мелькнуло и растаяло призрачной дымкой. Тяжело вздохнув, я уже было хотела начать приготовления ко сну, как внезапно резкий шум из коридора заставил насторожиться.

Крадучись подойдя к двери, я прислушалась. Услышав хихиканье и глухое бормотание, разом успокоилась: это были гости на безудержных пирах Атония. Он и мне неоднократно предлагал принять в них участие, на что я неизменно отвечала отказом, ссылаясь на неотложные дела в лаборатории.

Слегка приоткрыв двери, я наблюдала за этой парочкой: они оба были облачены в просторные плащи, лица скрывали резные маски, из чего я сделала вывод, что сегодня в замке проходил давно запланированный маскарад.

Я только было собралась незаметно прикрыть дверь, дабы не обнаруживать свое присутствие, как вдруг острый слух уловил знакомое имя в невнятном бормотании мужчины. Изо всех сил прислушавшись, я

смогла разобрать сквозь непрекращающийся смех, что, несмотря на непрекращающиеся пытки пленник все еще жив, но это только лишь до завтрашнего вечера — Атоний решил самолично обезглавить несчастного.

Вампиры удалились, не прекращая злобных смешков, а я так и застыла на месте от услышанного. Неожиданно я осознала, что не желаю подобной смерти этому вампиру. Что сердце тянет странной болью от одной только мысли, что завтра его уже не станет.

Я еще не успела полностью прийти в себя, как в голове уже сформировался план, как проникнуть в темницы и в последний раз увидеть пленника. Возможно, я смогла бы получить от него ответ, знали ли мы друг друга прежде?

Благодаря сегодняшнему веселью я могла неузнанной проскользнуть по коридорам и вернуться в покои еще до наступления рассвета. Стараясь не думать, для чего я так рискую, я быстро накинула на плечи широкий плащ. Покопавшись в дальних углах сундука с одеждой, я, наконец, нашла то, что искала: резную маску, которую, несмотря на возражения, изготовили специально для меня пару дней назад.

Аккуратно надев ее и убедившись, что та надежно скрывает лицо от посторонних взглядов, я сделала глубокий вдох и незаметной тенью выскользнула из комнаты.

Как и предполагала, никто из празднующих не обратил ни малейшего внимания на тонкую фигурку, мелькнувшую на лестнице и устремившуюся куда-то вниз. Повсюду раздавались громкие голоса, звучала музыка, изредка раздавались пронзительные человеческие крики, которые, впрочем, быстро обрывались.

Я смогла выдохнуть лишь тогда, когда крыло с гостями оказалось далеко позади. Остановившись в небольшом темном закутке, я призадумалась: в какую сторону теперь нужно было двигаться? Если следовать к темницам, то необходимо сворачивать прямо за углом. Но обычно пленники, ожидающие казни, до приведения наказания в силу содержались в небольших грязных помещениях, находящихся прямо подо мной.

Можно ли было рассчитывать, что с пленным главой враждебного клана поступили как с обычным вампиром?

Так и не придя к единому мнению, я все же свернула на лестницу, ведущую вниз. В глубине души я надеялась, что мне не придется вновь видеть те страшные темницы, стены которых, казалось, насквозь пропитаны болью и страхом тех несчастных, что имели несчастье

настолько сильно провиниться.

Спускаясь по грязным ступенькам, я не могла унять бешеный стук сердца, которое, чем ниже я спускалась, билось все громче и громче.

Наконец, ноги ощутили холодный камень, это значило, что я достигла цели.

Медленно двигаясь по направлению к нужным помещениям, я напрягала слух, в надежде услышать подтверждение, что пленный находится действительно здесь.

И когда я уже потеряла на это всякую надежду, в самой отдаленной комнате на несколько мгновений раздались медленные удары сердца, которые заглушал шум и музыка, идущая с верхних этажей. Ускорив шаг, я приблизилась к дверям, с тревогой замечая, что снова не слышу никаких звуков оттуда.

Не в силах более оттягивать этот миг, я осторожно потянула на себя тяжелую дверь, чувствуя, как из открывающегося проема на меня тянет сильным холодом.

Быстро пробежавшись цепким взглядом и убедившись, что в комнате нет никого, кроме одинокой фигуры, цепями прикованной к стене, я скользнула внутрь и бесшумно затворила за собой дверь.

Медленно-медленно, стараясь не смотреть на вампира, я приблизилась к нему, и только тогда, наконец, подняла голову.

Увиденное заставило меня, закаленную множеством часов, проведенных в пыточной, издать судорожный всхлип, который я попыталась приглушить поднесенной ко рту рукой.

Тело пленника выглядело так, словно не осталось ни одного кусочка кожи, который бы палач обошел своим вниманием. Некоторые раны все еще кровоточили, другие уже покрылись багровой корочкой, свидетельствуя о давности ранения. На руках и ногах виднелись отметины от знаменитых на весь замок крюков: приспособлений, с помощью которых жертв прибавали прямо к стене. Все кости были перебиты; в некоторых местах виднелась оголенная плоть — словно с мужчины медленно и с наслаждением сдирали кожу.

Все ладони его были насквозь пронизаны множеством шипов, некоторые из которых так и остались в мягкой плоти.

Лицо вампира было настолько покрыто засохшей кровью, что невозможно было понять, пострадали ли глаза. Единственное, чего я не могла понять, глядя на него, — как с такими ранами он все еще оставался жив?

Не в силах противостоять внезапно нахлынувшему безотчетному

желанию я осторожно коснулась ладонью его щеки.

Это простое прикосновение вдруг разбудило во мне множество незнакомых ранее чувств: желание нежными поцелуями заглушить ту боль, что и сейчас раздирала его на куски, обнять и никогда больше не отпускать.

Потревоженный моим касанием, вампир медленно распахнул глаза. На секунду его мутный взгляд озарился радостью узнавания, скоро сменившейся отголоском испытываемой им боли. А я все стояла рядом и не могла заставить себя перестать смотреть. Мой обычно послушный разум вдруг отказался подчиняться приказам, и просто безмолвствовал, наслаждаясь присутствием этого пленника.

А через минуту мужчина медленно заговорил охрипшим от долгих криков и стонов голосом:

— Ты пришла... Я так ждал тебя все это время... Ждал, что ты придешь, и этот долгий кошмар наконец-то закончится... Моя Триана...

— Ты путаешь меня с кем-то, пленник. Я не знаю никого с таким именем, — после непродолжительного молчания все же произнесла я, не в силах противиться соблазну вступить в диалог с этим вампиром.

Он горько усмехнулся уголками разбитых губ. Медленно приподняв переломанную руку, мужчина с бесконечной нежностью коснулся пробитой ладонью моей щеки, наверняка оставляя кровавый след.

— Что они сделали с тобой, с нами? Почему ты меня забыла, забыла наш замок, забыла Антию, Дэйкаса? Триана, неужели ты не помнишь ничего?

Он смотрел на меня с отчаянием во взгляде! Но я лишь медленно покачала головой, всеми силами желая вспомнить, о чем он говорит. Но память молчала.

Мужчина медленно закрыл глаза. Голова его бессильно поникла, на лбу появилась испарина. Стало заметно, скольких усилий ему стоил этот разговор.

Проходили секунды, а мы так же стояли друг напротив друга, и в напряженной тишине раздавалось лишь его тяжелое дыхание. Наконец, собравшись с силами, он горько и страшно зашептал, не открывая глаз:

— Я никогда не думал, что моя упорядоченная жизнь может так перемениться всего за несколько месяцев. Сколько раз прежде я сам убивал, брал в плен, пытал — и даже не задумывался о том, насколько переменчива судьба. С тех пор, как появилась ты, моя жизнь вышла из-под контроля. Но я ни о чем не жалею. Единственное — мы так мало с тобой были вместе, и это только моя вина. Но воспоминания об этих днях останутся со мной до последнего вздоха.

Я словно замороженная слушала его хриплый шепот. В голове не укладывалась мысль о том, что когда-то я жила с этим вампиром, видела его каждый день, слушала его речь, вдыхала терпкий аромат...

Любила ли я его? Саму себя внезапно спросила я, и сама же ответила.

Наверняка. Не любить этого сильного мужчину было бы преступлением.

Но если все действительно так, как он сказал, почему тогда я оказалась в этом месте, почему прошлое для меня скрыто за черной пеленой? Если он любил меня, как говорит, то почему позволил этому произойти с нами?..

Понимая, что уже ничего не исправить и не вернуть, я внезапно подумала, что, может, это и к лучшему, что я ничего не помню. Иначе что бы я сейчас чувствовала, стоя здесь совсем рядом с тем, кого любила, зная, что завтрашний день станет для него последним?

Он вновь скривился в приступе боли. По лбу заструилась кровь из открывшейся от переживаний раны. Не в силах превозмочь её, он еле слышно застонал сквозь плотно сжатые губы.

— Судьба жестоко играла с нами. Не думал, что когда-то мне доведется просить о подобном. Я не хочу принять смерть от руки злейшего врага, поэтому я прошу тебя сделать это самой.

Я непонимающе смотрела на него, замечая, как горькая усмешка искажает залитое кровью, но все равно такое прекрасное лицо. Вампир медленно вдохнул холодного воздуха и тихо прошептал, глядя прямо мне в глаза:

— Убей. Меня. Нежно, Триана.

Я широко распахнула глаза, чувствуя, как от его слов по телу прокатилась жаркая волна, сметающая на своем пути все прежние мысли, чувства, догадки, идеи, опалая своим жаром все потаенные уголки души, о которых я даже не подозревала.

Словно в стремительном сне я вдруг увидела себя маленькой девочкой, обнимающей высокого мальчика. Увидела молодой девушкой, бегущей по ухоженной тропинке; увидела себя в отражении зеркала — невыразимо прекрасную с пронзительно алым взглядом.

И наконец, я увидела его, такого разного: то с усмешкой говорящего что-то мне в пещере, яростно кричащего в большом просторном зале, страстно целующего на глазах у всех в большом саду...

Все воспоминания, что все это время я отчаянно пыталась воскресить, разом вынырнули откуда-то из глубин подсознания, причиняя невыносимую боль осознанием того, что я имела и что потеряла.

Не в силах справиться с нахлынувшим потоком чувств, я без сил

опустилась на ледяной пол и спрятала лицо в ладонях...

Глава девятнадцатая

К моменту, когда, пошатываясь, я медленно поднялась с холодного пола, душа моя напоминала выжженную пустошь. Казалось, мучительные воспоминания, обрушившиеся ненасытным и беспощадным пламенем, не оставили после себя ни одного живого уголка. Лишь только пепел сгоревших надежд да несбывшихся желаний медленно кружился над осколками моей души.

Но сейчас у меня не было права оплакивать жестокую судьбу-насмешницу, в одночасье превратившую мою жизнь в страшный сон. Единственное, что имело сейчас смысл, — умирающий вампир передо мною. Тяжелое прерывистое дыхание разносилось по пустой комнате, закрытые глаза подрагивали от непрекращающейся боли, пересохшие губы беззвучно шептали, молили о чем-то, но сознание пленника уже не властвовало над ним.

Я в отчаянье смотрела на знакомые черты и понимала: он умирает. Прямо здесь, на моих глазах, в одном шаге от меня. И я бессильна помочь ему. Словно в наказание за все совершенные бесчеловечные поступки, судьба приговорила меня стать беспомощным свидетелем, как каплей за каплей уходит жизнь из вампира, без которого мое жалкое существование лишено смысла. И я знала, что в ту же секунду, когда его душа покинет тело, я перестану существовать. От меня останется лишь тонкая земная оболочка, называемая телом, но душа ринется на небеса вслед за его душой.

Все прошлые мои поступки, будь то незначительные попытки изменить моего вампира или даже побег, теперь казались такими жалкими и смешными. Ну как можно сбежать от самой себя? Ведь даже того короткого времени, что мы были вместе, хватило Аларису, чтобы проникнуть в мою плоть и кровь, стать тем необходимым и единственно верным, чем жила теперь каждая клеточка моего тела и разума. Даже будучи в беспамятстве, не помня совершенно ничего о своей прежней жизни, я неясно ощущала, чувствовала сердцем, что есть что-то сильнее и выше того мрака, что окружал меня. И только ради одного этого ощущения стоило дальше жить и сражаться с беспросветно опутывающей паутиной лжи, страха и предательства.

Я с силой зажмурилась, всей душой заклиная небеса один-единственный раз совершить чудо и спасти Алариса. Но когда я вновь

открыла глаза, ничего не изменилось.

Признавая бессилие, я прислонилась к ледяной стене, чувствуя, как меня охватывает глухое безразличие при мысли о том, что случится, когда Алариса не станет, ведь без него не будет и меня. Целый мир рухнет в мгновение, когда мой вампир испустит последний вдох, и никто на свете не сможет собрать его из осколков.

В этот момент пленник зашевелился, и толстые цепи неохотно сдвинулись с места, ненароком задевая холодными звеньями мою руку.

Я же словно замороженная смотрела на специальный сплав, из которого была сделана цепь, способный ранить даже твердую кожу вампиров, пока в сознании медленно сформировывалась безумная идея. Где-то глубоко зазвучал далекий голос брата, рассказывающий о живительных свойствах крови вампира, отданной добровольно. Там было еще что-то важное в моих воспоминаниях, о чем увлеченно повествовал голос Дэйкаса, но я нетерпеливо отмахнулась от них, окрыленная неожиданным решением, которое теперь казалось таким естественным и правильным.

Не тратя драгоценных секунд на размышления, я решительным жестом схватила толстую цепь, и, примерившись, с силой провела ею по своему запястью. В тот же миг на нежной коже показалась широкая разбухающая царапина, мгновенно наполнившаяся каплями ярко-алой крови. Но мне этого было недостаточно. Еще и еще я с ожесточением вдавливала металл в рану, пока, наконец, крупные струйки крови не побежали вниз по руке.

Метнувшись к Аларису, я поднесла кровоточащую руку к его губам, про себя молясь, чтобы у него хватило сил. Почувствовав запах свежий крови, витающий в воздухе, он медленно приподнял тяжелые веки и посмотрел на меня мутным, ничего не понимающим взглядом.

Я придвинула руку еще ближе и мягко произнесла, стараясь успокоить его звучанием своего голоса:

— Аларис, я знаю, что делаю. Доверься мне. Возьми то, что я тебе предлагаю.

Медленно переместив взгляд на мою руку, он вновь взглянул на меня. Спустя мгновение его взгляд стал осмысленным. С трудом выдавливая из себя слова, мужчина зашептал:

— Не надо, Триана... — собравшись с силами, он закончил начатое. — Не делай того, о чем потом пожалеешь.

Я недоуменно взглянула на вампира, не понимая, что именно он имеет в виду, но в следующую секунду размышления смыло волной радости от осознания, что, пусть и ненадолго, но он пришел в себя:

— Просто поверь мне. Это единственный выход. Ради меня. Ради нас, Аларис!

Мужчина еще раз посмотрел на меня, словно пытаюсь отыскать что-то в моем лице. Наконец, глаза его медленно закрылись, и он прильнул к моей руке. Я расслабилась, и прислушалась к своим ощущениям.

Это оказалось совсем не больно. Его губы, жадно и требовательно ловившие каждую каплю крови, не причиняли ни малейшего неудобства. Напротив, я открыто наслаждалась давно забытыми ощущениями прикосновений его губ к моей коже.

Второй рукой я поддерживала его, стараясь не касаться открытых ран. Наконец, спустя пару минут, показавшихся мне вечностью, израненная кожа на глазах начала медленно затягиваться тонкой бледно-розовой корочкой, знаменующей начало заживления. И в тот же миг вампир неохотно оторвался от моей руки, напоследок прикоснувшись губами к моей ладони в легком поцелуе.

Я же с тревогой вглядывалась в родное лицо — успеет ли живительная кровь сделать свое дело? Не было ли слишком поздно? Хватит ли ее или же Аларис выпил слишком мало для заживления всех ран?

Но заставить его выпить больше я бы уже не смогла. Об этом свидетельствовало непреклонное выражение на лице любимого, промелькнувшее в момент, когда я попыталась заставить его не отпускать мою руку.

Убедившись, что вампиру становится легче, я начала действовать. Ласково прошептав, что скоро буду, неслышной тенью выскользнула из комнаты и двинулась на звуки музыки.

Очень скоро острый слух уловил тяжелые шаги, а через несколько секунд на лестничную площадку вышел молодой вампир, облаченный в широкий темный плащ. Лицо его скрывала яркая маскарадная маска. Которая, впрочем, не смогла утаить, как предвкушающе блеснули глаза незнакомца при виде меня, одиноко стоявшей у холодной стены и наблюдавшей за его приближением. Решив, что я одна из тех доступных женщин, что неизменно сопровождали все праздники, устраиваемые Атонием, мужчина одарил меня похотливой улыбкой и многообещающе поманил к себе рукой.

Ухмыльнувшись в ответ, я послушно подошла, однако, когда лицо любителя плотских утех приблизилось к моему, ожидая горячего поцелуя, я резко схватила его за голову и, мгновенно нащупав на шее нужные точки, несильно нажала. Мгновенно обмякнув, он безвольной ношей опустился в заботливо подставленные руки.

Я не испытывала ни малейшего угрызения совести, ловко раздевая свою жертву, высвобождая ее из дорогого плаща. Закончив, я подняла с пола разукрашенную маску и присоединила ее к плащу, аккуратно переброшенному через руку.

Удостоверившись, что лежащее на каменных плитах тело вампира не бросается в глаза, я поспешила обратно к Аларису, не сомневаясь, что очнется незадачливый кавалер только к завтрашнему утру.

Состояние моего вампира заметно улучшилось по сравнению с тем зрелищем, что предстало передо мной в прошлый визит. Кости медленно, но верно начинали срастаться, незначительные раны уже полностью покрылись здоровой кожей, большие сплошные же затянулись тонкой слабой розовой полосой кожи, которая еще через некоторое время примет свой обычный вид.

Внимательный взгляд и слабо проглядывающая улыбка окончательно убедили меня, что я успела вовремя. Но сейчас не было времени для долгих и откровенных разговоров: каждую секунду Атоний мог решить не тянуть до утра и приказать привести пленника сейчас же. Поэтому нельзя было медлить. Да, я рисковала, но в этой ситуации не было, и быть не могло иного решения — вся моя жизнь, мое прошлое и будущее теперь зависело от того, улыбнется ли сегодня нам удача.

Не тратя времени на объяснения, я подошла к вампиру и, плотно ухватив цепь двумя руками, что есть силы рванула в разные стороны. Звенья жалобно звякнули, но устояли. Я глубоко вдохнула, мысленно призывая себя не паниковать, и повторила движение. Не выдержав этого отчаянного рывка, звенья распались и с тихим звоном покатались по каменному полу.

Медленно-медленно, с трудом растирая затекшие руки, Аларис впервые за эти дни самостоятельно сделал неуверенный шаг. Я быстрым движением наинула ему на плечи длинный плащ, с удовлетворением отмечая, что он пришелся как раз впору. Пресекая все лишние вопросы, я сунула ему в руки добытую маску, попутно доставая из-под полы своей накидки свою собственную маску.

Удостоверившись, что маска послушно легла на лицо, скрывая его от любопытного взора, я обернулась к своему вампиру — и замерла. Как же он был хорош в этот момент! Даже несмотря на то, что еще час назад он был, как никогда, близок к самой грани, он выглядел безупречно.

Я усмехнулась, понимая, что за это время и забыла, насколько он красив. Никогда мое сердце не билось так быстро и отчаянно для кого-то другого, никогда другой мужчина не сможет вызвать такую бурю самых

разнообразных чувств, что охватывали меня при одном только взгляде на этого вампира. Моего вампира. Да, если и существовала на всем белом свете моя вторая половинка, тот, в ком было мое безоговорочное предназначение, мое проклятье и мое благословение — это был Аларис. Только он один.

«О, всемилостивые Боги, отчаянно умоляю вас: не дайте мне его снова утратить, потерять после того, как чуть было я не потеряла его навсегда! Сжальтесь, помогите нам ускользнуть из этого дьявольского места, принесшего нам обоим столько страданий! Умоляю, и пусть это будет моя последняя просьба к вам, но главное, чтобы он выжил! Если он будет жить, для меня этого будет достаточно».

Я судорожно взывала ко всем известным мне богам, пока мы поднимались по крутым лестницам в жилую часть замка. Я слышала, как отчаянно колотится сердце, замирая каждый раз при звуке приближающихся шагов. По счастливой случайности обитатели замка всякий раз не доходили до нас, сворачивая в соседние помещения. Мы двигались по направлению к моей комнате: до сих пор никто в замке не интересовался, каким образом мне удалось вывести Двэйна наружу. И я отчаянно верила, что однажды сослуживший мне добрую службу подземный ход не подведет и во второй раз.

Мы неслышно продвигались вдоль слабо освещенных коридоров, вздрагивая при звуках доносившихся голосов и взрывов хохота, идущих из тронного зала, в котором проходил маскарад. Из-за ран Алариса мы не могли двигаться столь быстро, сколь это было необходимо, но нам везло: никого на нашем пути не встречалось.

И я уже было почти уверовала, что сегодня удача на нашей стороне, как внезапно из бокового прохода прямо навстречу нам вынырнула обжимающаяся парочка. До того момента, когда они окажутся рядом с нами, оставалось не больше пары секунд, когда спасительная идея промелькнула в голове. Быстро втолкнув Делагарди в небольшую нишу в стене, я вплотную прижалась к нему всем телом, закрывая его от чужих взглядов, и припала губами к его лицу, не сокрытому маской.

Но в момент, когда мои губы, наконец, добрались до его, на меня нахлынула такая волна чувств, что я полностью растворилась в водовороте закруживших меня эмоций.

Не существовало ни враждебных вампиров за спиной, ни черной пасти бесконечных петляющих коридоров, ни этого проклятого замка, ничего — кроме нас двоих, сплетающихся в причудливом танце губ и рук, растворяющихся в столь желанных объятиях друг друга. И только спиной

услышав отдаленные смешки удаляющейся пары, я смогла заставить себя оторваться от губ Алариса и продолжить наше отчаянное путешествие, конечным пунктом которого были мои покои.

И только захлопнув за собой тяжелую деревянную дверь, я осознала, что половину моего рискованного плана мы преодолели. Теперь осталось только выскользнуть из замка — и впереди нас ждал загадочный лес, населенный неудачными творениями лаборатории. Еще ни разу я не рискнула войти в него, но сегодня у нас не будет другого выхода.

Мысли вновь вернулись к тому, о чем я сама себе пока запретила думать: о тех неделях, что я провела в замке в обличье Катрины.

От нахлынувших против воли воспоминаний закружилась голова, но я до боли вонзила ногти в ладони, с силой вытаскивая себя из омута причиняющих просто физическую боль воспоминаний.

Лишь натолкнувшись взглядом на такой родной силуэт, стоявший прямо напротив меня и не отпустивший еще со времен нашего безумного бега по коридорам моей руки, я пришла в себя. Мягко улыбнувшись в ответ, я откинула древний гобелен, обнажив темное чрево подземного хода. Не колеблясь ни секунды, он нырнул в него первым, даже здесь не желая подвергать меня риску.

Удостоверившись, что он мягко спрыгнул на земляной пол, я аккуратно вернула гобелен на место и прыгнула вслед за Аларисом.

Этот длинный сырой коридор был прорыт, по всей видимости, еще во времена возведения замка. Поэтому ничего удивительного, что здесь царила крошечная тьма, в пронзительной тишине которой можно было услышать, как тихо скребутся обитающие тут насекомые, и как, слабо звеня, падают капли воды с низкого потолка.

Я осторожно шла вслед за Аларисом, не выпуская его руки. Отчего-то она наделяла меня храбростью, которой сейчас так не хватало, и странной уверенностью в том, что мы выберемся. И еще, самое главное — его присутствие отгоняло черные мысли обо всем, что я успела натворить, что набрасывались на мой разум подобно изголодавшимся волкам, стоило поддаться слабости.

Я потеряла счет минутам, послушно следуя за вампиром, и заставляя себя не думать, что случится, если у выхода нас встретит не свежесть леса и тишина летней ночи, а предвкушающая улыбка Атония, говорящая красноречивей любых слов.

За себя я не боялась. А вот за своего спутника, который, преодолевая остатки боли, мужественно вел меня за собой — боялась. Боялась так, что могла ощущать, как сжимается мое сердце и застывает душа при одном

воспоминании о страшных подвалах и безжалостных приспособлениях для пыток.

«Не позволю» — внезапно сама себе мрачно поклялась я. «Не допущу, чтобы он вновь оказался в руках Атония. Пусть лучше я буду растерзана, замучена, мертва, но он будет свободен».

Додумать я не успела: перед нами показался далекий просвет, который мог значить лишь одно. Мы пришли.

На секунду остановившись, Аларис взглянул на меня — и я вновь утонула в океане надежности, что таили в себе его глаза. Я слабо улыбнулась ему в ответ, и мы, не расцепляя рук, вышли на волю.

Перед нами таинственно шумел листвою тот самый страшный лес. Круглая луна любопытствующее взидала с темных небес, слегка подпернутых пеленой облаков, лесные птицы негромко переговаривались где-то в кустах.

Я еще раз недоверчиво оглядела эту картину и почувствовала, как спадает с души невидимый груз — страх, не дававший покоя всю дорогу сюда.

Уловив мое состояние, вампир негромко произнес:

— Вот мы и выбрались, хотя я не верил, что это возможно. Куда теперь лежит наш путь, Триана?

Я посмотрела на него, и прошептала, указывая взглядом на полосу леса, простирающегося перед нами:

— Мы должны пересечь этот лес за ночь, а к утру за нами уже пустят погоню.

Он лишь крепче сжал мою руку и уверенным шагом двинулся к темной кромке деревьев. Уже послушно двинувшись вслед за ним, я внезапно, повинаясь некому инстинкту, обернулась, окидывая взглядом мрачный темный замок, угрожающе взиравший на нас свысока.

«Я обязательно вернусь» — пообещала я высоким черным стенам, острым резцам, узким окнам. «Вернусь, чтобы отомстить».

Глава двадцатая

Темные силуэты деревьев встретили нас прохладой и настороженным шорохом колышущихся ветвей. Вокруг царила подозрительная тишина, словно лес пытался определить, кто эти странники, столь опрометчиво решившие скоротать путь под обманчивой защитой густых веток.

Я быстрым движением обогнула Алариса, который был пока еще не в состоянии справиться с неприятными сюрпризами, которые наверняка таил в себе этот лес, и осторожно вступила в заросли.

За все время моего невольного пребывания в замке клана Крейц я ни разу не осмелилась войти под своды густой зелени, опасаясь того, что скрывается под покровом леса. И сейчас, бесшумно ступая по плотному травянистому ковру и мягко раздвигая кусты, я жалела об этом. Быть может, если бы я знала, с чем конкретно нам предстоит встретиться, то сейчас так отчаянно не боялась. Нет, в этом чувстве не было ни капельки трепета за собственную судьбу, лишь только одно всепоглощающее чувство страха за жизнь вампира, тенью следующего за мной.

Как назло, в суматохе и спешке я не догадалась раздобыть в замке оружие для Алариса, и сейчас нас двоих защищал только небольшой кинжал, украшенный изящной вязью на рукояти. В замке я не расставалась с ним ни на мгновение, справедливо полагая, что в этом кишачем подлостью и предательством логове всегда нужно оставаться начеку.

Я мягко ступала по высокой траве, не забывая настороженно прислушиваться ко всему, что окружало нас. Вот какая-то ночная птица взлетела с высокой ветки и, немного покружившись, нырнула в тугое переплетение зеленых стеблей у самой земли. Вот теплый ветерок, не в силах сдержать ребяческое любопытство, пронесся над макушками деревьев, взметнул редкие остатки прошлогодней листвы с давно заросшей тропинки и унесся куда-то вдаль, шаловливо дернув меня за прядку волос на прощание.

Круглый лик луны молчаливо взирал с небес, заливая мертвенно бледным светом стволы деревьев, придавая им какой-то сказочный серебристый оттенок. Все вокруг словно дышало покоем, невольно навевая умиротворение, и казалось настоящим кощунством ожидать сейчас подвоха от мирно спящих кустарников, безоружно стоящих молчаливых деревьев, засыпающих птиц.

Я оглянулась на Алариса, след в след повторяющего мои шаги,

и невольно замедлила шаг, замороженная его лицом. В колдовском свете луны оно казалось ожившим мраморным изваянием, высеченным заботливыми руками талантливого скульптора. Трепетный лунный свет мягко ласкал его прикосновениями, вызывая невольную ревность. Как бы я сама сейчас хотела коснуться высоких скул, приникнуть поцелуем к упрямому подбородку, лаской и любовью стереть с его лица это выражение тревоги и настороженности.

Одновременно с этими желаниями меня одолевали множество мучительных вопросов и признаний, требующих немедленного откровенного разговора. Но, грустно вздохнув, я вернулась обратно к наблюдению, интуитивно осознавая, что время для него еще не пришло.

Мы успели дойти до небольшой поляны, утопающей в густых зарослях неизвестного мне кустарника, когда внезапно острый слух уловил звуки, которые я так боялась услышать: с противоположной стороны прямо на нас надвигалось множество лап, даже не пытавшихся скрыть свое приближение вкрадчивыми движениями.

Я быстро взглянула на Алариса, и, увидев, что он внимательно оглядывает поляну в поисках удобного места для защиты, мгновенно успокоилась и сосредоточилась на предстоящем бое. Мы встали перед раскидистым высоким деревом, ствол которого был таким широким, что его невозможно было обхватить двумя руками. Спиной ощущая теплую шершавость дерева, я аккуратно обнажила кинжал из ножен и приготовилась ждать. С этими образцами мне еще не доводилось сталкиваться, так как во время моей работы в лаборатории ни один экземпляр не был забракован Атонием, однако я знала, что прежде такое происходило часто.

Спустя несколько долгих секунд с противоположного края поляны, скрытого цветущими зарослями, показались очертания звериных шкур, неторопливо приближающихся к освещенной луной середине поляны.

Я затаила дыхание, когда первый монстр неторопливо вышел на свет, обнажая впалые бока и местами вылинявшую шерсть. За ним так же неспешно следовали другие твари, каждая из которых представляла собой жуткую смесь из разнообразных частей различных животных.

В памяти мгновенно всплыли воспоминания о работе в лаборатории, но я силой заставила себя не думать об этом и вновь вернулась к напряженному созерцанию выходящих из темноты монстров.

Однако что-то в них явно было не так! Я прищурилась, пытаюсь разгадать, в чем же причина непригодности их для военных действий. Но едва первая тварь повернула ко мне морду, увенчанную небольшими

рожками, и тоскливо взвыла, глядя на луну, я поняла: у нее отсутствовала пасть! Отверстие, которое должно было служить ртом, было под завязку забито разномастными клыками, но создатель явно перестарался, и высокие резцы накрепко застряли, сцепившись с нижними собратями, в результате чего несчастное творение не могло даже открыть рта, глухо стеновая сквозь плотно сомкнутые клыки.

Стало ясно теперь, почему у него такой исхудавший вид, можно было лишь дивиться, как оно смогло продержаться в этом лесу столь долгое время.

Все остальные твари оказались такими же увечными, как и первая. У кого-то отсутствовали передние лапы, вместо них красовались огромные острия, передвигаться на которых животное могло только лишь с большим трудом. Еще у нескольких отсутствовали уши, еще у одних — глаза, нос.

Они просто были несчастными искалеченными животными, не способными даже самостоятельно добыть себе пропитание, не говоря уже о нападении или защите. Я могла лишь искренне посочувствовать им, прошедшим ад сборки и в итоге оказавшимся выброшенными в лес. Не было сомнений, что участь их весьма незавидна. Они просто обречены на голодную смерть в лесу, кишасщем живностью.

Словно в подтверждение моих мыслей из зарослей прямо перед носом вожака выскочил упитанный заяц и промчался перед стаей, проводившей его жалостливым воем. Спустя секунду, свора животных медленно поковыляла в сторону кустов, за которыми скрылся остроухий, не переставая глухо поскуливать.

Я медленно выдохнула, осознавая, что все это время стояла затаив дыхание. Кто бы мог подумать, что твари, встречи с которыми я так боялась, окажутся абсолютно безобидными? Боковым зрением приметив, как вампир рядом со мной усталым движением опускается прямо на землю, я мгновенно развернулась и встревоженно подхватила его под руки, опасаясь, что проделанный путь оказался слишком тяжел для Алариса. Но он лишь криво улыбнулся, и, преодолевая боль, поднялся и упрямо двинулся вперед. Мне оставалось лишь последовать за ним.

Спустя несколько долгих часов, заполненных быстрым ходом сквозь заросшие чащи и непроходимые бурьяны, мы, наконец, достигли края леса.

Далеко на горизонте уже всходило солнце, нежно раскрашивая прозрачную синеву небосклона розовыми прожилками. Легкие, почти воздушные кружева облаков причудливо бороздили небесные просторы, постепенно растворяясь в первых солнечных лучах. Сонные птицы сначала робко, а затем все увереннее начинали заводить свои трели, мгновенно

оживляя раннее утро звонкими переливами.

Но красота пробуждающейся природы меня мало волновала. Я настороженно оглядывалась на оставшиеся позади нас заросли, прикидывая, сколько времени потребуется Атонию, чтобы обнаружить пропажу пленника и пустить погоню. Вчерашний маскарад, наверняка затянувшийся до утра, был нам на руку, но всегда существовала вероятность, что кто-нибудь особо въедливый слуга решит проверить темницы рано утром.

Но густая зелень хранила безмятежное молчание, и лишь только молодые листочки прощально покачивались нам вслед.

Вот уже пару часов мы успешно пересекали ровные густые поля, когда внезапно что-то екнуло в груди, заставив резко обернуться. Узкая полоска пройденного нами леса так же приветливо темнела на горизонте, и не найдя ничего, хотя бы отдаленно смахивающего на опасность, я продолжила путь. Однако на душе было беспокойно.

Я то и дело начала оглядываться прямо во время бега, стараясь, не заразить своим напряжением Алариса: ему нелегко давалась наша спешка, не зажившие до конца раны давали о себе знать болезненными ощущениями. Но он терпеливо двигался рядом, ни разу не проронив ни единого стога, и как бы я не пыталась заставить его сбавить темп, он не поддавался моим уговорам.

Солнце уже стояло высоко над горизонтом, когда мы приблизились к большой опушке, за которой простирался высокий густой лес, брат-близнец предыдущего. Но когда я, прежде чем нырнуть в его густые заросли, напоследок обернулась, на фоне уже привычной темной полосы горизонта показались несколько черных точек.

Я вгляделась пристальнее: точки не исчезали, а, напротив, двигались по нашим следам. Сердце стремительно забилося от осознания, что наши преследователи уверенно нас догоняли, несмотря на существенную разницу во времени.

К сожалению, из-за состояния Алариса мы не могли мчаться быстрее, поэтому не было сомнений, что через несколько часов они нас настигнут. Не было смысла пытаться затаиться или спрятаться: опытные вампиры, специально тренированные для погони, отыщут нас за пару минут. Поэтому единственным оставшимся вариантом для нас было выбрать удобное место и принять бой.

— Аларис, — негромко позвала я, зная, что он услышит и обернется. — За нами идет погоня. Мы не успеем уйти от них.

Ни один мускул не дрогнул на любимом лице от этой новости, было

видно, что и сам мужчина уверен в подобном исходе. Ни секунды не раздумывая, он проговорил бесстрастным тоном:

— Триана, оставь меня и продолжи путь к замку моих родителей. Я попытаюсь задержать преследователей, чтобы ты успела спастись.

Я замерла на месте, недоверчиво глядя на него.

Неужели он действительно считает, что я послушно соглашусь и последую его приказу? Я и раньше никогда особым послушанием не отличалась — возможно, в этом крылся корень всех моих бед — но ожидать сейчас, когда на кону наши жизни, что я брошу его? Верх самонадеянности!

А ведь я, было, начала уже думать, что Аларис изменился. В замке, во время побега он вел себя так непривычно мягко и терпеливо, словно перенесенные им страдания заставили о чем-то задуматься. Но вне пределов замка мы с ним почти не разговаривали, опасаясь касаться болезненных тем моего пленения и последующей потери памяти. Он ведь так до сих пор и не знает, что лишь благодаря его словам я смогла вынырнуть из омута забвения, в котором тонула день за днем благодаря зловещему зелью Атония.

И я сама не спешила первой начинать нелегкий разговор, не желая вновь окунаться в страшную атмосферу тех дней, пусть только и в воспоминаниях. Однако тоненький предательский голосок где-то на краю сознания не прекращал негромко нашептывать, что причина молчания вампира заключается вовсе не в желании оградить меня от причиняющих физическую боль мыслей, а в том, что он просто не считает нужным делиться со мной своими размышлениями. И словно в подтверждение этой мысли Аларис спокойно приказал бросить его умирать и отправиться к его родителям — хотя до этого он даже ни разу не обмолвился о конечной цели нашего пути.

Нет, несомненно, никакие страдания и лишения не могут искоренить его привычки приказывать и решать за меня.

Но чего он не мог знать, так это того, что я больше не была робкой наивной девчонкой, которая не могла себя защитить.

Все эти мысли стремительно пронесли у меня в голове, но вслух я лишь мрачно ухмыльнулась уголками губ, молниеносным движением вытянув кинжал из ножен и, не глядя, метнула его в дерево за спиной.

Не было нужды оглядываться: по изменившемуся лицу своего спутника и разом оборвавшимся жужжанием, я поняла, что попала точно в цель. И действительно, когда я неторопливо подошла к дереву, чтобы вытащить оружие, под острием стали темнела крохотная точка — мелкая

мушка, обитающая в этих краях.

Аккуратно извлекая кинжал, я бережно протерла его ладонью, любуясь холодным блеском металла, а затем, вернув его обратно в ножны, подошла к молчавшему вампиру и произнесла, глядя прямо ему в лицо:

— Я не собираюсь оставлять тебя здесь на растерзание вампиров Атония. Не пытайся меня разубеждать. Сегодня я твердо намерена поквитаться с давешними знакомыми.

Он недовольно сдвинул брови, однако промолчал, на удивление быстро смирившись с моим решением. Развернувшись, Аларис двинулся вглубь чащи в поисках удобного места для сражения. Обернувшись, и удостоверившись в том, что преследователи уверенно настигают нас, я нырнула в заросли.

Спустя час бесцельного блуждания среди густых кустарников и буйно растущих кустов, мы, наконец, обнаружили подходящее место. Это была укромная полянка на краю леса, окруженная плотным кольцом обступивших ее деревьев, обвитых густым ковром плюща. Среди плотной полосы зелени то тут, то там украдкой проникали нерешительные солнечные лучи. Которые, впрочем, не могли до конца рассеять прохладный полумрак, царящий в этом, казалось, отгороженном от остального леса, небольшом мире.

Я выбрала удобную для наблюдения позицию, неподвижно замерев у высокого дерева так, что проход, через который мы вошли сюда, оказывался полностью просматриваемым. Громкий треск сбоку заставил меня резко развернуться, чтобы увидеть Алариса, методично выламывающего увесистый сук у соседнего дерева. Удовлетворившись размером сломанной ветви, по размерам не уступавшей небольшому деревцу, он встал рядом со мной и приготовился ждать.

Минуты невыносимо медленно перетекали из одной в другую, словно кто-то там наверху специально решил продлить наше ожидание. Все инстинкты были усилены до такой степени, что любой еле слышный звук воспринимался напряженным сознанием как угроза.

Звонящая тишина, царившая на поляне, изредка разбавлялась далекими птичьими трелями, доносившимися с другой стороны леса. Пару раз прямо перед нами пролетали с громким жужжанием небольшие насекомые — родственники несчастной мушки, которой не посчастливилось стать моей мишенью пару часов назад. Замерший рядом в настороженной позе Аларис не проронил ни звука, обманчиво небрежно сжимая в руках свое оружие.

Я уже потеряла счет времени и неохотно отдалась на волю ожесточено

накинувшимся воспоминаниям, когда внезапно на соседней поляне раздался тихий треск. Оборвавшийся в ту же секунду — словно кто-то невольно наступил на залежалые сучья, в большом количестве разбросанные по всему лесу, и тут же спохватился, замерев на месте.

Я мгновенно вынырнула из омута горьких мыслей и выжидающе взглянула на Алариса. Он слегка кивнул, подтверждая, что он тоже это слышал.

Я крепче сжала в руках холодную рукоять кинжала и прислушалась, все инстинкты кричали о том, что опасность близка. И они не ошиблись. Спустя минуту в ясном окне просвета показалась высокая фигура.

Сначала крадучись, а затем, убедившись, что уже нет смысла скрываться, не таясь, один за другим появлялись силуэты преследователей. «Четыре, пять, семь, девять» — я считала их про себя, мгновенно оценивая каждого из вампиров. Ни один из них не мог выстоять против меня один на один больше двух минут, однако, к несчастью, сегодня все решало количество.

Вероятно, в этом они были солидарны со мной, вольготно расположившись перед нами плотной стеной, и откровенно наслаждаясь нашим напряжением. Высокий вампир, являющийся их вожаком, неприятно ухмыльнулся, глядя на меня, по-видимому, вспомнив день, когда я сломала ему несколько пальцев, и, решив, что выдался удачный момент для отмщения.

Но я не спешила нападать, справедливо рассудив спровоцировать их на нападение первыми, и просто широко оскалилась ему в ответ, показывая, что тоже прекрасно помню тот случай и не премину повторить свой успех. Правильно расценив мою издевательскую ухмылку, вожак, не выдержав, издал громкий рев, тем самым, наконец, разбив застывшую тишину, стеклянной гладью растекшуюся по поляне. И бросился на меня. Остальные вампиры, воодушевившись его примером, устремились в нашу сторону.

И начался бой!

С легкостью уйдя из-под широкого замаха меча главаря, я уклонилась в сторону, попутно парируя удар другого вампира. Оттолкнувшись ногой от дерева, я прыгнула сразу на троих вампиров, одного с силой отбрасывая в сторону свободной рукой на вампира, нападающего на Алариса.

Удобнее перехватив кинжал другой рукой, отступила на шаг назад, вынуждая нападающих приблизиться вплотную. Улучив мгновение, когда они оказались на одном уровне друг с другом, я резко прыгнула на крайнего и с силой вонзила кинжал ему меж ребер. Мгновенно

обмякнув, вампир повалился на меня, выпуская из ослабевших рук тяжелое лезвие клинка. Я выдернула оружие, и оттолкнула тело на вампира, угрожающе надвигающегося на меня. На секунду отвлекшись на мертвое тело товарища, он пропустил разящий выпад прямо в живот. Схватившись обеими руками за рану, мужчина медленно опустился в примятую траву, орошая ее потоками алой крови.

Не теряя времени, я прыгнула сзади на вампира, сражающегося с Аларисом, и быстро перерезала ему горло, слегка морщась от нахлынувшего запаха струящейся по кинжалу чужой крови.

В этот момент сзади меня оглушил тяжелый удар, от которого я чудом сумела вывернуться, подставив лезвию правый бок. В ту же секунду кожу предательски зацепало от небольшой ранки, которая, впрочем, только сильнее меня раззадорила.

Я начала биться все яростнее, перестав обращать внимание на окружающий мир, словно кто-то погасил все краски и звуки, оставив только меня и моих противников. Я сражалась, не забывая боковым зрением следить за Аларисом: как только его начинали прижимать к краю поляны, я спешила ему на помощь, отбрасывая попадающихся на моем пути вампиров, словно слепых котят.

Еще через пару минут стало ясно, что сегодня удача явно на нашей стороне: противников осталось всего трое, среди которых также был и раненый вожак. Я быстро разобралась с еще одним, сосредотачивая свое внимание на крадущемся ко мне главаре. Сделав ложный выпад, он резким прыжком заставил меня отступить к ближайшему дереву. С громким ревом он размахнулся и метнул в меня свой меч. За какую-то долю секунды я успела пригнуться, затылком ощущая, как холодная сталь пронзает шершавую кору прямо у меня над головой. Воспользовавшись, что мой противник временно оказался безоружен, пытаюсь выдернуть застрявший клинок из дерева, я резким взмахом кинжала отправила его на землю. К этому моменту Аларис успел разделаться с еще одним, тем самым оставляя последнего вампира для меня.

Не став церемониться с оставшимся преследователем, и без того напуганным столь скорой смертью своих товарищей по оружию, я прицельно метнула кинжал в него. По-моему, он даже не успел ничего понять, когда острый клинок мягко вошел в незащищенную плоть шеи, обрывая нить жизни.

И только когда он неуклюже повалился на землю, выпуская тонкую струйку крови из уголков губ, я осознала, что сражение закончено. Словно очнувшись, медленно оглядела развороченную поляну, усыпанную трупами

преследовавших нас вампиров, боясь встречаться глазами с Аларисом: вдруг в них я увижу отвращение?

Шли минуты, а мы так и не сдвинулись с места. Я, стоявшая посреди поляны с опущенной головой, и он, замерший в нескольких шагах от меня. Наконец, когда оцепенение потихоньку начало отпускать, я подняла голову и робко взглянула на него. На привычно бесстрастном лице нельзя было ничего прочесть; однако только я успела почувствовать, как тонкие струйки разочарования просачиваются в душу, раздался мягкий звук шагов. Остановившись в нескольких сантиметрах от меня, Аларис мягко, но твердо взял меня за подбородок, вынуждая посмотреть на него, и произнес тихим уверенным голосом:

— Ты изменилась. Стала сильнее, увереннее. Не надо этого стыдиться, Триана. Я не знаю и даже боюсь предполагать, что могло произойти с тобой в плену, но знай: я приму тебя любой. Что бы ни случилось, что бы он с тобой не сотворил — ты навсегда останешься для меня Трианой, той хрупкой человеческой девушкой, что однажды свела меня с ума и заставила пойти против себя самого.

Я стояла, заворожено глядя в его глаза, недоверчиво слушая его плавную речь, но далее, находя ей подтверждение в его взгляде, с все более возрастающим смятением. Одна часть души в эту минуту хотела приникнуть к нему с горькими рыданиями и выплеснуть, наконец, всю накопившуюся боль, что терзала каждую секунду. Другая безмолвно вопрошала, почему он не сказал этого всего раньше? Быть может, тогда бы и не было того глупого побега, и всего, что за ним последовало.

Почти подавшись порыву, я, было, хотела уже поведать ему о терзавших меня мыслях, как в этот момент трезвая часть сознания напомнила, что мы находимся посреди поляны, усеянной трупами врагов. И что наверняка за нами будет посланы еще воины и что сам Аларис до сих пор полностью не оправился от полученных ран.

Поэтому я нехотя вывернулась из его рук и тихо проговорила, опуская взгляд:

— Не время и не место говорить об этом, нам предстоят еще долгие часы пути. Давай отложим этот разговор.

Он с печальной улыбкой взглянул на меня, прежде чем медленно кивнуть в знак согласия, и двинулся к одному из тел, лежащих рядом с нами. Я же тихо выдохнула, осознавая, что все это время стояла, затаив дыхание от напряжения.

Пытаясь скрыть замешательство, я поспешно наклонилась и вытащила свой кинжал из безвольного тела убитого мной вампира, наблюдая, как

Аларис забирает оружие у одного из трупов. Убедившись, что меч достаточно заточен, он посмотрел на меня и взглядом предложил продолжить наш путь. Я медленно кивнула в знак согласия, и, напоследок окинув глазами знаменательную поляну, ставшую последним пристанищем для наших врагов, двинулась вслед за ним.

Мы выбрались из леса спустя пару часов. Остановившись на неприметной развилке, за которой заканчивались владения Атония, мы, не сговариваясь, одновременно взглянули в сторону земель Алариса, стараясь не думать о том, что стало с обитателями его замка. Иризи могла быть довольно жестокой, но я искренне надеялась, что она не причинит вреда Антие и Анноре: они были представительницами правящего клана, а, как правило, таких значимых фигур выкупали из плена их собственные семьи. По застывшему лицу мужчины я поняла, что его одолевают те же мысли.

Но, к сожалению, в случае с кланом Крейц привычные правила переставали действовать, целиком подпадая под изменчивые настроения правящей верхушки. И пример несчастной пленницы, запертой в нижних подвалах, был тому подтверждением. Не знаю, почему, но эта девушка никак не выходила у меня из головы. Я вспоминала, что творила с ней, и глубоко внутри все сжималось от липкого чувства стыда и отвращения к себе самой. Я могла лишь только искренне надеяться, что она выживет, и у меня еще будет шанс заслужить прощение.

Тем временем, мы двигались на запад: там, по словам Алариса, располагались земли его отца. Я не стала задавать лишних вопросов, полагая, что мужчина знает, что делает. К тому же, боюсь, что нам сейчас просто больше не к кому обратиться кроме как к его родителям: все соседние кланы боялись вступать в это противостояние, справедливо опасаясь гнева Атония.

Единственное, чего они пока наверняка не знали, так это того, что как только клан Делагарди будет поглощен, придет их черед. Атоний ни за что не остановится, пока все земли вокруг не признают его господства. А территория земель отца Алариса простиралась далеко за пределами губительного влияния клана Крейц, поэтому мы могли рассчитывать на его поддержку.

Все это я обдумывала, пока двигалась вслед за Аларисом по давно нехоженой тропинке, петлявшей между частыми кустарниками. Солнце стояло высоко над нашими головами, опалая пронизывающим жаром все живое. Даже насекомые в этот час поспешили спрятаться под прохладную защиту густой листвы, изредка издавая тонкий стрекот. А я украдкой

наслаждалась горячими лучами, проникающими даже сквозь плотную ткань моей накидки. В такие минуты всплывали непрошенные воспоминания со времен моей человеческой жизни — столько раз я вот так уходила из дворца, чтобы бежать по укромной поляне, впитывая в себя каждый лучик света и купаясь в окружающем меня море тепла!

К раннему вечеру мы подошли к лесу, встретившему нас тихим шелестом листвы. Убедившись, что по нашим следам не идет новая партия погони, мы вступили под зеленые своды. Мне порой казалось, что мы все еще идем по лесу возле замка Атония, и все никак не можем из него выбраться.

Но в этом лесу можно было не опасаться встретить случайного монстра или какое-нибудь подобное чудовище: вокруг нас доверчиво прыгали смешные маленькие зверьки, похожие на белок, над головой кружили птицы, словно вся эта живность ни разу не сталкивалась с реальной угрозой.

Даже Аларис на секунду смягчился и не смог сдержать мягкой улыбки, когда в его ладонь доверчиво ткнулась мягкая мордочка. Я так и застыла на месте, пригвожденная осознанием, что впервые вижу его улыбающимся! Нет, много раз я видела его ухмыляющимся или улыбающимся особой недоброй улыбкой, не сулившей ничего хорошего, но сегодня впервые он улыбался по-настоящему, улыбался не таясь.

Всегда напряженные черты лица смягчились, глаза источали мягкий свет, четко очерченные линии губ раздвинулись в доброй усмешке, придавая ему совсем невинный вид. Казалось, что со мной стоит не опытный хищник, а просто молодой обаятельный вампир, только начинающий жизненный путь. Какой же нелегкой должна была быть его жизнь, если он не мог позволить себе расслабиться даже в своем собственном замке?

Я только теперь начинала медленно понимать, что совсем ничего не знаю о нем, не знаю, что же сделало его столь озлобленным и жестоким. Он не был похож ни на одного встреченного мной вампира, и пусть полагается, что вампиры — существа кровожадные и безжалостные по своей природе, это не всегда так. И все равно сердцу это незнание не мешало каждый раз предательски пропускать удар при случайном взгляде любимых глаз, при виде того, как ласковые солнечные лучи попадают на его кожу, ласкаясь, словно маленький зверек, наподобие тех, что доверчиво терлись о мои руки сейчас.

Я, не выдержав щекотания, тихо рассмеялась, глядя смельчака по мягкой шерстке. Вдоволь наласкавшись, он привстал на задние лапки, и,

смешно отряхнувшись, деловито направился в противоположную часть леса. Понаблюдав за ним еще немного, я, наконец, перевела взор на Алариса, и тут же оказалась в плену его пристального внимательного взгляда.

На одну бесконечно долгую секунду я утонула в вихре отразившихся в нем чувств, среди которых было и удивление, и непривычная теплота, нежность, а в следующее мгновение Аларис резко оказался совсем рядом со мной. Так близко, что показалось, что я действительно тону, утопаю в бездне, что таил в себе его взгляд.

Медленно-медленно, так, что я сама могла ощутить, как истончается между нами расстояние, как сокращаются мгновения, отделяющие наши губы друг от друга, он приблизил свое лицо к моему. Я продолжала жадно изучать его родное, но каждый раз такое незнакомое лицо, упиваясь особым запахом моего вампира, которого мне так не хватало все это время.

А он не спешил приникать к моим губам, словно делая то же самое.

Аларис изучал мое лицо пронзительным глубоким взглядом, словно стараясь запечатлеть его в памяти навсегда, и в это мгновение мне хотелось, чтобы весь мир застыл, замер, и осталась только эта небольшая поляна, пронизанная теплыми летними лучами, под ласковой защитой которых мы заново открывали друг друга.

В пронзительной тишине было слышно, как мелодично выводит свою песню далекий пернатый певец, как с легким шорохом проносится ветер по густой траве, как звенит тоненький ручей где-то неподалеку, радостно прокладывая себе дорогу. Для меня не существовало в этот момент ничего, кроме таких любимых губ, которые неторопливо, смакуя каждую секунду, приближались к моим.

Не в силах выдержать это мучительное ожидание, я с едва слышным стоном подалась к нему навстречу, успев заметить, как на лице вампира мелькнула легкая улыбка, прежде чем наши губы встретились.

Этот поцелуй не был похож на все предыдущие, каждый из которых напоминал маленькое сражение, битву, в которой мы раз за разом с упоением проигрывали друг другу. Нет, на этот раз его губы двигались так нежно, так осторожно, словно он боялся неловким движением разрушить то волшебство, что творилось сейчас между нами. Я теряла голову от его ласк, сполна отдавая ту нежность, что дарили сейчас мне губы Алариса. Он приникал к моим устам раз за разом, с каждым новым прикосновением пробуждая во мне новые чувства, ведь никогда еще наши ласки не были пронизаны таким трепетом. И я жадно принимала его любовь, упиваясь ею, словно предчувствуя, что это откровение с его

стороны может больше не повторится.

Не знаю, сколько длился медленный танец наших губ, но никто из нас не хотел прерывать таинство, вершившееся в этом укромном уголке леса, укрытом от остального мира. То был настоящий поцелуй любви, напоенный одной лишь нежностью и чистотой, лишенный всякой похоти. И если раньше я не верила чувству, что плескалось в глазах Алариса в те редкие минуты, когда он смотрел на меня, думая, что я не замечаю, то теперь я могла ощущать вкус его любви на своих губах, ощущать, как в моей груди уверенно распускается невиданное доселе знание того, что я любима. И это знание дало мне силы распрямить плечи и уверовать, наконец, в то, что будущее, о котором я боялась даже мечтать, все-таки возможно.

Аларис медленно отстранился от меня, удерживая мой взгляд своими глазами. И я была ему искренне благодарна, что он не разрушил эту сказочную атмосферу неловкими фразами, не стал пытаться облечь в слова то таинство, что свершилось между нами за эти минуты. Не стал ничего обещать, сулить, а просто дал мне прикоснуться к его миру, самой почувствовать силу его чувств к себе. Немыслимо, но я на самом деле ощутила, что мы стали чуточку ближе, словно между нами натянулась еще одна незримая нить, связывающая воедино души и сердца.

Мой вампир поднялся с примятой травы и без слов протянул мне руку, помогая подняться. Я крепко ухватила его ладонь, мыслями все еще находясь в сказке, в которой мы побывали все несколько минут назад, и послушно пошла за ним, как никогда уверенная в себе самой. Словно его любовь, наконец, подарила мне то единственное, что могло помочь справиться с черными призраками недавнего прошлого — надежду на обретение счастья. Одну только надежду, но большего мне не нужно было. И я шла вслед за Аларисом, ощущая, как что-то окончательно свершилось, изменилось, укрепилось между нами, что-то, о чем пока я сама не подозреваю.

Наш долгий путь вел нас сквозь мрачные дубравы, скалистые склоны, холодные ущелья и бездонные пропасти, но мы больше не останавливались ни на минуту, подгоняемые все возрастающим беспокойством. И я могла точно определить источник этого беспокойства: страх за Антию, Аннору, слуг, других обитателей замка Алариса. К счастью, я могла не беспокоиться за своего брата: Аларис быстро развеял мои тревоги, рассказав, что Дэйкас остался жив после захвата пограничной крепости. Конечно, совсем не думать о нем я не могла, но знание того, что он находится в безопасности, существенно облегчало мои думы. Насколько я могла

судить по отрывочным рассказам вампира, основная часть его войск должна была находиться неподалеку, если, конечно, Атоний не успел вмешаться. И теперь нам оставалось только надеяться на расторопность отца Алариса.

К исходу седьмого дня мы вышли на ровную зеленую долину, на самом краю которой темнела громада мрачного замка. Сердце мое на секунду сжалось от нехороших предчувствий, но я отогнала предательские мысли и постаралась настроиться на долгожданное завершение нашего долгого пути.

Аларис, словно почувствовав мои сомнения, без слов сжал мою руку — и этого было достаточно, чтобы я вновь почувствовала, как где-то внутри меня засияло мое личное солнце.

Спустя несколько часов торопливого бега, мы вплотную приблизились к внушительной каменной стене, темневшей неприступной горой в прощальных лучах закатного солнца. Я задрала голову, пытаюсь обозреть весь замок целиком, и, надо сказать, первое впечатление оказалось верным.

Он был по-настоящему мрачным. Узкие просветы бойниц неприветливо скалились с гладкой поверхности камня, высокие башни угрюмо уходили пиками в расцвеченное алыми зарницами небо, массивные ворота возвышались над нами, словно врата в какой-то потусторонний мир. Но по заметному облегчению, с которым Аларис оглядел знакомые места, я поняла, что мой вампир находит это зрелище привычным и успокаивающим.

Едва мы подошли к самим воротам, как те, не дожидаясь стука, начали медленно открываться: несомненно, суровые воины, издали следившие за нашим приближением с темных стен, давно уже сообщили о прибытии наследника, уж не узнать сына господина они не могли.

А потому можно было вздохнуть от облегчения, входя в просторный двор замка, знаменующего успешное завершение побега, но почему-то мое глупое сердце все никак не могло успокоиться.

Поэтому я лишь крепче ухватила за надежную руку вампира, и вслед за ним шагнула в неизвестность...

Глава двадцать первая

Не успели еще массивные ворота с глухим стуком затвориться за нами, как на шею Алариса бросилась невысокая изящная фигурка, в которой я мгновенно узнала светловолосую вампиршу с семейного портрета — мать Алариса. Я деликатно отступила на пару шагов в сторону, не желая мешать столь трогательной встрече матери с сыном. Ее руки смятенно касались его плеч, груди, слепо дотрагивались до любимых черт лица, словно она до конца не могла поверить, что перед ней действительно находится ее чадо, живое и невредимое. Вампир же бережно обнял ее за плечи, на секунду прикрыв глаза и приникнув головой к ее волосам, скрывая затопившую его волну чувств.

Я смущенно отвела взгляд в сторону, чувствуя себя до неприличия неловко. Словно я подглядывала за чем-то глубоко личным, не предназначавшимся для моих глаз. Даже караульные на стенах, по моему, разом отвернулись в сторону, интуитивно ощущая напряженность момента.

Внезапно едва уловимое движение на крыльце замка привлекло мое внимание. Я осторожно подняла глаза и напряглась: высокая прямая фигура, облаченная во все черное, надменно возвышалась над двором. Ветер развевал длинные полы богато украшенной накидки, но вампир не обращал на него ни малейшего внимания. Взор отца Алариса вовсе не был прикован к супруге или к прошедшему плен сыну, как можно было предположить. Нет, он смотрел прямо на меня, и ледяной взгляд прищуренных темных глаз не сулил ничего хорошего. Я ощутила, как по спине пробежал предательский холодок, лишь усиливший то нехорошее предчувствие, что нарастало по мере приближения к замку.

В этот момент объятья матери, наконец, разомкнулись, и Аларис поднял голову, устремив взор в сторону крыльца. На секунду взгляды отца и сына столкнулись, и мне показалось, что можно было расслышать глухой лязг металла: словно столкнулись два стальных клинка, не уступающих друг другу ни в силе, ни в стремительности.

Что промелькнуло в глазах сына, неизвестно, но спустя мгновение старший вампир развернулся и скрылся в недрах крепости. Я успела только заметить, как на секунду сжались кулаки Алариса, прежде чем он перевел взгляд на мать и сдержанно улыбнулся, протягивая руку в мою сторону:

— Позволь представить тебе Триану Де Леон.

Я замерла на месте, неожиданно для себя обмирая в ожидании реакции ослепительной женщины, что стояла напротив меня с задумчивым лицом. И когда я уже, было, потеряла всякую надежду на ее приветствие, мать Алариса внезапно улыбнулась и произнесла глубоким приятным голосом:

— Приветствую тебя, Триана Леон, под сводами нашего замка. Я — Делма Делагарди. Мы о тебе наслышаны...

Я напряглась, не зная, чего ожидать после этих слов, но она продолжила:

— И я рада, наконец, увидеть тебя здесь. — Так же без перехода она обратилась к Аларису, напряженно наблюдавшему за нашим знакомством: — Давай же скорее пройдем в замок! Уверена, все разговоры и беседы можно продолжить после ужина и теплой постели.

Я слабо согласно кивнула в ответ, в глубине души отчаянно мечтая о долгожданном отдыхе. Аларис кивнул словам матери и первым двинулся к высоким ступеням, ведущим в замок.

Я осторожно оглядывалась вокруг, пока мы шли светлыми широкими коридорами. Обстановка замка разительно отличалась от замка Алариса, ни в чем ему не уступая, но все вокруг дышало непривычным умиротворением и покоем, и, несомненно, то была целиком и полностью заслуга Делмы.

Мы шли вдвоем с ней: Аларис оставил нас еще в самом начале, свернув в сторону тронного зала, как успела пояснить его мать. С момента нашего прибытия под своды родительского замка я чувствовала, как нарастает его напряжение, как он закрывается от меня, вновь надевая бесстрастную маску холодного повелителя. И пусть я не могла винить его за это, вспоминая неожиданно холодный прием, оказанный отцом, все равно где-то в глубине души так хотелось, чтобы тот непривычно мягкий и нежный облик моего вампира остался со мной. Но в который уже раз я напомнила самой себе обстоятельства моего присутствия здесь, заставляя темные ростки чего-то, до боли напоминающего ревность, затаиться где-то далеко внутри.

Молчание, царившее в широких коридорах и пустынных залах, изредка нарушалось появлением безмолвной прислуги; несколько раз на нашем пути встречались вооруженные вампиры: по всей видимости, то были воины, несшие круглосуточную охрану внутри замка.

Я молчаливо шла вслед за хозяйкой, не зная, чем разбавить неловкую тишину: обе мы прекрасно знали, кто я такая, и во что превратилась размеренная жизнь Алариса после встречи со мной, поэтому никакие пустые фразы не смогли бы расколоть лед недоверия между нами.

Делма тщательно скрывала недоверие и легкую враждебность

за маской гостеприимной хозяйки, но как вести себя наедине со мной, не могла точно определиться. Я же не находила в себе сил вести светские беседы с той, что имела полное право ненавидеть меня за то, что я, пусть и невольно, сотворила с ее сыном.

Так и не обронив ни слова, мы пришли к неприметной скромной двери, находящейся в спальном крыле замка. Аккуратно отворив ее, Делма сделала приглашающий жест — и я осторожно вошла вслед за ней, мгновенно оценив открывшийся вид.

Комната была просторной и светлой; большую часть стены напротив входа занимало широкое окно, сквозь которое осторожно заглядывали прощальные солнечные лучи, окрашивая разноцветные витражи в ровный закатный оттенок. Не знаю, отчего, но с первого взгляда мне пришлись по душе эти покои: возможно потому что обстановка в них внезапно всколыхнула старые детские воспоминания о покоях родителей, о том, как я любила тайком залезать в большое пушистое кресло, стоявшее у камина, и часами ждать прихода мамы...

Я прогнала мимолетное воспоминание и благодарно улыбнулась замершей в ожидании моей реакции Делме:

— Благодарю вас. Я и не представляла, насколько соскучилась по настоящей кровати, пока не вошла сюда.

Она улыбнулась и произнесла спокойным тоном, задерживая тяжелые занавески и погружая комнату в таинственный полумрак:

— Думаю, сейчас ты нуждаешься не столько в отдыхе, сколько в пище. Поэтому предлагаю последовать за мной в столовую, где ты сможешь утолить голод.

Она не успела еще закончить приглашение, как на меня нахлынула темная волна тошнотворных воспоминаний: я стою в темной закопченной комнате, наблюдая, как Иризи сжимает в своих руках уже мертвое тело молодого парня; вот я сама со зловещей улыбкой подхожу к пропитанным страхом клеткам и наслаждаюсь ужасом людей, запертых в них; вот горячие струйки крови сбегает по еще теплой коже моей жертвы, я ловлю их языком, смакуя каждую каплю... Душа судорожно сжалась от страшных воспоминаний, желудок неприятно засаднил: я заново ощутила металлический привкус крови на своих губах, ощутила, как быстро несется горячий поток сквозь словно оцарапанное горло, как горячая волна накрывает рассудок, сметая на своем пути все преграды, превращая меня в дикое животное, ведомое одним лишь инстинктом...

Она уже коснулась металлической ручки двери, когда поняла, что я продолжаю стоять на месте, не решаясь двинуться вслед за ней.

Почувствовав на себе вопрошающий взгляд хозяйки замка, я вынырнула из пелены до боли ярких воспоминаний и произнесла, стараясь смягчить отказ вежливой улыбкой:

— Если честно, я не слишком голодна.

Она немного поколебалась, прежде чем осторожно предложить с улыбкой:

— В таком случае, возможно, у тебя есть желание принять ванну?

Я почувствовала, как от одной только мысли о горячей, исходящей обжигающим паром ванне все мое тело начинает судорожно чесаться, словно в отмщение за дни бесконечного пути, когда мы не останавливались ни на минуту, стремясь поскорее оказаться в безопасности. Не в силах сдержать радости, я горячо произнесла:

— Не представляете, как я мечтала об этом все это время! Буду искренне признательна.

Она понимающе кивнула и скрылась в коридоре, успев перед этим произнести, что сейчас же прикажет слугам греть воду.

Оказавшись в одиночестве, я позволила себе впервые за эти дни расслабиться и отдаться на волю кровожадно скалящимся воспоминаниям. Бессильно упав в обволакивающие глубины кресла, я прикрыла глаза и, наконец, с болезненной ясностью осознала, что со мной сотворили.

Стать одной из тех, кого я так боялась и ненавидела, перешагнуть все мыслимые грани человечности, оказаться так близко от того, чтобы окончательно потерять саму себя, — что же, Иризи по праву могла гордиться своей мстью. Но больше всего пугало то, что я не знала, насколько глубоко простиралось ее влияние надо мной. Сумею ли я когда-нибудь преодолеть страшные воспоминания, вытравить из души черную отметину о пребывании в замке Крейцов, сумею ли забыть, какого это — быть идеальной машиной для убийства, без чувств, без эмоций, ведомой одной лишь жестокостью?

Я почувствовала, как меня вновь накрывает черная волна безысходности, первых вестниц которой я отчаянно гнала от себя все это время. Но тогда рядом со мной был Аларис, и я просто не могла позволить себе хотя бы на минуту стать слабой, ведь от этого зависела его жизнь, и без того изрядно покалеченная моим вмешательством.

Очнулась я от негромкого стука в дверь, вслед за которым в комнату вступили несколько рослых вампиров, удерживающих на своих плечах тяжелую ванну. Аккуратно опустив ее возле камина, они бесшумно удалились, так и не произнеся ни слова. Спустя минуту один из них вернулся и умелыми движениями заставил горку сухих поленьев, лежащих

в жерле камина, заняться веселым пламенем.

Я внимала происходящему с каким-то странным оцепенением: равнодушно взидала на то, как большими ведрами слуги до краев наполняют огромное ложе ванной, как в комнате появляется невысокая служанка с большим кувшином в руках. Очнулась лишь тогда, когда она терпеливо встала передо мной и предложила помочь мне снять одежду. Торопливо покачав головой, я пояснила, что в этом нехитром занятии мне помощь не потребуется. Она лишь только украдкой пожала плечами, бросая презрительный смешок в сторону.

Я не собиралась обнажаться перед этой враждебно настроенной служанкой, да и мыться в ее присутствии не было ни малейшего желания. Но прямо отослать ее я не смела — а вдруг такой жест с моей стороны будет воспринят радушной хозяйкой как открытое пренебрежение ее гостеприимством?

К счастью, проблема разрешилась сама собой, когда я обнаружила отсутствие немаловажной детали предстоящего купания — полотна, в которое я могла бы завернуться после. Прежде чем служанка исчезла за дверью, я настойчиво посоветовала ей не торопиться, сопроводив слова мрачной ухмылкой. Ее разом побледневшее лицо подняло мне настроение, впрочем, ненадолго: ровно до того момента, когда я осознала, что никогда до этого не пользовалась в беседе со слугами угрозами, пусть и невысказанными.

И вновь я с горечью была вынуждена признать, что то было, пусть и мимолетное, но все равно тлетворное влияние Иризи.

Наконец, спустя пару минут, груда пыльной одежды оказалась на полу. Но я не спешила окунаться в приветливые воды ароматной ванны. Вместо этого я медленно подошла к высокому резному зеркалу, висящему напротив просторного ложа, и повернулась к нему спиной, готовя себя к тому, что увижу.

Несмотря на все усилия, у меня все же вырвался сдавленный стон, когда я полностью обозрела свою спину, изуродованную множеством грубых шрамов. Они пересекали ее, наслаивались друг на друга, ветвились до самой шеи, превращая мое тело в бесславное поле битвы.

Как бы я себя не готовила, все равно до конца не могла представить, какой видимый след оставит на мне Атоний. Я представила, что испытает Аларис, если увидит меня такой... и внутренне содрогнулась, слепо обещая самой себе, что этого не произойдет. Я не переживу, если увижу, как на любимом лице тенью проступает жалость, смешанная с легким отвращением.

Я отвернулась от зеркала, зная, что ничем не стереть из памяти уродливые шрамы: словно недостаточно было того, что безжалостные воспоминания о пребывании во вражеском стане оставили незаживающую рану на моей душе, нет, теперь и мое тело хранило на себе предательское клеймо Атония.

И я словно вновь ощутила себя в душной атмосфере того замка, почувствовала, как сгущается вокруг воздух, как наваливается на плечи невидимая тяжесть, как страх и ожесточение накидываются на меня, словно оголодавшие звери, терзая зараженную плоть.

Предчувствуя возвращение болезненных мыслей, я сглотнула подступивший к горлу ком и мгновенным движением оказалась возле дымящейся лохани с водой. С наслаждением окунув сначала одну, затем вторую ногу, я медленно погрузилась в нее с головой.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я вынырнула на поверхность, чувствуя, как уходит печаль с души под животворным действием горячей воды.

Понежившись еще несколько минут, я начала намыливаться ароматным кусочком обнаруженного на краю ванны мыла, наслаждаясь исходящим от него тонким запахом. Даже в самых знатных домах считалось большой роскошью использовать при мытье подобный предмет, что говорить о том, чтобы предлагать его гостям, к тому же не слишком желанным.

Мягкие потоки воды, освещаемые ровным пламенем камина, ласкали и расслабляли напряженные мускулы, заставляя позабыть обо всех горестях и отдаться на милость водной стихии. Не зря испокон веков наши предки считали воду священной, даже поклонялись ей, проводя обряды и принося жертвы — зачастую кровавые.

Спустя полчаса я с большой неохотой завершала купание в уже остывшей воде, отчаянно не желая вылезать. Осторожно встав во весь рост, я потянулась за кувшином и, до краев наполнив его чистой водой из стоящего рядом сосуда, с наслаждением вылила на себя, смывая тугими струями мыльную пену с тела.

В череде плеска и брызг, разлетающихся вокруг, я уловила еле слышный скрип отворяемой двери. Слегка поморщившись при мысли о том, что надоедливая служанка уже вернулась, я в последний раз ополоснулась теплыми струями и осторожно ступила на мохнатую шкуру перед ванной.

Я только собралась повернуться к двери и забрать полотенце, как внезапно мои плечи обняла мягкая ткань, мгновенно впитывающая воду,

и окутала нежным облаком. Я не успела удивиться расторопности служанки, как в следующее мгновение чьи-то прохладные руки властно обняли меня за плечи, прижимая к твердому телу. Но я не успела даже испугаться: мое собственное тело опередило усталый разум, с радостью узнавая родной аромат и прикосновения любимых рук.

Всем своим естеством я ощущала сквозь легкую преграду ткани надежную опору твердых мышц, гладкого гибкого тела, и понимала, что стремительно теряю последние остатки мужества. Невозможно было сейчас поверить, что еще час назад я могла себе обещать, что не позволю Аларису больше прикоснуться ко мне.

И пусть мне нелегко было это признавать, но я не могла ему противостоять — все мысли, чувства, желания, каждая клеточка моего тела буквально молили о его любви.

И то, что он пришел ко мне сейчас, пришел после наверняка нелегкого разговора с отцом, говорило, что он, так же как и я, отчаянно нуждается хотя бы на одну ночь позабыть обо всем и раствориться друг в друге.

Медленно-медленно, стараясь растянуть это мгновение как можно дольше, я повернулась к Аларису, продолжая оставаться в плену любимых рук, и украдкой взглянула на него, пряча взгляд за густой пеленой темных ресниц.

Его лицо, освещенное багровыми отблесками пламени, казалось совершенно непроницаемым. Но после всех испытаний, выпавших нам на долю, я, как никогда, была уверена в том, что чувство, которое светилось в его глазах тогда на поляне, живо и сейчас.

И если раньше во всех его прикосновениях преобладала страсть, порой даже животная похоть, то теперь каждый его жест ко мне был напоен невысказанной любовью и нежностью. Пусть он был вынужден скрывать это чувство ото всех, особенно сейчас, но я все равно верила, верила всей душой и сердцем, отчаянно, пылко, как умеют верить только дети, в его любовь.

Поэтому ни секунды не сомневаясь, я нашла его губы своими и приникла в медленном нежном поцелуе. Он отозвался мгновенно, словно только и ждал малейшего знака для того, чтобы обвить меня еще крепче, прижимая к своему уже возбужденному телу.

Постепенно наш поцелуй начал становиться все более пылким.

Теперь уже его губы жадно атаковали мои, лаская, подчиняя, заставляя капитулировать последние островки благоразумности, кричавшие, что в любой момент сюда могут войти, что рядом с нами родители Алариса, что сейчас не время, не место...

Но очень скоро разум уступил, и на смену ему пришло Желание.

Всепоглощающее, опаляющее жаром, сметающее на своем пути все доводы, причины, объяснения, и заставляющее все крепче прижиматься к крепкому мужскому телу, бесстыдно тереться о жадно ласкающие руки, неистово кусать твердые чужие губы, беспощадно терзающие нежную плоть моих губ...

Я очнулась лишь тогда, когда Аларис нежно, но решительно потянул за край полотенца, заставляя его медленно сползать с моего тела, открывая жадному взору моего вампира бледную, светящуюся в угасающем пламени кожу. В памяти промелькнула моя изуродованная спина, покрытая безобразными шрамами, и я мгновенно сжалась и попыталась отодвинуться.

Но Аларис не выпустил меня, вглядываясь в лицо и стремясь отыскать на нем причину моей реакции. Но я упрямо молчала, начиная ощущать, как горечь от того, что я сама разрушаю такой волшебный миг, начинает просачиваться в душу.

Мужчина не собирался так легко сдаваться: вместо того, чтобы выпустить меня из своих объятий, он нежно прижал к себе, обнимая за плечи и тихонько укачивая, словно я была маленьким ребенком, нуждавшимся в утешении. И я благодарно уткнулась в его грудь, чувствуя, как медленно рассыпаются предательские сомнения и тревоги, позволяя довериться, раскрыть, подарить себя без остатка, не боясь быть отвергнутой.

И я смела все оставшиеся сомнения, одним стремительным движением отбросив полотенце в сторону, окончательно обнажая свое тело.

Не в силах тянуть с этим я повернулась к вампиру спиной, желая разом перерубить этот болезненный узел, что скручивался в животе от одних воспоминаниях о шрамах.

Потекли томительные секунды ожидания, во время которых я судорожно смотрела на засыпающее пламя в камине и боялась обернуться.

Не знаю, о чем думал сейчас Аларис, глядя на мое изувеченное тело, что хранило на себе отпечаток долгих дней, проведенных в замке заклятого врага. Но я сама содрогалась от мысли, что все-таки ошиблась, и сейчас он развернется и уйдет, не в силах перебороть отвращение.

И когда уже я позволила себе поверить, что так оно и случится, тяжелая прохладная ладонь нежно легла на обнаженную кожу. Я вздрогнула всем телом, против воли задерживая дыхание, не зная, чего ожидать.

Но в следующую секунду произошло то, чего я никак не могла предположить и даже не мыслила себе представить: вампир позади меня

опустился на колени и медленным движением прикоснулся губами к исполосованной шрамами коже.

Меня словно пронзило разрядом молнии в том месте, где его губы дарили нежнейшие поцелуи, похожие на мимолетное трепетание прозрачных крыльев бабочки или тихий шелест капель летнего дождя по густой траве.

Вновь и вновь он целовал следы, оставшиеся после ударов Атония, и каждое прикосновение исцеляло еще одну частицу моей разбитой души, заставляя простить и отпустить прошлое, что так неумолимо цеплялось за меня, не давая принять настоящее.

Каждый его поцелуй, каждое касание разжигало огонь, что распространился уже по всему телу: оно жаждало большего, чем просто невинные поцелуи, и настойчиво заявляло об этом каскадом мурашек, рассыпанных по обнаженной спине, сполохами пожара, что вспыхивал по следам горячих поцелуев, искрами желания, сплетающимися в тугий узел внизу живота.

Не в силах противостоять этому нарастающему желанию, я медленно опустилась на ковер, чувствуя оголенной кожей мягкость плотной шерсти, и повернулась к Аларису.

Он все еще стоял на коленях, опаливая меня пронзительным взглядом; кожа его светилась в прощальных бликах огня камина, но в его глазах нарастало свое собственное пламя, заволакивая причудливым танцем темных отблесков страсти, что все это время он успешно скрывал, но которое теперь вырвалась наружу, сметая все на своем пути.

Чувствуя, как нарастает мое собственное вожделение, я подняла руку и коснулась ворота его камзола. Не встретив сопротивления, я медленно расстегнула одну за другой все пуговицы, открывая своему жадному взору бледную мужскую кожу, так и предлагающую одним своим видом прикоснуться к ней.

Что я и сделала, жадно припав в страстном поцелуе к твердой мужской груди, впрочем, не прекращая стаскивать с вампира тугое облачение.

Он недолго пребывал в бездействии; едва камзол оказался на полу, Аларис поднялся и подхватил меня на руки, отрывая от наслаждения неповторимым ароматом его кожи, гладкой и прохладной, словно шелковое полотно.

Я протестующе простонала от разочарования, но в этот момент он опустил меня на широкое ложе кровати и принялся избавляться от оставшихся деталей одежды. Я наблюдала за этим действием с томительным предвкушением, упиваясь сильным мускулистым телом,

перекачиванием тугих мышц под кожей, когда вампир, завершив обнажение, медленно двинулся к кровати, предоставляя мне абсолютный обзор.

Я жадно ласкала взглядом его совершенное тело, зацепляясь за длинные следы от ударов — братьев моих собственных шрамов, но только в тысячи раз превосходящих их по количеству. При виде этих следов я испытала давящую горечь от воспоминания, через что ему пришлось пройти в том страшном замке.

Но все печальные мысли разом улетучились из головы, когда кровать прогнулась под тяжестью мужского тела, опустившегося рядом.

Я призывно улыбнулась, когда Аларис навис надо мной, прижимая к мягкому покрывалу. Правильно восприняв эту улыбку, вампир, наконец, приник к моим губам жадным поцелуем, который я встретила поощряющим стоном.

Его руки блуждали по моему телу, с нарастающим пламенем лаская кожу, прикасаясь к тугим вершинам груди, опускаясь все ниже и ниже. Я выгнулась под ним, когда его рука опустилась на самый низ живота, туда, где давно уже бушевал настоящий пожар, распаляемый мужскими прикосновениями еще сильнее.

Мой протяжный стон проглотили его жадные губы, не отрывавшиеся от моих ни на секунду. Наши тела плотно терлись друг о друга, каждой клеточкой ощущая обнаженную плоть партнера, бедра начинали выводить незамысловатый танец, испокон веков знаменующий торжество любви.

Я чувствовала, как на меня начинают накатывать волны острого возбуждения.

Но Аларис не торопился продвигаться дальше, продолжая терзать своими ласками, откровенными, возбуждающими, порочными, вызывающими острые вспышки мучительного наслаждения, которое заволокло глаза туманной пеленой, заставило рассудок отступить перед единственным восторжествовавшим сейчас инстинктом, требовавшим немедленно утолить плотский голод.

Время слилось в один сплошной момент, растянувшийся на долгие мгновения: я уже перестала понимать, где я и что со мной, хрипло постанывая в такт ласкающим рукам и губам. Казалось, словно я лечу в бездонную пропасть, и каждое мимолетное прикосновение любимых рук, умело играющих на моем теле как на музыкальном инструменте, прекрасно знающих, где и на что нажать, чтобы приблизить к черте, ускоряет мой полет в сладостную неизвестность.

Не в силах больше выдерживать эту мучительную пытку, я с силой

уперлась руками в обнаженную грудь вампира, с удовлетворением отметив, что он весь мокрый от возбуждения, и оттолкнула в сторону.

Не ожидая от меня сопротивления, он и не успел воспротивиться, поэтому секундой спустя лежал уже рядом со мной. Но мне этого было мало: не дав ему времени, чтобы вновь вернуть власть в свои руки, я мгновенно оказалась сверху и прильнула всем телом к нему. Мы словно поменялись местами: теперь уже я командовала, а он был вынужден подчиняться моему телу.

А оно в этот момент уже не могло удовлетвориться только ласками; каждый нерв, каждая клеточка его желала только одного.

И я дала ему желаемое, медленно опускаясь на возбужденную плоть Алариса.

Не сводя затуманенного взора с его потемневших глаз, я полностью опустилась на него, ощущая, как он заполняет меня внутри, как смыкается вокруг него моя плоть.

Желая остановить это мгновение, чтобы насладиться этими ощущениями как можно дольше, я замерла, прикрыв глаза от наслаждения, но в этот момент вампир, издав протяжный стон, резко дернулся подо мной, не в силах больше выдерживать это мучительное промедлением.

Это стремительно движение отозвалось во всем моем теле острой вспышкой наслаждения, превозмочь которую я была не в силах.

Дальнейшее смешалось в беспорядочную картину: мои стоны, смешанные с низкими мужскими стонами, наши резкие порывистые движения, его губы на темных остриях моих сосков. Наше тяжелое сбивчивое дыхание, соленые капли пота, стекающие по лбу, требовательные прикосновения рук к моим бедрам, властно обхватывающие их, понуждающие послушно двигаться в одном ритме, бесконечное нарастающее наслаждение...

Его было так много: вокруг меня, рядом со мной, внутри меня, что в этот момент я ощущала Алариса как неотделимое целое, единую часть меня самой, мыслящую, двигающуюся в унисон со мной.

Наконец, сладостное возбуждение, завладевшее телом, начало сворачиваться в тугую спираль; я почувствовала, как сжимаются все мышцы, стремясь выплеснуть обуревающее их напряжение. Вампир подо мной тоже предчувствуя развязку, ускорил проникновение и вместе со мной громко застонал, когда мы застыли в одном бесконечно долгом движении, достигнув долгожданного удовлетворения.

Наше неровное дыхание еще долго разносилось в тишине комнате, пока, наконец, усталость не взяла свое. И, уже засыпая в нежных объятьях

вампира, я услышала, как легким, почти неслышным шепотом замерло в воздухе, а затем медленно опустилось мне на губы его тихое и такое долгожданное «люблю»...

Глава двадцать вторая

Утро встретило меня тусклым серым светом, робко пробивающимся сквозь тяжелые занавески. Я сладко потянулась, чувствуя, как приятная истома разливается по всему телу, напоминая о том, что произошло несколькими часами ранее.

Я не смогла скрыть удовлетворенную улыбку, когда недавние воспоминания затопили отдохнувший разум, заставляя невольно смутиться от особо откровенных образов. Но тут тихий стук в дверь оторвал от приятных размышлений о том, как бы мне сейчас хотелось вернуться обратно в ночь.

Только сейчас отметив отсутствие вампира на соседней половине кровати, я закуталась в легкое покрывало до самой шеи и разрешила войти стучавшему, не имея ни малейшего желания видеть сейчас кого-то иного, кроме Алариса.

Но это, к моему большому сожалению, оказалась всего лишь одна из служанок, державшая в руках аккуратную стопку чистой одежды. Слегка запинаясь, она проговорила, что это сменное платье взамен той одежды, что была на мне вчера. Оставив ее на краешке стола, она быстро покинула комнату, по-видимому, не желая оставаться со мной наедине дольше положенного.

Я с большим сожалением покинула мягкую перину, в глубине души испытывая невольную благодарность предусмотрительной хозяйке замка: до этого момента я даже не задумывалась, во что превратилась моя одежда после недельного бега по диким равнинам и лесам. Сейчас было стыдно даже вспоминать, в каком виде я предстала перед родителями Алариса. И хотя я прекрасно понимала, что глупо надеяться на одобрение или поддержку с их стороны, все равно каждый добрый жест Делмы отзывался неожиданной теплотой в душе.

Я обернулась к зеркалу и приложила к себе чудесное мягкое платье, вероятно, раньше принадлежавшее одной из сестер Алариса либо же самой хозяйке. Нежная ткань приятно ласкала руки, темный цвет платья гармонично сочетался с бледной кожей, а нарядные кружева по краям пышной юбки придавали ему неожиданно праздничный вид. Я даже на секунду залюбовалась собственным отражением, пока тревожные мысли вновь не вернулись на свое законное место. Отчего-то это платье напомнило мне об Антии — и я запоздало вспомнила, что моя

единственная подруга сейчас томится в плену у жестокой Иризи, и я могу лишь молиться, чтобы высокое происхождение уберегло ее от тех ужасов, что любила проделывать сестра Атония со своими жертвами.

Услужливое воображение тут же нарисовало страшные картины возможных мучений Антии. Не выдержав их ужасающей реалистичности, я крепко сжала пальцы в кулаки, сминая нежную ткань, на что она тут же отозвалась жалобным треском. Опомившись в ту же секунду, я осторожно разгладила нежное полотно, раскаиваясь за такое бурное проявление чувств. К счастью, платье практически не пострадало, в чем я убедилась уже спустя минуту, аккуратно облачившись в дорожную ткань.

В последний раз бросив быстрый взгляд в зеркало и убедившись, что выгляжу достойно, я открыла дверь и ступила в широкий светлый коридор.

Секунду поколебавшись, я решила довериться инстинктам, которые через пару мгновений привели меня в просторную залу, в центре которой стоял огромный стол, окруженный ровным полукругом мягких кресел с высокими спинками. К моему несказанному облегчению, в этот момент столовая (а в том, что это была именно она, сомнений не оставалось) оказалась совершенно пуста.

Не успела я задаться вопросом, где же мне искать хозяев замка, как внезапно почти рядом со мной раздались приглушенные голоса. В первую секунду я хотела, было, негромко кашлянуть, отвлекая невидимых мне собеседников от напряженного разговора, невольным слушателем которого я стала, но едва незнакомый мужской голос холодно произнес мое имя, это желание бесследно исчезло, сменившись резкой настороженностью.

Пусть я никогда прежде не слышала голоса Гералта Делагарди, властный повелительный тон, источавший легкое презрение, говорил о характере хозяина лучше всяких слов:

— Я говорил тебе это вчера, и повторяю сейчас: Аларис Делагарди, я глубоко разочарован тобой и тем, как слепо ты распорядился наследством. Тебе прекрасно известно, что оно должно было достаться другому вампиру, и мне больно видеть, как ты теряешь все, что должен был получить Бриндан. Твой брат никогда бы не пошел на поводу плоти и не позволил бы человеческой девке себя одурачить, — обвинительную речь хозяина замка перебил гневный голос моего вампира.

— Отец, я повторяю — эту девушку зовут Триана Леон. И я не позволю ни тебе, ни кому-либо еще обвинять ее. Она не просто захваченный трофей, а еще одна жертва этой низменной войны. И в сложившейся ситуации виноват я один, именно я недооценил коварство Атония и его желание захватить мои земли любой ценой, поэтому отвечать

за ошибки должен только я сам.

— Теперь уже поздно раскаиваться в содеянном. Сейчас необходимо поставить клан Крейц на место до того, как они предпримут следующие шаги. Я искренне надеюсь на твое благоразумие, Аларис, потому что второго шанса все исправить у тебя уже не будет. Теперь я сам лично буду контролировать обстановку, и, поверь, я не позволю тебе ошибиться снова.

— Я был бы искренне благодарен за предложенную помощь, если бы не одно но: не забывай, что именно ты в свое время активно поспособствовал тому, чтобы Иризи оказалась в моем замке, и в моей постели. И именно ты настоял на том, что сестра такого влиятельного вампира, как Атоний, не может быть простой наложницей, хотя я даже не помышлял о браке с этой напыщенной стервой, прекрасно зная, к каким губительным последствиям это может привести. Но ты вновь не прислушался к моим словам, как не прислушался, объявляя войну людям...

Разговор начал принимать опасный оборот, об этом свидетельствовало нарастающее напряжение между собеседниками, каждый из которых уже не мог сдерживать своих чувств.

— Замолчи. Как ты смеешь говорить об этом! Ведь это именно они убили Бриндана. А ты после этого посмел взять одну из них в свой замок... — на последней фразе холодный голос дрогнул, словно одно упоминание этого имени причиняло боль.

— Да, убили! Но ведь это именно по его приказу были сожжены дотла три человеческих поселения вместе со всеми жителями. Неудивительно, что после этого люди задумали отомстить любыми способами. Но ни тебя, ни Бриндана, это не волновало. Неужели ты забыл, как я пытался отговорить его от этой глупой идеи — отправиться якобы на мирные переговоры? Но он и слушать меня не захотел! Я до сих пор не понимаю, что заставило его в тот день ринуться к людям. — голос моего вампира все затихал, словно ему этот разговор бережил старые незажившие раны.

И спустя секунду ледяной отцовский голос прошипел ему в ответ:

— Ты думаешь, что справился бы лучше? Напрасно! Ты не смог даже спасти его, не говоря о большем. Тебе никогда не стать таким, как он.

Столь сильно увлекшись напряженным подслушиванием, я как-то пропустила тот момент, когда отец и сын, поглощенные неприятной беседой, оказались в столовой. И только когда они недоуменно воззрились на меня, явно обескураженные тем фактом, что их беседа имела слушателей, я нацепила на лицо маску невозмутимости и сделала вид, что только что вошла сюда.

Но за одну секунду до этого я все-таки успела заметить, как при последних словах отца на лице Алариса промелькнуло странное выражение, неоднократно виденное мною ранее, но разгадать значение которого я не могла.

Словно яркая вспышка боли и безнадёжного отчаяния, мгновенно сменяющихся ожесточенной борьбой, тени которой отражались в глубине знакомых глаз — а следом приходило безразличие. Оно пряталось за пустым и холодным взглядом, отражалось в очередной злой ухмылке, скрывалось в каждой складочке, в каждом уголке твердых губ.

И в такие моменты все попытки достучаться до Алариса разбивались о высокую стену ледяного равнодушия, справиться с которым я не могла.

Но только теперь, собственными глазами увидев отношение отца к сыну, я начала понимать причину внутренней борьбы, что непрерывно шла внутри моего вампира. И пусть я не слышала и большей части их разговора, того небольшого отрывка мне хватило, чтобы понять: Аларис постоянно сравнивает себя с кем-то, кто был для его отца дороже собственного сына.

В этот момент мои стремительные внутренние размышления прервал, собственно говоря, один из участников беседы.

— Позвольте поинтересоваться, что вы делаете здесь в этот час? Разве вам не полагается сейчас греться в мягкой постели в ожидании завтрака, на который, как впрочем, и на все остальное, у вас нет никаких прав?..

Я вспыхнула от неприкрытого презрения, коим сочился притворно доброжелательный голос хозяина замка, но прежде чем успела произнести хотя бы слово в ответ, раздалось яростное рычание Алариса, стоявшего в паре шагов от меня.

— ХВАТИТ! Я не собираюсь терпеть подобного обращения с ней. И если ты не хочешь, чтобы мы прямо сейчас навсегда покинули твой замок, ты прекратишь вести себя так с моей супругой!

Я широко распахнула глаза, в немом изумлении глядя на Алариса, не в силах сдвинуться с места или выдавить из себя хотя бы звук: все во мне задрожало от этого короткого слова...

Да, конечно, я прекрасно осознавала, что он назвал меня так только для того, чтобы помешать отцу унижать меня и дальше: в мире вампиров статус жены давал многое — в том числе и право на защиту, и, хотя бы формальное, но уважение со стороны других членов семьи. И то, что мой вампир пошел на этот рискованный шаг ради меня, говорило о многом.

Сквозь пелену одурманивающих чувств, вызванных таким коротким, но таким недостижимым словом, я с трудом расслышала, как Гералт, целую

минуту буравивший сына недоверчивым взглядом, коротко прорычал сквозь стиснутые зубы:

— Я жду тебя на совете через пару минут, — уже развернувшись, он бросил через плечо, удостоверившись, что мы смотрим ему вслед: — Не думай, что я все так оставляю. Я не верю твоим словам и сделаю все, от меня зависящее, чтобы не позволить обращенной войти в мою семью.

Оставив нас в полной растерянности, он величественно покинул зал, сворачивая в сторону лестничного пролета.

Я собралась с мыслями, и обернулась к Аларису, замершему рядом со мной в бессильной злобе. Сжатые кулаки явственно свидетельствовали, что будь перед ним не его родной отец, а кто-либо другой, моего вампира от жестокой схватки не остановило бы ни высокое положение, ни могущество соперника. Оскорбленный и уязвленный до глубины души жестокими словами Гералта, он продолжал оставаться на месте, бессильно прожигая стену напротив яростным взглядом.

Прекрасно разделяя его чувства, я, тем не менее, успокаивающе прикоснулась к богато украшенному манжету, только сейчас осознавая, как красиво Аларис выглядит.

Темный сюртук идеально сидел на мускулистой фигуре, подчеркивая широкие плечи и величественную осанку. Но такое любимое и родное лицо сейчас напоминало яростную маску, застывшую в немой злобе. Я не могла смотреть на него в таком состоянии, поэтому ласковыми прикосновениями постаралась вывести его из этого океана гнева.

Он медленно приходил в себя, пока я гладила напряженные плечи, проводила пальчиками по твердой груди, невольно освежая в своей памяти события прошедшей ночи. И, судя по короткому взгляду, в котором уже не осталось ярости, а начало зарождаться совсем иное чувство, он тоже вспомнил об этом.

Тихонько улыбнувшись от осознания того, что только мои прикосновения обладают такой властью над ним, я произнесла одними губами беззвучное «спасибо», прежде чем прильнуть к его лицу с нежным поцелуем.

Этим «спасибо» я благодарила его за поддержку и уважение; за то, что он, не раздумывая, ринулся на мою защиту, не побоявшись навлечь на себя еще больший гнев отца.

А на его любовь я ответила поцелуем, вложив в него все чувства, испытываемые в это мгновение.

Не знаю, сколько бы мы вот так стояли, тесно прижавшись друг к другу, не в силах прервать неторопливое слияние жарких губ, если бы

со стороны коридора не раздались быстро приближающиеся шаги.

Мы неохотно разомкнули объятия, сделав это на удивление вовремя: в следующую минуту в столовую энергичным шагом вошла хозяйка замка, деликатно сделавшая вид, что не заметила, чем мы занимались до ее прихода.

Мягким и спокойным тоном напомнив сыну о том, что в тронном зале вот-вот начнется военный совет, присутствие на котором обязательно, она обратилась ко мне с предложением показать замок, на которое я не могла ответить никак иначе, кроме как учтивым согласием.

На секунду сжав мою ладонь в своей руке чуть крепче — словно давая знак не беспокоиться, Аларис улыбнулся матери и исчез за поворотом.

Я обернулась к Делме, не зная, чего можно ожидать от этой прогулки.

Но к большому удивлению, я получила искреннее удовольствие от небольшой экскурсии, наслаждаясь великолепной обстановкой всех комнат, а также легким разговором с идущей рядом вампиршей, оказавшейся хорошей собеседницей.

Я даже забыла о том, кто она и кто я сама, непринужденно смеясь и разговаривая, пока не оказалась в уютной комнате с видом на ухоженный сад. Но не вид из окна привлек мое внимание, а полотна, висевшие на стенах.

Не удержавшись от любопытства, я осмотрела их все, с интересом уточняя, кто изображен на том или на этом портрете.

Делма спокойно комментировала каждое из них, параллельно занимаясь подсчетом плотного ряда цифр в большой хозяйственной книге — оказывается, она сама умела считать и писать, не полагаясь в этом на помощь слуг. В наше время это было большой редкостью, как правило, отцы предпочитали не обучать дочерей наукам, вместо этого стремясь поскорее выдать их замуж.

Но когда я подошла к последнему полотну, все прочие мысли вылетели у меня из головы, сменившись растерянностью.

На этой картине был изображен Гералт в молодости: его невозможно было не узнать, хотя непривычно было видеть на обычно неприветливом и надменном лице приятную улыбку.

Но женщина рядом с ним явно не была его нынешней супругой.

Более того, огромный округлившийся живот говорил о том, что в скором времени на свет должно было появиться дитя. И сильная мужская рука, нежно лежащая на животе, без слов свидетельствовала о том, чей это был ребенок.

Я растерянно взглянула на хозяйку, не зная, как можно расценить это

полотно. Нигде больше я не встречала эту женщину — в этом не было сомнений. Но ведь почему-то эта картина висела в общей комнате, находясь совсем рядом с семейными портретами Делмы и Гералта.

Делма уловила мой невысказанный вопрос, и на секунду ее взгляд затуманился легкой дымкой, когда она произнесла будничным тоном:

— Это наложница Гералта.

Я разом проглотила все слова, которые вертелись у меня на языке. С каждым часом, проведенном в этом замке, я все больше переставала что-либо понимать.

Но я не могла оставить все так неопределенно, поэтому спустя мгновение все же робко спросила:

— А как он, я имею в виду, вашего мужа... То есть тогда, наверное, он еще не был вашим мужем... — окончательно запутавшись, я не договорила, вопрошающе глядя на женщину.

Делма отложила в сторону большой пухлый том и устремила на меня спокойный взгляд.

— Нет, был. И уже тогда, и за пять, десять лет до этого портрета. Она появилась у него задолго до нашей свадьбы и продолжала бы оставаться до сих пор, если бы не умерла несколько лет назад.

Я шокировано смотрела на нее, отказываясь поверить в то, что она так спокойно говорит об этом. словно услышав мои мысли, она внезапно горько усмехнулась и заговорила:

— А что я могла сделать? Его сердце было отдано ей еще тогда, когда наши родители договаривались о помолвке. У меня было то, чего не было у нее: знатное происхождение и огромное богатство. А у нее вместо этого была его любовь. И она бы не променяла ее ни на какие сокровища, — видя, что я продолжаю ошарашено молчать, она с равнодушием продолжила: — Девочка, неужели у людских правителей что-то иначе? У вас так же есть любовницы, которые стоят рядом с супругой на всех приемах, что не мешает им открыто игнорировать друг друга, сталкиваясь в стенах замка. И при этом никто из них не делает секрета, как страстно ненавидит соперницу.

— Но ни одна человеческая женщина не смогла бы стерпеть рядом со своим портретом картины счастливой жизни мужа с любовницей! — несмело возразила я. — И уж тем более не тогда, когда на портрете четко видно, что скоро появится еще один наследник, пусть и незаконнорожденный!

Она устало вздохнула и произнесла:

— Просто ты еще ничего так и не поняла. Пойми, это не мы

придумали, а так делали веками до нас: выбирали богатых жен, а всю жизнь любили простых наложниц. И так будет еще сотни лет после. Скажи, неужели ты все еще веришь в то, что мой сын однажды женится на тебе? — она устремила на меня взгляд таких мудрых и таких пронзительно горестных глаз.

Я опустила голову, не в силах дольше выдерживать этот взгляд, яснее всяких слов говоривший мне горькую правду.

Она права. Я никогда не смогу стать для него женой. Больше, на что могу рассчитывать — это вечно оставаться простой наложницей, пусть и единственно любимой, но все равно только ею.

А рядом с ним будет находиться другая женщина, обреченная всю жизнь наблюдать за тем, как ее супруг одаривает любовью соперницу. И он будет тоже страдать, замечая, как я провожаю его тоскливым взглядом, плохо скрывающим ревность, когда он будет уходить к ней...

Я помотала головой, вынырнув из омута тягостных мыслей, замечая, что Делма уже вернулась к своим расчетам. Я решила было, что наш разговор закончен, когда она внезапно продолжила, не отрываясь от книги:

— Но самое худшее — это видеть, как он радуется тому, чужому ребенку, как гордится им, как с трепетом наблюдает за его взрослением, порой забывая о том, что рядом с ним растут трое его родных и законных детей.

Я посмотрела на вампиршу и произнесла, скорее интуитивно, нежели осознанно:

— Бриндан?

Ее взгляд полыхнул яростью, когда она услышала это имя. Лицо вампирши перекосила гримаса ненависти, и в это мгновение я видела перед собой не изящную хозяйку замка, а дикую, бешеную женщину, обезображенную разрушавшим душу чувством. Мгновенно приходя в себя, она склонилась над столом, скупно кивнув головой.

Я решила не задавать больше вопросов, и без того за этот час узнав больше информации, чем за все прошлые дни.

Не зная, чем развеять гнетущую тишину между нами, я бесцельно присела на низкую кушетку, впрочем, вскочив с нее меньше, чем через минуту, когда решительным шагом в комнату вошел Аларис.

Делма оторвалась от книги и внимательно посмотрела на сына. Он послал ей успокаивающий взгляд и ответил на мой невысказанный вопрос:

— Мы решили штурмовать замок.

— Атония? — имя вылетело само собой, оживляя страшные воспоминания темных коридоров подвала и ярких помещений лаборатории.

— Нет. Сначала необходимо вызволить из плена Антию и Аннору.

При этих словах плечи Делмы напряглись, выдавая страшное напряжение, испытываемое матерью от постоянных переживаний за судьбу своих дочерей.

— Я с тобой, — это был даже не вопрос, а утверждение, но Аларис в ответ лишь покачал головой и произнес нежным, но твердым голосом:

— Нет, Триана, ты остаешься здесь...

Темные очертания деревьев проносились мимо меня одной сплошной размытой полосой, в которой невозможно было различить, где заканчивался вечно зеленый лес земель Гералта и начинались дремучие чащобы территории его сына.

Я украдкой взглянула на хмурое лицо Алариса, торопливодвигающегося рядом со мной. Он все еще не мог смириться с моим отказом остаться в замке его родителей. Никакие мои аргументы не могли поколебать его уверенности, что для меня будет лучше дожидаться завершения их благородной миссии, находясь под надежной защитой неприступных стен.

И только когда я была вынуждена напомнить ему, что теперь я уже не просто беззащитная слабая девушка, не способная дать отпор, а сильный и умелый воин, ему пришлось признать мою правоту. Немалую роль в этом сыграл и Гералт, чье явное нежелание моего присутствия в отряде дало прямо противоположный результат.

Но даже спустя много часов после нашего спешного выхода из замка, Аларис хранил гордое молчание, всем своим видом показывая, что, пусть он и принял мое решение, одобрения мой поступок все равно не получит.

Ну а я уже всем сердцем предвкушала долгожданную встречу с братом: еще в замке вампир кратко пересказал мне план похода. Войска Гералта и несколько отрядов самого Алариса ожидали нас у небольшой перевалочной крепости в одном дне пути до захваченного замка. И в числе этих отрядов был отряд Дэйкаса. Одна мысль, что я увижу его живым и невредимым, рождала во мне массу восторженных чувств, среди которых, бесспорно, преобладало непреодолимое желание крепко обнять брата и, как в далеком детстве, уткнуться лицом в широкую грудь и всплакнуть. Но вот только детство осталось далеко позади, да и плакать теперь я уже не умела.

Но я искренне жалела об этом в те скорбные минуты, когда вспоминала сдержанный рассказ Алариса во что превратилась такая уютная и успевшая стать для меня родной крепость Артель. О том, как трагически оборвались жизни стольких, по-настоящему, достойных

вампинов — и первую строку в этом списке для меня всегда будет занимать командир Ленгли. Жалела, что не могу выплакать грусть, что болью бесчисленного множества светлых воспоминаний давила мне на плечи. Особенно в минуты, когда на ум приходила добрая усмешка командира, его мудрые советы и беззлобные шутки. Как бы я хотела сейчас, чтобы он встретил меня в крепости, окинул суровым взглядом, в котором всегда плясали едва уловимые смешинки, и что-нибудь сказал. И я бы искренне рассмеялась ему в ответ, ощущая безмолвное одобрение и поддержку.

Но это были только лишь мечты, которым уже не суждено было сбыться.

Я вновь вернулась мыслями к разговору, что не выходил из головы все это время: признания Делмы стали для меня настоящим откровением. Признаться, до этого я и не подозревала в этой хрупкой изящной женщине с грустными глазами такой железной выдержки и терпения. И такой ненависти.

Поступки Гералта не заслуживали оправдания — впрочем, он в нем и не нуждался, как и всякий правитель, уверенный в своей правоте. И я не могла винить его за это: даже мой собственный отец вел себя также, когда речь заходила о его собственном удовольствии. Наверное, это беда всех тех, на чьих плечах лежит нелегкое бремя власти.

Но одно дело — просто размышлять об этом, и совершенно иное: лицом к лицу столкнуться с суровой реальностью, когда в глазах матери моего любимого плещется настоящее море грусти и смирения. Смирения с тем, что ей никогда не стать для своего мужа любимой и желанной.

И, видят Боги, мне так не хотелось повторения ее судьбы! Пусть теперь у меня не было сомнений в чувствах Алариса, но спокойные слова Делмы, произнесенные тихим безнадежным тоном, породили в душе волны смятения. До этого разговора я никогда всерьез не задумывалась о нашем совместном будущем, довольствуясь теми крохами внимания, что перепали мне до побега из замка, но теперь у меня были причины всерьез задумываться об этом.

А где-то в глубине сознания мутным осадком все всплывал неприятный разговор, который мне так не хотелось вспоминать, но и забыть который я не могла.

Иризи с прохладцей в голосе перечисляла мне, что необходимо было успеть сделать перед отправкой войск. Я слушала ее не слишком внимательно, поглощенная предстоящими опытами в лаборатории: эксперименты выходили на новый уровень, и мне необходимо было убедиться, что все образцы будут готовы к сроку. Однако внезапно что-

то в ее голосе привлекло мое внимание. Прислушавшись, я поняла, что она сообщает, что необходимо отправить большую партию монстров под руководством одного из надежных командующий куда-то на север владений Атония. Не понимая, кому может понадобиться такая серьезная защита в столь заброшенных местах, я аккуратно поинтересовалась, стараясь не выдать своего интереса:

— Разве нам не нужно бросить все силы на нападение? Я предполагала, что Атоний намеревался в первую очередь одолеть Делагарди численным превосходством...

Она презрительно сощурилась, как делала всегда при одном упоминании враждебного клана; впрочем, спустя секунду ее совершенное личико расплылось в неприятной улыбке. Я с тоской подумала, что сейчас меня ожидает очередная тирада на тему того, что поступки господина не подлежат обсуждению. Однако вместо этого она сообщила кое-что другое:

— Там на севере сейчас находится супруга Атония и его наследники. К слову сказать, вы были неплохо знакомы с Эзрин. До твоего ранения.

Я замешкалась, стараясь скрыть свое изумление от слов вампириши. К сожалению, моя неумелая попытка провалилась. Я могла обвести вокруг пальца любого, кроме нее. Иризи пресекала все попытки обмануть ее или что-то скрыть на корню. Вот и сейчас она наигранно усмехнулась, с удовольствием растягивая слова:

— Катрина, неужели ты думала, что раз являешься личной подстилкой моего брата, можешь рассчитывать на его привязанность к тебе? Дорогая моя. Тебе пора уже смириться с тем, что на таких, как ты, не женятся. С ними утоляют плотский голод, после чего возвращаются к законным супругам. Советую тебе выбросить из головы даже мысли об этом, в нашем мире ты никогда не сможешь стать законной женой. Никому. Запомни это.

Она улыбнулась каким-то своим мыслям, и хладнокровно продолжила прерванный разговор, больше не обращая внимания на мою реакцию.

Я вновь с тоской окунулась в те тягостные воспоминания, что неотступно преследовали на протяжении каждого нового дня, каждой свободной минуты. Они уходили только тогда, когда рядом был Аларис, и радостно набрасывались с новой силой, стоило ему хотя бы ненадолго меня покинуть.

И сейчас, вспоминая жесткие, но правдивые слова сестры Атония, я не могла не согласиться с ней. Да, мне не суждено стать для Алариса законной супругой — но разве это может хоть как-то повлиять на мои

чувства к нему? Нет. Ради него я готова быть никем. Лишь бы иметь возможность любоваться его улыбкой, ловить на себе взгляд любимых глаз, наслаждаться родными прикосновениями. Даже если для этого мне придется довольствоваться ролью простой наложницы.

В те времена, когда я была человеком, и за мою руку давалось большое состояние, никогда не приходилось задумываться о том, на что я готова пойти ради любимого человека. И сейчас, столкнувшись с тем, что все мои прежние представления о семье и браке вдребезги разбиваются о суровые стены реальности, я чувствовала, словно у меня отнимают последнюю частицу меня самой.

Я внезапно горько усмехнулась собственным мыслям: за эти долгие месяцы пора было уже привыкнуть к тому, что старый мир разлетелся на мелкие осколки, которые уже не собрать, не склеить воедино, как ни старайся. Поэтому надо просто научиться воспринимать неизбежное настоящее как данность. И учиться видеть в нем и хорошие стороны.

Сплошная зелень, окружавшая нас все это время, начала потихоньку редеть, обнажая широкие луга и поля, когда я начала немного узнавать эти земли. Когда-то давным-давно — словно это было в другой жизни — я шла по ним в составе небольшого отряда, направлявшегося в пограничную крепость, даже не подозревая, что ждет меня впереди.

В этот момент впереди нашего небольшого отряда, возглавляемого Гералтом, которого я успешно избегала все это время, раздался приветственный крик. Спустя пару секунд из глубины чащи показались очертания вампира, который почтительно склонился перед господином.

Вокруг зашевелились кусты, обнажая хорошо замаскированный ход, невидимый для непосвященного взора. Я с радостным предвкушением последовала за вампиром, жестом указавшим следовать за ним.

Еще спустя пару минут моему взору открылась хорошо укрепленная крепость, вокруг которой кипела работа. Многочисленные военные отряды непрерывно тренировались, в небольшом отдалении несколько вампиров под руководством сердитого командира спешно собирали метательные орудия для штурма. Я даже не заметила, куда исчез Аларис и все остальные члены отряда, поглощенная жадным рассматриванием крепости.

Спустя несколько минут, когда я торопливо обходила толстые стены, стараясь взглядом отыскать брата, на моем пути внезапно возникла преграда в виде широкой твердой как скала, мужской груди. Я уже приготовилась было извиниться за невнимательность, когда, подняв взор, увидела такое родное и знакомое лицо! В ту же секунду могучие руки подняли меня в воздух и с силой прижали к крепкому телу. Я облегченно

уткнулась в плечи брата, чувствуя, как под моими руками медленно расслабляются сжатые от напряжения мышцы. Не нужно было слов, чтобы понять, как сильно он за меня беспокоился.

Не могу даже представить, что он мог чувствовать, когда, очнувшись после ранения, узнал, что я исчезла, и не имел представления о том, жива ли вообще на протяжении многих дней.

Я немного отстранилась, любуясь родными чертами и невольно замечая, как осунулось его лицо за то время, что мы не виделись. Глаза излучали радость и нежность, но в глубине их таилась многодневная усталость и тоска. Я с запозданием вспомнила, что не одна Антия томится в замке — там ведь еще находится и Аннора! — и с сочувствием прикоснулась хрупкой ладошкой к твердой щеке. Он ничего не сказал, но его глаза говорили красноречивее любых слов.

Мы несколько часов сидели с Дэйкасом под высоким раскидистым деревом, не в силах расстаться ни на минуту, когда внезапно из отряда, тренирующегося неподалеку, отделилась высокая фигура, и, помедлив пару мгновений, двинулась в нашу сторону. В первую секунду мне показалось, что это был Аларис, но когда вампир подошел к нам вплотную, я с удивлением узнала в крепком тренированном мужчине старого знакомого, которого, откровенно говоря, предпочла бы не помнить.

— Двэйн? Неужели это ты? — не в силах удержаться от удивленного возгласа, спросила я.

Он сдержанно улыбнулся. Судя по быстрому обмену взглядами с Дэйкасом, они уже успели найти общий язык.

— Вот уже несколько недель я вхожу в один отряд с твоим братом, Катр... то есть Триана.

Я вздрогнула на секунду от ненавистного имени, но быстро взяла себя в руки. Но когда до меня начал доходить пугающий смысл его слов, внутри меня все заледенело. Я в ужасе перевела взгляд на брата, мысленно спрашивая его, как много он знает. В ответ Дэйкас лишь покачал головой, словно говоря, что Двэйн был не слишком словоохотен.

Я почувствовала, как резко охватившее меня напряжение ослабевает. Послав благодарный взгляд вампиру, бывшему невольным свидетелем моей жизни в облике Катрины, я начала размышлять, насколько много опасных секретов может он сообщить заинтересованному в этом вампиру.

Уверена, Гералт с удовольствием бы выслушал рассказ о неделях, проведенных в замке Атония, особенно о той части, где бы описывались сотворенные мной бесчинства.

Но мне оставалось лишь надеяться на благодарность когда-то

спасенного мною вампира. И судя по тому, что даже мой брат не знает всей шокирующей правды, я могла ему доверять. Пока доверять. Но и этого было достаточно на данный момент: мне нужно было время, чтобы самой рассказать обо всем Аларису. Ну а потом уже было не так страшно. Главное, чтобы мой вампир узнал обо всем лично от меня. А как отреагирует его отец, меня сейчас мало интересовало.

Я вынырнула из круговорота одних и тех же надоевших размышлений и прислушалась к неторопливой беседе Дэйкаса и Двэйна. Судя по легкости общения, они довольно хорошо ладили друг с другом. Если бы это был не Двэйн, я могла бы только радоваться тому, что у брата появились хорошие знакомые. Но этот вампир слишком много знал о том, что мне самой хотелось бы забыть, я не могла до конца отделаться от легкого чувства настороженности.

А они тем времени обсуждали последние новости: оказывается, отряды Гералта полностью окружили замок, обезвредив все ловушки, оставленные Иризи. Несколько раз были перехвачены разведчики, пытающиеся пронести секретные сведения в замок — естественно, информация была проверена, а шпионы уничтожены.

Казалось бы, теперь с легкостью можно было идти на штурм, но нет: хитрая вампирша заранее позаботилась об этом и при том самым зверским способом. Во избежание нападения она выставила на один из хорошо просматриваемых балконов связанных Антию и Аннору. Рядом с ними постоянно дежурили вооруженные воины, готовые в любой момент в случае опасности начать действовать.

Неудивительно, что Гералт медлил все это время, не решаясь рисковать жизнями дочерей. И никто из окружавших его советников не знал, что делать.

Я лениво слушала неторопливую беседу вампиров, когда слух резануло знакомое имя. Мгновенно насторожившись, я прислушалась внимательнее, стараясь не подать виду. Мужчины обсуждали предстоящий совет, упомянув о том, что возглавлять его будет Гералт, чем отряды Алариса были недовольны, опасаясь надменного вампира.

Я немного помедлила, ощущая странное предчувствие того, что эта информация может мне помочь, прежде чем подняться с мягкой травы и, пообещав Дэйкасу скоро вернуться, пойти по направлению к крепости.

Пока я торопливо передвигалась по лагерю в поисках Алариса, смутные идеи того, как можно было проникнуть в замок, формировались в моей голове в одну четкую ясную мысль. Но я знала, что она очень сильно не понравится моему вампиру.

Но когда я подошла к главному входу в крепость, меня ожидал неприятный сюрприз: у крыльца в окружении нескольких напыщенных вампиров стоял Гералт и недовольно смотрел на меня. И тут меня, словно молния, пронзила догадка: если моя идея не понравится Аларису, значит, его отцу она должна прийти по вкусу.

Ни секунды не мешкая, я подошла к Гералту и произнесла, стараясь не выдать голосом обуревавшие меня чувства.

— Я знаю способ, как можно попасть в замок.

Он смерил меня недоверчивым взглядом, но — о чудо — промолчал, показывая, что внимательно слушает...

Спустя сутки мы подошли вплотную к захваченному замку, но опасаясь приближаться еще ближе. Как знать, сколько разведчиков у Иризи еще осталось. Рисковать жизнями Антии и Анноры не желал никто.

Я сделала глубокий вдох, стараясь не дать волнению помешать мне еще раз мысленно проговорить детали плана, весьма рискованного, стоило признать.

Где-то на заднем плане вновь раздался разъяренный голос Алариса — он отчаянно спорил с отцом, пытаясь убедить тому не отпускать меня в логово врага. Мне самой уже пришлось испытать на себе все прелести гнева вампира, пребывающего в состоянии дикой ярости, поэтому я слегка вздрогнула, представив, какая буря чувств обрушивается сейчас на Гералта.

К слову сказать, после нашего длительного разговора, когда я выложила ему свои идеи, я серьезно пересмотрела свое мнение о нем. В тот момент он единственный отнесся ко мне серьезно. В те минуты он словно преобразился: вместо чванливого и заносчивого вампира передо мной стоял умный и расчетливый командир, на лету улавливающий мои слова.

Я была поражена тем, как завертелись события после того, как мы разработали с ним план действий. Конечно, в глубине души мне было стыдно перед Аларисом за то, что я даже не поставила его в известность, но медлить было нельзя.

Но я искренне порадовалась, что мы уже успели выдвинуться из крепости, когда о нашем плане стало известно моему вампиру. Как он был зол! Дэйкас его полностью поддерживал, в результате чего они вдвоем усердно пытались отговорить меня на протяжении всего пути.

К счастью, на моей стороне был Гералт, а значит, и все остальные. Поэтому моим защитникам пришлось смириться, впрочем, Аларис до сих пор не терял надежды меня образумить.

Но я в глубине души знала, что это было бесполезно. Впервые лишь я одна могла действительно помочь — помочь там, где были бессильны все прекрасно вооруженные отряды.

Напоследок проверив, на месте ли небольшой атласный мешочек, в котором находился порошок, переданный мне Гералтом перед отправкой, я поколебалась, не слишком уверенная, что сумею им воспользоваться. Но хотя я и не знала, может ли мне вообще что-нибудь помочь, не стала пренебрегать никакими средствами.

Позади меня раздались быстрые шаги, даже не оборачиваясь, я знала, что это был Аларис. Спустя секунду он крепко обнял меня, заставляя обернуться к нему лицом.

Нежно проведя ладонью по моему лицу, он произнес, не желая смириться с поражением:

— Триана, не надо, не делай этого! Мы что-нибудь придумаем, мы сможем спасти моих сестер другим способом!

Я лишь отрицательно помотала головой, не в силах больше слушать его ласковые уговоры, зная, что просто уже не имею права отказаться, струсить в решающий момент.

— Любимый, — я впервые назвала его так, и его лицо на секунду просветлело от неприкрытой любви и нежности. — Поверь мне: я справлюсь. Ты даже не представляешь, на что я способна.

Я постаралась выкинуть из головы предательские мысли о времени в замке Атония, которые смогли просочиться в усталый разум даже в такой важный момент прощания. Я обязательно все расскажу ему, и он не отвернется, не испугается. Я это знаю, я верю.

Я слабо улыбнулась, глядя в такие родные глаза, и произнесла:

— Мне пора...

Он не хотел выпускать меня из объятий, но ему пришлось сделать это, когда к нам подошел его отец, провожающий меня странным долгим взглядом.

Я уже повернулась в сторону дороги, когда услышала недоверчивое:

— Я даже не думал, что человеческая девчонка способна на такое. Триана Леон, ты сумела меня удивить.

Не оборачиваясь, я поправила его, мысленно улыбаясь:

— *Бывшая* человеческая девчонка.

Спустя пару часов на горизонте показались давно забытые шпили. Глядя на них, я невольно вспоминала последний раз, когда я смотрела на замок и думала, что уже никогда больше его не увижу.

Боги, какой наивной я тогда была. Неужели всерьез я могла подумать, что Аларис позволит мне так просто уйти? И, как знать, если бы тогда что-либо сложилось по-другому, сейчас моя жизнь могла быть совершенно иной...

Высокие стены становились все ближе и ближе, и с каждым шагом, приближающим меня к замку, все сильнее обдавало ледяной волной страха. Что, если я не смогу? Что, если всех моих уловок будет недостаточно, чтобы обмануть Иризи?..

В этот момент я, наконец, увидела то страшное зрелище, о котором рассказывал Двэйн: на широкой площадке балкона виднелись две стройные фигурки, крепко привязанные к массивной каменной кладке. Вокруг них прохаживался невысокий вампир, периодически подходивший к жертвам и наслаждавшийся их беспомощным видом.

Я невольно сжала кулаки от бессильной злобы, но опомнилась в ту же секунды. Слишком близки были стены замка, а значит, за мной уже давно наблюдают враги. Нельзя показывать истинные чувства.

Я нацепила на лицо маску абсолютного равнодушия и ускорила шаг. И казалось, что мое медлительное сердце бьется так громко, что оглушает пустынные окрестности оглушительным стуком.

Но в полной мере я испытала, что такое страх, когда остановилась перед наглухо закрытыми высокими воротами, чувствуя, как на меня нацелены сотни враждебных взглядов. Не дав себе времени на размышления, я подняла руку и громко постучала по холодному металлу, ощущая, как далеко по стене расходитя вибрация от моих сильных ударов.

В этот момент ворота начали медленно открываться, представляя моему взору одинокую фигуру, однако которая одна была опаснее сотни вооруженных вампиров.

Иризи.

Она смотрела прямо на меня, и взгляд ее был далек от радушного.

Глава двадцать третья

Она стояла, испытующе глядя на меня чуть прищуренным взглядом, отдающим вечным холодом. А я стояла перед ней, впервые встретившись после окончательного возвращения памяти, и невольно вспоминала ее манеры, привычку говорить, растягивая слова, зловещую тень улыбки, прятавшуюся в уголках тонких губ, когда она предвкушала очередные кровавые развлечения, в которых я должна буду принять участие.

И на секунду, на одно бесконечно томительное мгновение я вновь очутилась в душных каменных стенах крепости Атония, погребенная под грузом навязанных чуждых мне самой воспоминаний, медленно угасающая под бременем той, другой личности, что неотвратимо пробуждалась во мне каждый новый день.

С трудом заставив себя сосредоточиться на стоявшем передо мною противнике, я решительно взглянула в ее холодные пустые глаза и произнесла бездушным и мертвым голосом, словно отражая ненавистные чувства, что едким потоком сочились из ее глаз:

— У меня есть важное сообщение от Атония.

При упоминании имени брата она словно очнулась от глубоких размышлений, и только тогда произнесла отнюдь нерадостным тоном:

— Катрина, удивлена видеть тебя здесь.

Еще раз окинув внимательным взглядом пустынную равнину позади меня, она произнесла с легким разочарованием:

— Что ж, думаю, это не самое лучшее место для серьезных новостей.

Все так же подозрительно она оглядела меня саму, словно подозревая подвох, но не решаясь открыто нападать на гонца от брата, и развернулась, жестом призывая следовать за ней.

Я осторожно вошла в такой знакомый широкий двор, стараясь не привлекать к себе дополнительного внимания; осознание того, что только от меня зависели судьбы двух девушек, прикованных к высоким столбам где-то там наверху, вселяло столь необходимую сейчас надежду.

В конце концов, Иризи многому меня научила. Вот только едва ли она предполагала, что однажды я могу применить эти знания против нее самой.

Я шла и ощущала на себе внимательные настороженные взгляды вампиров, что оцепляли двор по периметру, наблюдающих за мной с небольшой долей усмешки, словно наслаждаясь видом того, как жертва по собственной воле отдается в лапы смертельно опасного хищника.

Несколько вампиров, которые помнили меня со времен тренировок, старались не встречаться со мною взглядами: видимо, причиненные им травмы лучше всяких слов говорили о том, что со мной не стоило связываться. Но остальные этого не знали, поэтому позволяли себе откровенные ухмылки и приглушенные смешки.

Я смотрела только вперед, боясь, что если я все же подниму голову и увижу Антию и Аннору, всю мою напускную решительность и браваду волной смоеет жалость, страх и сострадание. А уж эти чувства Иризи с легкостью почует сквозь миллионы других — и воспользуется всеми доступными ей средствами, чтобы насладиться моим поражением.

Поэтому я могла лишь молча идти вслед за тонкой фигуркой, кокетливо облаченной в пышные кружева, и представлять, как, будучи Катриной, наслаждалась бы творящимся действием.

В этот момент в глубине души я по-настоящему хотела, чтобы она пришла, я звала ее, просила вернуться только на эти несколько часов, на которых строился успех моего плана. И она откликнулась. Она пришла.

Я могла это чувствовать по мере того, как постепенно из моей головы начали уходить все прочие мысли, вытесняемые неотвратимо просыпающейся темной сущностью. Я начала ощущать, как на смену подсознательному страху приходит возбуждение от смертельно опасной игры, что мне предстоит. И хотя ставки в ней были непомерно высоки, от этого предвкушение эйфории от возможной победы только усиливалось.

И к тому моменту, когда, наконец, мы достигли просторного помещения, в котором я с трудом узнала знакомую ранее комнату, я не была уже Трианой Де Леон. Ее место сейчас занимала Катрина, и легкая тень прежней меня могла лишь надеяться на то, что сможет заставить ее уйти, когда все закончится.

Когда-то, в моей другой жизни, здесь находился кабинет Алариса. А сейчас комната представляла собой полуразрушенное помещение, в котором с трудом можно было узнать такой уютный и прекрасно обставленный кабинет.

Всего пару минут назад глядя на рваные обрывки бумаги, усеивающие пол словно мельчайшие хлопья снега; разодранные в клочья твердые обложки книг, распотрошенные внутренности когда-то роскошного и мягкого кресла, я бы тихо вздохнула про себя, но сейчас вид разрушенной комнаты, принявшей на себя всю мощь мести и злости Иризи, не вызвал ничего, кроме слегка злобной усмешки, в которой внимательная вампирша с легкостью смогла распознать нотки одобрения.

Открыто ухмыльнувшись в ответ, она обвела комнату рукой

и произнесла:

— Как тебе эта комната? Конечно, ты не видела ее до этого, но, уверяю тебя, теперь она выглядит на порядок лучше!

При этих словах она внимательно наблюдала за мной, готовая в любую секунду заметить страх, боль, смущение — любое чувство, что подскажет ей, что я вижу это помещение не в первый раз.

Но она не могла знать того, что ее ученица превзошла учителя. Катрина с легкостью преодолела это небольшое испытание, беззаботно отозвавшись:

— Уверена, что с твоим талантом обустраивать комнаты никто не сравнится.

Она улыбнулась в ответ, впрочем, не торопясь пока расслабляться.

Позволив себе присесть на остатки когда-то роскошного стола из темного дерева, она произнесла, сосредотачивая все свое внимание на мне:

— Что за новости? Я начала подозревать, что замок оцеплен — ни один из моих разведчиков не смог вернуться, а новостей от брата не было уже много дней. Но тут появляешься ты — целая и невредимая, да еще и одна...

Я внутренне собралась, чувствуя, что настал тот самый миг, которого я так боялась. Одно неверное слово, один лишний взгляд, тень предательских чувств, промелькнувшая в глазах — и мой план провален.

Однако темная «я» оказалась сильнее этих сомнений, мгновенно подстраиваясь под серьезный тон соперницы:

— Твои подозрения имели под собой основания. Действительно, на своем пути мы столкнулись с несколькими вражескими отрядами. К сожалению, из всех вампиров, отправленных вместе со мной твоим братом, не выжил никто. В последнюю ловушку мы попали у самого замка, неудивительно, что донесения Атония не доходили. К слову сказать, он именно поэтому и повелел отправиться мне, раз никто другой не смог. Хотя нам очень не хотелось расставаться — мы только начали входить во вкус вновь открывшейся страсти...

Я порочно ухмыльнулась, демонстрируя, что именно имела в виду; она в ответ слегка усмехнулась, показывая, что прекрасно все поняла, однако на секунду в ее глазах все же промелькнуло едва распознаваемое отвращение.

— Однако что там с новостями? Я горю желанием узнать, ради чего брат лишил себя постельных утех с тобой на столь долгий срок? — она поинтересовалась спокойным голосом, тщательно придерживаясь

выбранного тона.

Я слегка помедлила, стараясь полностью завладеть ее вниманием. И когда это, наконец, произошло, я наклонилась в ее сторону и произнесла, не скрывая широкой торжествующей улыбки от собственных слов:

— С радостью сообщаю, что давний враг твоего брата мертв.

Она жадно ловила каждое мое слово; когда же смысл сказанного начал медленно доходить до ее сознания, Иризи недоверчиво переспросила, отказываясь верить услышанному:

— Ты хочешь сказать, что Алариса Делагарди больше нет?

Я кивнула в ответ, внимательно наблюдая за ее реакцией.

К моему несказанному удивлению, на ее лице начали проступать совсем иные чувства, нежели те, что я ожидала.

Недоверие, боль, отказ признавать страшную истину, и, наконец, снова боль — да такая, что я словно увидела отражение собственных чувств от одной только мысли о том, что *его* больше нет.

Неужели это было возможно — холодная мстительная Иризи действительно любила бывшего жениха? Я не могла поверить, но эти секунды позволили мне узнать о ней гораздо больше, чем проведенные вместе недели в замке ее брата.

И на мгновение мне стало ее по-настоящему жаль. Жаль, что за неимением другого выхода, она направила силу нерастрченных чувств в гибельное русло мести. Жаль, что за обликом равнодушной и жестокой хищницы все-таки скрывалась обиженная и разочарованная в избраннике женщина.

Да, ее любовь была примитивна и груба, но Иризи просто не могла любить по-другому, имея перед глазами лишь пример вечно холодного брата, для которого не существовало никаких чувств.

Ну а пока все эти мысли стремительным потоком проносились у меня в голове, вампирша сумела взять себя в руки и запрячь свои чувства за маской вынужденной радости:

— Это самая великолепная новость, которую ты только могла принести! В честь этого сегодняшней ночью будет устроен пир! — она широко улыбалась, произнося эти слова, но в глубине ее глаз плескалась боль.

Не дожидаясь моей реакции, она быстрым шагом покинула комнату, напоследок окинув меня странным взглядом. Поймав этот прощальный короткий взгляд, я окончательно уверилась в том, что за эту новость она возненавидела меня еще больше.

Я неторопливо прошлась по останкам убранства помещения, медленно

проводя рукой по обломкам письменного стола, скелету глубокого кресла, не ощущая при этом и доли того, что должна была. Словно эта другая «я» притупляла испытываемые чувства, не позволяя настоящим эмоциям прорваться сквозь прочную маску беспристрастия.

Не найдя здесь иного занятия, я решила спуститься в тронный зал, не в силах позволить Иризи придумывать новые планы действий. Медленно спустившись по широкой лестнице, я осторожно шла по просторному коридору, с затаенной грустью узнавая знакомую обстановку.

Все пребывало в запустении. Первые сполохи паутин затянули темные углы коридоров, легкий налет пыли присутствовал на всех предметах мебели, явственно указывая, что новым хозяевам нет никакого дела до состояния замка. Сквозь запыленные оконные проемы грустно пробивалось тусклое солнце, грязные занавески неопрятными паклями висели возле витражей, придавая комнатам заброшенный вид.

Но это было ничто, по сравнению с тем, что творилось в тронном зале.

Когда я вошла в помещение, в первую секунду меня оглушило зловоние, идущее, казалось, со всех углов помещения: повсюду царил хаос, перевернутые столы, лавки, сорванные картины валялись под ногами, я была уверена, что видела безвольное человеческое тело, выполнившее функцию сосуда для крови и отброшенное за ненадобностью, да не одно.

А виновница этого кошмара находилась в центре: миниатюрная, с виду хрупкая фигурка, облаченная в обтягивающее, словно вторая кожа, атласное платье — и наслаждалась творимым вокруг бесчинством.

Вокруг нее толпились воины, внимательно слушающие ее указания, я расслышала только приказание о пире, когда она закончила речь и развернулась, внимательно пытаясь отыскать взглядом кого-то в толпе. Я не успела спрятаться за широкой спиной стоящего передо мною вампира, когда ее глаза при виде меня торжествующе сверкнули.

Не убавляя стремительного темпа, она подскочила ко мне и дернула за руку, принуждая следовать за ней.

Ничего не объясняя, она вела меня по бесконечным лестницам, пока, наконец, мы не оказались на площадке перед балконом, выходящим наружу.

Я успела догадаться, в чем дело, только когда она уже выволокла меня наружу, подводя к двум прикованным фигуркам, подле которых важно прохаживался охранник.

Сжав все испытываемые чувства в стальной кулак, я смотрела на бледное лицо Антии, прожигавшей меня изумленным взглядом;

смотрела, как с каждой секундой она все мрачнела, отказываясь принять тот факт, что я оказалась предательницей.

Аннора даже не удостоила меня взглядом, уставившись в одну точку на горизонте, словно и не сомневаясь никогда в том, что однажды я предаю её брата. На лице вампирши темнели тонкие полосы шрамов, по-видимому, ей пришлось заплатить эту цену за своеволие и непокорность.

Иризи вплотную подошла к девушкам и прошипела им в лицо известие о смерти брата, словно пытаясь за причинением боли другим скрыть свою собственную.

Чем больше я наблюдала за ней в тот сумасшедший день, тем яснее осознавала, что она, в сущности, и не понимала серьезности развязанной войны. Словно маленький ребенок она бездумно следовала указанием брата, не задумываясь о последствиях. И, может быть, ей казалось, что в конце этой завлекательной игры Аларис признает свое поражение и погладит по головке за отлично сыгранную партию. И все вернется на круги своя.

Сообщение о том, что того, ради кого она упрямо продолжала действовать, больше нет, выбило почву из-под ног. Эйфория от игры разом испарилась, оставляя взамен горечь обманутого в лучших ожиданиях ребенка. И теперь этот ребенок старался заглушить боль, захлебываясь в неистовых развлечениях, окончательно теряя подобие разума.

Я думала об этом, осторожно обходя внутренности замка, в то время как Иризи целиком отдалась безумным приготовлениям к предстоящему пиршеству. Отдав мне приказ проследить за приготовлениями угощения, она упорхнула подбирать наряд, не подозревая о том, насколько упростила мне задачу.

И теперь я стояла на замызанной кухне, наблюдая, как огромный чан с кровью готовят к отправке наверх. Приказав слугам проследить за тем, чтобы все двери были открыты, я достала из потайного кармана мешочек с порошком, что дал Гералт.

Когда он пояснил, что это вещество способно погрузить в кратковременный сон любого, кто его испробует, я и не предполагала, что мне может представиться возможность применить его на деле.

И только тогда, когда оно полностью растворилось в еще теплой вязкой жидкости, от которой у меня сводило горло, я осознала, что большая часть плана выполнена.

Теперь оставалось лишь дождаться эффекта и бесшумно проникнуть к замковым воротам, за которыми к рассвету меня будут ожидать войска Гералта и Алариса.

Я дала команду унести чан в зал и приготовилась ждать...

Глава двадцать четвертая

На землю тихо опустилась ночь, укутав мягким полотном прилегающие к замку территории, а я все стояла у небольшого зарешеченного окна, уставившись невидящим взглядом в непроницаемую темень. В этот момент я ощущала себя противоестественным сплетением двух абсолютно разных личностей — безобидные размышления Трианы с трудом пробивались сквозь тяжелую пелену кровожадных желаний Катрины, и в этом негласном противостоянии явное преимущество одерживала последняя. И как бы это ни было необходимо в данный момент, меня не оставляли смутные опасения, что она не уйдет так просто.

В глубине замка полным ходом бурлило веселье; кровавое пиршество набирало обороты с каждым часом. И я сознательно оттягивала тот миг, когда вынуждена буду принять в нем участие. А в том, что это непременно случится, сомнений не было, Иризи просто не позволит мне остаться в стороне.

Я с тоской вдохнула затхлый воздух, чувствуя, как с каждой минутой, проведенной в этой маленькой пустой комнате, затерянной где-то в лабиринте бесконечных кухонных помещений, меня все сильнее начинает тянуть наверх, туда, где сейчас играет зловещая музыка, где в воздух поднимаются полные кубки крови, где вся атмосфера помещения с жадностью впитала в себя аромат смерти...

Моя темная сущность, столь опрометчиво выпущенная на волю, желала принять непосредственное участие в этом пире на костях, ощутить сладостный привкус мести и еще раз взглянуть в глаза Иризи, предвкушая ее падение.

Я очнулась от мгновенно заполонивших голову живых образов, только услышав приближающиеся шаги. Нацепив на лицо маску полного безразличия к происходящему, я обернулась к низкому дверному проему, готовая встретить врага во всеоружии.

Однако это оказался один из той немногочисленной obsługi, что прислуживала захватчикам, пока те разграбляли замок. Дрожащим от плохо скрываемого страха голосом мужчина пробормотал, что меня изволят видеть в тронном зале. Я коротко кивнула в ответ, и вновь обернулась к окошку, с тоской отмечая, что от спасительного рассвета меня отделяют еще несколько томительных часов ожидания.

Более медлить было нельзя. Я отвернулась от окна и, сделав глубокий

вдох, пересекла маленькую комнатку. Коридор распахнул для меня свои негостеприимные мрачные объятия, в которых даже острый глаз вампира с трудом мог разглядеть очертания противоположных стен. И только смутное светлое пятно белело где-то вдали, подсказывая, в какую сторону нужно двигаться.

Я с легкостью преодолела темные изломы коридора, немного удивляясь его безлюдности, когда внезапно со стороны дальней неосвещенной стены до меня, наконец, донесся звук, отсутствие которого все эти часы, проведенные в замке, внушало некоторые тревоги. С немало удивившей меня самой радостью я приблизилась к темному углу, из которого доносилось предупреждающее рычание, и негромко позвала, уверенная в том, что меня услышат.

Не прошло и секунды, как из непроницаемой тени вынырнула знакомая уродливая морда, которая неожиданно для меня внезапно принялась тереться о мою руку. Я недоуменно нахмурилась, однако, начиная машинально гладить ласкающуюся тварь, недоумевая, с какой стати мое творение так странно себя ведет. В процессе их создания не было даже мысли, чтобы снабдить образцы хотя бы неким подобием чувств. Однако видимо, какие-то мелочи все же ускользнули из-под контроля, что и послужило причиной столь несвойственного им поведения.

В этот момент из тени начали появляться все новые и новые монстры, ревниво рычащие друг на друга за право получить хотя бы толику ласки. Они все прибывали и прибывали, постепенно заполняя собой и без того узкое пространство коридора. С трудом протолкнувшись сквозь живую массу собственных уродливых творений, я нагнулась к стене, пытаясь в крошечной темноте разглядеть, где же они скрывались все это время.

Спустя пару секунд глаза начали различать нечеткие очертания каменной кладки, в середине которой отсутствовал большой кусок стены: судя по всему, он обвалился совсем недавно, чем не преминули воспользоваться животные, о которых Иризи благополучно позабыла, стоило лишь попасть в замок.

Я приблизилась к темному провалу, чувствуя, как из него тянет затхлостью и плесенью. С трудом переборов отвращение, я всмотрелась в помещение, скрывающееся прямо за коридором, из которого продолжали появляться все новые твари.

Спустя мгновение, я, наконец, поняла, что это был за зал. Раньше туда скидывали использованные тела людей, вычерпанные до предела, а уже отсюда их выносили за границы замка и избавлялись. Но захватчикам не было никакого дела до ведения обыденных хозяйственных дел, поэтому

тела все копились и копились, пока их запах не привлек сюда полчища голодных тварей, до этого наверняка разрозненно блуждавших по темным закоулкам замка.

Я покачала головой, не одобряя поведение Иризи. Она должна была, по меньшей мере, проследить за живым оружием, обеспечившим ей безболезненный захват замка. Впрочем, прямо сейчас эти ластящиеся звери, преданно глядящие на меня и готовые в любую секунду выполнить любое желание, ничем не напоминали смертельно опасных тварей.

Но тут зов крови, немного приглушенный неожиданной встречей, вспыхнул с новой силой — я выпрямилась в полный рост, чувствуя, как вновь просыпается странное желание оказаться сейчас среди пирующих вампиров и ощутить опьяняющий вкус мести, несущийся по венам. Негромко приказав монстрам оставаться в этом заброшенном ответвлении коридора, я уверенно двинулась навстречу светлому блику выхода, знаменующему начало последнего испытания, от которого зависел успех всей рискованной операции.

Еще за несколько пролетов до тронного зала отголоски сознания Трианы попытались остановить, предупредить, предотвратить неминуемые проверки, которым сестра Атония наверняка захочет подвергнуть своего давнего врага. Но Катрина, уверенным жестом распахнув перед собой широкие двери, ведущие в зал, отмела все сомнения и шагнула прямо в простирающий приветливые объятия ад под именем Иризи.

Как я и предполагала, здесь творилось нечто невообразимое: повсюду располагались захватчики, жадно поглощающие густой бордовый напиток из высоких бокалов; звучала странная дикая музыка, пробуждающая древние животные инстинкты. По всему периметру зала были прикованы люди; каждый из вампиров мог спокойно подойти и выбрать жертву на свой вкус. Несколько человеческих тел безвольно лежали прямо на полу, а возле их вольготно раскинулись утолившие голод захватчики, прямо здесь наслаждающиеся вкусом плотской любви. Даже Атоний не позволял на своих пирах подобного.

Едва я успела отметить, что заветный чан уже успел опустеть наполовину, когда сквозь шум разгоряченных пирующих послышался неприятный звук голоса той, что я предпочла бы никогда не встречать.

— Катрина! Я уже было начала думать, что ты успела нас покинуть, — она находилась в центре разгоряченной толпы, взирая на меня с каким-то особым выражением, в котором можно было распознать упоение от творимого ей безобразия, сквозь которое временами прорывались сполохи настоящего безумия.

Я пробралась сквозь несколько опрокинутых столов, поломанных лавок и разрушенных предметов обстановки, прежде чем сумела ответить:

— Нет, и не надейся, что я так быстро покину этот гостеприимный замок. Я проверяла состояние новых образцов из лаборатории. Как они в действии?

Она зловеще ухмыльнулась, с видимым удовольствием вспоминая сцену штурма замка:

— О, они были бесподобны! Признаюсь, я не ожидала такого эффекта от глупых безмозглых тварей.

Я сжала руки в кулаки, внутренне начиная закипать от такого явного пренебрежения к моим творениям, впрочем, тут же успокаивая саму себя тем, что наверняка это было сказано специально, чтобы разозлить меня. Таяние не было никакого дела до чьих-либо чувств, кроме как ее собственных, ради которых она без раздумий совершала даже самые немыслимые поступки. И прямо сейчас она со злорадным предвкушением чего-то, явно обещающего быть очень интересным, улыбнулась мне и повела рукой куда-то за мою спину:

— А как тебе вот это зрелище? Я думаю, что они прекрасно вписываются в атмосферу сегодняшнего праздника.

Слегка помедлив, я взглянула в указанном направлении, с тоской предчувствуя очередное испытание моей выдержке.

И предчувствия не обманули: прямо у противоположной стены были привязаны крепко спеленатые по рукам и ногам сестры Алариса, вззирающие на останки некогда торжественного и великолепно убранного тронного зала с отчаянием в глазах, не в силах издать ни звука сквозь толстые кляпы.

Мне понадобилась вся моя выдержка, чтобы не опустить взгляд под презрительным выражением глаз Анноры, источающим чистую, ничем не замутненную ненависть. Но еще большее самообладание потребовалось, чтобы не броситься к Антие, которая смотрела на меня так, словно до сих пор отчаянно не желала верить в мое предательство.

Я вновь обернулась к Таяние, которая все это время жадно ожидала моего ответа и медленно протянула, стараясь не выдать собственного отчаяния при виде этого зрелища:

— Да, эти пленницы прекрасно смотрятся здесь. А кто они?

Она метнула быстрый взгляд на связанных девушек и ухмыльнулась:

— Это те, кому замок принадлежал до того, как стал моим.

Я благоразумно не стала больше ничего спрашивать, замечая, как от моего вполне невинного вопроса она еще больше завелась, стараясь

скрыть истинные чувства за маской безудержного веселья.

Внезапно предводительница захватчиков оказалась совсем рядом и громко провозгласила на весь зал, обращая на нас внимание всех присутствующих:

— А сейчас давайте поднимем наши кубки и выпьем до дна за гонца, принесшего нам долгожданную весть о кончине Алариса Делагарди. И налейте Катрине полный бокал, чтобы она могла отпраздновать вместе с нами!

И только когда эта фраза повисла в воздухе, я отчетливо осознала, что вот оно — самое слабое место моего тщательно продуманного плана. Не знаю, как так вышло, что я даже ни разу не задумалась о том, что мне обязательно предложат испробовать угощение вместе со всеми. Все шло к этому, в то время как я опрометчиво предпочитала не думать о том, что мне не удастся избежать собственной ловушки.

И вот теперь, наблюдая за тем, как один из вампиров наполняет бокал из того самого чана, в который я всего несколько часов назад собственноручно высыпала весь сонный порошок, что дал Гералт, я с ужасом понимала, что наблюдаю за крушением надежд. Не только моих собственных, но и тех несчастных вампирш, что с безысходностью смотрели на окружающий их вражеский пир; надежд и чаяний Алариса, который где-то там верит в то, что я смогу спасти его сестер.

И в это невероятно долгое томительное мгновение я внезапно осознала, что должна — нет, просто обязана выстоять. Не ради себя, а ради тех других, кто верит в мою победу.

И единственный выход сейчас — это целиком и полностью отдаться в руки Катрины, позволить ей безраздельно занять смятенный разум и действовать по наитию. Я глубоко вздохнула, на секунду прикрывая глаза...

...И открыла их уже другой личностью. Катрина обвела зал прищуренным взглядом и нехорошо усмехнулась, глядя в налитые злобой глаза Иризи.

Все, что происходило дальше, воспринималось мною прежней сквозь легкую дымку тумана, словно я наблюдала за своими действиями со стороны, не в силах хоть как-нибудь на них повлиять.

Неуловимым движением оказавшись возле противоположной стены, я послала Таяние торжествующую улыбку и громко на весь зал произнесла, наслаждаясь звучанием собственного голоса, в котором любой в зале мог расслышать ничем не прикрытый вызов:

— Боюсь разочаровать, но я с некоторых пор предпочитаю только

такой способ принятия пищи, — я растягивала слова, медленно приближаясь к намеченной жертве: ей оказалась молодая девушка, с отчаянием в глазах смотрящая на меня, безмолвно умоляя пощадить. Бесполезно. Моя черная сущность жаждала немедленной крови, и я не могла ей помешать.

Я прильнула к неистово колотящейся синей жилке на такой хрупкой шее и вонзила клыки, упиваясь ни с чем несравнимыми ощущениями теплой, почти горячей человеческой крови, стремительным потоком оmyвающей горящее горло и приносящей долгожданное облегчение. Позади меня раздались бурные одобрителные крики, слышались громкие звоны бокала о бокал, а та, которой я сейчас была, спиной ощущала немигающий тяжелый взгляд врага. Но ее это нисколько не смущало.

Наконец, когда девушка безжизненно обвисла на металлических цепях, я с сожалением оторвалась от своей жертвы и взглянула на Иризи.

Она стояла, замерев на том же самом месте, не замечая ничего вокруг, кроме мертвого тела, безвольной грудой свесившейся к полу. И спустя долгую минуту лицо ее искривила неистовая звериная улыбка. Мелькнув смазанным силуэтом по центру зала, она оказалась рядом со смертельно напуганным молоденьким юношей, прикованным рядом с окном.

Не медля ни секунды, она резко впилась жадным поцелуем ему в губы. Теперь уже я наблюдала за тем, как она изощренно подводит свою жертву к краю, за которым на него грозит обрушиться наслаждение, чтобы за секунду до того, как это произойдет, яростно впиться в его шею, прокусывая острыми клыками тонкие вены.

А дальше все смешалось в непрерывную череду хаоса, в котором я ощущала себя одной из безвольных песчинок, что вращаются в едином ритме, сплоченные виражами взметнувшего их в воздух вихря. Сводящая с ума музыка, сквозь которую прорывались громкие стоны участников пира; запах свежей крови, витавший в воздухе и ароматы разгоряченных тел — все это пробуждало самые низменные инстинкты, заставляя позабыть о том, кем я была еще несколько часов назад и с какой целью пришла сюда.

Сейчас существовала лишь совершенная хищница, не знающая жалости и сожаления, идеальный венец замыслов Атония.

Я смотрела на окружающее ее глазами и видела мир в ярко-алом свете, заполненный жаждой, ненавистью и похотью. И мне нравилось, что я видела.

Настоящая «я» смогла очнуться только спустя несколько долгих часов,

когда первые вестники рассвета робко заглянули в зал сквозь высокие окна. Оглянувшись на затихший зал, я попыталась привести в порядок разбегающиеся мысли.

Сонное зелье, наконец, подействовало. Неподвижные тела вампиров, застывшие в странных искривленных позах, усеивали весь тронный зал, похожий сейчас на бесславное поле битвы. Пленниц уже не было — на секунду мелькнула страшная мысль, что за время пира с ними успели расправиться, но спустя секунду в уставшем сознании всплыли рваные обрывки воспоминаний того, как их уводили обратно на балкон пару часов назад. Чудом оставшиеся в живых после этой кровавой ночи люди тихонько выли, очевидно, сойдя с ума в ожидании собственной очереди на смерть, которая так и не наступила. Наверное, я должна была испытать жалость или сочувствие, но сейчас мои мысли были заняты только лихорадочным поиском фигуры светловолосой предводительницы захватчиков среди лежащих безвольных тел.

Иризи не было в тронном зале, я смогла убедиться в этом спустя несколько секунд поисков. Не зная, чем это объяснить, я начала судорожно припоминать, видела ли я ее с бокалом крови или же она за весь вечер так к нему и не притронулась, используя в качестве сосуда только живые тела людей. И только окончательно признав, что мой мечущийся разум не в силах этого вспомнить, я поняла, что план, на который возлагалось столько надежд, провален.

Стараясь не поддаваться паническим мыслям, я из последних сил воззвала к голосу рассудка, спешно продумывая выход. И он был найден.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как рискнуть отворить ворота, что при условии того, что Иризи бодрствовала, было безумием. Но это был единственный возможный выход. Не дав себе больше времени на размышления, я схватила одиноко лежащий меч, хозяин которого валялся у стены в обнимку с опрокинутым столом, и выскользнула из зала, стараясь двигаться как можно тише.

Настороженно прислушиваясь к каждому шороху, доносящемуся из разных углов безлюдного коридора, я осторожно продвигалась мимо пустынных комнат, обитатели которых сейчас беспробудно спали в тронном зале, длинных переходов, в которых лениво гулял ветер, проникший в замок сквозь небрежно распахнутые окна. Нигде не было ни намека на жизнь — и это сейчас пугало больше всего, ведь я знала, что где-то здесь, быть может, совсем близко от меня, находится обезумевшая Иризи, готовая убить любого, кто попадется ей на пути не в добрый час.

Но сегодняшним утром удача явно была на моей стороне. Я бесшумно

выскользнула на широкий двор перед замком и только тогда смогла выдохнуть, чувствуя, как отпускает напряжение.

Наметанным взглядом оценив обстановку, я в очередной раз вознесла молитву богам: двор был практически пуст. Большая часть воинов сегодняшней ночью праздновала вместе со всеми обитателями замка и сейчас вместе с ними составляла живой ковер из неподвижных тел. Ну а те, кто все же успел унести оттуда ноги прежде, чем эффект порошка возымел силу, сейчас сладко спали, привалившись к высокой стене.

Никто не помешал мне, когда я быстрыми движениями отодвинула тяжелый металлический засов, скрепляющий две половинки неприступных ворот — о чудо, они даже не заскрипели, лениво покидая насиженные пазы. Я неверящим взглядом смотрела на тонкую щель, из которой веяло вольным диким ветром и свободой, и не могла осознать, что все удалось. Осталось лишь дождаться восхода солнца, который наступит через несколько минут — и тогда в замок хлынет волна освободителей.

Я тихо улыбнулась, продолжая наслаждаться видом отпертых ворот, гордая собой и своим планом, когда внезапно резко смолкли птицы, и, кажется, разом затихла песня ветра.

Уже предчувствуя, кого именно увижу за спиной, я медленно обернулась, крепче стискивая меч в руке, инстинктивно чуя, что он мне сейчас пригодится.

Она стояла на широких ступенях крыльца, ведущего к замку, и просто смотрела на меня. Но что это был за взгляд! Он насквозь прожигал неприкрытой ненавистью, кипящей злобой, злостью и еще многими другими чувствами, которые я уже не успела разобрать, потому что спустя секунду она слетела с крыльца и с яростным криком, расколовшим звенящую тишину на мелкие осколки, бросилась в мою сторону, сжимая в руке обнаженный меч.

Я успела отклониться за считанные доли секунды до того, как лезвие рассекло воздух совсем рядом с тем местом, где мгновение назад находилось мое лицо.

Только бесконечные мучительные часы нещадных тренировок спасли меня от гибели, когда в следующую секунду Иризи резко переместилась ближе и с размаху нанесла скользящий удар.

Я нырнула под наискосок летящее лезвие и с силой парировала удар, принимая мощь стали на свой клинок. Металл жалобно скрипнул, но выстоял. Не дав ей времени опомниться, я развернулась и с размаху рубанула... по воздуху, так как она успела за миг до удара отклониться в сторону.

Мы одновременно замерли, пытаясь взглядом нащупать слабое место соперника, но спустя секунду она не выдержала, вновь бездумно бросаясь в омут битвы. На моей стороне сейчас было хладнокровие и сдержанность; на ее — ярость и бешенство, придающие ударам еще большую скорость и силу, но мешающие здраво мыслить.

Но ни одной из нас никак не удавалось одолеть друг друга — силы наши были примерно равны. Подобные мысли спустя еще несколько безуспешных попыток заставить меня врасплох посетили и Иризи, поэтому она заметно сбавила скорость ударов, придумывая новую стратегию.

Теперь уже нападала, в основном, я сама, заставляя отступать ее обратно к крыльцу. Она осторожно пятилась назад, не забывая, впрочем, на каждый мой удар отвечать с такой же силой и ловкостью. Наконец, ее спина коснулась твердой опоры каменных столбов крыльца, и тогда она по-настоящему ринулась в бой.

Почему она с такой легкостью позволила зажать себя в угол, я поняла только тогда, когда она резким движением оттолкнулась от крепкого камня и взлетела в воздух, обрушивая на меня бешено вращавшийся меч. Я едва успела инстинктивно вжать голову в плечи, что и спасло меня, но не мою несчастную косу. Толстая прядь не успела еще оказаться на земле, как следом за первым пришел второй удар, от которого я отклонилась, резко отпрыгивая назад.

Непривычно короткие пряди ударились о лицо, закрывая обзор. Я нетерпеливо смахнула их рукой и насмешливо улыбнулась Иризи, еще больше распаляя огонь безумия в ее глазах.

Она разочарованно зарычала и неумолимой машиной двинулась на меня. Мне оставалось только защищаться, когда, резко выпрямив руки, Иризи попыталась лезвием ткнуть меня в грудь.

Мы обе учащенно дышали в перерывах между новыми ударами; мокрые волосы назойливо лезли в глаза, но ни одна из нас и не думала сделать передышку, слишком велика была вероятность проигрыша в этом случае.

Я начала уставать; сначала чуть заметно, но с каждой новой минутой этой, казалось, бесконечной схватки мои руки, напряженно сжимающие меч, становились все слабее. Пару раз лишь чудо спасло меня от неминуемой смерти, и я знала, что долго так продолжаться не может.

И в этот момент Иризи, силы которой также таяли на глазах, решила ускорить ход событий в свою пользу — подпустив меня чуть поближе, она внезапно поддела мыском сапога верхний слой земли и с силой метнула его мне в лицо.

Не ожидавшая этого, я на секунду ослепла.

И этого мгновение хватило ей для того, чтобы резкий выпад меча нашел свою цель. К счастью, я успела за долю секунды до этого увернуться, но недостаточно быстро. Мгновенно бок обожгло резкой болью, эхом отдавшейся по всему телу.

Я с трудом раскрыла слезившиеся от попавшей земли глаза и бросилась в сторону от смазанного силуэта, пронзающего воздух там, где была я всего секунду назад.

Я не могла больше нападать: глаза зудели и чесались, не в силах разглядеть врага. И тогда где-то внутри раздался тихий настойчивый голос той, что все это время безучастно наблюдала за ходом схватки со стороны.

«Ты знаешь, что не сможешь продержаться и нескольких секунд без меня».

Настойчиво шептала Катрина, пока я слепо пыталась предугадать действия вампириши. «Позволь мне помочь тебе сейчас, позволь показать ей, насколько сильно ошибались они все, думая, что смогут сдержать меня, смогут подчинить себе...».

Звуки вкрадчивых шагов Иризи предупреждали о том, что времени до следующего удара осталось совсем мало. И я вновь позволила Катрине взять надо мной верх, в глубине души обещая себе, что это в последний раз. «Это ты так думаешь» — с усмешкой шепнула она, прежде чем окутать сознание уже привычной пеленой.

Я прикрыла глаза, оказываясь в полной темноте. Но здесь свет был мне не нужен. Точнее, он не нужен был той, что сейчас контролировала каждое мое движение, чьи кровавые мысли заполнили растерянное сознание. Той, что сама была порождением тьмы и прекрасно ориентировалась во мраке. Я замерла с закрытыми глазами и прислушалась.

Тишина... Тихий хруст ветки под осторожными шагами врага...

Одно движение, сократившее расстояние между нами до нескольких шагов.

Я не двигалась, обманчиво расслабившись с мечом в руках...

Резкий прыжок — и рубящий удар, пришедшийся по пустому месту. Я приземлилась в нескольких шагах от Иризи, не ожидавшей от меня такой прыти, и спокойно перебросила меч в другую руку, предвкушая очередной удар.

Наверное, со стороны нашу схватку можно было принять за танец. Только вот цена за проигрыш была непомерно высока, поэтому мы не спешили нападать, настороженно перемещаясь по пустынному двору.

Временами она пыталась подловить меня, заставить потерять бдительность, но чуткий слух Катрины каждый раз оказывался сильнее быстрых стремительных движений вампириши. От злости та скрежетала зубами при каждом неудачном ударе, но не могла ничего поделать с этим.

Спустя еще несколько бесплодных попыток напасть, которые я успешно отражала, Иризи в очередной раз начала терять терпение. Отяжелевшая от выступившей крови ткань напоминала мне о том, что дальше медлить нельзя, а еле слышные звуки, доносящиеся откуда-то извне территорий замка, свидетельствовали, что помощь уже близка. Нужно всего лишь продержаться еще несколько минут.

Иризи тоже слышала эти спасительные звуки и, судя по злобной ругани, правильно их расценила. Теперь ей нужно было как можно скорее вернуться в замок и позвать тварей — а уж они дальше бы сами справились с воинами.

Но прежде ей нужно было убить меня.

Я попробовала открыть глаза, предчувствуя, что сейчас мне понадобятся все умения и весь опыт, чтобы не дать ей убить себя до прихода отрядов Гералта и Алариса. Зрение почти восстановилось, но вампириша не желала больше ждать.

С безумным выражением лица она прыгнула на меня; мечи столкнулись в воздухе с громким лязгом. С силой оттолкнув ее от себя, я попятилась назад, словно в замешательстве опуская тяжелый меч, и она поддалась на мою уловку.

Страшное желание быстрее разделаться с надоевшим врагом и громкие звуки спешащих в замок отрядов сделали свое дело — она бросилась на меня, забыв про осторожность. Я шагнула вправо, уходя из-под удара и одновременно перебрасывая меч в другую руку, словно намереваясь рубануть по незащищенному боку Иризи.

Она инстинктивно прогнулась в сторону, чего я и ждала все это время: не в силах остановиться, она продолжала прогибаться вправо, и я механически завершила свой удар, с полуразворота вонзая лезвие прямо в грудь вампириши.

Увернуться она уже не успела. Добротный клинок прошел насквозь вышитой ткани, которая тут же начала окрашиваться в алый цвет.

Шум за стенами оглушал. Ворота протяжно заскрипели, раздвигаемые множеством сильных рук. Она недоверчиво взглянула на свою грудь, в которой торчало острое лезвие, и начала неуклюже валиться на землю.

Я осторожно приблизилась, чтобы в последний раз взглянуть на ту, что была настоящим исчадием ада, и, одновременно, самым успешным

учителем, что когда-либо у меня был. Думаю, что если бы она могла хотя бы на секунду взглянуть на ситуацию с иной точки зрения, ей пришлось бы признать, что этот урок ее ненавистной ученицей был усвоен на отлично.

Сильная судорога искривила совершенное лицо; рот приоткрылся, слиясь что-то прошептать, тонкая красная струйка побежала из уголка ровных губ. В глазах, устремленных куда-то за мою спину на вбегающих во двор замка воинов, тлели горечь поражения и злоба на весь окружающий мир — о, она не была бы Иризи, если даже в эту минуту ее не переполняли бы черные чувства.

Вокруг нас мелькали воины из отрядов Делагарди, растворяющиеся в прохладе замка, откуда доносились редкие отзвуки схваток, по-видимому, эффект порошка подошел к концу. А я все продолжала оставаться рядом с умирающей вампиршей, не в силах объяснить даже самой себе, что меня здесь удерживает.

Иризи с трудом перевела взгляд на меня; на секунду в нем отразилось предчувствие смерти, страх неизвестности и еще чего-то, что я не смогла понять, потому что в следующее мгновение она с усилием перевела взгляд к воротам, словно услышав чей-то голос.

А в следующий миг ее глаза наполнились несказанным облегчением и ...радостью? Я недоверчиво обернулась к воротам, не зная, что могло вызвать такую реакцию, но все мои вопросы исчезли, когда я увидела высокую фигуру Алариса, вбегающего во двор и что-то кричащего кому-то из воинов.

Все мгновенно стало понятно. Но от этого не менее сложно.

Я повернулась обратно к вампирше, чувствуя, словно подсмотрела что-то глубоко личное, что не должна была и не имела права видеть.

Но она не думала меня упрекать в этом. В глазах ее навсегда застыло то самое выражение, заставившее меня усомниться во всем, что я знала о ней раньше, а губы так и остались чуть раскрытыми — словно она до самого конца силилась что-то произнести. И внезапно налетевший ветер наполнил мою душу странной уверенностью — если бы это слово все же сорвалось с губ умирающей девушки, то это было бы его имя...

Я выпрямилась во весь рост, только сейчас ощутив, как сильно ветер обжигает края раны.

В этот момент меня сзади обхватили сильные руки, со спины прижимая к такому знакомому телу.

— Слава всем Богам, ты жива... — произнес глубокий голос, который, кажется, я уже отчаялась вновь услышать.

Я ничего не ответила, просто прислонившись к сильному телу позади меня и ощущая непривычное спокойствие в душе. И пустоту. Сейчас я как никогда была собой, прежней Трианой Де Леон. Во всех уголках разума не было ни малейшего намека даже на тень Катрины.

Я не знала, когда именно она ушла. Быть может, это произошло еще в пылу битвы. Но что-то в глубине души подсказывало, что Катрина ушла в тот самый момент, когда душа Иризи покинула брренное тело. Связь, возникшая между ними, была необъяснима — но она существовала, я чувствовала это каждую секунду, проведенную рядом с мстительной сестрой Киарана.

Связь между учителем и ученицей.

Между жертвой и охотником.

Между хищником и добычей.

Роли менялись, но одно оставалось неизменным: только рядом с Иризи Катрина прорывалась сквозь мою прежнюю сущность, контролировала сознание, руководствуясь единственной целью — месть. А как жить без этого ориентира она не знала. Или просто не хотела. И потому она ушла вслед за своим верным врагом.

Я вздохнула, не в силах отвести взгляд от тела поверженного врага.

— Это отродье дьявола не имело права на существование. Если бы только я мог вернуть время вспять и избавиться от нее пока она не...

А дальше произошло то, что я сама от себя не ожидала: резко вывернувшись из мужских объятий, я гневно взглянула на Алариса и прямо ему в лицо выплюнула те слова, что неосознанно жгли душу:

— А ведь она любила тебя! Понимаешь? По-настоящему любила! Так, как от нее не мог ожидать этого никто! — он смотрел на меня растерянным взглядом, не понимая причин моего гнева. — А в первую очередь, я сама, — эти слова я уже прошептала самой себе, раскаиваясь за невольную вспышку гнева.

Ему этого не понять. А я сама не захотела бы объяснять.

И только горячий ком в области сердца гнал меня отсюда, от распростертого на земле женского тела, от душных стен замка, от боли, так внезапно прорвавшейся сквозь толстую корку обид.

Я так долго училась ненавидеть Иризи, что уже забыла, каково это: не ощущать постоянный горький осадок предчувствия мести на каждой мысли, на каждой эмоции, каждом поступке. И теперь мне предстояло заново учиться жить. Ну а пока...

Я повернулась лицом к распахнутым воротам, жадно окидывая взглядом распростертые равнины, манящие вольным ветром, дикой

свободой, свободой от всего — и прежде всего, от тянущего чувства тоски по чему-то неизведанному, ощущения, что меня загнали в узкие стены, в которых я медленно задыхаюсь без воздуха.

Махнув рукой растерянному стоящему Аларису, я устремилась туда, где светлый силуэт неба расчертили первые солнечные лучи, надеясь, что вампир поймет, что сейчас мне необходимо было одиночество. Хотя бы на несколько часов оставить весь груз прошлого и попытаться вспомнить, каково это — просто быть собой.

Замок остался далеко позади, когда я все-таки обернулась, словно услышав свое имя, произнесенное вслух: в воротах продолжала неподвижно стоять едва различимая темная фигура, без слов говоря, что он будет ждать.

Глава двадцать пятая

На горизонте медленно вставало оранжево-красное солнце, пробуждая утро и вместе с ним все живое ото сна. Воздух, пропитанный сладкими ночными ароматами, кружил голову, наполняя душу странным предчувствием перемен. Ранние птицы робко распевались после очередной летней ночи, и их звонкие голоса раскрашивали тишину луга первыми яркими красками.

Я во весь дух мчалась по зеленому полю, утопающему в еще не проснувшихся цветах, чьи склоненные головки-бутоны начинали медленно раскрываться навстречу первым солнечным лучам, и упивалась тем ощущением свободы, что дарило одиночество. Но вопреки царящей вокруг безмятежности на душе моей все еще было беспокойно: неясные тени сомнений омрачали, казалось бы, ликующее торжество победы, заставляя вновь и вновь пытаться отыскать в собственной голове причины этой тревоги.

Но в эту минуту самым пугающим было то, что я не могла зацепиться ни за одну дельную мысль: в голове словно царил вязкий туман, в котором смешались самые разные чувства. Неудивительно, что в этот момент единственное, в чем я нуждалась сильнее всего, было столь желанное одиночество.

Я чувствовала, как рушатся последние внутренние барьеры, удерживающие мою жизнь в хрупких рамках видимого порядка. Но это утро стало решающим не только для воинов Алариса и Гералта: я ощущала всем своим естеством, что и в моей душе сегодня произошла финальная битва. Но то была битва, в которой не осталось победителей. Катрина и Триана оказались повержены — и сквозь прах прежних сущностей робко пробивались ростки чего-то нового.

И пусть я пока даже не знала, что за новая личность получится из осколков, изменения уже произошли. И мне оставалось лишь дождаться, пока новое «я» отряхнет пепел старых сомнений и явит себя миру. Я лишь надеялась, что у нее хватит решимости, наконец, разобраться с тем хаосом, в какой превратилась моя жизнь в последние месяцы.

Однако сегодня мне не суждено было насладиться разлитым в воздухе умиротворением. В тот момент, когда я только начала ощущать, как сомнения начинают тихонько развеиваться под ласковыми лучами пробудившегося светила, небольшой подземный зверек, выползший

на поверхность, громко клацнул зубами, ловя, неведь откуда здесь взявшуюся маленькую муху.

И внезапно меня словно молнией поразило осознание того, что я сотни раз уже видела нечто подобное.

Мне даже не пришлось напрягать сознание в поисках ответа: услужливая память не преминула наполнить разум ярчайшими картинками того, как мои лабораторные творения впервые разевали пасть, только выйдя из-под рук своих создателей.

И только в этот момент пришло полное осознание того, что я оставила в замке после себя. Пугающая реальность разом затмила собой солнечный свет, за доли секунд превращая теплое летнее утро в оживший кошмар моих человеческих снов.

Не медля ни секунды, я стремительно развернулась и буквально полетела назад, выбросив из головы все посторонние мысли. Единственное, что сейчас имело значение — только бы успеть. Я в полной мере представляла себе, на что способны разъяренные твари, и поэтому шансы, что они успеют перегрызть всех, кто попытается их усмирить, были очень высоки.

Казалось, я не успела далеко отойти от замка, однако размытые очертания горизонта и не думали приближаться, злое же маня едва различимыми даже моим острым взором, тонкими очертаниями высоких башен.

Я летела с такой скоростью, что местность вокруг казалась сплошным зеленым, расплывчатым пятном, но в тот момент казалось, что время остановилось. Когда я, наконец, приблизилась к замку настолько, что смогла различить высокие башни и маленькие фигурки на широких стенах, мои страшные подозрения начали сбываться: определенно, в той суматохе, что царил в замке, повинны были мои жуткие творения.

Я вновь и вновь проклинала свое неумное желание уединиться в столь напряженный момент и свои такие слабые человеческие чувства, против которых оказалась бессильна даже сущность вампира. Если бы я не пошла на поводу своих слабостей, то могла бы предотвратить это, могла бы сейчас находиться в замке вместе с остальными, а не нестись сломя голову к месту, которое для многих вампиров рискует стать местом последнего упокоения.

Когда я, наконец, вбежала в распахнутые ворота, напряжение достигло критической точки. Не знаю, что я ожидала увидеть, возможно, горы тел моих союзников. Но когда я увидела вполне живого и невредимого Алариса, спешно отдающего приказы нескольким обступившим его

воинам, волна облегчения, мгновенно затопившая тело, чуть было не заставила бессильно опуститься на землю.

Но в этот момент из замка донесся яростный приглушенный рык, который я слышала бесчисленное количество раз, и именно это помогло мне мгновенно собрать оставшиеся силы и сосредоточиться на главном.

Аларис вскользь окинул двор цепким взглядом, в котором попеременно плескались усталость и тревога, но когда наши глаза встретились, меня ослепило чувство облегчения и радости, в них сверкнувшее. Не позволяя себе расслабляться, я подлетела к нему и коротко спросила:

— Уже есть жертвы?

Он мгновенно понял, о чем речь, и так же кратко ответил, жестом приказывая одному из только что подбежавших воинов приблизиться к нему:

— Пять вампиров Гералта и один из моего отряда, — спустя мгновение, выслушав свежие донесения, он добавил: — Основные отряды собраны с обратной стороны замка, ожидая приказаний. Несколько обитателей замка, в том числе мои сестры, заперты в одном из залов, поэтому монстры до них не добрались. Обычные методы борьбы не срабатывают, мы пытаемся загнать их в одно помещение, но пока не удастся это сделать.

Я впервые за эти сумасшедшие часы позволила себе немного расслабиться: потери пока были сравнительно невелики, хотя, учитывая выносливость и силу моих созданий, можно было не сомневаться, что в случае промедления число жертв будет постоянно увеличиваться.

Аларис закончил разговор с вампирами и, отпустив их к своим отрядам, повернулся ко мне, касаясь моей руки, тем самым привлекая внимание:

— Триана. Я не хочу тревожить твои раны, не хочу напоминать о том, через что тебе пришлось пройти, но я больше не могу смотреть, как ты с каждым днем замыкаешься в себе. Если причина во мне — пожалуйста, только не молчи, не отдаляйся. Расскажи мне, что тебя так гнетет.

— Аларис, сейчас не время об этом говорить! Надо вывести тварей из замка, пока они не растерзали всех там находящихся. И если ты мне поможешь, я смогу это сделать, — я нетерпеливо перебила его сбивчивые слова, страшись предстоящего разговора, поэтому стремилась отложить его до последнего. Да и момент был выбран слишком неподходящий. И пусть в глубине души я сама осознавала нелепость своих отговорок, ничто в этот момент не смогло бы меня остановить.

Мужчина нахмурился в ответ на мои слова; по мелькнувшему в глазах разочарованию я поняла, что не такой ответ он ожидал. Но в эту минуту я не могла, просто не могла сказать ему то, что Аларис хотел услышать. И если быть откровенной — хотя бы наедине с собой — даже я сама пока не знала, что творится в моей растерзанной душе. Как можно было в этот момент пустить туда кого-то другого, тем более вампира, которого я любила больше всего на свете, любила страстно и без памяти? В первую очередь, я должна была разобраться с призраками прошлого самостоятельно, а уж потом настанет время для объяснений с моим мужчиной.

Наконец, после молчаливого диалога, в котором я просила его просто подождать и не терзать меня вопросами, пытаюсь понять, что творится у меня в мыслях, он сдался. Это можно было увидеть по тому, как опустился горделивый подбородок, как потемнел от обиды взгляд, как морщинки едва уловимого разочарования прочертили высокий лоб. Но едва я успела обрадоваться выигранному времени, как он тихо, и от этого не менее угрожающе прошептал, не сводя с меня задумчивого взгляда:

— Не знаю, что сейчас творится в твоей голове, Триана Леон. Но знай, что у тебя осталось совсем немного времени до того, как я запру тебя в своих покоях и не выпущу оттуда, пока каждая мысль, каждый уголок твоей души не будут заполнены только мной одним.

От его глубокого низкого голоса по коже мгновенно разбежались мурашки, растворившиеся где-то внизу живота. По-видимому, что-то такое отразилось и в моем взгляде, потому как он удовлетворенно хмыкнул и улыбнулся одними уголками своих совершенных губ такой порочной и дьявольской улыбкой, от которой внутри меня вспыхнул пожар, погасить который могли только его прикосновения.

Я в очередной раз оказалась не готова к реакции собственного тела, и неудивительно, что из головы мгновенно вылетели все посторонние мысли, оставив вместо себя яркие образы только нас двоих, затуманенные сладкой пеленой желания.

И только когда он отвел взгляд обратно на замок, я вспомнила самое главное.

— Аларис, — он успел уже двинуться в сторону тропинки, огибающей замок, когда я окликнула его, спросив: — Ты сможешь вывести все отряды за пределы замка? Мне нужно, чтобы никого не было рядом с монстрами.

Он мгновение просчитал в уме все возможные пути, а затем кивнул, ожидая моего плана.

— Я выведу монстров из замка в сад, но любое присутствие чужаков

они могут воспринять как угрозу. Поэтому мне необходимо, чтобы никого вокруг не осталось.

Он сощурился:

— А почему ты так уверена в том, что они будут тебя слушаться? И если вдруг выяснится, что это не так, как я смогу помочь, если меня не будет рядом?

Я напряженно улыбнулась в ответ, не зная, как убедить его в том, что это неопасно и одновременно рассказать как можно меньше о времени, проведенном в замке Атония. «Время для откровений еще не подошло», — уговаривала я саму себя, пока мысли судорожно обгоняли друг друга в поисках безопасного ответа. В конце концов, я решила, что немного правды не повредит и осторожно произнесла, стараясь, чтобы голос не выдал настоящих чувств:

— За то время, что я провела в плену, — при этих словах лицо мужчины исказила судорога боли, и я в который раз убедилась, насколько тяжело ему пришлось в те долгие недели, наполненные неизвестностью. — Я много времени проводила в лабораториях, и многое узнала об этих животных. Поэтому прошу, поверь мне и дай возможность сделать все правильно. Ты ведь знаешь, я смогу.

По лицу вампира можно было прочесть все сомнения, булеревающие его в эту минуту. Наконец, вера в мои слова победила растущие сомнения, и он с тяжелым вздохом произнес:

— Хорошо, я уведу воинов, — я благодарно кивнула и уже направилась было к замку, когда его слова догнали меня: — И еще, Триана — береги себя. Хотя бы ради меня.

Я коротко кивнула в ответ, чувствуя, как от его заботы в груди разливается приятное тепло. Но в следующее мгновение я выбросила из головы все лишние мысли и сосредоточилась на предстоящем деле.

Осторожно отворив тяжелые двери, я вступила в просторный зал. Чуткий слух сразу же уловил глухие стуки где-то наверху: по-видимому, монстры рвались в запертые помещения, ощущая присутствие чужаков. Не знала я лишь того, почему они до сих пор не попытались выбраться из замка, впрочем, сейчас это было уже не столь важно.

Набрав воздуха в легкие, я осторожно позвала, уверенная в том, что меня услышат. И не прошло и минуты, как по лестнице загрохотали тяжелые лапы, как заскрипели ступени под тяжестью живой непрерывной массы, которая с радостным визгом отозвалась на мой клич.

Они, наверное, смели бы с ног и меня саму, если бы за секунду до того, как эта масса хлынула бурным потоком с лестницы, я не подняла

руку и не приказала им остановиться. Они мгновенно повиновались, тормозя острыми когтями по гладкому полу, по инерции проезжая еще немного вперед и врезаясь друг в друга. Наверное, со стороны это выглядело смешно, но мне в тот момент было не до смеха: я отчаянно размышляла о том, как поступить с таким опасным личным зверинцем. Как никто другой я знала их кровожадную природу и не питала иллюзий: они могли быть ручными и покладистыми рядом со мной, но никогда и никому не удастся обуздать их тягу к убийству. Они были созданы как орудия смерти, и эту сущность уже было не исправить.

Не придумав ничего стоящего, я решила вывести их в сад, а затем уже решить, что делать. Настежь распахнув входные двери, я громко приказала своим творениям следовать за мной. Они беспрекословно повиновались, мгновенно преображаясь в образцовых домашних животных. Послушно проходя через дверные проемы, они с немым обожанием следовали за мной, готовые подчиниться любому приказу.

Но когда мы уже подходили к саду, внезапно один из них учуял следы присутствия посторонних вампиров и низко зарычал, глядя в сторону ворот. Остальные мгновенно последовали его примеру, и уже через пару секунд двор наполнился глухим рычанием.

Я остановилась, с тревогой глядя на мгновенно приготовившихся к атаке животных, и самым ласковым и тихим голосом позвала их. Секунду они колебались, не зная, чему отдать предпочтение: обещанию новой увлекательной битвы или моему зову, но в итоге инстинкты, заложенные мной в них в момент создания, с трудом взяли свое. С неохотой они повернулись в мою сторону и медленно продолжили путь.

Мы шли знакомыми дорожками, огибая замок, а в это время я судорожно решала, что с ними делать. Небольшое происшествие в саду в очередной раз помогло мне убедиться в том, что оставлять их возле замка слишком опасно для жизней его обитателей, но как же поступить с ними, я не знала. До того момента, когда мы покинули окрестности замка и устремились прямо навстречу горизонту.

И только тогда я начала медленно прозревать. Словно сама судьба указывала мне решение, но разум отказывался верить, что эти резвящиеся животные, обступившие меня, стараясь даже на бегу лишний раз коснуться косматыми головами моих ног, обречены на смерть.

Сколько долгих часов и бессонных ночей, напоенных страхом не оправдать надежд Атония, было положено на алтарь рискованных экспериментов — и неужели эти труды были напрасны?..

Я только горько покачала головой: моя жизнь настолько вышла из-под

контроля, что давно пора было научиться стойко принимать ее очередные удары. Но все равно раз за разом я оказывалась не готова к очередным испытаниям, и каждый новый день забирал с собой крохотную частичку моей души.

Тем временем мы почти вплотную приблизились к широкой пасти разверзнувшейся прямо перед нами пропасти. Животные внезапно робко заскулили, торопливо сбиваясь в непрерывно шевелящуюся кучу у моих ног, инстинктивно ощущая опасность, поднимающуюся вместе с парами сизого смердящего тумана с самого дна.

Ничего, казалось, не изменилось с момента, когда я в первый и последний раз стояла здесь, на самом краю, отчаянно вглядываясь в непроницаемый мрак пропасти, и пыталась противиться необъяснимому желанию сделать всего один шаг, отделяющий меня от обманчиво притягательной свободы, обещанной пропастью.

Но сегодня я не пыталась подходить ближе, раздираемая на мелкие кусочки противоречивыми чувствами: разумом я понимала, что у моих творений нет, и не может быть будущего, а вот душа... Она истекала слезами при виде растерянных животных, испуганно жмущихся ближе ко мне.

Секунды томительно сменяли друг друга, а я все никак не могла решиться на этот шаг, отделявший меня от принятия решения, за которое я заплачу очередными бессонными ночами, наполненными мучительными воспоминаниями.

Но остаться здесь навечно я тоже не могла: там, в замке меня ждали новые трудности, новые преграды, которые я должна была пройти.

Вся моя жизнь, начиная с превращения, целиком состояла из сплошных препятствий и помех, словно самой судьбе было недостаточно уже пережитого мною, и с завидным упорством она раз за разом подводила меня к самому краю, проверяя оставшийся запас прочности.

Наконец, мои внутренние метания достигли наивысшей точки, и я осознала — время пришло. Или я сделаю это сейчас, или же никогда не смогу. Но последствия этого бездействия могут оказаться непоправимыми, в первую очередь для моих близких. Их благополучие перевешивало все прочие аргументы.

В последний раз окинув тоскливым взглядом еще ничего не понимающих животных, я набрала воздуха в легкие и негромко, но твердо приказала: «Вперед».

В первую секунду ничего не произошло, лишь только усилившийся

ветер мстительно метнул мне в лицо горсть сухой травы и старых листьев. А я все стояла и смотрела, как в глазах животных сквозь маску преданности начинает проступать страх.

Первые секунды было непривычно смотреть, как эти обычно бесстрашные существа робко переминаются с лапы на лапу, не понимая глупого приказа той, кому они привыкли повиноваться беспрекословно.

А после пришла боль.

Такой силы, что мне пришлось до крови вонзить ногти в ладони, чтобы не отменить жестокий приказ. Но понимание того, что у меня не оставалось другого выбора, заставило крепко стиснуть зубы и сдержаться. Аларис и все вампиры в замке ожидали от меня этого — и я не могла их подвести.

Но ценой тому была измена тем, кто не мог даже осознать всей глубины моего предательства.

И они повиновались.

С тем же выражением немного обожания и смирения на уродливых мордах животные подходили к краю пропасти и, в последний раз неуверенно оборачиваясь в мою сторону, делали последний прыжок, прямо в черное жерло пропасти, откуда уже доносились первые звуки песен обитателей дна, которые нетерпеливо ожидали прихода неожиданной добычи.

Быть может, мои создания до последнего ждали, что хозяйка передумает? Я не знала, и могла лишь бессильно наблюдать за тем, как один за другим они исполняли мой приказ: смутно ощущая неправильность происходящего, но не в силах преодолеть самый основной инстинкт, заложенный в них в момент создания.

И только когда последний оставшийся монстр несмело остановился у самого края, с надеждой оглядываясь на меня — вдруг передумаю, вдруг прикажу остановиться в одном шаге от смерти, — меня начало колотить от сдерживаемых чувств. Но я упрямо заглушала рвущиеся из горла глухие рыдания, глядя прямо в полные надежды глаза своего создания, и молчала.

И животное все поняло.

Удивительно, но осознание того, что все-таки эти несчастные твари обладали разумом, ударило меня в тот момент, когда животное, делая тот самый последний шаг в бездну, совершенно по-человечески закрыло глаза.

И только тогда я позволила себе выпустить наружу раздиравшие меня все это время чувства: с пронзительным криком, оглушившим меня саму, я рухнула прямо на камень, в бессилии молотя ладонями по твердой поверхности.

Перед глазами все еще стоял самый последний зверь, закрывающий

глаза, чтобы не видеть стремительно приближающегося дна, не видеть сотни голодных глаз, нетерпеливо ожидающих его падения.

Душу разрывало осознание собственной вины, осознание того, что несчастные животные настолько беспрекословно, безоговорочно доверяли мне, что, не задумываясь, исполнили мой приказ, обернувшийся для них смертью.

Никогда еще боль не разрывала душу столь сильно, даже в замке Атония, когда сердце захлестывали волны чужой ненависти и злобы. И главным было то, что тогда я не могла поступить иначе — все мои поступки были продиктованы негласной волей главы клана Крейц — и я покорно подчинялась, отсекая эмоции.

А сейчас, в тот момент, когда все мое естество металось в поисках нового смысла, новой себя, я одним коротким отрывистым словом разрушила последние стены, что сдерживали меня от бесконечного омута давящих воспоминаний. Последние часы я с трудом, но все-таки удерживалась на поверхности, но невыносимо тяжелый камень в виде бесконечных раскаяний, сомнений, укоров, упреков, обвинений, висящий на шее, медленно тянул ко дну. И я больше не находила в себе сил ему сопротивляться.

Не помню, как я шла обратной дорогой, которая еще только пару часов назад трепетала под грузным топотом множества лап, но очнулась только перед непривычно пустынным двором замка Делагарди.

Я не стала заходить в замок, не желая подвергаться многочисленным расспросам, что-то кому-то объяснять, отвечать и даже просто улыбаться в ответ. Душа напоминала выжженную степь, словно не осталось чувств, чтобы просто продолжать жить.

Немного обойдя замок, и остановившись на пустынном балконе, широкими ступенями плавно спускающемся в сад, я облокотилась на прохладные перила и спрятала лицо в ладонях. В этот момент я ненавидела мир, породивший такое чудовище, как Атоний, ненавидела судьбу, заставившую меня предать собственные убеждения, детскую веру в то, что добро всегда побеждает зло.

Но больше всего сейчас я ненавидела саму себя.

Я вспоминала глаза обреченных животных, вспоминала взгляд Иризи перед самой гибелью — и всякий раз внутри что-то переворачивалось, хотя мне казалось, что уже просто нет сил заново переживать те опустошающие душу чувства.

Мысли мои тем временем вернулись к моменту, который немного позабылся за недавними событиями, но который, стоило только о нем

вспомнить, вспыхнул в памяти с новой силой. Эта сцена боя, закончившего моим полным душевным поражением, до сих пор не давала покоя, словно все это время истина лежала на поверхности, но я упорно ее не замечала, целиком сосредоточившись на собственных чувствах.

Поверить в то, что она все-таки любила, было сложно. Но еще сложнее было признать, что в те последние секунды я словно разделила все испытываемые ею чувства.

И пусть мне было страшно признаться в этом даже себе, но смерть Иризи что-то во мне изменила. Какие бы чувства я не испытывала к ней раньше, как бы не желала ей гибели, в момент, когда она умирала, глядя прямо мне в глаза, я не могла не испытать к ней сочувствие. Потому что в тот момент она ничем не напоминала ту жестокую бессердечную вампиршу, из-за которой столько разных судеб оказалось уродливо перекроено и переплетено между собой. Наверное, в какой-то степени ее смерть примирила меня с ней, и потому теперь я вспоминала ее только лишь с жалостью.

А где-то в глубине души, где-то в самом дальнем и темном закоулке жил страх. Страх повторить ее судьбу. Страх настолько отдать себя *этому* мужчине, что окончательно запутаться в сложном смешении смешанных чувств.

Никогда бы я не хотела оказаться на ее месте: бросить все на алтарь своей нездоровой, слепой любви и проиграть, потерять остатки души в безнадежной борьбе за сердце того, кто тебя не любит.

А где-то на задворках сознания предательский голосок разума шептал: а не поздно ли уже для сомнений? Разве я уже не отдала давным-давно и сердце, и душу, и тело вампиру с пронзительным взглядом? И что толку есть сейчас корить себя за то, что когда-то полюбила — ведь это не зависело от меня самой.

Могу ли я ему верить? Или точнее, есть ли у меня уже выбор? И не окажется ли потом, что его любовь ко мне не более чем плотское влечение, замешанное на обманчивых иллюзиях влюбленности?

Я тонула в тоскливых размышлениях, невидящим взором оглядывая зеленый сад, утопающий в цветущих розах. На секунду взор зацепился за резное строение беседки: мелькнуло давнее воспоминание, как я впервые ее увидела и о чем мечтала, глядя на романтическое строение, увитое плющом. Теперь эти желания казались глупой детской мечтой, и все-таки что-то внутри меня до сих пор сладко замирало при воспоминаниях о том времени, когда я еще умела мечтать...

Рядом раздались едва различимые в тихом перешептывании листьев

шаги; спустя пару секунд рядом со мной облокотился на тяжелые перила единственный вампир, который мог знать о девушке, не выходившей у меня из головы все это время, гораздо больше, нежели все остальные.

Двэйн — а это был именно он — немного помолчал, а после проговорил обманчиво равнодушным тоном, глядя куда-то вдаль:

— Ее похоронили за замком у самой стены.

Я вздрогнула от неожиданности: он словно прочел мои мысли.

— Почему? — и задавая этот вопрос, я безмолвно спрашивала его, почему от ее тела просто не избавились, как всегда поступали с трупами врагов.

Вампир без лишних слов понял мой вопрос и спустя секунду ответил:

— Так попросил я. Они не смогли мне отказать после того, что я сделал ради них.

На мой недоверчивый взгляд он невесело рассмеялся и просто произнес:

— Она приходилась мне сестрой, — я непонимающе взглянула на него, окончательно теряя связь с реальностью.

Он усмехнулся, заметив мое изумление:

— Естественно не кровной. Наши отцы были родными братьями, но мой отец никогда не одобрял кровожадных настроев собственного брата, поэтому довольно скоро их общение свелось к редким встречам. Когда мой отец погиб, дядя забрал меня в свой замок. Уже тогда он воспитывал Атония как жестокого, неумолимого повелителя, которого ничто не может остановить в достижении цели. Осознав, что я истинный сын своего отца, он быстро ко мне охладел, с тех пор отношения между нами ухудшались с каждым днем. Его дети так же быстро почувствовали напряжение между нами, и быстро осознали, что к чему.

Но если с Атонием мы с первых дней ощутили взаимную неприязнь, то с Иризи все было намного сложнее... — он помолчал, собираясь с мыслями, а затем продолжил: — Знаешь, она не всегда была такой. Когда-то это был наивный ребенок, до умопомрачения обожающий старшего брата. А тот, в свою очередь, тихо ненавидел отца, который всегда из двух своих детей выбирал маленькую дочь. Не знаю, как все могло бы сложиться, если бы однажды в случайной схватке его не убили вампиры-кочевники. Но мне казалось, что после его смерти Атоний намеренно день за днем мстил Иризи за его любовь, превращая в бездушного монстра. И когда однажды этот процесс стал необратим, я понял, что потерял последнего близкого мне вампира.

— Почему же ты не покинул замок? — я прервала напряженную

тишину, в мыслях раз за разом проматывая услышанное. Последний кусочек мозаики, наконец, встал на свое место, окончательно расставляя все на свои места. В этот момент моя ненависть к Атонию, казалось, была способна испепелить все живое вокруг. Если бы я только могла сейчас оказаться рядом с ним, то, не сомневаюсь, его ждала бы долгая и мучительная смерть.

— Потому что мне некуда было уходить, — он произнес эти слова таким тоном, что стало ясно, что он не расскажет больше ничего.

Я повернулась обратно к простирающемуся перед нами саду, и машинально потеряла зудящий бок: рана уже не кровоточила, но небольшая царапина все еще виднелась на месте пореза. Только в этот момент я обратила внимание, что до сих пор была облачена в мешковатое походное платье, которое с трудом можно было отнести к разряду нарядного: слишком много испытаний выдалось ему на долю. На секунду горчинкой кольнула мысль о том, что я предстала перед Аларисом в таком виде, но тут же растворилась под грузом безразличия.

— Вообще-то, тебя давно разыскивает твой брат. Советую не мешкать, иначе он вполне может решить, что ты в очередной раз решила проявить героизм и отправилась на штурм замка Атония в одиночку.

Я криво усмехнулась, благодарная ему за ненавязчивое присутствие, которое странным образом отвлекало меня от безрадостных мыслей, и медленно направилась в сторону входа, чувствуя себя так, словно за это утро разом постарела на десятки лет.

— Триана, — он окликнул меня внезапно. Я вопросительно взглянула на него, обернувшись. — Никому не рассказывай о Катрине. Они не поймут, никто не сумеет тебя понять, не испытав этого на своей шкуре.

Его слова еще долго звучали у меня в ушах, пока я искала Дэйкаса. Мне не пришлось заходить вглубь замка: едва я прошла по длинному коридору в направлении гостиной, как навстречу мне радостно бросился брат.

Дэйкас крепко стиснул меня в крепких объятьях, искренне радуясь нашей встрече. Я неохотно выпуталась из поистине медвежьих лап брата и постаралась широко улыбнуться ему в ответ — так, чтобы ни капли истинных чувств не проскользнули сквозь натянутую маску радости.

Но он в этот момент был так счастлив, что мои неуклюжие попытки скрыть печаль удались.

— Триана, где ты пропадала? Я искал тебя, едва мы ворвались сюда, но ты словно в воду канула. Если бы Аларис не подсказал, что с тобой все в порядке, клянусь, я бы уже отправился за тобой вдогонку.

Я нашла в себе силы криво улыбнуться, впрочем, немного оттаивая под искренним напором эмоций Дэйкаса. Даже спустя столько испытаний он до сих пор остается собой — и одним только небесам известно, чего это ему стоит...

Так увлекшись размышлениями, я пропустила часть рассказа брата, и очнувшись, только услышав знакомое имя.

— Ты бы видела, какими глазами смотрела Антия на своего избавителя! Уверен, в тот момент он показался ей посланником небес, спустившимся для того, чтобы ее спасти. Хорошо, что мы успели вовремя, и это все благодаря тебе!

Я несколько раз про себя повторила слова брата, пока, наконец, их смысл не пробился в потерянный разум.

— А кто именно ее спас?

— Двэйн. Мне даже показалось, что он сам в тот момент выглядел немного неуверенным, словно сомневался, ему ли так улыбалась младшая дочь Гералта. Думаю, при других обстоятельствах он мог бы стать для нее хорошей партией.

Я молча кивнула в ответ, не чувствуя в себе сил даже для поддержания этой пустой легкой беседы. Удовлетворившись моим кивком, брат продолжил:

— Аннора до сих пор не может прийти в себя. Боюсь, что до того момента, когда она найдет в себе силы перешагнуть случившееся, пройдет немало времени...

От его слов я вновь погрузилась в размышления: а сколько должно пройти времени, чтобы в моей душе зажили страшные рубцы случившегося? И вообще, возможно ли, что бы когда-то я смогла вспомнить события последних месяцев и не содрогнуться от ужаса?

— Триана?

Я спохватилась, что пропустила вопрос, только когда Дэйкас выжидающе замер в ожидании ответа.

— Прости, но я, кажется, не услышала вопроса... О чем ты хотел спросить? — я извиняюще улыбнулась, надеясь, что он спишет мою задумчивость на усталость после бессонной ночи. Но моим надеждам не суждено было сбыться.

— Триана, что с тобой происходит? Я боялся прежде спрашивать о том, каково тебе пришлось в плену, но, наверное, тебе лучше выговориться, выпустить свою боль наружу, — брат мгновенно оставил шуточный тон, едва разговор коснулся болезненной темы.

Не сдержавшись, я поднесла руку к волосам, и, устало проводя

ладонью по непривычно коротким прядям, растягивала время. Я не знала, что ответить молчаливо наблюдавшему Дэйкасу, не знала, как передать то чувство отчаяния, что сейчас творилось в душе. На секунду мелькнула спасительная идея рассказать брату все, что случилось со мной с момента нападения на Артель, поделиться ежеминутной болью, грызущей душу, излить свои переживания и сомнения.

Но едва я открыла рот, чтобы начать, как тут же задумалась: имела ли я право перекладывать свои проблемы на плечи брата? Ему и так нелегко видеть и принимать то, кем я стала, мириться со многим — так нужно ли усложнять ему жизнь еще больше? Понимая, что не смогу так эгоистично поступить с последним родным человеком — точнее, вампиром, — я только покачала головой, ласково прикасаясь ладонью к его щеке:

— Дэйкас. Не происходит ничего настолько важного, о чем стоило бы сейчас говорить. Не переживай за меня.

Он нахмурился, не удовлетворенный моим уклончивым ответом, однако, к моему большому облегчению, не стал продолжать расспросы, вместо этого пристально оглядев меня с ног до головы и заключив:

— Думаю, сейчас ты нуждаешься не в навязчивом внимании старшего брата, а в хорошем отдыхе. Я прав?

Я с облегчением кивнула ему в ответ, искренне благодарная за то, что он не стал продолжать расспросы.

Мы проходили длинными коридорами, которые мало чем походили на уютные и безукоризненно идеальные помещения, как то было раньше: мусор и разруха повсюду напоминали о присутствии чужаков. Но я не позволяла себе вновь травить душу воспоминаниями, сосредоточившись на обдумывании дальнейших планов. Не было сомнений в том, что необходимо идти на штурм замка Атония, пока новости о смерти Иризи не достигли его земель. Но как справиться с полчищами монстров, которые наводняют территории вокруг? Этих животных я не смогу уже контролировать. Сердце вновь предательски кольнуло от воспоминаний.

Словно угадав мои мысли, Дэйкас внезапно произнес:

— Думаю, тебе нужно знать, что Аларис с отцом планируют уже завтра напасть на Атония.

— Скорее не напасть, а выдвинуться, наверное. Но почему только завтра, а не сегодня? Дорога займет много времени, а действовать нужно немедленно...

Он загадочно пожал плечами, явно зная о чем-то, но не желая сообщать подробностей:

— Думаю, что он сам должен рассказать тебе об этом.

Я поняла, что бесполезно пытаться выяснять что-либо у брата, поэтому лишь согласно кивнула и с облегчением начала замедлять шаг — впереди показались долгожданные очертания знакомой двери.

Остановившись у порога, я повернулась к брату и ласково улыбнулась, прощаясь. Он вновь крепко прижал меня к себе и наказал выспаться за все бессонные часы.

Едва за мной закрылась тяжелая дверь, как я без сил привалилась спиной к твердому надежному дереву — никогда еще я не ощущала себя настолько разбитой.

Словно хрупкую стеклянную вазу, по прихоти судьбы разлетевшуюся на мелкие кусочки, я отчаянно пыталась сложить из осколков прежнюю себя; но с каждым новым кусочком, отказывающимся вписываться в старый рисунок, я все отчетливей осознавала, что веду заведомо проигранную войну.

И проиграла я ее еще давно, быть может, в тот момент, когда однажды встретила в заброшенном парке умирающего вампира...

Глава двадцать шестая

Удивительно, но комната каким-то чудом осталась нетронутой. Может быть, захватчики не стали заходить вглубь жилого крыла, удовлетворившись господскими спальнями.

Я с невыразимым наслаждением стянула с себя ненавистное платье, впитавшее в себя всю горечь и боль этого неимоверно длинного дня, и с тихим стоном опустила на прохладную гладкость покрывала. И едва я прикрыла глаза, вытягиваясь по длине кровати, как сознание заволокло черной пеленой забытья.

Напрасно я опасалась, что ночь пройдет в кошмарах, я не видела ни одного сна, утопая в непроницаемом мраке, сквозь который иногда прорывались посторонние звуки: скрип двери, чьи-то тихие шаги, но я настолько была измотана, что не смогла найти в себе сил, чтобы просто раскрыть глаза.

Приходила в себя я медленно и неохотно: сознание возвращалось урывками, против воли воскрешая в памяти самые сильные впечатления дня прошедшего, о которых я мечтала забыть. Но едва я смогла в полной мере возвратиться в реальность, как мое пробуждение было ускорено неожиданным открытием: эту ночь я провела не одна.

Рядом со мной, вольготно раскинувшись на соседней половине широкой кровати, неслышно спал Аларис, одной рукой обнимая меня за плечи.

Я замерла, стараясь не разбудить его даже малейшим движением, в то время как мысли стремительно обгоняли друг друга. Я и не думала, что он захочет променять привычную обстановку знакомых покоев на скромную обитель моей спальни. Особенно после нашего последнего разговора.

Впрочем, я тут же нашла тому логическое объяснение: наверняка его собственная спальня подверглась сумасшествию в лице Иризи. И если вспомнить хаос, творившийся в кабинете, нетрудно было предположить, что в таком случае его покои сейчас больше напоминали беспорядочное нагромождение остатков мебели.

Осторожно — практически не дыша — я высвободилась из-под руки вампира, каждую секунду с замиранием сердца ожидая его пробуждения. Но, о чудо, он не проснулся даже тогда, когда я, наугад выбрав случайное платье из своего старого сундука, так и продолжавшего скромно стоять в углу, неслышно оделась и выскользнула за дверь. И только оказавшись

в коридоре, я позволила себе расслабиться, в глубине души ощущая неправильность собственных действий, ведь это утро могло бы стать прекрасным моментом для долгого разговора по душам, особенно учитывая предстоящий поход.

Но все же большая часть меня каждый раз съеживалась от страха при одной только мысли, какими глазами он будет смотреть на меня, когда узнает всю правду.

Наши отношения с самого начала зародились на обманчивой почве страсти, смешанной с почти болезненной привязанностью, и теперь, когда нужно было двигаться дальше, я не знала, как сделать верный выбор. Жизнь не всегда такая, какой хотелось ее видеть, и только компромисс мог помочь нам в эту минуту.

К сожалению, из нас двоих именно мне не хватало решимости начать тот самый разговор, который мог бы спасти ситуацию, мог растопить первый лед недоверия, сковавший сердца пока еще тонкой ледяной дымкой.

И пусть я понимала, что промедление подобно мучительному падению в бездну — в ту, на дне которой ждали новых жертв неведомые твари, — я не могла остановить бреющий полет, не могла заставить себя ухватиться за руку помощи, протягиваемую Аларисом. И, что было хуже во сто крат, я тянула его в личный ад вслед за собой.

Я глубоко вдохнула, выкидывая из головы бесконечные сомнения, и направилась в сторону гостиной: сейчас мне было просто жизненно необходимо чье-либо присутствие рядом. Но когда я вошла в просторное помещение, из которого за ночь успели вымести весь хлам и придать ему приличный вид, мне пришлось пожалеть о своем желании, ведь в комнате находился только один вампир, в данную минуту что-то ожесточенно писавший на тонком листе бумаги.

Гералт — а это был именно он — оторвался от своего занятия, едва увидел меня.

Я замедлила шаг, внутренне надеясь, что удастся быстро покинуть комнату под каким-нибудь благовидным предлогом, однако его непривычная улыбка и приветливое похлопывание по кушетке рядом с ним, рассеяли эти надежды в дым.

Я сдержанно улыбнулась в ответ, не понимая причину такого бурного проявления чувств. Он никогда особо меня не жаловал, и в целом меня такое отношение устраивало.

Но в очередной раз он смог меня удивить, когда произнес с внезапной благодарностью в голосе:

— Триана, я хочу поблагодарить тебя за смелый поступок. Именно

тебе мои дочери обязаны жизнью, и я признателен за это. Ты сделала то, что не сумел сделать даже мой сын. Повторюсь, я не ожидал такого от человеческой женщины.

— Бывшей человеческой, — я поправила его скорее по привычке, не скрывая настороженности. Слышать подобные слова из его уст было непривычно и — я не могла этого отрицать — даже лестно.

Он слегка улыбнулся в ответ, бросая быстрый взгляд в сторону дверей.

— Вы кого-то ожидаете? Я не мешаю? — я поинтересовалась скорее из вежливости, не ожидая подробного ответа.

Однако Гералт ответил, вновь устремляя на меня взгляд:

— С минуты на минуту ожидается прибытие важного гостя — повелителя одного из крупнейших кланов вампиров на севере. Его единственная дочь и наследница находится в плену у Атония несколько недель, и поэтому он не мог предпринять никаких действий, опасаясь за ее жизнь. Но узнав о том, что мы собираемся штурмовать главную цитадель Крейцов, он не смог остаться в стороне.

Он продолжал мне что-то говорить, но я его не слышала, уйдя с головой в мучительные воспоминания. Образ черноволосой вампириши всплыл в памяти с поразительной четкостью, и я в очередной раз содрогнулась, со стыдом вспоминая, каким мучениям я подвергала несчастную.

Расценив напряженное выражение моего лица как реакцию на свой рассказ, отец Алариса склонился ко мне и доверительно сообщил:

— Когда-то давно мы планировали породниться с ним, но появление Иризи спутало все карты. Признаюсь, в тот момент я соблазнился могуществом Атония и поспешил ускорить события. Теперь же, когда мы благополучно завершим последнюю миссию, ничего не мешает нам с Пирсом вернуться к первоначальным планам, — он произносил эти слова с таким располагающим видом, словно беседовал со своим близким другом, а вовсе не с любовницей сына. — К тому же Кларина и Аларис всегда хорошо ладили.

Не выдержав этих откровений, я подняла голову и мрачно спросила:

— Почему же вы выбрали именно меня в качестве собеседника? Почему бы вам не поделиться этими планами с кем-нибудь другим — с тем же самым Аларисом, к примеру?

Он усмехнулся и неожиданно похлопал меня по плечу:

— Потому что ты нравишься мне. После событий, в которых ты проявила неожиданное мужество, я начал доверять тебе даже больше, чем сыну. Ты решительна и хладнокровна, и можешь оценить перспективу

с точки зрения не слабой женщины, а воина. К тому же ты напрямую заинтересована в том, чтобы будущая супруга Алариса происходила из знатного рода.

Я вопрошающе смотрела на него, не понимая, как я вообще могу быть заинтересована в той, кто будет рядом с моим мужчиной на протяжении десятилетий.

Он усмехнулся моей неопытности и снисходительно проговорил:

— Девочка, сколько тебе всего еще предстоит постигнуть. Аларису рано или поздно придется обзавестись законной супругой — это непреложный факт. Таков его долг перед своей семьей, народом, перед самим собой, в конце концов. Он должен оставить законных наследников. И потому важно, чтобы будущая супруга принесла в семью солидное приданое, в конце концов, от этого будет зависеть и благосостояние твоих будущих детей.

Он тяжелым взором смотрел куда-то поодаль.

Не нужно было уметь читать мысли, чтобы понять, что сейчас он вспоминает свою собственную семью и своего внебрачного сына. Но я не хотела подобной судьбы Аларису, не хотела, чтобы он разрывался между двумя семьями, не хотела заставлять день за днем совершать выбор. Впрочем — я тут же себя одернула — был ли у меня этот самый выбор? Разве могла я хоть как-то повлиять на эту древнюю и непреложную традицию? И даже если вдруг по какой-то необъяснимой прихоти судьбы Аларис меня поддержит, было ли у меня право лишать его возможности продолжить династию?

В этот момент со стороны коридора раздались торопливые шаги, и в комнату вошел один из воинов Гералта. Без слов он дал понять, что делегация уже прибыла. Не мешкая, отец Алариса стремительно поднялся со своего места и отправился вслед за воином.

Я осталась одна в пустой гостиной, бездумно разглядывая спешно прибранную комнату, заставляя себя не прислушиваться к происходящему сейчас в тронном зале. Мгновенно ожившие в памяти картинки творимых в нем прошлой ночью бесчинств заставили меня вздрогнуть, однако в этот момент в комнату быстрым шагом вошла Антия.

Увидев меня, она резко остановилась, словно натолкнувшись на невидимую стену. Я замерла, только сейчас осознавая, каким чудовищем, наверное, кажусь ей после всего произошедшего.

Были ли слова, которые могли бы передать стоявшей напротив меня девушке глубину моего раскаяния? Могла ли я поделиться с ней своей болью? Поверит ли она мне, если я скажу, что в тот момент не могла

поступить иначе?

Но она предвосхитила любые мои слова и действия, одним стремительным движением сократив расстояние между нами и оказавшись рядом.

— Триана, — она произнесла эти слова сдавленным голосом, уткнувшись в мою грудь, и, будь она человеком, я заподозрила бы, что она плачет. Растерянно проводя рукой по мягким длинным волосам, я наслаждалась давно забытыми ощущениями ее присутствия рядом, и пусть она не излучала уверенность и спокойствие, как это было раньше, я надеялась, что прежняя Антия вернется совсем скоро.

Наконец, она отстранилась, вглядываясь в мое лицо. Увиденное заставило ее нахмуриться. Девушка еще секунду помолчала, а затем внезапно, виновато глядя куда-то в сторону, произнесла глухим голосом:

— Знаешь, а тогда там... на какой-то миг я ведь поверила. И это я, которая прекрасно знала тебя, и знала, что ты никогда бы, никогда, не стала такой, как они! Поэтому я хочу попросить прощения за эти сомнения, недостойные нашей дружбы... Сможешь ли ты простить меня?

Я смотрела на такое родное лицо и чувствовала, как от ее слов внутри меня вновь пробуждаются привычные терзания. Какими словами я могла бы ей объяснить, что на самом деле тогда, в том самом зале, я действительно была одной из захватчиков, чувствовала и думала как они?

И как рассказать о том, что от той меня, которую она знала и любила, не осталось практически ничего?

Но глядя в полные раскаяния и надежды глаза девушки, я поняла, что ничего не смогу ей рассказать. И потому я лишь слабо улыбнулась и промолвила:

— Антия, мне не за что тебя прощать. Ты не сделала ничего дурного, в отличие от меня. Не терзай себя, не думай — не нужно лишний раз оживлять в памяти тяжелые воспоминания, ведь позвав их однажды, ты уже не сумеешь от них избавиться. И каждую минуту они будут медленно пожирать тебя заживо. Поверь, я знаю об этом не понаслышке, и не желаю для тебя подобной участи.

Она встревожено кивнула, не сводя с меня полного ожидания взгляда. Я перебрала в памяти ее слова, пока, наконец, не поняла, чего именно она от меня ждет. Ласково улыбнувшись, я крепко обняла ее:

— Неужели ты решила, что каких-то сомнений хватит для того, чтобы разрушить нашу дружбу? Вот уж нет! Но в качестве небольшого наказания ты должна мне все рассказать о том, кто такой Двэйн Дуоро.

Едва слышав знакомое имя, ее лицо мгновенно изменилось: на место

тревоги пришло смущение.

Взгляд заволокло дымкой, ресницы чуть дрогнули — и не было таких слов, которые могли бы лучше поведать мне о том, что всегда такая сдержанная и хладнокровная вампирша влюбилась. Однако вместо ответа она просто покачала головой и произнесла негромко:

— Сейчас это не самая важная тема. Триана, я вижу, что ты пытаешься скрыть тоску за обманчивыми улыбками. Но я слишком хорошо знаю этот взгляд, в глубинах которого таится боль. Расскажи мне. Позволь тебе помочь.

Я почувствовала себя бездарной актрисой, ведь все приложенные усилия так и не смогли обмануть проницательную Антию. Но я не могла позволить ей даже на секунду прочувствовать глубину моего падения, увидеть, насколько почернела душа.

Поэтому я лишь слегка улыбнулась и произнесла твердо:

— Антия, во имя твоего же блага я прошу не задавать этот вопрос. Хотя бы потому, что однажды я могу не сдержаться и рассказать тебе обо всем. И после этого ты больше не захочешь даже смотреть в мою сторону, а меньше всего на свете я хочу потерять еще и тебя.

— — Еще? А кто был первым? — эта девушка обладала удивительной способностью точно уловить самое важное слово, непроизвольно прорвавшееся сквозь тщательно отмеряемые фразы.

Я нахмурилась от осознания, что это, казалось, случайно вырвавшееся слово в действительности вовсе не было случайным, пусть я никогда всерьез не задумывалась об этом, но интуиция давно уже подсказывала: что-то неладно.

И хотя мне было страшно себе в этом признаваться, но с каждым новым днем я действительно теряла самого важного для меня вампира. И вина за это целиком и полностью лежала на мне самой. Но, даже понимая это, я уже не могла что-либо изменить в себе, и теперь оставалось лишь с ужасом наблюдать, как наши отношения покрываются мелкой сеткой тонких трещин.

Антия мгновенно прочитала по моему лицу, кого именно я имела в виду, и сочувственно погладила меня по плечу:

— Не переживай. Все обязательно вернется на круги своя — это главная ось, на которой строится сама жизнь. И пусть сегодня тебе невыносимо больно, плохо, однажды радость вернется, а вместе с ней желание и силы двигаться дальше.

Я изумленно смотрела на подругу, пораженная ее словами — неужели мои чувства настолько очевидны? Не найдя, что можно ответить, я просто

благодарно улыбнулась, обнимая ее в ответ.

Так мы и стояли, крепко обнявшись и молчаливо размышляя каждая о своем, когда дверь приоткрылась, привлекая наше внимание.

На пороге задумчиво стоял все еще немного сонный Аларис, хранивший на лице отпечаток недавнего сна.

Я внимательно оглядела его с ног до головы: чуть взъерошенные темные волосы, редкие прядки которых небрежно падали на высокие скулы, скрывая от меня выражение прищуренных глаз. Плотный темный камзол, обрисовавший широкую грудь и напряженные мускулы — все в нем сейчас источало сильное мужское начало.

Как никогда, в это утро он напомнил мне о том времени, когда я еще была человеком, и находилась в замке в качестве пленницы. Тогда каждую нашу встречу все во мне жаждало подойти к этому великолепному образчику мужской притягательности и оставить след от поцелуя на идеально очерченном лице, словно поставить свою метку, клеймо, свидетельствующее, что этот мужчина безраздельно принадлежит мне одной.

И с того времени это желание не исчезло, а, наоборот, только усилилось. Но теперь между нами стояло слишком многое, и потому я лишь стояла, не двигаясь, без слов пожирая его взглядом.

Антия, наконец, заметила присутствие брата и обернулась.

Но Аларис даже не взглянул в ее сторону, медленно направляясь прямо ко мне. От его пристального взгляда внутри что-то перевернулось. О, я слишком хорошо знала, что обычно происходит после! Но это еще сильнее запутает наши и без того непростые отношения.

Поэтому я крепче ухватила руку Антии, безмолвно прося остаться.

Обманчиво мягким, почти мурлычащим тоном Аларис произнес в сторону своей сестры, не сводя с меня пронзительного взгляда обжигающе черных глаз:

— Оставь нас.

Виновато посмотрев на меня, она глазами дала понять, что не имеет права ослушаться. Неохотно выпутавшись из объятий, она в последний раз посмотрела на меня и неслышно выскользнула за дверь.

Мы остались одни...

Глава двадцать седьмая

Я пыталась смотреть на тяжелые воланы штор, задерживающие льющийся из окна утренний свет; на замысловатый узор обивки кресла, темный стол, притаившийся возле камина — куда угодно, только не на Алариса, продолжавшего столь же безмолвно стоять в нескольких шагах от меня. Но если разум из последних сил еще мог противостоять желанию взглянуть на мужчину, то душа предательски трепетала от одного только его присутствия рядом.

Наконец, устав от моего молчания, Аларис в несколько шагов преодолел разделявшее нас расстояние и уверенно обхватил мое лицо ладонями, заставляя взглянуть на него. И едва наши взгляды встретились, как я поняла, что пропала.

— Триана... — он произнес мое имя низким протяжным голосом, от которого мгновенно все внутри превратилось в раскаленную лаву. Видят боги, как мне хотелось в этот момент просто прикинуться к его губам, раствориться в нежных ласках, не задумываясь ни о чем!

Но тьма недомолвок и несказанных вовремя слов стояла между нами непреодолимой стеной, нарастая с каждым новым часом. И потому я просто смотрела в его глаза и падала в бесконечную пропасть, в них таящуюся.

Но он пришел за ответами и, похоже, решительно намеревался получить их прямо сейчас.

— Время пришло, — тем же голосом прошептал он мне прямо в ухо, заставляя задрожать от неприкрытого полуобещания-полуугрозы.

Но ответные слова не успели сорваться с моих губ, как раздался громкий стук в дверь, вслед за которым в гостиную вошел один из прежних советников Алариса. Делая вид, что совсем не замечает интимности момента, он громким голосом объявил, тем не менее, стараясь не встречаться взглядом со своим господином:

— Ваш отец и его великородный гость ожидают в тронном зале.

Аларис медленно кивнул в ответ, не выпуская меня из стальной хватки объятий. Но я и не пыталась освободиться, украдкой наслаждаясь таким непривычным чувством защищенности, на которое у меня теперь не было права.

Едва назойливый гонец удалился за дверь, напоследок еще раз напомнив о необходимости явиться пред светлые очи Гералта, как

внимание мужчины вновь целиком сосредоточилось на мне. Но эти секунды передышки сумели придать мне необходимой решимости.

— Аларис.

Он едва уловимо встрепенулся на звук моего голоса, в котором, как бы я не старалась, все же проглядывала нерешительность.

— Впереди нелегкий путь, в конце которого нас ожидает встреча с заклятым врагом. Так стоит ли сейчас беречь едва зажившие раны? Не лучше ли оставить это на потом?

Он прищурился, явно не соглашаясь с моими словами:

— Триана Мари Леон, ты сторонись меня вот уже несколько дней. Ты отказываешься говорить, боишься даже лишний раз взглянуть в мою сторону. И как я могу продолжать спокойно ожидать наступления этого самого момента? Мое терпение на исходе, и я не собираюсь больше ничего откладывать.

Я нерешительно коснулась его руки, успокаивая и внушая ложное спокойствие, о котором сама могла пока лишь мечтать.

— Пойми, что сейчас все мои мысли заняты предстоящим походом.

В ответ на мои слова он внезапно усмехнулся и лениво промолвил:

— А с чего ты взяла, что я возьму тебя с собой?

На секунду я задохнулась от острого чувства возмущения, которое мгновенно схлынуло, едва память заполнили страшные образы воспоминаний: длинная пустая комната, единственным украшением которой служили ряды обманчиво бесполезных уродливых зеркал; бесконечные столы лабораторий, окруженные огромными неповоротливыми механизмами для создания монстров, темный коридор, оплетенный липкой нитью паутины.

Я знала, что он не сможет справиться со всем этим в одиночку, не сможет избежать хитроумных ловушек и выбраться из этого проклятого замка живым. И потому я должна, должна была во что бы то ни стало убедить его взять меня с собой!

— Аларис, — я помедлила мгновение, подыскивая те самые слова, что могли помочь мне это сделать: — Пожалуйста, услышь, что я сейчас скажу. Не отмахивайся от моих предостережений как от пустых угроз, ведь я действительно знаю, о чем говорю. Этот замок — спутанный клубок змей, готовых ужалить в любое мгновение. И если не знать его слабых мест, если не знать, куда повернуть в следующий миг, то он поглотит, засосет в черное жерло коридоров и подземелий. Позволь мне быть с тобой рядом, позволь помочь! И я обещаю, что не стану соваться в самое пекло, а просто незаметно буду рядом.

Вампир заметно призадумался. Я в нерешительности стояла перед ним, с трепетом ожидая его ответа, и когда на мгновение он устало прикрыл глаза, я поняла, что победила.

Но не стала ли эта победа еще одной ступенью к концу?

Мужчина произнес нарочито безразличным голосом, все так же не открывая глаз:

— Твоя власть над моим разумом порой пугает даже меня самого. Но это не будет продолжаться вечно. Однажды время для разговора все же придет. И наступит оно гораздо раньше, нежели ты думаешь, — он распахнул глаза и произнес последние слова, глядя на меня в упор.

Не успела я ответить, как внезапно замок содрогнулся от резкого удара: зашатались картины на стенах, со стола посыпались на пол многочисленные хрупкие статуэтки, любовно коллекционируемые Антией.

Я с трудом удержалась от громкого вскрика, слишком уж этот звук напомнил мне о штурме Артели — точно так же тряслась земля под ногами, когда крылатые монстры с грохотом опускались на каменную стену.

Я испуганно взглянула на Алариса, ожидая увидеть изумление, ярость, гнев, но на лице вампира читалось неприкрытое удовлетворение.

— Аларис, что это было? — в моем голосе звучал нескрываемый страх, но в этот момент мне было все равно.

Он лишь загадочно усмехнулся и уверенно взял меня за руку. Ничего не говоря, потянул за собой к двери. Осознав, что ничего объяснять он мне не собирается, я послушно последовала за ним.

Мы поднимались по длинной лестнице, ведущей на второй этаж, когда я ощутила еще одно содрогание земли под замком — но уже не испугалась. Загадочная уверенность моего вампира странным образом передалась и мне.

Наконец, мы вышли на просторный балкон, с которого окрестности замка были видны как на ладони. И в это мгновение я увидела истинную причину столь пугающих звуков.

Прошло несколько долгих минут, прежде чем я смогла заговорить.

— Что это? — замороженным шепотом спросила я, не веря собственным глазам.

— Черные драконы, — с неимоверной гордостью ответил Аларис, вместе со мной любуясь огромными существами, которые медленно опускались перед замком, управляемые несколькими всадниками. Несколько драконов уже грузно приземлились, и теперь сворачивали огромные увесистые крылья.

— Но ведь они вовсе не черные, — я никак не могла заставить себя отвести взор от легендарных животных, не раз воспетых в легендах и мифах. Но я никогда не могла и подумать, что все эти рассказы — не досужие вымыслы, а реальность.

И потому сейчас зачарованно смотрела на длинные гладкие тела, переливающиеся под солнцем всеми цветами радуги, и отчаянно раскаивалась в том, что так и не научилась рисовать. На моих глазах оживала легенда, заставляя в очередной раз поверить в то, что чудеса все-таки существуют.

— Это название уходит корнями вглубь веков. Один из моих предков когда-то давно спас двух драконов, и взамен те принесли клятву служить потомкам своего спасителя. В честь места обитания этих существ — пика Делагарди — наш клан и получил свое название. Мы прибегали к помощи драконов лишь дважды, и на этот раз я принял решение обратиться к ним, предчувствуя, что Атоний может оказаться коварнее, чем мы ожидали.

Я испустила восхищенный вздох, когда над нашими глазами изящно выгнулся зеленый дракон, плавно опускаясь на истоптанную землю перед воротами.

Аларис реагировал не так остро, по-видимому, наблюдая это зрелище далеко не в первый раз, но все равно легкая улыбка играла на его губах, когда очередное животное пролетало над нашими головами.

Когда, наконец, все драконы оказались на земле, всадники быстро спешились, направляясь в замок.

Рядом со мной раздался настойчивый голос Алариса, о чем-то спрашивающий, но я не вникала в смысл, очарованная открывающимся видом. Ему даже пришлось окликнуть меня пару раз, прежде чем я осознала, что именно он мне говорит.

Но прежде чем с неохотой покинуть балкон, я кинула прощальный взгляд, сожалея о том, что у нас было слишком мало времени. Мне казалось, я могла бы провести всю жизнь, просто любуясь этими сильными, невероятно красивыми животными, словно сошедшими со страниц детских сказок.

А пока мы медленно двигались в сторону тронного зала, Аларис неторопливо рассказывал мне подробную историю их происхождения. Один из родоначальников клана Делагарди нашел однажды в ущелье двух маленьких существ, не похожих ни на одно обитавшее в тех краях животное. Только благодаря его заботе, им удалось выжить и вырасти, превратившись в прекрасных гордых существ, положивших начало целой стае драконов.

Только наследники и их ближнее окружение знали о настоящем местоположении Пика Делагарди. За всю историю клана было только два случая, когда вампирам пришлось прибегнуть к помощи этих мифических существ, но война с Атонием давно уже вышла за рамки привычных сражений, потому Аларис и распорядился отправить гонцов в те земли за помощью.

Я внимательно слушала его рассказ, изредка кивая встречаемым на пути вампирам.

К сожалению, наше путешествие оказалось не слишком долгим, и очень скоро перед нами возникли высокие двери, ведущие прямоком в тронный зал. Я набрала воздуха в легкие, словно перед погружением под воду, и, распрямив спину, вошла в просторное помещение, до отказа набитое вампирами.

Мгновенно взгляды всех присутствующих обратились на нас.

Я медленно остановилась возле стены, чувствуя себя до ужаса неловко, а Аларис уверенной походкой направился в центр зала, где находились Гералт и, по-видимому, тот самый почетный гость, которого он так ждал. Даже на расстоянии было заметно, насколько старым он был. Признаться, до этого я не встречала настолько древних вампиров. Он восседал на высоком кресле, больше походившем на трон, и усталым голосом беседовал с Гералтом.

Но едва его взгляд упал на Алариса, как вампир резко привстал, устремляясь навстречу сыну Гералта.

Не дожидаясь официального приветствия, вампир неловким жестом обнял Алариса, прижимая к себе, и, не дав тому времени опомниться, начал говорить:

— Аларис! Мой дорогой мальчик! Ты заметно повзрослел с нашей последней встречи.

— Приветствую вас, Пирос. Отрадно видеть, что прошедшие годы не оставили на вас ни малейшего следа, и вы все так же бодры, как раньше.

Старый вампир усмехнулся и устало опустил обратно в кресло, не отпуская Алариса от себя. Я продолжала незаметно стоять в сторонке, внимательно прислушиваясь к неторопливой беседе.

— К сожалению, каждый из прожитых мною тысяч дней сейчас ощущается как никогда отчетливо. Если бы только я был моложе, то не стал бы отсиживаться словно трусливый пес, пока моя драгоценная девочка находится в лапах этого монстра. Но годы берут свое, и потому я вынужден просить помощи у тебя и твоего отца.

— Мне известно о пленении Клары. Могу пообещать, что сделаю

все возможное, чтобы вернуть вам дочь.

Пирос слабо улыбнулся Аларису, но сквозь эту печальную улыбку явственно проглядывали беспомощность и острая тревога за свое дитя.

Не в силах больше выносить разговоров о той, что сейчас томила в подвалах Атония — если, конечно, она все еще была жива, — я незаметно выскользнула из зала, направляясь к выходу. В глубине души я надеялась еще разочек полюбоваться драконами, пока не начались сборы к предстоящему отбытию.

Но когда я вышла из замка, меня постигло разочарование: обычно немногочисленный двор сейчас до отказа был наполнен вампирами. Здесь были и воины, готовящиеся к походу, и провожающие их семьи, и просто любопытные зеваки, глазающие на невиданное доселе чудо.

Я замерла на крыльце, окидывая растерянным взглядом шумную толпу: едва ли я сейчас смогла бы протиснуться сквозь плотные ряды вампиров.

Разочарованно вздохнув, я только было собралась вернуться обратно в замок, как меня окликнул знакомый мелодичный голос, обладателя которого я не смогла бы спутать ни с кем другим.

Антя — а это была именно она — помахала мне рукой, стоя рядом с Двэйном. Она явно приглашала присоединиться к их небольшой компании, но мне не хотелось прерывать эту тихую беседу. Но и возвращаться в душную атмосферу замка мне отчего-то расхотелось.

И потому я просто осталась стоять на крыльце, жадно вдыхая чистый летний воздух и прислушиваясь к громким голосам, наполняющим двор.

Вскоре мое одиночество было прервано: откуда-то из толпы внезапно вынырнул Дэйкас, как оказалось, принимавший непосредственное участие к подготовке похода. Спустя пару минут разговора выяснилось, что на этот раз брат оставался в замке. Я видела, как непривычна была ему скромная роль провожающего, но, судя по всему, благополучие светловолосой красавицы затмило собой кровавый вкус сражений и битв. Или же было нечто еще, о чем я не имела никакого представления.

И я старалась не омрачать эту минуту горькими мыслями о том, что Дэйкасу никогда не будет суждено стать для Анноры законным супругом.

В этот момент позади нас раздались громкие звуки горна, мгновенно заглушившие все остальные звуки, и на пороге показались представители правящего клана. Я молча наблюдала, как Гералт и Аларис величественно останавливаются и приветствуют шумную толпу, которая мгновенно разразилась бурными приветственными криками. Я отчего-то ожидала увидеть рядом с ними и Пироса, но, по-видимому, здоровье старого

вампира не позволяло ему свободно передвигаться без посторонней помощи.

В этот момент отец Алариса начал говорить, и все вокруг напряженно замолчали, прислушиваясь к его словам. Я же продолжала безучастно наблюдать за своим вампиром, практически не вслушиваясь в монотонное звучание голоса Гералта.

Аларис, отыскав меня взглядом в толпе, незаметно кивнул, показывая, что нужно хотя бы для приличия сделать вид, что внимательно слушаю длинную речь. Я последовала его совету, но, прислушавшись, с удивлением осознала, что, судя по напыщенным словам, то была напутственная речь, знаменующая собой начало похода.

Признаться, я не ожидала столь скорого отправления, и потому начала растерянно оглядываться по сторонам, находя подтверждение своей догадки в многочисленных орудиях, аккуратно разложенных возле воинов, которые, несмотря на теплую погоду, были в полной боевой экипировке.

Я сокрушенно покачала головой, ругая себя за невнимательность, но в этот момент раздались громкие крики, протяжно запели горны, знаменуя завершение длинной речи.

Словно только и ожидая этого момента, многочисленные воины как по команде отделились от толпы и ровным строем двинулись за ворота: туда, где, нетерпеливо выпуская тонкие огненные струйки из широкой пасти, их ожидали драконы.

Увидев, как Аларис уверенным шагом спускается с крыльца и направляется ко мне, я в последний раз оглядела широкий двор, стремясь сохранить этот момент в памяти.

Дэйкас виновато махал мне рукой, стоя на крыльце рядом с высокой фигурой, укрытой от посторонних глаз плотной накидкой, оставлявшей открытыми только светлые кудри. Я понимающе улыбнулась ему в ответ, чувствуя свою вину перед Аннорой — я так и не увиделась с ней после той жуткой ночи, когда моим сознанием правила Катрина.

От дальнейших размышлений меня отвлек звук быстрых шагов позади меня, и спустя мгновение рядом уже находился Аларис. Я неуверенно взглянула на него, но он не заметил моего взгляда, предвкушая финальное сражение, и потому его глаза сейчас пылали воинствующим огнем, лицо было напряжено, брови нахмурены.

Я послушно следовала за ним, не задавая лишних вопросов ровно до момента, когда он таким же уверенным шагом двинулся к ближайшему дракону.

Я опасливо замедлила шаг, когда животное с шумом выдохнуло

тонкую струю огня прямо из пасти, но вампир не обратил на это внимания: уважительным жестом прикоснувшись к огромной голове, он ласково провел по ней рукой, что-то неслышно нашептывая зверю.

И животное определенно его понимало, в круглых прозрачно-фиолетовых глазах читалось понимание и осмысление происходящего.

Вампир легко взобрался по толстым перетяжкам на спине животного, и протянул мне руку. Я с опаской подошла вплотную к дракону, ощущая почти первобытную мощь и силу этого мифического существа, и, крепко зажмурив глаза, робко протянула ладонь Аларису.

В ту же секунду мужские руки сделали сильный рывок на себя, заставляя меня буквально взлететь, перебирая ногами в воздухе. И только оказавшись за спиной у Алариса, я перевела дух и позволила себе, наконец, открыть глаза.

И именно в этот момент животное царственно приподнялось с земли, расправляя сложенные крылья, чтобы через мгновение сделать резкий шаг — а в следующую секунду уже оказаться в воздухе!

Я, что было силы, вцепилась в плечи Алариса, который уверенно держал в руках жесткие тонкие полоски необработанной кожи, уходящие куда-то за шею животного. И только через некоторое время, когда разум оправился от первого потрясения, я поняла, что то были своеобразные поводья, с помощью которых всадник мог контролировать движения драконов.

Но только когда тело понемногу свыкло с ощущением громадного кожистого существа подо мной, я смогла в полной мере осознать, что лечу.

Лечу!!!

Внизу проплывали пышные хлопья величественных облаков, сквозь которые проглядывали едва уловимые очертания лесов, полей, рек.

Я прищурилась, пытаюсь разглядеть, что за яркие блики сверкают на поверхности воды, но заглядевшись, едва не пропустила момент, когда мы начали поворачивать.

Это было непередаваемо: чувствовать, как подо мной напрягаются сильные мышцы, как развороты широких кожистых крыльев, каждое из которых превосходило целую лошадь, стремительно разворачивают громадное тело, направляя его в нужную сторону.

В лицо бил ветер, я не слышала ни единого звука, оглушенная той скоростью, с которой мы оставляли далеко позади бесконечные зеленые луга.

В груди нарастало чувство звенящего, почти детского непередаваемого восторга, с каждой секундой разрастающегося, пока я не почувствовала,

как меня до последней клеточки не переполняет восхищение и радость.

Я счастливо засмеялась во весь голос, и, каким-то чудом услышав мой голос, Аларис обернулся ко мне и неожиданно подмигнул. Я широко улыбнулась ему в ответ, не в силах скрыть переполняющие меня чувства.

А он просто смотрел на меня в течение нескольких невыразимо долгих секунд, прежде чем повернуться обратно.

Я прижималась грудью к твердой надежной спине и упивалась открывающимся видом.

В небольшом отдалении летели еще множество драконов, на каждом из которых находилось по пять-шесть вампиров.

Удивительно, но все драконы были разными: ближайший к нам переливался под яркими лучами солнца всеми оттенками зеленого — от нежного цвета молодой листвы на голове до глубокого изумрудного по бокам. Длинный хвост кокетливо извивался тонкой жесткой кисточкой, почему-то давая ясно понять, что это дракониха.

А вот чуть поодаль летел грузный темно-синий дракон, в котором все, начиная от хищной морды и заканчивая толстыми короткими лапами, выдавало его немалый возраст.

Каждый из них был не похож на предыдущего, но все вместе они составляли единую неделимую картину, удивительней которой я никогда ничего не видела.

И я была уверена, что навсегда запомню этот миг: лучи яркого, почти ослепительного солнца, отражающиеся яркими бликами от разноцветных гладких тел, распластавших огромные крылья во все стороны. Иступленный бешеный ветер, оглушающий, заставляющий почувствовать себя маленькой песчинкой, попавшей в стремительный водоворот бушующего торнадо. Всепоглощающее, чистое, не замутненное ничем другим ощущение пронзительного восторга, заполнявшего каждую клеточку моего тела.

А мы все летели и летели, оставляя позади просторы пронзительно зеленых равнин и густые чащобы дремучих лесов, и я не могла поверить в то, что еще совсем недавно я была там, пробираясь сквозь темные дебри, с ужасом оглядываюсь назад в ожидании погони.

Потихоньку местность под нами начала меняться: чем ближе мы приближались к владениям Атония, тем непрigляднее становилась природа вокруг.

И когда на горизонте показались знакомые очертания зловещего замка, от моей восторженности не осталось и следа, она полностью растворилась под бременем воспоминаний, мгновенно пробудившихся от одного только

вида острых башен и темного леса вокруг.

Но что-то было не так: я почувствовала это по резко напрягшейся спине Алариса и тут же сама пристально вгляделась в знакомые очертания, пытаюсь отыскать причину его беспокойства.

Спустя мгновение от открывшегося вида множества черных фигур, окруживших замок ровными длинными рядами, я, сама того не замечая, крепко сжала ладони в кулаки от резко нахлынувшего чувства обреченности.

Нас уже ждали...

Глава двадцать восьмая

Драконы медленно описали большой круг над замком и начали снижение, грозно распластав кожистые крылья в воздухе.

Я с тревогой смотрела на пока еще крохотные фигурки воинства Атония, приготовившегося к сражению. Очень скоро порядок в их стройных рядах нарушился: беспокойно глядя на небо, вампиры, облаченные в боевые доспехи, начали спешно сворачивать импровизированный военный лагерь. Я нахмурилась, не понимая причины их странного поведения: если все эти приготовления были для нас, то почему же они так торопливо бегут обратно к замку, превращая сплоченные ряды в беспорядочное скопление?

И в этот момент сидевший передо мной Аларис резко махнул рукой, по-видимому, отдавая какой-то особый сигнал. И в то же мгновение все драконы одновременно выдохнули из пасти длинные струи огня, которые за одну секунду долетели прямо до земли, превращая все внизу в сплошную полосу живого пламени.

Я зажмурилась, чтобы не видеть, как за мгновение заживо сгорают сотни, тысячи вампиров и животных, среди которых наверняка были и мои собственные творения. Сквозь свист ветра доносились страшные предсмертные крики умирающих. Черный дым господствовал в воздухе, заставляя задерживать дыхание, чтобы не чувствовать омерзительный запах горящей плоти.

Мы зависли над замком, ожидая, пока рассеется дым и можно будет продолжить атаку.

Но врага было не так просто смутить: преодолев первое замешательство, он яростно ринулся в наступление. В первую секунду я и не заметила, как с высоких стен замка поднялись в воздух множество летучих существ, на ходу расправляющие большие кожистые крылья. Очередные уродцы Атония не спешили подлетать ближе, опасаясь навлечь на себя очередную струю огня.

Эти приготовления не прошли мимо внимания моего вампира: слегка наклонившись к большой чешуйчатой голове дракона, он что-то прошептал, рукой придерживая тонкие поводья. И словно понимая, что именно сказал Аларис, дракон раскрыл пасть, но вместо огненной струи оттуда вырвались несколько мелодичных звуков, которым мгновенно вторили остальные животные. Я недоуменно прислушивалась к ним

несколько секунд, пока, наконец, не смогла осознать, что таким образом существа разговаривают друг с другом.

Спустя мгновение они разом замолчали, очевидно, придя к единому мнению относительно дальнейших действий, и резко бросились вниз к земле — прямо сквозь темные клубы дыма. Я что было силы вцепилась в плечи Алариса, с ужасом наблюдая, как стремительно приближается земля с обгорелыми останками еще минуту назад живого воинства.

Летучие монстры, видя, как жертва ускользает прямо у них перед носом, с громким отрывистым криком ринулись вслед за нами, протяжно хлопая крыльями. Но всего за миг до того, как наши преследователи вынырнули из густой полосы дыма, драконы сделали резкий вираж, мгновенно разворачиваясь в сторону врагов и встречая их стремительным огненным залпом. Монстры Атония не успели развернуться и попали под непрерывный огненный дождь, моментально вспыхивая и обгорая.

Через несколько мгновений чудом уцелевшие существа поспешили скрыться в очертаниях густой зелени, разом растеряв всякое желание становиться у нас на пути.

Первая преграда была пройдена. Я ликующе взглянула на прямую спину Алариса, восхищаясь его выдержкой и спокойствием: ни разу плечи мужчины не дрогнули от переполнявших чувств, ни один мускул не выдал даже тени страха и сомнений.

Но впереди нас ожидало испытание куда сложнее, и высокие тяжелые ворота казались живым воплощением мрачности и неприступности твердыни Атония. Спасшиеся бегством воины заперлись изнутри, и с высоты можно было увидеть, как они спешно суетятся во дворе, отдавая приказы все появляющимся из замка новым монстрам, многие из которых были мне незнакомы, наверняка их вывели уже после моего побега. Чем дольше я смотрела на них, тем тревожнее становилось на душе: выходить против них сейчас было бы сущим безумием, но я не видела иного выхода.

Но у Алариса имелись собственные планы. Уверенно направив дракона прямо на высокие резцы стен, с которых на нас целились круглые дула оборонительных орудий, спешно сооруженных прямо на стенах, одной рукой придерживая поводья, он достал из заплечного мешка маленький черный шар, на вид неотличимый от тех, что я неоднократно видела у воинов Гералта.

Не медля ни секунды, он метнул его в сторону скопления высоких фигур, облаченных в боевые доспехи, и тут же резким движением дернул поводья на себя, приказывая дракону уйти в сторону.

Тот повиновался, мгновенно разворачивая массивное тело и ловко

увертываясь от летящих на него горящих стрел.

Не успели мы отлететь, как за нашими спинами раздался громкий треск, словно вспыхнула сухая вязанка дров, мгновенно становясь добычей голодного огня. Не удержавшись, я обернулась и не поверила своим глазам: там, где только что находились наши противники, дымилась глубокая воронка, превратившая кусок стены в нагромождение камней и безжизненных тел. Я изумленно покачала головой, мысленно пообещав себе обязательно выяснить состав этого необычайного оружия с поражающим воображение эффектом.

А в это время остальные вампиры последовали нашему примеру и, молниеносно проносясь мимо стен, сбрасывали во двор такие же шары, вслед за чем раздавались громкие хлопки, и противников становилось заметно меньше.

Но они не думали сдаваться: на каждую сотню потерь из замка появлялись все новые и новые воины, заставляя невольно задуматься — а откуда у Атония такое количество бойцов? Казалось бы, с такими кровавыми порядками, клан Крейц давно уже должен был вымереть. Но ряды противников упорно не оскудевали, наталкивая на неприятные мысли: неужели брат Иризи все-таки смог сделать то, о чем он так давно мечтал — вывел гибрид вампира и животного?

Но я не успела додумать шокирующую мысль — внезапно совсем рядом раздался оглушающий рев, наполненный яростью и болью. Я испуганно обернулась, чтобы увидеть, как огромный красный дракон неуклюже валится на бок, пытаясь удержаться в воздухе, а из груди торчит острое металлическое древко горячей стрелы. Всадники стремительно натягивали поводья, стараясь не дать животному упасть на землю, а он продолжал отчаянно двигать крыльями, не прекращая издавать громкий рев. Почувствовав боль собрата, драконы словно взбеленились: уже не дожидаясь команды всадников, они стремительно разворачивались и грозным ураганом проносились вдоль стен, попутно выдыхая длинные струи пламени.

Красный дракон неуклюже опустился неподалеку замка, всадники мгновенно окружили огромное животное, пытаясь помочь ему, но зная Атония, можно было не сомневаться, что стрела пропитана ядом. Оставалось только надеяться, что мощное тело дракона сможет продержаться до конца боя.

Тем временем, вампиров на полуразрушенной стене почти не осталось, и драконы, уже не опасаясь ответной атаки, начали снижение. Они садились прямо на обломки стен, не обращая внимания на одиноких

воинов, все еще пытающихся оказать сопротивление.

За мгновение всадники легко спрыгнули на землю, быстро рассредоточившись по периметру двора. Их слаженные действия казались заранее отрепетированным спектаклем: словно послушные актеры, идеально зазубрившие свои роли, они действовали в едином порыве, не оглядываясь на командира.

Аларис ловко спрыгнул на землю и подал мне руку. Я с наслаждением растерла ноги, порядком занемевшие от долгого полета, не забывая про осторожность: тот факт, что мы находимся в святой святых самого кровожадного и жестокого вампира из всех мне известных, заставлял тревожно оглядываться по сторонам, ожидая новых ловушек.

Тем временем большая часть наших вампиров исчезла в замке. Я беспокоило глядела им вслед, не понимая, отчего Аларис не остановил их, не приказал оставаться рядом с драконами. Там, в замке, их ждали сотни голодных монстров, о которых наверняка не знал даже мой вампир.

Драконы недовольно хлопали крыльями, выражая недовольство этим скверным местом, насквозь пропитанным едким дымом и привкусом страха, но исправно следили за тем, чтобы редкие противники, крадущиеся по обломкам стен, недолго продолжали оставаться в живых. То и дело в разных частях двора раздавался оглушающий драконий рев, вслед за которым следовал отзвук мощной огненной струи, после чего вновь воцарялась тишина.

Аларис отошел переговорить с Двэйном и Гералтом, а я продолжала стоять возле нашего дракона, упорно стараясь не дать множеству мрачных воспоминаний, связанных с этим проклятым местом, взять надо мной верх.

Тем временем в замке явно что-то происходило: порой до нас доносились резкие вскрики, отзвуки приглушенных взрывов, сотрясающих замок; из нескольких узких бойниц внезапно повалил густой черный дым. Я непонимающе оглядывалась на стоявших рядом вампиров, но каждый из них сохранял удивительное спокойствие, словно все происходило по заранее написанному сценарию.

Неожиданно распахнулись парадные двери, выпуская наружу нескольких знакомых мне вампиров, торопливо подбежав к застывшему в ожидании Аларису, они коротко о чем-то доложили. Он выслушал их с тем же невозмутимым выражением, после чего переглянулся с Двэйном.

Я испуганно переводила взгляд с одного вампира на другого, не понимая, что означает этот короткий диалог. Но после того как они оба шагнули вслед за воинами, вновь скрывшимися в замке, я поняла. Поняла и побежала за ними, на ходу окликая Алариса.

Он послушно остановился, ожидая, пока я нагоню его. Но едва я раскрыла рот, еще не зная, как его предостеречь, какими словами попросить быть осторожным, он сурово произнес:

— Триана, ты помнишь, с каким условием я согласился взять тебя с собой?

Я немедленно кивнула, вспоминая тот разговор.

— Так вот. Я прошу тебя оставаться здесь, рядом с моим отцом. Он обещал присмотреть за тобой.

— Аларис. Я только лишь прошу тебя быть осторожным! Ты даже не представляешь, насколько Атоний может быть коварным.

— А ты — представляешь? — внезапно спросил Аларис, заставляя все спешно приготовленные слова разом вылететь из головы. Он смотрел на меня внимательным взглядом, словно позабыв о Двэйне, с равнодушным видом стоявшем в стороне, ожидавшем окончания нашего разговора. Где-то в замке вновь зазвучал звон стали, звуки борьбы, раздался глухой вой, отозвавшийся в моем теле внезапной тоской.

— Да. К сожалению, представляю, — глухим голосом отозвалась я, гоня от себя прочь мгновенно нахлынувшие воспоминания.

Аларис еще секунду вглядывался в мои глаза, словно стремясь в них что-то отыскать, а после внезапно горько улыбнулся и взбежал по высокому крыльцу вслед за Двэйном.

А я осталась наедине со своим смятением и тревогой, которую не могло заглушить даже присутствие сурового отца Алариса.

Не знаю, сколько прошло времени, когда замок потряс особо мощный толчок: содрогнулись стены, заплясала землю под ногами. И по одобрительному смешку Гералта я поняла, что это эффект от тех самых шаров, что щедро отсыпал себе за пазуху каждый из наших воинов.

Я, наверное, давно бы сошла с ума от беспокойства, если бы не спокойное выражение лица Делагарди-старшего. Щепотка его спокойствия передалась и мне, даря силы ждать.

Внезапно совсем рядом раздался громкий вой, и в этом вое я вдруг узнала голоса моих творений. Монстры были совсем близко, а сквозь их рев еле слышно пробивались голоса воинов Алариса.

Я нерешительно огляделась по сторонам, пытаюсь отыскать место их нахождения. Но звуки явственно раздавались прямо из замка: по-видимому, они шли из ближайшего к крыльцу коридора, в котором вампиры встретились с очередными изобретениями Крейцов. Только на сей раз эти создания были воплощением моих собственных задумок, результатом долгого упорного труда.

Внезапно в крике голосов мне послышался тревожный голос Алариса, и в то же мгновение волна беспокойства захлестнула с головой, заставляя напрочь позабыть об осторожности. Я сломя голову бросилась к крыльцу, ведомая одной только мыслью, что мой вампир в опасности. Позади раздался предупреждающий окрик Гералта, но я не обратила на него внимания, стремясь попасть в замок как можно скорее.

Коридор встретил смердящим дымом, сквозь который проглядывали закопченные гарью стены и обломки мебели. Я замерла от изумления, пораженная неприглядным видом помещений, которые в моей памяти отпечатались как украшенные вычурные комнаты, непригодные для чего-то иного кроме как великосветских приемов. Но не успела я додумать, как из левого крыла вновь послышались знакомые крики. Не раздумывая, я бросилась в ту сторону, на ходу обмирая от мысли, что могу опоздать.

Не опоздала.

Когда я на полном ходу влетела в просторную комнату, на меня разом установились сотни голодных глаз. Не дав времени опомниться, я наметанным взглядом оценила ситуацию и выдохнула от облегчения. Среди прижатых в угол нескольких вампиров не было Алариса, вероятно, мой измотанный тягостным ожиданием рассудок принял желаемое за действительное.

Но у меня не было времени предаваться долгим размышлениями: монстры медленно кружили вокруг воинов, выбирая первую жертву. Пол в нескольких местах был прожжен взорвавшимися шарами, которыми вампиры пытались отбиться от тварей, но их было слишком много даже для такого мощного оружия.

Множество глаз внимательно проследили за тем, как я медленно вышла на середину комнаты, стараясь не наступать на развороченные камни, и тихо-тихо позвала, зная, что меня услышат. И действительно, во взглядах животных промелькнуло что-то, что я не успела разобрать, а спустя мгновение они разом откликнулись. Я зажала уши руками, оглушенная радостным ревом, а на задворках памяти всплыли картинки недавнего прошлого, когда множество таких же глаз с немym обожанием следили за мной, готовые исполнить любой приказ.

Любой — даже тот, за который они заплатили наивысшую цену.

Я невольно поморщилась, недовольная тем, с какой легкостью предательские мысли выходят из-под контроля, возвращая в тот страшный день, когда я простилась с последними иллюзиями и надеждами.

Тихий угрожающий рык привел меня в чувства — это один из вампиров неосторожно двинулся к стене, тем самым привлекая

внимание голодных животных. Я обвела их взглядом, удивляясь количеству, а затем сделала шаг к двери, позвав за собой. Они мгновенно повиновались, торопливо пробираясь сквозь остатки пола, стремясь не упустить меня из виду.

Я не знала, что делать с этими созданиями, которых я не могла оставить в живых, ведь они были опасны, смертельно опасны для всех остальных, и даже мои приказы не смогли бы их остановить.

В этот момент из дальнего коридора раздались громкие незнакомые звуки. Интуитивно я почувствовала надвигающуюся опасность, что таилась в этих звуках, а монстры внезапно низко зарычали, угрожающе вздыбив шерсть.

То неведомое, что шло на нас, угрожающе зарычало им в ответ — и тогда меня осенила мысль, что то было очередное творение Атония, выпущенное им из подвалов лаборатории. Судя по звукам, оно было огромно и уродливо, я воочию представила себе нагромождение острых клыков и когтей, деформированные конечности и искривленное тело. Словно в ответ на мои мысли послышался скрежет лап по каменному полу, отчего по коже мгновенно побежали мурашки.

Внезапно один из окруживших меня животных бросился вперед — я даже не успела понять, что произошло, когда в брюхо несчастному воткнулся огромный шип, насквозь пронзающий худое тело. Еще один зверь рядом со резко выгнулся в мою сторону, словно закрывая от чего-то, а спустя мгновение он уже бездыханно лежал на полу, пришпиленный острым куском железа. И только тогда я осознала, насколько опасна неведомая тварь: она могла на расстоянии бросаться в противников острейшими шипами, не подпуская никого к себе.

А в это время уже несколько животных лежали с одинаковым набором железных игл в телах — каждый из них принял на себя предназначенные мне стрелы. Я была главной мишенью, а несчастные животные всеми силами пытались не дать мне стать жертвой все еще невидимого существа.

И как только я это осознала, в груди растеклась уже привычная боль — если бы только мои создания могли знать, на что я их обрекаю! Но выбора не было ни у них, ни у меня самой. И потому я набрала воздуха в легкие и громко приказала им напасть.

Спустя мгновение сотни животных уже летели навстречу своей смерти, защищая хозяйку, которая на самом деле не заслуживала ни капли их доверия и любви.

И только когда стихли все звуки, знаменуя победу моих созданий над монстром Атония, я позволила робким росткам надежды пробиться сквозь

тяжелый пласт отчаяния. Быть может, кто-то из них уцелел, остался в живых после столкновения с той тварью? Я нерешительно позвала, пугаясь звучания собственного голоса в пустых каменных коридорах. Но лишь тишина служила мне ответом.

Окончательно поникнув, я медленно побрела назад, не желая видеть останки животных, вновь отдавших свои жизни ради меня.

Замок вновь содрогнулся, но на сей раз источник сотрясения находился глубоко под землей. Неужели воины Алариса добрались до лабораторий?

В воздухе витал едкий запах дыма, откуда-то доносились звуки сражений, но мне было все равно: медленно перебирая ногами, я двигалась к выходу, ругая себя за то, что посмела послушаться приказа Алариса.

Но когда до заветных дверей, низ которых медленно пожирали крохотные языки пламени, по-видимому, выпущенного особо нетерпеливым драконом, осталась всего пара шагов, меня догнал шелест знакомого голоса, отзвуки которого не раз преследовали в ночных кошмарах:

— Моя Катрина...

Я медленно обернулась, чувствуя, словно вновь нахожусь в страшном сне. Но, к несчастью, то был далеко не сон: у дальней стены коридора, небрежно опираясь на грубые камни, стоял Атоний.

Поняв, что ответа от меня не добьется, он медленно оторвался от стены и двинулся ко мне, растягивая слова:

— Ты помнишь меня, Катрина? Или, лучше сказать, Триана?

Я замерла на месте, чувствуя, что надо бежать, надо бежать из этого коридора, из этого замка — без разницы, куда, но только лишь бы не видеть ненавистного лица, не слышать звуков голоса, пробуждающих во мне сотни воспоминаний. Но тело отказывалось повиноваться, словно примерзнув к каменному полу.

— Вижу, что не забыла, — он неторопливо обходил меня со всех сторон, смакуя каждую секунду моего смятения. Словно это не его замок сейчас сотрясался от взрывов, и не его воины гибли от рук давних врагов — лишь тонкие складки вокруг рта и тень бессонных ночей на лбу отражали его внутренние сомнения.

Но не успела я ответить или сдвинуться с места, как с одного из ответвлений коридора раздался негромкий голос:

— Отойди от нее, Атоний.

«Аларис!» — стремительно забилось мое сердце при виде знакомой фигуры, которая осторожно приближалась к нам со стороны лестницы.

Окинув меня недовольным взглядом, вампир сосредоточил свое внимание на старом противнике, успев, правда, приказать холодным голосом:

— Триана, я же предупреждал тебя не появляться в замке.

Атоний, не сводя внимательного взора с моего вампира, внезапно разразился глухим отрывистым смехом, больше похожим на лай:

— О, ты напрасно ждешь от нее повиновения, Аларис. Моя девочка всегда поступает так, как ей заблагорассудится. И ты глубоко заблуждаешься, если думаешь, что можешь ее приручить.

Я поспешила к двери, боясь обернуться и увидеть реакцию вампира. И когда я уже почти покинула замок, до меня донесся еле слышный ответ Алариса:

— Не знаю, что ты хотел мне эти сказать, но знай: сегодня я все-таки убью тебя — и тогда демоны прошлого окончательно нас покинут.

Я вылетела на крыльцо, почти задыхаясь от волнения, множество чувств переполняли меня в эту минуту, но страх и беспокойство преобладали среди них. Не было сомнения, что сейчас давние враги схлестнутся в схватке, но сможет ли Аларис одолеть Атония? Не должна ли я вернуться, чтобы помочь?

И я сама же ответила на свои невысказанные вопросы, признавая свое бессилие. Нет, не должна. Это его бой, и мою помощь он не примет.

Приготовившись ждать, я медленно спустилась с крыльца и встала перед замком, запрокинув голову. Темные стены несокрушимой громадой возвышались над нами, заставляя еще острее почувствовать свою беспомощность.

Секунды томительно перетекали в минуты, а новостей все не было. Пронзительная тишина изредка сменялась новыми взрывами, в один из которых обвалилась северная башня. Крупные осколки едва не пришибли собой нескольких драконов, которые недовольно заворчав, поднялись в воздух, прогоняя крыльями взметнувшийся столб пыли.

Тем временем, из замка начали возвращаться воины Алариса. Некоторые несли на себе раненых товарищей, один неловко волочил ногу, но они остались живы, и это было настоящим чудом.

Из негромких донесений я смогла разобрать, что половина замка охвачена огнем: горели лаборатории, тронный зал и еще несколько помещений. Большая часть монстров оказалась заперта в подвалах, и потому сейчас бесновалась под замком, чувствуя приближение огня.

Но никаких вестей от Алариса или Двэйна все не поступало.

Даже Гералт начал нервничать, на его обычно невозмутимом лице начали проступать первые признаки беспокойства. Но, несмотря

на подступающую тревогу, он продолжал хранить молчание, даже не отчитав меня за своевольный проступок.

Спустя час начали дымиться верхние этажи.

Я с тревогой смотрела на замок, из распахнутых окон которого валил густой сизый дым, приносящий с собой запах горячей плоти. Секунды тянулись томительно медленно, и я с каждым мгновением начинала нервничать все сильнее.

Рядом раздались глухие шаги, но я даже не обернулась к подошедшему. Стиснув зубы, я ждала, ждала, когда из перекошенных дверей, наконец, появятся знакомые силуэты. Позади меня зазвучали приглушенные разговоры, которые на секунду отвлекли от наблюдения: голос Гералта уверенно выпрашивал о чем-то вампира, которому не посчастливилось попасться под настойчивые расспросы господина.

Я невольно прислушалась, когда промелькнуло знакомое имя. Гералт уверенным тоном выпрашивал обо всех наследниках Атония. Не отрывая напряженного взгляда от входа в замок, я проговорила в сторону отца Алариса:

— Супруга и наследники Атония сейчас находятся где-то в северных землях. А кроме них остается разве только Двэйн.

Заинтересовавшись странной тишиной, воцарившейся сразу за моими словами, я не удержалась и все-таки обернулась, чтобы лицезреть задумчивое лицо Гералта. Очевидно, мои слова стали для него открытием. Но не успела я про себя злорадно порадоваться этому, как раздался сухой отрывистый приказ:

— Немедленно отправить на север отряд и уничтожить всех находящихся там наследников. Не оставлять в живых никого.

Заметив мой недоуменный взгляд, обращенный в его сторону, отец Алариса пояснил:

— Просто хочу убедиться, что единственным наследником Атония будет Двэйн. Я не позволю никому из своих детей совершить мезальянс.

Не успела я осмыслить его слова, сказанные с явным намеком, как в этот момент распахнулись медленно тлеющие двери, выпуская наружу троих вампиров. Но за одно мгновение до того, чтобы стремглав броситься к ним, я внезапно осознала, кто именно был тем самым третьим вампиров.

Я резко споткнулась на полушаге, мгновенно оставшись позади обогнавших меня воинов во главе с Гералтом. Мысли, которые в последние несколько часов я успешно сдерживала, наконец, прорвали хрупкую стену преград и радостно набросились на смятенное сознание, грозя свести с ума.

Я отошла в сторону, стараясь держаться от них в отдалении, в глубине души замирая от страха быть узнанной, но не в силах отвести жадного взгляда от устало идущих вампиров.

Аларис осторожно держал на руках измученную девушку, сейчас напоминавшую бледную тень самой себя, а я не могла даже ревновать. Осознание того, что он может стать свидетелем того, как она вспомнит те долгие часы, проведенные в подвалах, лишило меня всех остальных чувств. Только животный, почти беспомощный страх сейчас владел моим разумом, вытесняя остальные эмоции.

Я двигалась настолько медленными шагами, что идущий позади меня Двэйн удивленно оглянулся, в два счета нагоняя. Но мне было глубоко все равно, что думают окружающие воины: только от одной мысли сейчас замирало мое сердце, неистово колотящееся в груди.

Аларис обернулся, пытаясь отыскать меня среди суесящихся воинов, но я махнула ему рукой, знаками показывая, что со мной все в порядке. Он слегка кивнул, замедляя ход, останавливаясь у дракона, на котором мы прибыли в это гиблое место.

По-видимому, первоначально он хотел отправить спасенную девушку вместе с Двэйном, однако едва он попытался передать ее другому вампиру, она крепко вцепилась в своего спасителя, начиная трястись от приглушенных рыданий.

Растерянно остановившись, Аларис переглянулся с Двэйном, на что тот только покачал головой: совсем немного отделяло девушку, пережившую за эти недели кошмарный ад, от сумасшествия, — так надо ли было заставлять ее испытывать новые потрясения?

Молчаливый диалог не прошел мимо меня, но я даже была рада, что личная встреча с пленницей откладывалась на неопределенное время. Поэтому в ответ на извиняющий взгляд моего вампира я только успокаивающе кивнула, давая понять, что я ничего не имею против того, чтобы мое место заняла спасенная.

Не став наблюдать за тем, как Аларис, не выпуская ни на секунды своей драгоценной ноши, с помощью воинов осторожно взбирается на дракона, я обернулась на замок, который навсегда останется в моих воспоминаниях как страшный сон.

Сейчас он выглядел словно покинутое своим хозяином гнездо, но я уверена, Двэйн — если он и впрямь останется единственным наследником Атония — быстро приведет его в порядок. И, надеюсь, больше никогда в широких лабораториях не засверкают ослепительно белые лампы, не заворочаются неповоротливые машины, выплевывающие из себя

полуживотных-полумонстров.

В этот момент меня окликнул Гералт. Оказалось, все уже расселись, и первые драконы готовились стремительно взмыть в прозрачно-голубую синеву над нашими головами. Я поторопилась подойти к ожидающей меня драконихе, той самой, что казалась диким зеленым уголком посреди темных плит двора.

Она недовольно покосилась на меня прищуренным глазом — конечно же, пронзительно зеленого цвета — и фыркнула сквозь широкие ноздри обжигаяще горячим воздухом. Я опасливо обошла ее со стороны, где меня уже ожидал отец Алариса, предусмотрительно протягивающий руку помощи. Стараясь не наступать на тонкие полоски зеленой кожистой чешуи, мелькающей сквозь толстые полоски седла, я ухватилась за предложенную руку и буквально взлетела вверх — признаться, я существенно недооценила силу Гералта.

И только устроившись у него за спиной в окружении еще нескольких вампиров, я позволила себе, наконец-то, стряхнуть тревожное напряжение, не отпускавшее меня все это время.

Этот полет разительно отличался от предыдущего. Я почти не рассматривала проплывающие мимо облака, не пыталась разглядывать, что там внизу. Настолько углубившись в беспокойные мысли, я чуть было не пропустила тот момент, когда на горизонте показались очертания родного замка.

К тому моменту, когда наш дракон величественно опустился на ровное поле перед высокой стеной, Аларис и его спутница уже спустились. Еще с воздуха я наблюдала, как из замка буквально выбегает старый вампир и бросается к дочери. Сцену их встречи я не стала смотреть, отвернувшись в сторону — слишком много эмоций вызывал вид вампириши.

Едва ноги коснулись твердой и устойчивой земли, как я стремглав поспешила отгородиться от всего остального мира за надежными дверями своих покоев. И только когда мне удалось незамеченной проскользнуть в знакомую комнату, я позволила панике взять надо мной верх. Бросившись на кровать, я закрыла глаза и спрятала лицо в ладонях...

Глава двадцать девятая

Спустя несколько часов, пролетевших, как показалось, всего за несколько секунд, в мои покои деликатно постучался кто-то из слуг и вежливо оповестил, что в тронном зале состоится торжественное мероприятие по случаю победы, и всем необходимо быть там.

Как мне хотелось сейчас отгородиться от всего мира за толстыми дверями! Однако беспокойное стремление и почти болезненное любопытство увидеть спасенную девушку пересилило все прочие чувства, и я все-таки покинула спасительную спальню, двинувшись в тронный зал.

Я вошла туда как раз в тот момент, когда на верхнем ярусе балкона показалась светловолосая красавица, впервые вышедшая на публику после захвата замка.

Аннора — а это был именно она — медленно спускалась по длинной лестнице, опираясь на руку Дэйкаса, который с немым обожанием ловил каждый ее взгляд, едва уловимое движение в его сторону. И, удивительно, но сестра Алариса отвечала моему брату таким же ласковым взглядом, в котором светила любовь.

На душе потеплело от осознания того, что, наконец, Дэйкас обрел свое собственное счастье, а сердце внезапно горько уколола капля неожиданной ревности.

Я мгновенно укорила себя за это, прекрасно зная, что после всего пережитого мой брат как никто другой заслужил счастье. Пусть и с этой холодной красавицей, которую до сих пор мне было непривычно видеть улыбающейся.

Вслед за ними, к моему большому недоумению и разочарованию, на площадке показалась недавняя пленница Атония, одна мысль о которой заставляла меня буквально содрогаться от страха.

Она неуверенно передвигала ногами, все еще смотрясь слишком изможденной в просторных одеяниях, которые только подчеркивали ее неестественную бледность и хрупкость. Но сильная рука, что осторожно придерживала тонкий локоть, не позволяла девушке упасть, заботливо поддерживая и оберегая.

Но не успела я додумать предательскую мысль, как позади меня раздался едва различимый шепот, озвучивающий мои собственные страхи: «Как же хорошо они смотрятся вместе — Аларис и Кларина! Они будут прекрасной парой!»

Я выскользнула из переполненного тронного зала, находясь в полнейшем душевном смятении: все потаенные страхи внезапно обрели почву под ногами, окончательно превращая мою и без того непростую жизнь в море глубокого отчаяния. На поверхности которого я беспомощно барахталась, чувствуя, как с каждым новым движением меня все ошутимее затягивает на дно.

Чувствуя, как отчаянно не хватает воздуха, я вышла на просторный балкон с видом на сад, и невидящим взглядом уставилась в серое небо. Не было сил думать, грустить, сожалеть о чем-то, словно все чувства поглотила бесконечная усталость.

В этот момент позади раздались неторопливые шаги, чужие голоса о чем-то негромко беседовали, но если один голос был мне знаком, то второй вызывал смутные образы старых воспоминаний. Но едва я, изобразив на лице слабое подобие улыбки, обернулась к пришедшим, как тень улыбки мгновенно растаяла, не оставив и следа.

Ибо на меня, с гримасой чистой ненависти смотрела Кларина!

В следующую секунду она резко бросилась на меня, и если бы не молниеносная реакция Гералта, который в последний момент успел схватить ее, я бы ощутила на себе всю силу гнева и ярости дочери Пироса.

Она отчаянно рвалась из стальной хватки рук отца Алариса и испепеляла меня уничижительными взглядами, тонкая грудь ходила ходуном под свободной материей, голос дрожал, но из-за волнения слова не шли — она задыхалась от ярости и ненависти.

А я просто стояла, не зная, что я могу сделать, какими словами объяснить все, вымолить прощение.

Поняв, что высокородная гостя не собирается успокаиваться, Гералт начал ей что-то тихо нашептывать, уговаривая вернуться в замок. Взглядом показав мне, что скоро вернется, вампир с трудом увел девушку обратно, на прощание укоризненно покачив головой.

Я презрительно усмехнулась, в душе испытывая невероятное чувство брезгливости, и в первую очередь, по отношению к себе самой. Разыгравшая сцена только усилила необъяснимое чувство обреченности, впервые посетившее меня еще во время полета: словно моя судьба была решена задолго до пленения, а может быть, еще даже до судьбоносной встречи с Аларисом.

Позади послышались шаги. Я тревожно обернулась, но это оказался Гералт, задумчиво остановившийся рядом со мной.

Повисла тягостная тишина, нарушаемая звуками праздника, доносящимися из замка.

Поняв, что я не собираюсь начинать первой, вампир, помедлив, проговорил, пристально глядя на меня:

— Она никогда не примет тебя даже в положении служанки. Не знаю, когда ты успела настолько перейти ей дорогу, но мне стоило больших усилий просто убедить оставить тебе жизнь, — задумчивый взгляд Гералта прожигал меня насквозь. — Уверен, что как только её отцу станет известно об этом, он потребует твоей головы.

— Что же мне теперь делать? — я в отчаянии воззвала к вампиру, что стоял в шаге от меня.

Он пожал плечами, хладнокровно отвернувшись, а я продолжала смотреть на его спину, словно надеясь, что она подскажет мне решение. В голове предательски билась одна-единственная мысль, которую я усиленно гнала от себя прочь, не желая в нее поверить.

Но когда отец Алариса вновь обернулся ко мне и холодно проговорил, не поднимая глаз, я поняла, что у меня не осталось выбора:

— Кларина не захочет видеть тебя рядом со своим будущим супругом, а Аларис никогда не сможет держаться вдалеке, если ты будешь жить в его замке. И, зная Пиросу, можно не сомневаться, что ради благополучия единственной дочери он пойдет на все, и грянет новая война, и вновь ее причиной станешь ты, Триана.

Я застыла, пригвожденная к месту неимоверно тяжелым осознанием того, как должна поступить. И когда я проговорила глухим голосом, глядя куда-то в сад, но не различая ничего перед глазами, он едва уловимо расслабился, словно давно знал ответ, но опасался, что я не решусь:

— Значит, я должна уйти.

Гералт сочувствующе посмотрел на меня, но от его слов на меня повеяло промозглым северным ветром:

— Да, тебе придется покинуть замок. Если ты действительно любишь Алариса, если действительно хочешь для него счастья, это единственный выход.

Я в отчаянии стиснула зубы, чтобы не выпустить наружу долгий тянущий стон, рвущийся из самых глубин души. После стольких испытаний, стольких преодоленных препятствий я должна была отказаться от того единственного, что составляло смысл, саму суть моего никчемного существования.

— Мой сын не должен знать об истинных причинах, побудивших тебя оставить замок, — он проговорил эти слова с обманчивым спокойствием, но нота угрозы, тонкой нитью проскользнувшая сквозь них, никак не вязалась с сочувствующим выражением лица вампира.

Я едва уловимо кивнула ему, даже не вникая в смысл сказанных слов. Почувствовав мое состояние, Гералт посчитал нужным еще раз напомнить:

— Знай, Триана, если решишься, тебе придется быть очень убедительной: простые слова не смогут убедить моего сына, — он мягко предупредил перед тем, как исчезнуть в недрах замка.

Я осталась одна с невыразимой тяжестью на сердце, ощущая, что предстоящее испытание станет для меня последним, моя истерзанная, измученная до предела душа истекала кровавыми слезами в предчувствие конца. Словно под стать настроению, небо затянули серые тучи, предвещающие сильную грозу. Я крепко обхватила себя руками, точно на смену жаркому летнему дню внезапно пришла зима.

Когда за моей спиной раздались неслышные шаги, я уже знала, кого увижу, обернувшись. И от этого стало еще больнее: сама судьба упрямо стремилась ускорить развязку, не обращая внимания на мои жалкие попытки замедлить стремительный ход времени.

— Триана? — раздался за моей спиной до боли знакомый голос, от звучания которого что-то привычно вспыхнуло и тут же погасло в самом сердце — Отец сказал, что ты ожидаешь меня здесь.

Я медленно-медленно повернулась в его сторону, боясь неосторожным движением расплескать в душе хрупкую решимость идти до конца. Мое состояние не укрылось от внимательного взгляда Алариса, чуть помедлив, он мягко произнес, лишая меня последних крупиц самообладания:

— Я догадываюсь, зачем ты меня позвала сюда. И хочу сказать, что ты можешь мне доверять — прошлое не может стать для нас преградой, каким бы страшным оно ни было.

Я глубоко вздохнула, словно перед прыжком в воду, и глухо произнесла, не глядя на вампира, стоящего рядом:

— Аларис. Я ухожу.

— Уходишь? — недоверчиво переспросил мужчина, и его взгляд на секунду заставил меня задохнуться от невозможности продолжать этот разговор. — Куда?

Внезапный порыв холодного ветра, предвещающий свирепую грозу, привел меня в чувство. Словно сама природа сегодня была против меня. Вновь обхватив себя руками в тщетной надежде согреться, я хладнокровно продолжала, умирая каждое мгновение этого разговора:

— На все четыре стороны. А именно — туда, где нет тебя.

— Почему? — эти слова эхом донес до меня ветер, а я все стояла, боясь посмотреть в глаза тому, чье сердце сейчас разбиваю так жестоко и беспощадно.

— Потому что я не могу больше тебя обманывать.

Я замолчала, набираясь с силами, чтобы произнести те заветные слова, что даже невысказанными уже беспощадно обжигали горло. Спустя невыносимо долгий миг, я, наконец, прямо взглянула на вампира и проговорила как можно тверже:

— Аларис, я тебя не люблю.

А внутри все кричало: «нет, это неправда, не верь мне, пожалуйста, не верь!».

Его растерянный взгляд словно ответил на мои невысказанные мольбы: мгновенно нахмурившись, вампир упрямо покачал головой, медленно процеживая сквозь стиснутые зубы:

— Триана, я не знаю, что за игру ты сейчас затеяла, чтобы в очередной раз уйти от разговора, но не выйдет. Время пришло — ты сама это знаешь, поэтому давай отбросим нелепые отговорки и, наконец, поговорим начистоту.

Я была готова броситься к нему на грудь и признаться в том, что все, мною сказанное, является ложью, но меня удерживала одна-единственная мысль, та, что было гораздо важнее всех моих чувств, вместе взятых.

Только лишь ради одного я готова была терпеть эту нескончаемую пытку, которая навсегда будет возникать от одного воспоминания о его глазах, в которых я видела разочарование и боль от предательства.

Моего предательства.

И это — то обстоятельство, что я буду знать, что он будет жить. Только его благополучие может помочь мне продолжать существовать и дальше на этой земле; знание, что я смогла окупить его счастье своими страданиями.

А что будет со мной — не знаю. Лишь одна только мысль, что я буду вдалеке от него, причиняла настолько сильную боль, что от нее перехватывало дыхание и хотелось громко выть, подобно раненому зверю. Но этот мужчина того стоил.

— Я тебя не люблю, — я медленно произносила эти лживые слова и сама не верила ни в одно из них. И он не верил в них тоже, это было видно по его недоверчивому взгляду, складкам нахмуренного лба.

Аларис качнул головой, упрямо отказываясь принимать мои слова. Небеса гроыхнули, словно и они не верили моим словам, произнесенным дрожащим робким голосом.

Вампир шагнул ко ближе и сильно ухватил за плечи, словно желая вытряхнуть из меня лживые мысли.

— Я тебе не верю! — прорычал он сквозь крепко стиснутые зубы.

И в этот момент в голове всплыли слова Гералта: «Знай, что если ты все же решишься, тебе придется быть очень убедительной: простые слова не смогут убедить моего сына».

Чувствуя, как тает моя решимость под гневным взглядом Алариса, я отважилась на самый последний шаг. Вплотную подступив к замершему мужчине, я потянулась к его лицу, и перед тем, как найти своими губами его, шепнула:

— А теперь смотри.

И я приникла холодными губами к его плотно сжатым губам. Он не сразу, но ответил, мягко отзываясь на мои прикосновения.

Но за миг до того, как наши губы соприкоснулись, я плотно зажмурила глаза и отчаянно воззвала к памяти: единственное, что могло сейчас мне помочь — это были воспоминания. Воспоминания о темном жутком вечере в покоях Атония, когда он стоял так же близко от меня, как сейчас находится Аларис, почти касаясь своими жесткими ледяными губами моих.

Я воскресила эти воспоминания, и мне почудилось, как сгустился вокруг воздух, как потемнело в глазах, перемещаясь в темный полумрак ненавистной комнаты. За мгновение все переменялось: вместо родного и дорогого моему сердцу вампира передо мной стоял Атоний, больно прижимающий к себе костлявыми пальцами, грубо впивающимися в кожу. Его омерзительные губы жадно обследовали мой рот, заставляя тело задрожать от отвращения.

Мои собственные губы — холодные и безучастные — покорно принимали его атаки, не препятствуя, но и не отзываясь на ненавистные прикосновения.

Дождавшись, пока ослабеет напор чужих губ, я медленно отстранилась, не открывая глаз.

— Я не люблю тебя. Когда-то я думала, что это любовь, но теперь понимаю, как сильно ошибалась, — сухие слова глыбами падали на влажную землю, а я все боялась посмотреть на Алариса. Я понимала, что если не сумела заставить поверить этим поцелуем, то уже ничто в мире не сможет его переубедить.

Спустя долгое мгновение тишины, в которой были слышны лишь завывания ветра и шум тревожно замершего сада, я осмелела и приоткрыла глаза, отчаянно боясь того, что увижу.

Аларис отстраненно стоял передо мною, и в его глазах плескалась глухая боль — жалкий отголосок того беспощадного пламени, в котором сейчас горела его душа. И хотя осознание того, что он все-таки поверил, должно было принести облегчение, вместо этого я ощутила леденящую

душу боль.

Это было страшно: наблюдать, как его душа медленно покрывается льдом, и знать, что это необратимо.

Последние секунды, когда у меня еще было время, чтобы отбросить притворную маску и признаться, закончились в момент, когда вампир медленно перевел взгляд на меня и произнес глухим голосом:

— Ты просила верить тебе. И я верил, я ждал, что ты однажды придешь ко мне и наконец, раскроешь свою боль. А на самом деле... — на секунду его голос надломился от неприкрытой тоски и боли. Однако совсем скоро слепая, всепоглощающая ярость взяла над ней верх, и следующие слова прозвучали совсем иначе:

— Уходи. Я больше не желаю выносить твое присутствие рядом, — его глаза обжигали холодом, а презрения, сочившегося сквозь едкие слова, хватило бы, чтобы дотла спалить раскинувшийся вокруг сад.

Но мне в этот момент было уже все равно. Словно маленький камушек, стремительно покотившийся с горы, я отдалась всецело на милость судьбы, моля только об одном — чтобы мне хватило силы отвернуться и уйти, не оглядываясь.

Если я обернусь хотя бы один раз, то уже не смогу сдержать рвущиеся признания, обрекая Алариса на новую войну.

Медленно, словно каждый шаг давался мне невыносимым трудом, я направилась к лестнице, ведущей в сад, и в этот момент мне вдогонку прозвучали прощальные слова, каждое из которых ранило сильнее, чем все скопленные обиды, вместе взятые:

— Если это была месть за все ошибки, что я когда-то совершил, то знай: она тебе удалась, — не выдержав, я все-таки обернулась, мгновенно пожалев об этом: капли холодного дождя стекали по словно высеченному из камня мужскому лицу, но пламя ненависти, пылающее в пронзительно-черных глазах, не способно было затушить и море воды.

Я понимала и принимала его чувства, но в глубине души каждую секунду что-то умирало под пылающим взглядом любимых глаз. Я знала, что эта картина врежется в память навсегда: косые струи дождя отчаянно хлещут по земле, превращая садовую тропинку в кипучую реку, что несется бурным потоком вдоль зеленых кустов куда-то к стенам. А в душе моей бегут реки слез, мчатся, не в силах вырваться наружу, но отчаянно желая слиться с дождем, стать его частью.

Я медленно повернулась спиной, не в силах дальше смотреть в полные горечи и ярости глаза Алариса, и просто пошла вперед, не задумываясь, куда приведет меня тропа.

Все сомнения, чувства, страхи я перевязала тугим узлом, все мои чувства сейчас напоминали натянутую струну — один неверный жест, взгляд, слово, и она с громким звонким стоном порвется, выпуская наружу лавину тоски.

А дождь все изливал на землю нескончаемые потоки слез. Как я ему завидовала сейчас! Я отдала бы что угодно в эту минуту, только бы иметь возможность дать волю скопившимся в горле глухим рыданиям, чтобы выплакать, выпустить наружу всю боль, затаившуюся на сердце.

Ноги насквозь промокли, набухшая от тяжелых дождевых капель одежда тянула к земле, но мне было все равно. Даже если бы внезапно сейчас передо мной разверзлась земля, я бы и на это не обратила внимания, продолжая безучастно брести по размытым лесным тропинкам, мысленно вновь и вновь вспоминая сцену в саду.

Он так легко поверил! И это после стольких признаний, что я ему повторяла раз за разом, после стольких долгих ночей, где каждое мое движение, каждый мой жест буквально кричал «люблю»? Осознание поразительной легкости его отречения от веры в мою любовь грозило свести с ума.

Не в силах справиться с навалившимися гнетущими мыслями, я внезапно резко остановилась, только для того, чтобы в следующее мгновение побежать. Просто вперед, не задумываясь ни о чем — туда, где меня, наконец, оставят в покое мучительные воспоминания.

Могло ли существовать на земле подобное место — я не знала.

И просто продолжала лететь по мокрой земле, оставляя за спиной растерзанные обломки своих робких надежд на счастье...

Глава тридцатая

Я бежала, не разбирая дороги, до тех пор, пока мое собственное тело не взмолилось об отдыхе: окончательно обессилив, я остановилась посреди незнакомой, утонувшей в густой зелени поляны и внезапно для себя громко расхохоталась низким смехом.

Я смеялась и смеялась, не в силах остановиться, а дождь все усиливался, стекая по лицу холодными каплями, заставляя верить в то, что мокрые дорожки на щеках, — это мои слезы.

Когда же истерический смех затих, сменившись глухими рыданиями, я не выдержала и без сил опустилась прямо в мокрую траву, пряча лицо в ладонях.

Я поступила, как велела мне совесть, но отчего же тогда каждый вдох разрывает легкие? Почему яркие картинки недавних воспоминаний обжигают душу глухой тоской?

И почему при одном звуке *его* имени все внутри сжимается в тугую спираль, грозящую превратить в руины и то небольшое, что чудом осталось от сердца?

«Аларис» — шептала густая листва, раскачиваясь в такт ветру.

«Аларис» — звало едва слышное журчание ручейка неподалеку.

«Аларис» — плакал дождь, и в его слезах мне вновь слышалось до боли знакомое имя.

«Аларис» — не в силах справиться с наваждением, беззвучно прошептала я, устремляясь отчаянным взглядом в густую зелень позади себя. Вдруг произойдет чудо, и неожиданно разойдутся ветви, пропуская знакомый силуэт?

Не произошло.

Спустя несколько долгих часов, наконец, закончился дождь, и вместе с ним я очнулась от странного полузабытья. Тишина вокруг сводила с ума, но, странным образом, осколки души перестали кровоточить, словно отмеренная мне чаша боли переполнилась до краев.

Удивительно, но эти часы стали для меня долгожданным глотком воздуха, словно только что я осознала тщетность своих надежд. Я даже смогла криво улыбнуться собственной глупости, прежде чем дремлющее сознание внезапно очнулось ото сна и забило тревогу: местность вокруг была мне знакома!

Я настороженно огляделась, словно впервые замечая, где именно

нахожусь.

Капли дождя, блестящие на гладких зеленых листьях, робкие солнечные лучи, запутавшиеся в густых ветвях — этот лес как две капли воды походил на всех своих предшественников. Но я определенно была здесь раньше.

Я осторожно встала с сырой травы, с наслаждением разминая затекшее тело. Мокрая одежда висела тяжким грузом, поэтому я, не задумываясь, стянула с себя тяжелую юбку, оставшись в тонкой полупрозрачной сорочке, которую благонравным молодым леди надлежало носить под строгим платьем.

На секунду устыдившись того, как мокрая ткань подчеркнула плавные изгибы тела, я хотела было вновь облачиться в мокрое платье, бесформенной массой лежащее рядом. Спустя мгновение, когда рассудок осознал нелепость рассуждений, я даже хрипло рассмеялась: леди во мне погибла давным-давно, поэтому более не было смысла заботиться о соблюдении иллюзорных правил приличия.

Мелодичное журчание радостно бегущего ручейка вывело меня к небольшому овражку, на дне которого таинственно мерцал небольшой пруд, маня прохладой и свежестью.

Я медленно приблизилась к идеально ровной, почти зеркальной глади и замерла на краю: на меня в упор смотрела темноволосая обманчиво хрупкая девушка. Но ее нечеловеческая красота терялась в том океане грусти, что таил в себе взгляд темных глаз.

Я грустно улыбнулась собственному отражению, невольно вспоминая, как порой мечтала в детстве стать хотя бы отдаленно похожей на себя нынешнюю. И вот, детские мечты воплотились в жизнь — вот только принесло ли мне это счастье?

Я опечаленно покачала головой, резко хлопнув ладонью по водной глади, рассеивая отражение: если бы только я могла знать, что притягательная внешность не принесет ничего, кроме страданий и боли, быть может, тогда бы я мечтала о чем-нибудь другом. Например, о простом человеческом счастье, заключенном в тихом семейном очаге или объятии маленьких теплых ручек...

Ребенок.

Дитя любви, плод жарких ночей, частица двух душ, когда-то слившихся в едином порыве под покровом ночи... Как жаль, что сжигая мосты позади себя, я не унесла под сердцем то единственное, что могло наполнить мою разбитую жизнь новым смыслом, дать сил и желание двигаться дальше.

Я прижала руки к плоскому животу, почти физически ощущая, каково это могло быть: чувствовать, как в твоём чреве растёт и развивается дитя, держать его в руках, гладить по нежным щекам, любоваться такими знакомыми кудряшками цвета песчаного берега — в точности, как у его отца, только на тон светлее.

Очнуться от несбыточных мечтаний мне помог негромкий всплеск, а следом за ним — ещё один. Недоуменно оглядевшись, я заметила нескольких зелёных лягушек, бодрой стайкой ныряющих в густые заросли, окаймляющие пруд.

Мимолетно улыбнувшись очередному подтверждению того, что, несмотря на оглушающее чувство пустоты и горечи в душе, жизнь вокруг меня всё же продолжается, я наклонилась и зачерпнула холодной чистой воды, наслаждаясь её свежестью.

Вдоволь наплескавшись и почувствовав себя посвежевшей и набравшейся сил, я продолжила путь, вновь и вновь находя многочисленные подтверждения тому, что местность вокруг была мне знакома и раньше.

Обрывки смутных воспоминаний тревожили разум, но, как ни пыталась, я не могла воскресить в памяти четкие образы.

Но когда спустя ещё несколько часов быстрого бега деревья вокруг расступились, являя моему взору небольшую поляну, в середине которой одиноко лежали обломки когда-то могучего и раскидистого дерева, я резко остановилась, оглушенная потоком нахлынувших воспоминаний.

Я даже не подозревала, насколько близка была сейчас к дому.

Точнее, к месту, в котором прошло мое детство. Я поправила саму себя, поймав на мысли, что при слове «дом» в памяти всплывают картинки, до боли напоминающие собой совершенно другой замок, замок, в котором я обрела и потеряла своё счастье.

Сколько раз я была на этой поляне в детстве; сколько раз мы с Дэйкасом сидели на этом самом стволе, скрываясь от настырных нянюшек и слуг.

Сколько раз, повзрослев, я приходила сюда одна, отдыхая после визита в небольшую деревеньку, расположенную неподалеку, где я частенько подменяла чванливого лекаря, не желавшего помогать тем, кто не мог заплатить за прием звонкой монетой.

Удивительно, но именно там, вдалеке от напыщенных придворных и королевских прихвостней я чувствовала себя по-настоящему нужной, и местные жители платили мне искренней любовью в ответ. Сердце привычно сжалось от острой тоски и сожаления по чему-то уже такому

несбыточному и невозвратимому, но я не обратила на это внимание: едва уловимый звук хрустнувшей ветки неподалеку заставил меня резко напрячься. Не стоило забывать, что совсем рядом находится поселение людей, которые предпочитали охотиться именно в этих лесах.

Звук повторился, но уже с другой стороны. Я медленно привстала с места, обводя настороженным взглядом густую листву, неприятное ощущение, что за мной наблюдают, не покидало, усиливаясь с каждой минутой.

Тишина вокруг наполнилась тревогой, и в этот момент я не могла сказать, что же в ней преобладало: моя собственная настороженность, смешанная со страхом или же странное чувство обреченности, разлившееся в воздухе горячей волной?

Так и не определившись, я решила покончить с этим, и резким движением бросилась в сторону, противоположную той, откуда доносились те самые подозрительные звуки.

К сожалению, реакция вампира меня подвела.

Впервые.

Раздвинув руками упругие зеленые ветви я скорее почувствовала, нежели увидела, как мне в лицо нацелилось что-то блестящее, холодное и, несомненно, острое и смертельно опасное.

Разом похолодев от непривычного липкого, тянущего чувства страха, что мгновенно поселилось в желудке, я попыталась попятиться, но ощутила, как мне в затылок упирается холодный наконечник родной сестрицы той самой стрелы, что сейчас грозно смотрела мне в лицо.

Я робко подняла взгляд на того, кто так уверенно направлял на меня оружие. Но образ молодого черноволосого мужчины, которого я отчего-то никак не ожидала встретить здесь, заставил удивленно вздохнуть, разом утрачивая способность связно мыслить.

— Меллан, — против воли выдохнули мои губы, и я увидела, как резко потемнели глаза стоящего передо мной человека, узнавая давно забытые черты в странной незнакомке, случайно встреченной в лесу.

На миг его черты приняли удивленно-разочарованное выражение, которое, к моему огромному удивлению, затем сменилось на... искреннюю радость?

Я смотрела на мужчину, стоящего передо мной и чувствовала, как возвращается былая горечь, просачиваясь тонкими струйками обратно в душу.

Казалось, как давно это было: наши с ним еще такие детские беседы, робкие прогулки, когда он провожал меня до кареты, шутливые перепалки,

словно я была не принцессой, а обычной девушкой. Но теперь он мало напоминал прежнего веселого паренька — Меллан резко возмужал, словно и на его долю разом выпало немало тяжких испытаний. Впрочем, вспоминая последний год, для всех нас оказавшийся переломным, я могла предположить, что так оно и было.

В его взгляде промелькнул отголосок детских воспоминаний, не было сомнений, что в эту минуту он тоже заново проживал те счастливые мгновения, что скрашивали мое серое существование в королевском замке.

В этот момент наконечник стрелы, упирающейся мне в затылок, ощутимо дрогнул, возвращая меня из царства воспоминаний обратно в суровую действительность. Товарищ Меллана, очевидно, не на шутку испугался внезапной перемены в настроении товарища и решил напомнить ему об опасности, от меня исходящей.

Я с надеждой взглянула на мужчину, взглядом моля поверить.

Он что-то коротко проговорил, и в тот же миг обе стрелы опустились остриями вниз, тем не менее, продолжая тревожно подрагивать в крепких загорелых руках, словно предупреждая, что одно неловкое движение, и они тотчас вернутся на свои места.

...Спустя час я вновь сидела на том самом поваленном стволе, но вот только уже не одна: рядом со мной, нахмурившись, сидел Меллан, лихорадочно сжимающий сильными пальцами хрупкие ветки растущего рядом кустарника.

В его присутствии мне было необычайно спокойно, от него странным образом веяло надежностью и безопасностью. Сама не знаю, почему, но я доверилась ему настолько, что рассказала почти обо всем, что так стремительно перевернуло мою жизнь, начиная с той самой встречи в парке, что стала для меня роковой.

Он терпеливо слушал, не перебивая и не задавая ненужных вопросов, и чем больше я изливала ему душу, тем сильнее крепло внутри меня чувство неизъяснимой благодарности к этому человеку.

Конечно же, он увидел, кем я стала, еще тогда, тайно наблюдая за мной под защитой густой зелени. Но это открытие не помешало ему поверить мне, поверить моему взгляду и даже уговорить своего напарника, отчаянно не желавшего оставлять нас наедине, вернуться обратно в деревню, убедив, что я не причину опасности никому в округе.

Но я до сих пор не знала о причинах, побудивших его поверить вампиру.

Когда последние звуки моей безрадостной истории затихли в воздухе, и я тревожно замерла, боясь, и одновременно страстно желая услышать его

приговор, Меллан заговорил:

— Я до сих пор помню то утро... К нам примчался страшно напуганный, белый как мел паренек из соседней деревни, чья сестра работала в замке. О том, что он увидел, придя утром за сестрой, шепотом передавалось по всей деревне, пока новости не дошли до старосты. Тогда он снарядил отряд из добровольцев, которые отправились туда. Я вызвался одним из первых, — он замолчал, очевидно, мыслями пребывая в том страшном дне. — Когда мы вошли в замок, — в его голосе явственно звучала боль, до сих пор грызшая сердце. — Все было в крови. Взрослые, дети, господа и слуги — все были мертвы.

Я хотела остановить его, прервать, чтобы из его голоса исчезла боль, но когда Меллан поднял свой взгляд на меня, в нем плескалась странная решимость: он твердо хотел закончить, хотел поделиться этим со мной. И я медленно кивнула ему головой, в знак того, что он может продолжить.

Я только что поделилась с ним своей болью, неужели он не может ожидать от меня подобного? И пусть каждое его слово вызывает в моей памяти образы, от которых тело пробирает мелкая дрожь, я твердо вознамерилась дослушать его до конца.

— Все мужчины кинулись обыскивать замок, надеясь найти кого-нибудь выжившего, а я сразу бросился к вашим покоям: среди погибших вас не было, поэтому у меня все еще оставалась робкая надежда, что вы прячетесь в спальне. Но она почти умерла, когда я увидел разгром, царящий в комнате. И все равно я искал вас еще много месяцев, день за днем обыскивая лес, каждую пещеру, каждый овраг, почти не надеясь, но не в силах прекратить верить. И вот теперь, когда я уже отчаялся и похоронил все мысли о том, чтобы увидеть вас живой, небеса словно услышали мои старые молитвы.

Я сидела, слушая его неторопливый, словно лишенный всех чувств голос, и ощущала, как к тому безразмерному океану грусти, что плескался в моей душе, прибавилась еще одна капля: горечь за сидящего рядом мужчину, горечь от осознания того, что, возможно, в какой-то другой жизни мы могли бы стать друг для друга кем-то большим...

— Триана, — он в первый раз назвал меня так, но от звучания своего имени, произнесенного его голосом, я не испытала ничего, кроме легкой грусти. — Что вы теперь намереваетесь делать?

— Даже не знаю, — задумчиво протянула я, впервые задумываясь о своем будущем. — Мне некуда идти, меня никто не ждет. Наверное, мой удел — просто идти, куда глаза глядят, и возможно, однажды они приведут меня в место, где я смогу остаться навсегда.

Он промолчал, и, когда я уже решила, что он не собирается мне отвечать, внезапно произнес:

— А может, и не нужно никуда уходить? Двери моего дома всегда открыты для вас. И пусть вы уже не человек, для меня вы навсегда останетесь моей Принцессой...

Я поражено смотрела на него, а разум отказывался принимать его слова. Неужели он пропустил мимо ушей мой рассказ о том, каким монстром я стала? Верно расценив мой взгляд, Меллан принялся торопливо говорить:

— Знаю, что не могу рассчитывать на вашу симпатию, но мне этого и не нужно, поверьте! Достаточно будет лишь того, что вы будете рядом, и для этого я даже готов пойти против жителей, если они откажутся вас принять.

Я мягко покачала головой в ответ, и он продолжил упавшим голосом: — Если вы не хотите воспользоваться моим гостеприимством, то ваш старый замок все еще ждет вас.

Я удивленно спросила, гоня прочь из памяти страшные образы окровавленных тел:

— Разве в нем не должны сейчас проживать наследники Киарана?

Я с трудом заставила себя произнести имя отца, чей образ почти стерся из памяти, вытесненный событиями, превратившими мою когда-то серую и однообразную жизнь в средоточие скорби и тоски.

— Нет. На следующий день после того, как мы похоронили всех погибших, прибыли разряженные кареты наследников и их свиты, которые, впрочем, не пробыли в замке и часа. Единодушно решив, что атмосфера смерти, якобы витавшая в воздухе, вредит здоровью, они перенесли резиденцию в северные земли. Так что замок пустует до сих пор, никто не решается там жить, даже бродяги, боясь, что духи убитых все еще населяют его.

Я безмолвно выслушала его, пытаюсь разобраться в том ворохе противоречивых эмоций, что всколыхнули в моей душе его слова. Прежде я даже не позволяла себе помыслить о том, чтобы вернуться туда, где все началось.

«На круги своя» — я усмехнулась собственным мыслям, в глубине души уже зная, что должна, обязана там побывать, словно слова Меллана стали тем самым знаком, что так отчаянно я ждала все это время.

Я неохотно поднялась, чувствуя, как не хочется покидать эту уютную поляну, с которой меня связывает столько теплых воспоминаний, но пришло время двигаться дальше. Я не могла понять, откуда в душе

крепнет странная уверенность в правильности этого поступка, но все внутри словно подталкивало, подгоняло меня к тому, чтобы лицом к лицу столкнуться с ожившими воспоминаниями.

Мягко улыбнувшись Меллану, я покачала головой, вновь ощущая легкую печаль от того, что, к сожалению, наши пути, давно разошедшиеся, уже никогда не сойдутся вновь. А быть может, они никогда и не проходили рядом, и то чувство теплоты и доверия, что я чувствую к мужчине, стоящему рядом, просто очередная иллюзия, которых в моей жизни и без того накопилось предостаточно.

Он понял все с полувзгляда. Грустно улыбнувшись одними уголками губ, Меллан прошептал: «я все равно буду вас ждать» и, бросив на меня прощальный взгляд, словно зеркало, отражающий мою собственную тоску, неслышно растворился в густой зелени.

Я с трудом заставила себя не оборачиваться, когда бежала по узкой тропинке, что вела к королевскому замку.

Встреча со старым другом невольно всколыхнула мои детские воспоминания, и на несколько часов они заглушили глухую боль, терзающую сердце. Но разъедающая изнутри пустота и не думала покидать излюбленное место, она только свернулась клубочком в глубине души, терпеливо ожидая возможности вернуться.

И как только вдалеке замаячили стершиеся из памяти очертания старого замка, она вернулась на свое законное место, затопляя душу с новой силой.

Нерешительно остановившись перед массивными воротами, я неожиданно для себя начала сомневаться в правильности моего поступка: неужели мне недостаточно той боли, что сейчас наполняет все мое существо? Визит туда, где проходило и разом закончилось в один страшный вечер мое детство, не пройдет бесследно. Но и уйти отсюда я тоже не могла, словно невидимые нити тянули меня сюда, не давая свернуть или повернуть назад.

Сделав глубокий вдох, я толкнула тяжелые створки, беззвучно молясь, чтобы они оказались закрыты. Но с тоскливым скрипом ворота медленно разъехались, знаменуя тем самым крушение моих надежд.

Пустой двор встретил меня оглушающей тишиной. Я медленно прошла по заросшей земле, с тоской отмечая, как сильно все изменилось: каменная кладка защитной стены местами обвалилась, прорастая дикой травой, теперь опутывающей почти всю внутреннюю сторону стены; толстый слой пыли покрывал старые ступени крыльца, витые перила которого были сплошь увиты махровыми паутинами.

Я только хотела было подняться по крыльцу, как взор зацепился за что-то странное и незнакомое: в моей памяти не было места для больших земляных насыпей, что занимали собой почти всю заднюю часть двора. Осторожно приблизившись, я увидела кусты цветов, покрывающих холм, и сразу все поняла.

Именно здесь покоился мой отец и все те, кто погибли от рук вампиров в тот злополучный вечер. Не знаю, сколько времени я стояла у подножья, без слез оплакивая всех тех, кто принял страшную смерть по моей вине. Они умерли в страшных мучениях, и никакие мои молитвы не могли этого изменить.

Тяжелый ком в горле, который никогда уже не сможет превратиться в глухие рыдания, не собирался растворяться и тогда, когда я медленно отошла от могил, направляясь к замку.

Что я ожидала там найти? Я не знала сама.

Когда-то полный жизни замок встретил меня оглушительной тишиной.

Эхо моих шагов несло впереди меня, летело пустынными коридорами, взмывало к заросшим паутиной потолкам, билось в разбитые витражи грязных окон.

Повсюду царила разруха, этот год не пощадил остатки былой роскоши моего замка: остовы сломанной мебели гнездились по углам, под ногами шныряли серые пищащие комочки — единственные живые существа, не побоявшиеся духа смерти, поселившегося в этих стенах.

Многие комнаты несли на себе след разорения: очевидно, здесь побывали мародеры, не побоявшиеся вынести из замка все, что представляло какую-то ценность. Но я упрямо шла сквозь призраки прошлого, гоня от себя воспоминания, отчего-то твердо зная, что я должна пройти через это испытание, должна увидеть, что осталось от моей старой жизни.

Единственным местом, сумевшим избежать участи быть разграбленным, оказался старый отцовский кабинет, вход в который искусно скрывался за нагромождением полок. Попасть сюда было возможно лишь тому, кто знал, что искать.

Я мягко прошла по грязному ворсу когда-то нежно-персикового ковра, провела пальцем по густому слою пыли, покрывавшей отцовский стол, опустилась в глубокое кресло, по привычке задержав дыхание при виде взметнувшегося облака пыли, потревоженной моим движением.

Перевязанные лентами свитки, так и не прочтенные королем, грамоты и тайная переписка с королевскими дворами многих человеческих империй, гравюры с изображением наследников и просто портреты

наследных семейств — я перебирала документы на столе Киарана и словно встречалась с давними знакомыми: каждое из этих имен хранилось в моей памяти и отзывалось в душе затаившейся болью.

Так легко было представить, словно я нахожусь в далеком детстве, когда еще могла позволить себе без спросу заходить в отцовский кабинет и безнаказанно трогать вещи короля, часами играя здесь. Тогда еще мама была рядом, и мимолетные вспышки гнева Киарана всегда были сглажены её надежной защитой.

Я изучила почти все ящики стола, когда последний из них отказался открываться. Я вспомнила, что часто видела на груди отца изящный ключ, висевший на длинной цепочке, — вот и нашлось объяснение еще одной маленькой тайне прошлого.

Но вампиру ни к чему были никакие ключи: я с легкостью сломала запирающий механизм, просто потянув на себя ручку. Не знаю, что я ожидала там найти, но в пыльном ящике находилась лишь стопка пожелтевших от времени конвертов.

С легким любопытством я потянула на себя один из них, и мне на руки вывалился продолговатый сложенный пополам лист, по цвету которого становилось ясно, что послание находилось запечатанным здесь долгие годы.

Но стоило мне развернуть истончившийся лист и взглянуть в него, как разом задрожали пальцы, а сердце, облаченное в броню и хладнокровие вампира, судорожно забилось от волнения.

Ибо этот почерк я никогда бы не перепутала ни с каким другим, неважно, что видеть его мне в последний раз мне довелось лишь в глубоком детстве.

«Мои дорогие Триана и Дэйкас! Я пишу вам в надежде, что однажды получу от вас ответ. Да, я бесконечно виновата перед вами, но все же я — ваша мама, та, кто подарил вам жизнь когда-то, и ничто в мире не сможет изменить этого факта. Ваш отец наверняка не простил меня даже сейчас, спустя пять лет после моего ухода, но вы ведь должны знать, что я по-прежнему люблю вас и желаю видеть. Каждое отправленное вам письмо заставляет мое сердце обливаться кровью от боли, ведь до сих пор ни одного ответа так и не было получено. Но я не унываю, зная, что вы должны меня простить, может, не сейчас, но когда-нибудь однажды это время настанет. Как вы живете? Хорошо ли кушаете? Триана сейчас, должно быть, стала совершеннейшей красавицей! Не сомневаюсь, что моя девочка выросла такой же разумной и послушной принцессой, какой была в детстве. Как бы я хотела видеть

тебя, дочка! Дэйкас, ты ведь бережешь свою сестренку, правда? Ты всегда был необычайно заботливым старшим братом, я знала, что ты никогда не оставишь ее и станешь ей надежным другом и защитником. Как ты, сынок? Твои мечты по-прежнему устремлены в воинственные дали, ты все еще гредишь о воинской славе? Надеюсь, что эти детские стремления уже покинули твою рассудительную голову, и ты больше времени уделяешь урокам, готовясь однажды унаследовать отцовский престол.

Я живу, как прежде, мой розовый сад разросся настолько, что мне одной давно уже не управиться со всеми цветами. Какое это счастье — выходить поутру в сад и видеть дело рук своих, вдыхать сладкий аромат и чувствовать, как он кружит голову! Я так жду момента, когда смогу привести вас сюда и показать вам свое детище! Верю, что ваш отец однажды отринет все свои обиды и отпустит вас погостить ко мне. Он написал мне в самом начале, что вы не желаете иметь ничего общего со мной и не хотите отвечать на письма, но время идет, чувства меняются, и я хочу надеяться, что в ваших сердца больше нет боли.

Мне пора идти, скоро вернется Брайлесс, он не любит видеть меня грустной, а такой я бываю всегда, когда пишу вам письма, ведь до сих пор ответа не было ни на одно из них. Но несмотря на это все я люблю вас по-прежнему! И даже сильнее, чем раньше, ведь я сумела вырваться из своего страшного сна, а вот вас взять с собой не смогла. Пожалуйста, напишите мне хотя бы строчку! Я знаю, что вы живы, слуги Брайлесса постоянно докладывают обо всех новостях, но никакие рассказы не могут заменить для меня одно слово, написанное вашей рукой. С любовью и надеждой на прощение, ваша мама».

Я отложила письмо дрожащими руками, с трудом удерживаясь от гневного крика. Во мне кипела ярость, и неизвестно, на кого больше: на мать, которая оставила нас ради счастливого будущего, а потом, опомнившись, принялась строчить письма, или же отца, который так и не дал нам с братом прочесть хотя бы одно.

Я принялась жадно вчитываться в остальные письма из пачки, борясь с по-человечески глупым желанием развеяться от обиды и застарелой боли. Так долго я привыкла жить с мыслью, что мать отказалась от меня, а сейчас выяснилось, что она пыталась по-своему исправить совершенную ошибку.

Когда же я дочитала последнее послание, мне потребовалась вся недюжинная выдержка, чтобы не разгромить кабинет отца, подобно загнанному в ловушку зверю: с рычанием, криками и исступленной яростью, вымещая разрывавшие меня чувства на окружающих вещах.

Но зато теперь я могла понять причину лютой ненависти Киарана к вампирам. После того, как его жена сбежала от него отнюдь не домой, как она когда-то сказала своей маленькой дочери, а к одному из глав вампирских кланов, король воспылал жаждой мести, что и запустило в конечном итоге трагическую цепочку событий.

Она отказалась быть обращенной, и доживала отмеренный ей век, оставаясь человеком. Пусть она так и не стала для вампира законной женой, но, кажется, была вполне счастлива. Я читала ее рассказы о своей жизни и не могла сопоставить эту умиротворенную женщину, занимавшуюся садом и управлением небольшого хозяйства из двадцати слуг, и блистательную королеву, бывшую первой красавицей даже после рождения двоих детей.

Последнее из писем было написано пару лет назад, и в нем уже отсутствовала всякая надежда на ответ. Она писала по старой памяти или привычке, изливая бумаге свои мысли и страхи, кажется, совсем не ожидая, что оно когда-то будет прочтено.

Встреча с прошлым оказалась совсем иной, чем я ждала. Если бы я нашла эти письма раньше, то новость о матери была бы подобна сокрушительному разряду молнии, цунами, обрушившемуся на тихий берег моей прежней жизни. Но сейчас, после долгой череды потрясений, эти письма не стали шоком: просто еще одна грустная весточка, свидетельствующая, как много безвозвратно потерянных шансов и попыток на счастье может хранить в себе прошлое.

Но оставалось еще одно место, где я должна была побывать, прежде чем навсегда покинуть родные края, чтобы никогда не возвращаться.

Место, с которого все началось.

Дорога по заброшенному королевскому парку показалась мне до неприличия короткой — словно прошло всего пара мгновений, и вот я стою перед укрытым зарослями входом в потайную пещеру, о существовании которой знали немногие.

Воспоминания захлестнули меня с головой, стоило шагнуть в темную обволакивающую прохладу каменного свода, в тишине которой все так же негромко раздавался робкий звон капель воды, упрямо прокладывающих свой путь сквозь твердый камень.

Я медленно опустилась на холодный пол, устало закрыв глаза и позволяя себе дать волю чувствам, что терзали меня все это время. Пронзительная тоска и острая грусть резко пронзили сердце, в полной мере позволяя осознать, насколько же я устала.

Бесконечно устала от уже привычного чувства обреченности, ставшего

моим постоянным спутником, устала от неизвестности, сжимающей сердце железными когтями, устала всегда чувствовать свою вину за все, происходящее вокруг.

Сколько еще испытаний предстоит мне, через сколько боли я должна пройти, чтобы, в конце концов, обрести даже не счастье, нет — хотя бы призрачную надежду на то, что в конце пути я все-таки смогу отыскать тот тихий уголок, мое прибежище, где смогу спрятаться от всего мира?

Грустные мысли, наводнившие сознание и повторяющиеся и днем и ночью, вконец обессилили меня, оставив взамен безграничную усталость и безразличие.

И именно благодаря глухому равнодушию, притупившему все остальные чувства, я не умерла в ту же самую минуту, когда услышала едва различимые звуки вкрадчивых шагов, приближавшихся с каждой секундой. Кто бы это ни шел, он определенно знал, что под покровом густых веток скрывается вход, и был полон решительности войти сюда.

Разом позабыв, как нужно дышать, я до крови сжала пальцы в кулак, боясь позволить себе хотя бы на минуту поверить в невозможное...

Глава тридцать первая

Я замерла от томительного ожидания, мгновенно наполнившего растерзанную душу надеждой, но не решаясь повернуться к светлому пятну входа в пещеру.

Осознание того, что, несмотря на все сказанные слова, Аларис все же последовал за мной, наполнило сердце сладким предчувствием. Еще не обернувшись, я уже твердо знала, что снова повторить те беспощадные слова у меня уже не хватит сил, да и я просто не могла, не имела права это сделать. Судьба в очередной раз дала мне возможность убедиться, что жить без Алариса я не умею.

И теперь все зависело только от его желания, одно его слово — и я буду с ним безо всяких условий, неважно, наложницей или простой служанкой. Все это больше не имело никакого значения.

Я позволила себе криво усмехнуться: через сколько испытаний пришлось пройти, чтобы, наконец, понять и принять эту простую истину.

Легкое эхо вкрадчивых шагов заглушило журчание ручейка, и только тогда я медленно обернулась, стремясь целиком и полностью охватить жадным взглядом до боли знакомый образ. Он остановился в нескольких шагах; усталый взгляд быстро прошелся по моей фигуре, словно стремясь убедиться, что со мной не успело ничего приключиться.

Повисло неловкое молчание, в котором разом позабылись все наспех заготовленные слова; я просто смотрела на него, в полной мере осознавая, что натворила. Глупо было даже пытаться думать, что когда-нибудь я смогу вспоминать о нем без чувства глухой тоски и боли, разрывающей сердце на части.

На напряженном суровом лице, которое я смогла бы узнать из тысячи других даже на ощупь, не было и тени улыбки. Только одно безграничное всепоглощающее спокойствие, порой переходящее в обреченность.

Я жадно вглядывалась в родное лицо, отчаянно боясь того, что могу увидеть в усталых глазах, и, одновременно, понимая, что, даже если бы от этого зависела моя собственная жизнь, не смогла бы сейчас отвести взгляд. Не смогла бы заглушить робкий росток надежды, отчаянно пробивающийся сквозь сонмы горьких мыслей и сомнений, тяжким грузом гнетущих душу.

И внезапно, не в силах дольше выдерживать это тягостное молчание, я мысленно взмолилась: «пожалуйста, скажи, скажи мне, что все еще

любишь, что не поверил тем невозможным словам, сказанным в минуту слепого отчаяния, потому что еще секунда — и я не выдержу, взорвусь от томительного ожидания, разлечусь на мелкие осколки».

И словно прочитав мои мысли, Аларис негромко произнес, заполняя пустую тишину между нами тихим шелестом слов:

— Я не могу без тебя, — он криво усмехнулся; и только теперь стало заметно, скольких усилий ему стоило это признание: — Я знаю, что любовь к тебе стала моей самой большой ошибкой, но я не могу с этим ничего поделать. Пусть ты твердишь, что больше не любишь, пусть одно мое присутствие заставляет тебя морщиться от отвращения, мне все равно. Ты та, кто однажды все-таки смогла заставить поверить в свою любовь, и теперь настала моя очередь доказать тебе свою. И в этот раз я не отступлю.

Как странно это прозвучало: словно он услышал часть моих мыслей, но остальная прошла мимо.

Он все-таки поверил.

И где-нибудь в другой жизни я, быть может, могла бы гордиться своим умением лгать, если бы не отголосок глубокой боли, что далеким эхом прозвучал в его словах.

Не знаю, какими словами можно было передать то невыразимое чувство сожаления и желание вернуться назад, в тот самый момент, когда мои губы против воли произносили лживые слова, нашептанные чужим разумом, вернуться, чтобы повернуть все вспять! И я промолчала, разрываемая на части сотнями противоречивых чувств, среди которых все же преобладало пронизывающее ощущение нестерпимого облегчения и усталого счастья от его признания.

Осторожными вкрадчивыми шагами Аларис подходил все ближе, а я медленно отходила назад, пока спина не уперлась в холодную сырую стену, дальше отступить было некогда.

Я со страхом смотрела, как он медленно подходит ко мне вплотную, отчетливо наслаждаясь моим испугом. Но если он решил, что мой страх вызван им самим, то жестоко ошибался: я испугалась вовсе не его, а собственной предательской реакции на одно его присутствие.

Стоило лишь услышать знакомый низкий голос, увидеть широкие плечи, горделивый подбородок, уставший взгляд любимых глаз — и стены, столь успешно выстраиваемые все это время, с легкостью рухнули, подгребая под своими останками последние крупницы мужества. Я была готова открыто признать свое поражение и сдаться на милость такому желанному победителю.

Он стоял настолько близко, что я могла отчетливо разглядеть тусклый отпечаток, что оставили на его лице бессонные ночи и долгие размышления. Но даже таким я любила его больше жизни, больше всего на свете, словно и не проходило долгих месяцев со дня нашей первой встречи.

Аларис внезапно наклонился еще ближе, почти зарываясь лицом в мои уже немного отросшие пряди волос, и замер, словно наслаждаясь давно забытыми ощущениями. Но когда я уже, было, решила, что он больше не произнесет ни слова, вампир низким голосом произнес слова, заставившие мое сердце забиться еще быстрее:

— Ты можешь сколько угодно говорить мне о том, что не любишь, но твои глаза, сердце, что сейчас неистово бьется в груди, губы кричат о том, что это неправда...

Я застыла, привороженная знакомыми, чуть хрипловатыми нотками, слушать которые могла бы целую вечность... Но вопросы не могли больше ждать.

— Почему ты вернулся? — я хрипло произносила ставшие такими сложными слова, облизывая отчего-то разом пересохшие губы.

Он внимательно проследил за моим языком, подаваясь еще ближе. Казалось, он заполнил собой все маленькое пространство пещеры, и мне не оставалось ничего другого, как смотреть на знакомое лицо, жадно ловя каждый слово.

— Потому что я не в силах отпустить тебя, — просто ответил он, и от этих слов что-то горячее заполнило душу, возвращая давно забытое ощущение тепла. — Я отчаянно пытался забыть, но воспоминания о тебе неотступно преследуют меня и днем, и ночью. Я пытался забыть твой образ, но ты, словно навязчивое виденье, стоишь у меня перед глазами. Ты моя. Перед лицом богов, по закону вампиров ты принадлежишь мне. Мне безразлично мнение отца, родных, моего народа. И мне так же безразлично, что ты сама думаешь по этому поводу, больше я не позволю тебе меня покинуть. Если твои чувства действительно ушли — тебе придется полюбить меня вновь. Я буду рядом и днем, и ночью в течение долгих, долгих десятилетий. И у тебя просто не останется выбора, — мужчина осекся, почувствовав, что, вновь не выдержав, сорвался на властный тон.

Он произносил это так убежденно, что мне захотелось рассмеяться счастливым глупым смехом. Его слова разрешили последние сомнения, и теперь я ощущала себя так, словно вот-вот взлечу.

Почувствовав перемену в моем настроении, вампир слегка разочарованно спросил, медленно упирая руки в камень по обе стороны

от моего лица.

— И ты даже не пытаешься спорить со мной? Как это не похоже на тебя...

Я, не выдержав, наконец, рассмеялась, со стороны услышав этот смех — словно легкий перезвон колокольчиков, в нем звенели радость и долгожданное счастье:

— Я не скажу тебе и слова, даже если ты сейчас вздумаешь закинуть меня на плечо и унести, куда тебе угодно.

Я ожидала волну негодования, возмущения, гнева — за все мои прежние поступки, столь разительно расходящиеся со словами, но никак не нежности и невероятного облегчения, с которыми он прижал меня к себе, нежно зарываясь в мои волосы. И только по слегка дрожащим рукам я поняла, насколько он был напряжен все это время.

Но вопросы, возникшие после его пламенной речи, ждали ответов. И потому я тихонько произнесла:

— Ты сказал, что готов пойти против отца, но скажи, разве Кларина одобрит твой выбор?

Он оторвался от моих волос и без тени улыбки произнес, глядя прямо мне в глаза:

— А с чего ты решила, что она имеет какое-либо отношение к моей жизни?

— Но твой отец...

Мужчина разом помрачнел при упоминании о Гералте.

— Забудь о нем, — отрывисто бросил Аларис. — Я сделал свой выбор, и этот выбор — ты.

Понимая, что он не хочет продолжать разговор на эту тему, я ласково провела рукой по его шелковистым волосам и все-таки не смогла удержаться от вопроса, который волновал меня все это время:

— Скажи, а почему ты сказал, что я твоя по законам вампиров? Ведь наложницы никогда не признавались законом...

Он хрипло рассмеялся и слегка отстранился, не переставая обнимать меня. Вглядевшись в мои глаза и убедившись, что я искренне не понимаю, о чем идет речь, он разом посерьезнел и спросил:

— Скажи, моя маленькая невинная Триана, неужели тебе до сих пор так никто и не объяснил свойства крови вампира, отданной добровольно?

Я только было собралась отрицательно покачать головой, как в этот момент в памяти нежданно всплыли отдаленные слова брата, на которые я когда-то даже не обратила внимания: «...только отданная по собственному желанию кровь может быть выпита. Но это происходит лишь между

влюбленными парами, которые готовы связать себя узами брака...».

Не в силах и сейчас осознать их смысл, я вопрошающе взглянула на ухмыляющегося вампира.

Он вновь расплылся в загадочной улыбке, после чего приблизил свое лицо к моему и тихонько прошептал:

— Потому что ты стала моей женой в момент, когда первые капли твоей крови попали мне на губы. И с того самого момента, моя Триана, ты принадлежишь мне, ты связана с моей жизнью нерушимыми узами. И нет таких сил, что могли бы разорвать эти цепи: ни на земле, ни на небе.

Я ошеломленно смотрела на него, не веря своим ушам.

Значит, все эти долгие недели я уже была для него супругой — и он молчал? Если бы только Аларис посчитал нужным рассказать об этом мне раньше, то не было бы ни этого ухода, ни сказанных горьких слов...

Я всерьез задумалась о том, чтобы обидеться на вампира, как тот, словно уловив мои сомнения, проговорил:

— Но остался еще один последний ритуал...

Я задумчиво взглянула на него, не зная, какие еще сюрпризы он мне преподнесет. Но вместо объяснений он медленно стянул с себя камзол, обнажая левую руку.

В полной тишине Аларис снял с пояса короткий кинжал, и, приблизив его к своему запястью, молниеносным росчерком оставил на коже длинный порез, мгновенно набухший крупными каплями алой крови.

Я сглотнула, ощутив ее аромат: он словно манил, притягивал меня, заставляя явственно ощущать этот ни с чем несравнимый вкус на своих губах.

Но я все еще ничего не понимала.

И он уловил мое смятение, потому как, негромко рассмеявшись, проговорил:

— Ты стала моей женой — но я все еще не твой супруг. Для того чтобы окончательно скрепить наши узы, ты должна отведать моей крови. И с той минуты моя жизнь, моя душа окончательно будут принадлежать только тебе одной. Ответь мне, Триана, ответь сейчас, когда между нами больше не стоят враждебные кланы и тайные заговоры, нет дурных советчиков и докучливых представителей правящей династии, нет ничего и никого, кто мог бы повлиять на это решение. Скажи, готова ли ты сделать последний шаг? Предупреждаю, что это уже ничего не изменит, и я все равно не позволю вновь тебя покинуть, но я все же хочу знать твой ответ.

Я молча смотрела на него, отказываясь поверить в только что услышанное.

Хотела ли я этого? Он даже не мог себе представить, насколько. Это было сильнее постоянной жажды крови, длиннее, чем все пройденные мною дороги преград, острее всех сомнений и тревог, крепче всех родственных уз и привязанностей.

Он был моим личным дьяволом, живым воплощением всех совершенных грехов, самой большой слабостью, но, одновременно, и наивысшей наградой. И сейчас я была полна решимости забрать свой приз.

Не прерывая зрительную связь между нами, я медленно наклонилась к его руке, и, помедлив всего лишь мгновение, приникла губами к ране. И в тот же миг меня ослепило обилие нахлынувших чувств, я ощутила все чувства и мысли вампира как свои собственные. И вместе с ними пришло долгожданное понимание, что теперь уже я никогда больше не смогу оставить Алариса точно так же, как он никогда не покинет меня.

Я могла бы бесконечно долго наслаждаться необыкновенным вкусом его крови, но понимание того, что вместе с тонкой струйкой крови уходит и жизнь моего вампира, заставило меня неохотно отстраниться, ощущая на губах оставшиеся крохотные капли.

Аларис потемневшим взглядом наблюдал за моим лицом, из последних сил сдерживая себя. Но когда я, не отводя от него взора, медленно облизала влажные губы, он не выдержал.

Невыносимо долго приближаясь к моему лицу, он упивался предвкушением поцелуя, который неминуемо должен был произойти. И в момент, когда наши губы, наконец, соприкоснулись, меня опалило внутренним жаром, вспыхнувшим в то же самое мгновение. Мужские губы сначала нежно и легко прикоснулись к моим, только распаляя желание, разрастающееся в глубине тела.

Не выдерживая этой томительной ласки, я с почти звериным рыком прильнула вплотную всем телом к напряженному телу вампира, впиваясь в его губы. С едва уловимым смешком он охотно отозвался на мою атаку, подчиняясь и раскрываясь под моим напором. Но чем смелее становились мои губы, тем сложнее становилось ему сдерживать свое желание, и в момент, когда в порыве страсти я слегка куснула его губу, он не выдержал. Резко отталкивая меня к стене, чтобы в следующую секунду вновь прильнуть к моим губам, Аларис грубо обхватил меня за плечи, прижимая к себе.

Я неосознанно выгнулась навстречу его рукам, наслаждаясь ощущением близости: впервые между нами не было никаких преград. Впервые мы были равны, стоя в этой маленькой пещере, в которой когда-то

началась наша история, свободные ото всех условностей, вольные, наконец-то, сами распоряжаться собственной судьбой. Судьбой, теперь уже неразделимой для нас обоих, и в его глазах я читала нерушимую уверенность в том, что, каким бы ни был наш дальнейший путь, мы пройдем его вместе.

Медленно отстраняясь от любимого, я пыталась совладать с неистовым биением своего сердца, когда внезапно пол подо мною покачнулся. Стены резко накренились в стороны, грозя обрушить свод пещеры.

Я испуганно взглянула на Алариса, ощущая, как резко темнеет в глазах, однако вампир спокойно стоял передо мною, так же ласково улыбаясь. Из последних сил я попыталась удержаться на ногах, однако в следующее мгновение коварный пол оказался совсем рядом.

Чувствуя, как меня вот-вот поглотит волна обморока, я в последний раз взглянула на любимого, надеясь на его помощь. Но Аларис все так же стоял совсем рядом, с нежной улыбкой наблюдая за тем, как я медленно проваливаюсь в черную дыру беспмятства...

Эпилог

Прежде чем вы приступите к эпилогу, хочу сказать вам несколько слов. Эта история была написана больше восьми лет назад, и весь сюжет от первой главы и до эпилога изначально был задуман в том виде, который вы читаете, никаких экспромтов, события эпилога были запланированы с самого начала. «На круги своя» — не просто строчка, случайно повторявшаяся на страницах не раз, и не два, а своеобразная подсказка для тех, кто умеет читать между строк.

Если же события эпилога станут для вас слишком большим потрясением — что же, вы всегда можете сделать вид, что его вовсе не было, поставив точку в повествовании предыдущей главой :)

Я резко распахнула глаза, выныривая из глубокого омута бесчувствия, словно от какого-то внутреннего толчка. Пытаясь унять частое дыхание, я судорожно вглядывалась в окружающую темноту и пыталась понять, что же именно меня разбудило.

В пронзительной тишине комнаты громко раздавался торопливый стук сердца. Человеческого сердца.

Я прислушивалась к нему еще несколько долгих томительных секунд, пока сонный разум, наконец, не осознал, что так звучит мое собственное сердце.

Мгновенно выпутываясь из липкой паутины никак не желающего отпускать от себя сна, я подскочила с широкого ложа неудобной холодной кровати, пытаюсь разглядеть в непривычно плотном мраке окружающей ночи очертания обстановки и понять, где все-таки нахожусь.

На задворках растерянного сознания робко маячила пугающая догадка, которую я отчаянно гнала от себя, не в силах даже на секунду в нее поверить.

Нечеткие контуры мебели расплывались в обманчивом полумраке комнаты, и все равно были до дрожи знакомы. Но даже с ужасом узнавая обстановку старой комнаты, я не могла даже допустить и мысли о том, где именно нахожусь.

Я закрыла глаза, внутренне сжимаясь от дурного предчувствия, но когда я их открыла, ничего вокруг не изменилось. Я все еще находилась в своей старой комнате родного замка.

Замка, принадлежащего отцу — Киарану Де Леону, который в моем

представлении был мертв вот уже больше года.

Разум еще не мог осознать очевидного, в то время как где-то в глубине души уже зародилась острая боль, с каждой секундой все более разрастающаяся, пока, наконец, тугой комок в горле не выплеснулся наружу горячими обжигающими слезами.

Я не смогла бы сейчас кому-нибудь объяснить, отчего плачу, но на самом доньшке сознания билось отчаянное осознание правды, трепеща подобно загнанной птичке в тесной клетке. Однако я отказывалась выпускать его наружу, боясь того пугающего ощущения пустоты внутри себя от одной только мысли о том, что все случившееся оказалось лишь сном.

Мысли путались и сбивались, но сквозь пелену неожиданно сильного и внезапного приступа отчаяния я ощутила, как сознание медленно, но верно избавляется от плотной паутины сна, возвращая в серую действительность.

И когда остатки сна развеялись в холодном воздухе непрогретого помещения, я осталась один на один с жестокой реальностью.

Это был сон.

До боли реалистичный, яркий, живой — но всего лишь сон.

И сейчас я одиноко лежала в огромной холодной постели, пытаюсь умирить сбивчивое дыхание и взять себя в руки.

Но все равно крохотной частицей души я ощущала себя сейчас так, словно до сих пор находилась в каком-то иррациональном сне: все смешалось в моем сознании: вампиры, битвы, неведомые монстры, подземелья и схватки. И среди размытых силуэтов и спутанной вереницы событий внезапно открылся до боли четкий и ясный образ воина: совершенного убийцы, расчетливого тактика, пылкого любовника — и любящего мужа...

Но сон закончился, оставив вместо себя пугающую пустоту в том месте, где сейчас неистово колотилось сердце, словно я потеряла что-то дорогое и важное, без чего уже никогда не смогу стать прежней.

Я почувствовала, как сердце вновь пропустило удар от одной только мысли об этом воине.

Таким живым и настоящим героем моего пугающего своей реалистичностью, но все же такого сказочного сна.

Сказочного — потому что в нем присутствовали неизменные атрибуты тех волшебных историй, что в далеком детстве на ночь нам с братом читали нянюшки. Величественные замки, полные мистических загадок и таинственных подземелий, в которых под покровом ночи вершилось

тайное зло; надменные красавицы, отдающие сердца суровым воинам; тяжелые испытания, обман и ложь, над которыми в итоге верх все равно брала любовь.

Но только вот в моем случае эта сказка оказалась слишком уж реальной, и потому сейчас по моим щекам прокладывали влажные дорожки горячие слезы. Я не могла до конца осознать, что же именно произошло за несколько ночных часов, но вся моя прежняя жизнь внезапно показалась такой бессмысленной...

Словно на мгновение я окунулась в настоящий мир, почувствовала себя по-настоящему живой — только для того, чтобы вернуться обратно.

Но только теперь мой старый мир окончательно померк перед очарованием и жизнью того, другого, и я не знала, как теперь продолжать быть прежней. Словно этот долгий сон подарил мне нечто большее, нежели простая возможность примерить на себя жизнь другого человека, он стал для меня настоящим глотком воздуха, он подарил мне возможность почувствовать себя *другой*.

И как теперь я смогу влачить прежнее унылое существование, когда мое сердце выбивает тактом одно-единственное имя? Имя вампира, который даже не существует в реальности, но образы которого будут неотступно преследовать меня всегда, в этом я не сомневалась.

Я не помню завершения этой ночи, перевернувшей мою жизнь, но смогла очнуться от непрерывных размышлений и воспоминаний только тогда, когда на горизонте узкой полоской заалел рассвет.

А дальше потянулись серые промозглые дни, наполненные бесконечными воспоминаниями об этом до боли реальном сне, который занимал все мои думы. Порой мне даже начинало казаться, что все эти события действительно происходили со мной когда-то, что на самом деле где-то живут мои вампиры — и где-то непременно ждет меня мой Аларис.

Но время шло, и каждый новый день не приносил ничего нового, кроме бесконечных горьких воспоминаний, от которых тоскливо рвалось сердце, отчаянно скучая по тому, кого на самом деле никогда и не знало.

Отец, замок, придворные — все осталось прежним, но только вот я сама уже не была привычной Трианой Де Леон, этот недолгий сон сумел изменить что-то во мне самой. И теперь уже моя прежняя жизнь превратилась для меня в один непрерывный серый сон, из которого я отчаянно мечтала проснуться.

Я подолгу пропадала в неухоженном парке, не в силах находиться в душной и тягостной атмосфере замка.

Отец, с которым мы никогда не были особенно близки, теперь

и подавно стал для меня чужим — о, если бы только Дэйкас был здесь со мной! Уверена, с ним бы я могла поделиться яркими образами сна, и он бы обязательно меня понял. Но напряжение, давно витавшее между кланами людей и вампиров, обернулось настоящей битвой, и потому его присутствие сейчас было необходимо где-то там, где сейчас кипела война.

Я вновь печально вздохнула.

Сегодня выдался очередной серый пасмурный день, отчего на душе моей стало совсем тоскливо. Придворные давно уже привыкли к моей грусти, поэтому просто перестали обращать внимание на мое присутствие, и сейчас я тихо сидела на краю тронного зала, безучастно наблюдая за привычной суетой, и желая хотя бы на мгновение вновь почувствовать себя частью этой каждодневной суматохи.

Но с каждой минутой, проведенной среди напыщенной толпы разряженных дам и надменных мужчин, я чувствовала, что больше не могу притворяться, как раньше.

Этот мир был для меня чужим.

И если раньше я все же пыталась стать его частью, то теперь словно непроницаемая стена отгородила меня от прежней жизни. И эта стена — те непрерывно возвращающиеся воспоминания, от которых душу рвало на части осознание нереальности ярких образов, что постоянно всплывали в памяти.

Я медленно поднялась с жесткой кушетки и покинула тронный зал. Мой уход остался незамеченным, впрочем, как и всегда.

Осторожно спустившись по длинной лестнице — меня вновь неудержимо потянуло на воздух, туда, где я могла раз за разом предаваться воспоминаниям о том, чего никогда не было и быть не могло, — я остановилась в небольшом закоулке длинного коридора, застегивая легкую накидку, когда внезапно совсем рядом раздались приглушенные голоса.

В первую секунду я хотело было осторожно проскользнуть мимо, но когда в разговоре промелькнуло знакомое имя, невольно прислушалась:

— Ты хоть понимаешь, что он со мной сделает, когда я доложу ему новые сведения? Двадцать тысяч убитыми и около пяти тысяч пропавших без вести? Да за это одно он прикажет меня повесить! А когда узнает, что его наследник также считается пропавшим, меня ожидает долгая и мучительная смерть! — свистящий голос советника прозвучал в моей голове отдаленным эхом.

— Но ты же понимаешь, что мы не можем долго держать это в тайне? Мало того, что мы вынуждены скрывать информацию о положении дел от большинства придворных, так еще и сам король не будет знать этого!

К сожалению, я не могу взять на себя столь большую ответственность, поэтому тебе придется прямо сейчас пойти к его высочеству и доложить ему о новостях. И будем уповать на то, что в пылу ярости он не сорвется на нас.

Голоса ближайших советников отца медленно удалились в сторону тронного зала, а я так и застыла на одном месте, не в силах осознать только что услышанное.

Но когда растерянное сознание, наконец, сумело в полной мере осознать страшную правду, мое оцепенение разлетелось вдребезги под горячей душной волной, поднявшейся откуда-то из глубины души.

Стремглав покинув замок, я изо всех сил побежала в сторону парка, приглушая сдавленные рыдания, рвущиеся наружу глухими стонами.

Душу раздирали на части горечь и боль от одной только мысли, что больше никогда не увижу брата. Все это время я смиренно ожидала его возвращения, не позволяя ни на минуту предательским сомнениям заполнить смятенный разум, и теперь они, торжествуя, вырвались наружу, сметая на своем пути остатки сознания.

В этот момент я напоминала самой себе смертельно раненое животное, стремящееся скрыться от преследователей, чтобы в одиночестве испустить последний вздох. Каждый вдох обжигал легкие, в груди закололо от быстрого бега, когда я, остановившись, позволила себе дать волю слезам.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я, выплакавшись, наконец, обратила внимание на местность вокруг меня.

Этот лес совсем не походил на излюбленные мной златолиственные рощи, в которых так приятно было гулять осенней порой. Скорее напротив: деревья здесь тянулись изломанными силуэтами к грязно-серому небу, редкие кустики чахлой травы совсем не скрывали пересохшей и потрескавшейся проплешины земли. Если бы не отчаяние, овладевшее мной из-за подслушанной новости, я бы не забрела так далеко.

Но отчего-то эта картина заставила затрепетать измученное сердце — не от того ли, что она, словно две капли воды, походила на образы из моего сна?

Не смея даже на секунду позволить предательским мыслям взять надо мной верх, я, тем не менее, медленно двинулась вперед, против воли отмечая сломанные ветки и следы лошадиных копыт на сухой земле.

Сердце стучало так, что, казалось, я не смогу пройти эти несколько шагов, отделяющие меня от приветливо манящего просвета между деревьями.

Остановившись, я сделала глубокий вдох, пытаюсь справиться с внезапной дрожью, охватившей тело. Но с каждой новой секундой становилось все тяжелее: стук сердца гулким колоколом звучал в ушах, заглушая все остальные звуки, руки тряслись, ноги с трудом выдерживали разом отяжелевшее тело.

Я пыталась бороться с собой, уже мысленно признавая поражение — против такого сильного ожидания, смешанного с почти животным страхом, я была бессильна. И поэтому спустя несколько бесконечно долгих мгновений, я медленно двинулась туда, куда отчаянно стремилась моя душа.

Оставался всего один шаг, когда я остановилась, закрывая глаза от невероятно сильного напряжения, раздирающего меня на мелкие куски.

Секунда.

Биение сердца становится невыносимым — я практически ощущала, как с бешеной скоростью несется кровь по венам, разнося по всему телу это невыносимое ощущение предвкушения, ожидания невозможного...

Еще секунда.

Один единственный шаг...

Я боялась признаться самой себе в том, чего так жажду и стремлюсь увидеть. Но я так же знала то, что если все же моим смехотворным, нелепым надеждам не суждено сбыться, то мой разум этого уже не выдержит.

И потому внезапное осознание того, что я стою на той самой грани, за которой меня приветливо ожидало помешательство, придало сил.

И я, наконец, решилась.

Этот последний шаг стал для меня самым тяжелым испытанием за всю мою жизнь — никогда еще от такого простого поступка не зависела вся моя жизнь, моя судьба.

Приветливо расступившиеся деревья открыли моему взору небольшую поляну, в центре которой лежали вповалку человеческие тела в покореженных доспехах, навсегда застывшие в причудливых позах смерти, а неподалеку от них лежали несколько воинов-вампиров.

Я застыла, потрясенно рассматривая ожившую сцену из моего сна, чувствуя, как в душе что-то сжалось в тугую пружину от этого зрелища.

Словно против воли, взгляд упорно стремился к одиноко лежащей фигуре, жадно стремясь отыскать знакомые черты. И в тот момент, когда в гулком воздухе раздался тихий одинокий стон, я точно знала, кому он принадлежал.

Внезапно я словно со стороны увидела саму себя, беззащитно

стоящую посреди небольшой поляны, раздираемую на части тысячью вопросов и сомнений. Несмотря на бесконечно долгие, нестерпимо мучительные часы размышлений, я оказалась совершенно не готова к тому, что мой сон может оказаться реальностью.

Но сейчас, стоя на пожухлой траве и ощущая на своем лице слабые дуновения осеннего ветра, несущего с собой горьковатый запах костров, я понимала, что нахожусь на главной развилке своей дороги жизни.

Последовать за неясным будущим, обещанным сном или же выбрать судьбу, в которой не будет места для смерти отца и придворных; для ледящих кровь приключений и нелегких решений, каждое из которых уносило за собой частицу души...

Внезапно я усмехнулась, дивясь нелепости собственных размышлений — разве на самом деле у меня был выбор?

Ведь в глубине души я уже давно знала, как именно поступлю...